

«ШПИОНЫ ВАТИКАНА...»

**О трагическом пути
священников-миссионеров:
воспоминания Пьетро Леони,
обзор материалов следственных дел**

**Москва
БРАТОНЕЖ
2012**

УДК 27-36
ББК 84 37
Ш83

Составитель И. И. Осипова
Оформление И.А.Мамыкина
Фотографии переданы Марией Дель Аста

Перевод с итальянского под редакцией:
Г. Д. Муравьевой и Е. Л. Кассировой

Ш83 **«Шпионы Ватикана...» О трагическом пути священников-миссионеров: воспоминания Пьетро Леони, обзор материалов следственных дел / Сост. И. И. Осипова.**
— М.: Братонез, 2012. — 448 с. + ил.

ISBN 978-5-7873-0664-4

Основу сборника представляют воспоминания итальянского католического священника Пьетро Леони, выпускника Коллегиум «Руссикум» в Риме. Подлинный рассказ о его служении капелланом итальянской армии в госпиталях на территории СССР во время Второй мировой войны; яркие подробности проводимых им на русском языке богослужений для верующих оккупированной Украины; удивительные и странные реалии его краткого служения настоятелем храма в освобожденной Одессе в 1944 году — все это дает правдивую и трагичную картину жизни верующих в те далекие годы. Описание ареста священника, хода следствия, осуждения и последующих преследований в местах заключения являются бесценным свидетельством жизни самых бесправных и униженных жителей советской страны.

Начинается сборник вступительной статьей «Миссионеры — посланцы Ватикана». Это рассказ о трагической судьбе арестованных католических священников, выпускников Коллегиума «Руссикум», также желавших служить в России — как последняя весть о собратях Пьетро Леони, либо сразу погибших в страшном водовороте террора, либо осужденных и прошедших, как и он, свой тяжкий тюремный и лагерный путь.

УДК 27-36
ББК 84 37

© И.И. Осипова, сост., 2012

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Вступление. Миссионеры — посланцы Ватикана</i>	8
Пьетро Леони. Шпион Ватикана	49
Глава I. Первые встречи	50
Глава II. На Украинской земле	53
Глава III. После бури	65
Глава IV. Завоевание Одессы	73
Глава V. С одного берега на другой	80
Глава VI. Заботы и неприятности	93
Глава VII. Апостолат	104
Глава VIII. Епископ Сергей	112
Глава IX. Пять минут разъяснений	123
Глава X. Первый следователь	130
Глава XI. Второй следователь	145
Глава XII. Жизнь в тюрьмах	157
Глава XIII. Из Бутырок в Мордовию	170
Глава XIV. Темлаг	179
Глава XV. Шестнадцатый лагпункт	187
Глава XVI. Закручивание гаек	198
Глава XVII. Горячев	210
Глава XVIII. На полную катушку	223
Глава XIX. В новые места	237
Глава XX. Черное золото	248
Глава XXI. "Белые мухи"	260
Глава XXII. Свободное время	268
Глава XXIII. Происшествия	278
Глава XXIV. Свет во тьме	288
Глава XXV. Работы внутри зоны	300
Глава XXVI. Любимец чекистов	315
Глава XXVII. Люди-номера	331
Глава XXVIII. Из Рудника в Абезь	343
Глава XXIX. Ураган	359

Глава XXX. Церковь или политбюро?	373
Глава XXXI. Последнее	387
Глава XXXII. Через СССР	396
<i>Послесловие</i>	401
<i>Приложение I. Воспоминания прихожан католических храмов в Одессе</i>	403
<i>Приложение II. Воспоминания союзников</i>	406
<i>Приложение III. Воспоминания священников</i>	409
<i>Приложение IV. Из материалов следственного и лагерного дел Пьетро Леони</i>	412
<i>Приложение V. Биографические справки</i>	426
<i>Именной указатель</i>	445

Предисловие

Основу представляемого сборника — «Шпионы Ватикана»... **О трагическом пути священников-миссионеров: воспоминания Пьетро Леони и обзор материалов следственных дел** — представляют воспоминания итальянского католического священника Пьетро Леони, выпускника Коллегиум «Руссикум». Подлинный рассказ о его служении во время второй мировой войны капелланом итальянской армии, организовавшем богослужения на русском языке для местных верующих в нескольких городах Украины, затем в течение восьми месяцев 1944 года — настоятелем храма в Одессе; яркие подробности последующего ареста, хода следствия, осуждения и последующих преследований в местах заключения дают удивительно яркую картину жизни верующих и заключенных в Советском Союзе в те далекие годы и являются бесценным свидетельством реалий той страшной эпохи.

При переводе книги воспоминаний Пьетро Леони «Шпион Ватикана» важно было понять и донести:

— восприятие священником-иностранцем трагических реалий жизни верующих в условиях постоянного давления, издевательств и, в дальнейшем, тотального уничтожения их пастырей в СССР;

— сложность первых встреч католического священника с верующими разных конфессий, завоевание их доверия и удивление последующей одержимостью пастыря в служении;

— активность священника-миссионера при встречах с представителями православного духовенства, серьезность его размышлений о роли Католической и Православной Церквей, о взаимоотношениях и спорах между ними;

— стойкость священника-миссионера во время следствия, категорическое неприятие лжи ради облегчения тюремного и лагерного пути и затем — активное служение своему долгу в лагере (и это нашло подтверждение во время работы над материалами следственного и лагерного дел Пьетро Леони).

Заметим, что при переводе в отдельных главах пропускались предложения, абзацы либо части в его воспоминаниях; в связи с такими пропусками в отдельных местах короткие предложения или абзацы соединялись. Заметим также, что полные названия всех Церквей даны заглавными буквами.

* * *

Начинается сборник вступительной статьей «Миссионеры — посланцы Ватикана». Этот рассказ о трагической судьбе арестованных католических священников, выпускников Коллегиума «Руссикум» либо западных университетов, также пожелавших служить в России, — как последняя весть о собратях Пьетро Леони, либо сразу погибших в страшном водовороте террора, либо осужденных и прошедших, как и он, свой тюремный и лагерный путь.

В *Приложении I* даны воспоминания о Пьетро Леони его одесских прихожан в 1945 году; в *Приложении II* — воспоминания его сокамерников с 1953 по 1955 год; в *Приложении III* — воспоминания священников, встречавшихся с Пьетро Леони в середине 1950-х. В *Приложении IV* приведены показания Пьетро Леони и других арестованных священников-миссионеров на допросах; выдержки из Обвинительного заключения» по групповому делу 1945 года; выдержки из «Приговора» по лагерному делу в августе 1947 года. В *Приложении V* — приведены биографические справки упоминаемых в тексте преставителей духовенства Католической Церкви, арестованных и расстрелянных либо отправленных в лагеря.

Все цитируемые тексты приводятся по новому стилю, в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, за исключением специально оговоренных случаев. Приведенные в сносках выдержки из следственных дел или личного дела заключенного выделены курсивом.

* * *

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы Научно-Информационного и Просветительского Центра «Ме-

мориал» — «Репрессии против духовенства и мирян в период 1918–1953 годов». Коллегам по НИПЦ «Мемориал» — самая искренняя признательность, особенно руководителю научных программ НИПЦ А.Б. Рогинскому.

Приношу глубокую благодарность доминиканцу, отцу Евгению Гейнрихсу О. Р. за неоценимые советы, полученные от него при подготовке к изданию перевода воспоминаний католического священника Пьетро Леони.

Особая благодарность Ангелине Емельяненко за активнейшую помощь в организации встреч и записи воспоминаний прихожан храмов Одессы о настоятеле Пьетро Леони: Ядвиги Могилевской, Анели Мицкевич, Станиславы Петросовой (Одесса).

Пользуюсь случаем передать глубокую благодарность отцу Романо Скальфи, возглавляющему итальянский католический фонд «Христианская Россия» (Russia Cristiana), за его прекрасные воспоминания о священнике-миссионере Пьетро Леони; а также сотрудникам фонда Джованне Парравичини и Марте Дель Аста — за неоценимую помощь в передаче документов, книг и фотографий.

Приношу благодарность за помощь в работе с материалами следственных дел работникам Центрального архива ФСБ РФ.

Особая признательность **Фрэнсису Грину**, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

Вступление

Миссионеры — посланцы Ватикана

Трагическая история гонений Католической Церкви в Советском Союзе, с поставленной в результате задачей полного ее уничтожения, началась еще в годы Гражданской войны, когда и белые, и красные брали священнослужителей в заложники: десятки католических иерархов были тогда расстреляны без суда и следствия. С установлением советской власти бессудные расстрелы прекратились — активной борьбе с религией органами власти придавалась видимость законности. В материалах следствия по групповым делам священнослужителей и прихожан присутствуют все атрибуты юриспруденции: постановления и ордера на арест, показания свидетелей и обвиняемых, описание вещественных доказательств, обвинительные заключения и приговоры, медицинские справки, акты о расстрелах и так далее. Другой вопрос, как велось следствие, как получались и интерпретировались свидетельские показания: шантаж и угрозы, унижения и избиения стали нормальными методами следствия.

Так или иначе, но с начала 1920-х годов во многих регионах страны прошли показательные групповые процессы священнослужителей и прихожан Католической Церкви: например, по делу группы священников во главе с архиепископом Яном Цепляком, обвиняемой в противодействии проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства»; по делу группы русских католиков как *«участников монархической организации, связанной с Ватиканом, передавшей материалы, порочащие советскую власть»*; по делу группы польских священнослужителей на Украине как *«участников повстанческой организации "ПОВ"»*; по делу группы немецких католических священников в Поволжье как *«участников фашистской организации»*; по делу группы католических и униатских священников Правобережной Украины. Процессы по групповым делам католических священнослужителей в лагерях и ссылках, обвиняемых в шпионаже, в создании филиалов контрреволюцион-

ных организаций для свержения советской власти и подрывной, террористической деятельности, завершились расстрелами обвиняемых в 1937–1938 годах.

До сих пор окончательно неизвестен масштаб репрессий: сколько священнослужителей и прихожан было арестовано и расстреляно в период 1937–1938 годов, сколько их, осужденных ранее, погибло в лагерях и ссылках. Но к 1939 году окончательный разгром Католической Церкви завершился; тогда на всей территории СССР осталось лишь два действующих римско-католических храма, в Москве и Ленинграде, в них служили официально зарегистрированные два священника-иностранца: Леопольд Браун, настоятель церкви Св. Людовика Французского, и Мишель Кловис Флоран, настоятель церкви Матери Божией Лурдской. И главное, о чем с тревогой сообщал в Ватикан отец Леопольд, что полное отсутствие верных пастырей, отступничество некоторых священников, вызванное постоянным страхом репрессий, и насаждаемое атеистическое воспитание молодого поколения породили в душе народа духовную пустоту¹, и именно поэтому так необходима миссионерская работа новых пастырей для католиков России.

В течение ряда лет в 1920-е годы представители Ватикана на дипломатическом уровне пытались договориться о сотрудничестве с советским правительством для нормальной деятельности Католической Церкви. Но все попытки были тщетны. Тогда при Конгрегации Восточных Церквей в Риме был создан в 1929 году специальный Коллегиум² «Руссикум». Его главной задачей стала подготовка католических священников восточного обряда для служения в Советской России и среди русских эмигрантов за границей. Студенты «Руссикума» изучали русский язык и религиозные обряды, принятые Русской Православной Церковью,

¹ В этом был убежден также католический священник Феликс Любчинский, погибший на Соловках 17 ноября 1931 года: «Человек, лишаясь веры, лишается одновременно и нравственности и превращается в дикого зверя. Все без исключения насильники, независимо от того, как они себя называли, имели одну философию: "Бога нет, следовательно, все можно, все дозволено"».

² Комиссия «Pro Russia».

знакомились с историей и политической ситуацией в России, а также с основами коммунистической идеологии. Дисциплина там была очень строгой, воспитание студентов проходило в духе будущего мученичества за веру.

В 1935 году прошли первые посвящения в священники, и ректор «Руссикума» оценил их как признак уверенности в духовном возрождении России. До сих пор нет четкого ответа на вопрос — готовились ли специально студенты «Руссикума» для нелегальной работы в Советском Союзе? Очевидно, Ватикан занимал на этот счет достаточно гибкую позицию: при благоприятном развитии отношений Католической Церкви с советскими властями направление выпускников «Руссикума» в католические приходы было бы официальным. Если же договориться с властями не удавалось, то для его выпускников не исключались нелегальные переходы границы и тайная миссионерская деятельность.

При этом следует иметь в виду, что миссионер, нелегально перешедший границу Советского Союза, в случае своего ареста не мог рассчитывать на заступничество Ватикана. Там знали о принятом им решении, молились за него — но не более того. При аресте священники-"нелегалы" утверждали на допросах, что в Советском Союзе они находятся *«единственно с целью несения духовной помощи»*; что Ватикан не имел никакого отношения к их тайному переходу границы, а исполнен самим выпускником на свой страх и риск. Поэтому-то так восхищает мужество священников-миссионеров, не представляющих, что может ожидать их в атеистической стране, не имеющих никакой защиты и все же решившихся на свою одинокую, по сути обрекающую их на гибельную миссию.

После принятия священнического сана выпускник сначала направлялся в Польшу для преподавания в католической семинарии восточного обряда в Дубно, либо для продолжения учебы в Новициат восточного обряда в Альбертине. Затем "руссикумовец" направлялся для миссионерской работы в Литву, Латвию, Румынию и Польшу, откуда уже сами священники искали пути для тайного проникновения на территорию СССР. Позднее один

из выпускников, арестованный во время войны на Урале, показал на допросе, что за эти годы в Советский Союз нелегально проникли не менее двадцати пяти священников-миссионеров. Сколько из них было арестовано на границе и осуждено к расстрелу или к лагерям, сколько смогли начать тайное служение, а сколько пропало без следа — неизвестно до сих пор.

Благодаря полученным материалам следственных дел священников-миссионеров, а также их показаниям на допросах стали известны следующие имена: Фабиан Абрантович, Ян Кельнер и Ежи Москва³, Вальтер Чишек, Виктор Новиков, Пьетро Леони, Жан Николя, Косьма Найлович, Томас Подзяво, Павел Портнягин, Поль Шалей и ректор «Руссикума» Венделин Яворка⁴. Подробности трагического пути некоторых из них приведены ниже.

* * *

В марте 1928 года Ватикан назначил архимандрита Фабиана Абрантовича⁵ управляющим католической миссией в Харбине (Маньчжурия). Под его управление были переданы польская семинария св. Карла, колледж для девочек при монастыре сестер-урсулинок и приют сестер-францисканок. В это время в Трехречье, на территории, примыкающей к советской границе, произошли крупные вооруженные столкновения. Многие жители незащищенных приграничных поселков были убиты, сотни русских детей остались сиротами; нужно было срочно принимать осиротевших детей.

За это дело и взялся архимандрит Фабиан: он организовал на базе епархиального училища закрытое учебное заведение для мальчиков, позже получившее название лицея св. Николая. К зданию училища был пристроен новый корпус с домовым храмом, залом и классами — это помещение стало одновременно и резиденцией священников, членов миссии, в большинстве

³ Были арестованы на границе и вскоре расстреляны.

⁴ Эти семь человек прошли тюрьмы и лагеря, и после смерти Сталина некоторые из них смогли вернуться на родину.

⁵ Справка о нем приведена в Приложении V.

монахов-мариан. Лицей и конвент св. Урсулы считались одними из лучших учебных заведений города Харбина; они давали детям среднее образование, знание трех иностранных языков и прекрасное воспитание. Кроме того, отец Фабиан организовал издательство католических журналов и духовной литературы. На 1935 год в клире католической миссии состояло: пять иереев и иеромонахов, один иеродиакон, четыре монаха, четыре послушника, двенадцать монахинь-урсулинок и четырнадцать монахинь-францисканок.

В апреле 1939 года архимандрит Фабиан Абрантович был вызван из Харбина в Рим для отчета о проделанной работе, а также для участия в съезде отцов-мариан. Затем совершил поездку во Францию и позднее выехал в Польшу, чтобы навестить родных и друзей. В октябре 1939 года отец Фабиан решил выехать во Львов; 22 октября, согласно материалам следственного дела, *«в районе Новоставцы–Корд совершил нелегальный переход границы государственных интересов СССР и Германии в сторону последней и ночью того же числа таким же путем возвратился обратно»*⁶.

Сначала арестованный не очень волновался, надеясь спокойно все объяснить следователю; тем более что сам лично обратился к пограничникам с просьбой о помощи: *«Переходя границу, я был убежден в том, что, в связи с дружескими отношениями между Германией и СССР, переход границы между обоими государствами свободен»*. Разве мог отец Фабиан знать, что при захвате и разделе своей родины неожиданно окажется на территории чужого государства, а именно Советского Союза.

«Я приехал во Львов 13-го сентября, уже под огнем немецких бомб. Когда утром я зашел с визитом к митрополиту Шептицкому⁷, тот предложил мне переселиться из гостиницы к нему, выждать занятия Львова немцами и потом следовать дальше. Я так и сделал. С 13-го по 22-е сентября всем обитателям палаты Шептицкого с самим хозяином во главе

⁶ Далее из: Следственного дела Абрантовича Ф. И. // Центральный архив ФСБ РФ.

⁷ Имеется в виду митрополит Львовский Андрей Шептицкий.

пришлось сидеть денно и ночно в подземельях из-за обстрела и бомб. Я удивляюсь хладнокровию митрополита, который читал собирающемуся у него духовенству по-гречески Платона... 22-го Львов был занят Красной Армией». Сначала отец Фабиан пытался получить визу на выезд в Харбин, потом — на выезд в Варшаву, но фронт еще не был установлен и пропусков не давали.

И при попытке уйти на Запад он будет сначала арестован немецкими пограничниками — они объяснят ему, что переход границы запрещен, и возвратят *«на территорию СССР»* — а потом уже советскими пограничниками и незамедлительно передан ими во Львовское НКВД как "шпион". На допросе он вынужден будет признать, что, хотя *«по совести считаю себя невиновным, но независимо от моей совести получилось так, что я закон нарушил»*. Признание в нелегальном переходе границы СССР отец Фабиан подписал, но, правда, с оговоркой, что *«признает себя виновным в переходе границы в сторону Польши»*⁸, а не Германии, как настаивало следствие.

Еще в 1937 году католический священник Фабиан Абрантович, не подозревая об этом, засветился в одном из групповых дел поляков. Один из "свидетелей", бывший депутат Сейма, после жестоких избиений показал на допросе 29 июля, что *«ксендзы Белоголовый и Абрантович находятся в тесной связи с Ватиканом и являются его агентами»*. Эти показания не имели смысла для священника Иосифа Белоголового⁹, погибшего во время следствия, по слухам, *«при попытке к бегству»*, и тогда не могли быть использованы против священника Фабиана Абрантовича, служившего в то время в Харбине. Но как же эти показания свидетеля пригодились чекистам в 1939 году при неожиданном повороте судьбы отца Фабиана.

Уже на допросе 13 ноября 1939 года следствие требует от него признания в том, что он прибыл в Польшу из Японии *«со специальными заданиями разведывательного характера под*

⁸ Здесь и далее подчеркивания в приводимых выдержках из документов следственных дел сделаны следователем.

⁹ Справка о нем приведена в Приложении V.

видом миссионера-духовника». Поначалу Фабиан Абрантович категорически отказывался признать свое участие в шпионской деятельности, но для чекистов он, нелегально перешедший границу СССР, да еще польский подданный, был вне закона, и они ему это очень "доходчиво" объяснили. Об этом в своих пояснениях к "Обвинительному заключению" он записал, что *«физическое воздействие, примененное ко мне во Львове, испортило в корне следствие, и я, считая, что "хочешь не хочешь (виноват не виноват), будешь виноват", подписал или не читая, или по принуждению, особенно после 19 декабря до конца 1939 года».*

Так что на допросе 21 декабря Фабиан Абрантович вынужден был подписать уже составленное следователем обвинение: *«После продолжительного молчания, которым я надеялся избежать признания, желаю изложить правдиво всю историю моей активной антикоммунистической контрреволюционной деятельности, направленной против существования Советской власти в СССР. Будучи членом религиозного общества католического вероисповедания, не верил в построение коммунистического общества не только в России, а, вообще, в любой стране, это меня противопоставило идеям большевиков, и я стал на путь активной борьбы с Советской властью».*

Заметим, что подписав под этим признанием отец Фабиан поставил в 5 часов утра, после ночного допроса с избиванием. Следующую ночь он посвятил изложению подробностей своей борьбы. Он "признался", что с марта 1918 года *«поддерживал политику буржуазии за присоединение Белоруссии к Польше»*; что в 1919 году пытался *«оторвать массы белорусского народа от влияния коммунистической партии большевиков и Советской власти»*, создав и возглавив «Христианское объединение белорусов».

Далее обвиняемый "признавался", что его *«антисоветская работа заключалась в публичных выступлениях на митингах с речами, направленными против коммунизма, Советской власти, в изданиях антисоветских брошюр, печатании ряда антисоветских статей».* И завершал "признание" тем, что являлся также *«посредником в контрреволюционном украинском*

национальном движении против СССР в Китае и Западной Украине с целью отторжения от Советской Украины», не отрицая работы *«по подготовке для враждебной деятельности против СССР кадров молодежи»* в Харбине, где с 1928 года стал главой католической миссии.

В январе 1941 года обвиняемого Абрантовича для дальнейших допросов отправили из Львова в Москву, сроки следствия ежемесячно продлевались. 22 мая ему было предъявлено новое обвинение, его арестованный категорически отрицал, заявив, что *«никакой работы в разведках не проводил»* и *«к политическим организациям не принадлежал»*. Но это никого не волновало.

Итак, «Обвинительное заключение» уже предъявлено в мае, однако допросы по его делу продолжаются, сроки следствия продлены до декабря, затем — до августа 1942 года. Заметим, дознаватели ежемесячные «Постановления» о продлении сроков следствия обосновывают необходимостью *«выявить целиком его антисоветскую деятельность за кордоном, полностью выявить известную ему агентуру из числа католиков и выявить методы работы Ватикана против СССР»*.

Какую же антисоветскую агентуру удалось выявить следствию в результате столь долгой работы с отцом Фабианом? Несмотря на "физическое воздействие", применяемое в отношении обвиняемого, им были названы лишь имена его прихожан в Харбине, посланных к нему на учебу, и священник Виктор Новиков, преподававший в Григорианском университете в Риме в 1939 году. Отец Фабиан спокойно назвал это имя, так как не знал, что преподаватель университета и выпускник «Руссикума» к тому времени уже находился в Советском Союзе, проводя тайную миссионерскую деятельность.

В многостраничных показаниях, написанных 31 марта лично отцом Фабианом, он пытался отстоять свою нравственную позицию, объяснить миропонимание католиков и цели их миссионерства, подробно и доходчиво излагал историю Католической Церкви и ее орденов, объяснял многолетние и сложные взаимоотношения Католической Церкви с Православной и го-

ворил о задачах Ватикана в этом отношении, писал также о трагическом пути униатского движения в России. Важно отметить, что такие подробные показания он объясняет своим убеждением: *«Ведя борьбу между собой за исцелением недугов человечества и стоя на противоположных мировоззрениях, мы должны добросовестно стараться друг друга адекватно узнать. Иначе мы будем бороться со своими ложными представлениями».*

Отец Фабиан, сравнивая две идеологии, пояснял, что *«Рим дает задания положительной, созидательной работы, а не деструктивной, революционной... Рим не торопится переделать человеческий мир, как это стремится сделать русский молодой увлекающийся коммунизм... Рим, следуя учению Христа, старается облагородить внутренне природу человека, что является делом не легким и потому — не скорого времени».*

15 августа 1942 года Фабиану Абрантовичу было предъявлено окончательное «Обвинительное заключение», в нем следствие было вынуждено подтвердить, что тот *«виновным себя в предъявленных обвинениях не признает и оставляет за собой право дать дополнительные письменные разъяснения по материалам следствия, а также мотивов непризнания себя виновным».* Приведем некоторые пункты из разъяснений, записанных до утверждения обвинения: *«Не будучи советским гражданином и не проживая на советской территории, я не мог нарушить советских законов и не могу потому нести ответственность за их нарушения. Советского мировоззрения я не разделяю и против него».* *«Будучи спокоен в своей совести, что все, что я знал, сказал следователю честно, без тени лжи, ибо верую и исповедую животворящую силу правды и смертоносность лжи и неправды, ожидаю правильного и справедливого решения моей судьбы».*

"Справедливое" решение его судьбы состоялось 23 сентября 1942 года; Фабиан Абрантович был приговорен к 10 годам лагерей, хотя следствие требовало для него 15 лет. На выписке из протокола Особого совещания есть карандашная пометка — Карлаг, это означало, что Фабиан Абрантович должен был отбывать наказание в Карагандинском лагере. Однако в лагерь он не

попал, а был оставлен отбывать наказание в Бутырской тюрьме; очевидно, от него еще хотели добиться новых "признаний". И только недавно стало известно, что отец Фабиан скончался в Бутырской больнице 2 января 1946 года.

* * *

«Я заметил неизвестного,двигающегося по селу по направлению от границы. Я его остановил и спросил: "Кто вы такой?" Незнакомец мне ответил, что идет из-за границы и хочет пройти на Турку или Львов. Я решил его задержать, чтобы сообщить на заставу, и пригласил зайти до своей хаты... Неизвестный же, когда зашел до хаты, стал меня просить, чтобы я его проводил до Турции или до Львова, где он хотел устроиться на работу, но так просил сделать, чтобы его ни в коем случае не задержали пограничники... За все это он (неизвестный) давал мне деньги (венгерские) 10 пенгов, но я от них отказался. Тогда неизвестный предложил мне карманные часы и пальто, то, что было на нем. От пальто я тоже отказался, а часы я у него взял, за которые заплатил ему 18 рублей и дал согласие его препроводить, а сам имел в виду немедленно сообщить на заставу... В 5 часов утра 9 декабря, договорившись с братом, чтобы он его повел по дороге по направлению села Шашковцы, а я сел верхом на лошадь, приехал на заставу и доложил политруку, что мы задержали одного нарушителя»¹⁰. Эти показания дал на допросе местный крестьянин. К нему обратился за помощью католический священник-миссионер Ян Кельнер¹¹; на дороге к заставе, куда вел его по договоренности брат доносчика, он был схвачен.

Первый допрос Яна Кельнера продолжался трое суток — днем и ночью — с 17 по 19 декабря. 21 апреля задержанного отправили в Киев, заключили во внутреннюю тюрьму НКВД, и там он был допрошен еще 13 раз. Сначала следствие обвиняло его в нелегальном переходе границы и сокрытии при аресте истинных биографических данных; затем прибавилось обвинение

¹⁰ Далее выдержки: Следственное дело Яна Кельнера // Архив ЦГАОО Украины.

¹¹ Справка о нем приведена в Приложении V.

«в активной контрреволюционной деятельности»: за публикацию ряда антимарксистских статей в журналах на Западе с критикой "безбожников России". Причем об этом рассказал сам священник, объяснив, почему при аресте он назвал себя Бринско, девичьей фамилией матери, так как все его статьи были подписаны фамилией Кельнер, — как будто обвиняемый старался как можно больше усугубить свою вину.

Показания Яна Кельнера о содержании его статей дают представление о сути разногласий с дознавателями на допросах: *«Статьи, которые я писал, не являлись антисоветскими; они были направлены главным образом против марксистской теории, с которой я не соглашался и освещал ее в свете католического мировоззрения. Я считал и считаю, что не все зависит от одних только материально-экономических условий, что их недостаточно для морального усовершенствования человечества, а необходимо еще призвать на помощь религию»*. Но он категорически отрицал обвинение в призыве *«к крестовому походу в военном отношении против СССР»*. И пытался терпеливо объяснить, что знаменитый призыв Папы Римского — это *«призыв верующих католиков к крестному походу не в военном смысле, а в смысле религиозном»*, а именно в молитвенном.

Священник Ян Кельнер о своей будущей работе в Советском Союзе на допросе подтвердил откровенно: *«Главная цель моего перехода в СССР — это католическая религиозная работа, направленная на объединение православных христиан с Католической Церковью. Наряду с этим я хотел также среди неверующих, особенно среди молодежи, пропагандировать католическую религию. Весьма важным мотивом моего перехода было мое искреннее желание познать тот новый общественно-экономический строй, который имеет место в СССР»*. И первое, что удалось ему познать при личном контакте с советскими людьми, — изощренное предательство.

Следствие особо интересовало имена его знакомых в Риме, выпускников Коллегиума «Руссикум»; и после "активных ночных дознаний" Ян Кельнер вынужден был назвать, правда, лишь тех, кто был оставлен служить в Риме либо был направлен

Ватиканом на служение в западные страны. Например, были названы священники: Теодор Ромжа и Иосиф Боровский в Ужгороде; Павел Гречишкин в Вене; Александр Кулик в Париже; Николай Братко в Лионе; Павел Портнягин в Харбине. И среди названных нет тех выпускников «Руссикума», кто, как и он, в конце 1930-х годов готовился к миссионерству в Советском Союзе: ни Ежи Москва, ни Вальтер Чишек, ни Виктор Новиков, ни Пьетро Леони — им названы не были.

7 июня 1941 года срок содержания под стражей Яна Кельнера был в очередной, четвертый раз продлен, но через две недели началась война, и стало уже не до следствия. 23 июня 1941 года из Москвы в Киевское управление НКВД, как и в другие областные управления, Меркуловым была направлена срочная шифротелеграмма: *«Рассмотрите дела на всех имеющихся у Вас арестованных органами НКВД и составьте списки из тех, которых Вы считаете целесообразным расстрелять»*.

Очевидно, именно этот документ ускорил развязку по следственному делу Яна Кельнера: его не стали, как предполагалось ранее, отправлять для дальнейшего следствия в Москву. 7 июля 1941 года Ян Кельнер был приговорен¹² к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян в Киевской внутренней тюрьме.

* * *

29 января 1941 года Славским пограничным отрядом в Дрогобычской области был задержан при попытке нелегального перехода границы католический священник-миссионер Георгий Москва¹³ с фальшивым паспортом на имя Юрия Иосифовича Домбровского¹⁴. На первых же допросах арестованный решил утаить свой священнический сан, сообщив, что был завербован и заброшен в Советский Союз спецслужбами Венгрии¹⁵.

¹² Приговор подписан наркомом внутренних дел и прокурором УССР.

¹³ Справка о нем приведена в Приложении V.

¹⁴ Так что в материалах следственного дела он записан как Москва-Домбровский.

¹⁵ Далее выдержки: Следственное дело Георгия Москвы // Архив ЦГАОО Украины.

Священник-нелегал Георгий Москва прекрасно понимал, что признание в шпионской деятельности более опасно для него, чем сообщение о будущей священнической работе, усугубляет его положение и грозит расстрелом. Очевидно, выпускник Коллегиума «Руссикум» был готов пострадать за любую "вину", но главное — не дать следствию ни малейшего шанса при оформлении материалов дела для компрометирующего обвинения Ватикана в тайной деятельности против Советского Союза. И в течение нескольких месяцев изнурительных ночных допросов он твердо стоял на этой версии, повторяя и подробно дополняя ее.

Но на одном из допросов следователь вдруг назвал его настоящие фамилию и имя, заявил, что он выпускник «Руссикума», и назвал его знакомых. До сих пор неизвестно, кто же помог следствию открыть его настоящую фамилию и его священнический сан. И Георгий Москва вынужден был признаться, что он священник, и далее давать подробные показания о себе, подтвердив, что он после окончания «Руссикума» сначала *«преподавал в католическом Новициате в Альбертине»*. После раздела Польши между Германией и Советским Союзом выехал во Львов, встретился с митрополитом Андреем Шептицким и по его предложению *«решил по подложным документам нелегально перебраться в Россию»*.

Но позднее якобы передумал и решил вернуться в Рим. 15 августа 1940 года при переходе границы СССР он был задержан венгерскими пограничниками, отправлен в Будапешт и заключен в тюрьму. Через тюремного католического священника ему удалось сообщить о своем аресте в монастырь иезуитов, через два месяца благодаря их помощи он был освобожден и переправлен в Рим. Священник Георгий Москва подготовил для Ватикана подробный отчет о положении Католической Церкви в России на основании сведений, переданных ему митрополитом Андреем Шептицким¹⁶, он-то и благословил отца Георгия на возвращение в Рим.

¹⁶ Митрополит Андрей Шептицкий (граф Роман Мария Александр Шептицкий).

После передачи отчета и последующей встречи отца Георгия с Папой Римским и руководителями Коллегиума «Руссикум» он получил благословение на продолжение своей миссионерской деятельности в России, выехал в Венгрию, но при обратном переходе границы был задержан уже советскими пограничниками. Конечно, такие "странные" переходы границы СССР туда и обратно не давали Георгию Москве никаких шансов убедить следствие в том, что основной целью его возвращения было ведение миссионерской работы среди католиков. Но он продолжал утверждать на допросах, что именно для этого он обучался в «Руссикуме», что мечтал послужить для католиков России, и если надо, то и *«пострадать за Христа»*.

Для советской власти он был "агентом Ватикана", посланным для шпионской работы. Причем, оснований для такого обвинения было предостаточно: нелегальные переходы границы, поддельный паспорт, передача Ватикану *«провокационных сведений о положении Католической Церкви в СССР»*. Естественно, главный вопрос следствия, ответ на который из Георгия Москвы буквально выбивали на ночных и дневных допросах, — это имена выпускников Коллегиума «Руссикум», отправленных Ватиканом в Советский Союз. Но этих показаний от отца Георгия добиться не удалось, хотя имена оставленных на служение на Западе выпускников «Руссикума» он повторял неоднократно на подобных допросах.

В дальнейшем предполагалось отправить его для следствия в Москву, но началась война и его судьба была решена на основании все той же секретной шифротелеграммы Меркулова. 7 июля 1941 года Георгий Москва был приговорен¹⁷ к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян в Киевской внутренней тюрьме.

* * *

23 июня, на второй день войны, в городе Чусовая на Урале были арестованы католические священники-миссионеры, выпускники Коллегиума «Руссикум» Вальтер Чишек и Виктор

¹⁷ Приговор подписан наркомом внутренних дел и прокурором УССР.

Новиков¹⁸. Осенью 1940 года с партией завербованных рабочих они прибыли сюда из Львова по поддельным паспортам, выданным на Владимира Мартыновича Липинского и Виктора Павловича Маковского. Задолго до ареста о них стало известно местным органам НКВД, но их пока не трогали, чтобы выявить их контакты и связи в Чусовой и других городах. Позднее, после освобождения из лагеря и выезда за границу, Вальтер Чишек вспоминал, что «под утро, в три часа утра, тайная милиция окружила барак», что на первом же допросе следователь заявил ему: «Вы не Липинский, не русский и не поляк. Вы — Чишек, ксендз-иезуит и немецкий шпион». Далее он писал, что был просто оглушен и понял, что «мы, несомненно, были под постоянным наблюдением до самого ареста»¹⁹.

Священникам-нелегалам было предъявлено серьезное обвинение в том, что они «как агенты Ватикана проводили антисоветскую работу по созданию антисоветских католических организаций с задачей свержения существующего в СССР строя, вели среди своего окружения антисоветскую и пораженческую агитацию, занимались шпионажем против СССР в пользу разведки Ватикана»²⁰. Арестованным предъявили показания "свидетелей" об их пораженческой агитации, причем это были ссыльные поляки из Чусовой: понятно, что эти "свидетели" готовы были подписать любые обвинения.

Вальтер Чишек показал, что уже с 1936 года он обсуждал с Виктором Новиковым варианты возможного выезда в Советский Союз: проект старца-подвижника и проект простого рабочего или шофера, имеющего многие контакты с людьми для изучения положения и образа мыслей по вопросам религии и Церкви. Ему самому был близок вариант старца-подвижника, выехавшего через Аляску в Сибирь, живущего где-то в лесу в построенном доме и ведущего строго монашеский образ жизни. Но слабой стороной такого проекта было то, что это привлекало бы к стар-

¹⁸ Справки о них приведены в Приложении V.

¹⁹ Ciszek W., Flaberty D. *Bogiem w Rosji*. Warszawa, 1990. С. 85. (перевод).

²⁰ Далее: Следственное дело Вальтера Чишека и Виктора Новикова // Центральный архив ФСБ РФ.

цу глубоко верующих, но при этом совершенно исключалось бы влияние на молодежь. Так что они остановились на проекте выезда на Урал в составе группы завербованных рабочих.

Первые служения литургии священники-миссионеры провели в лесу в свободные от работы дни, когда были праздники, в общежитии, где они проживали, это было невозможно. Позднее, когда их в помещении проживало всего четверо, они стали служить литургию в комнате, когда кроме них двоих больше никого не было. На богослужения никого не приглашали, и никто не знал, что они священники и тайно служат. О своих первых и неудачных попытках миссионерской работы священники дали подробные показания: как пытались вести разговоры о Боге с подростками и молодежью, что вызвало недоверие и подозрительность; как отец одного из подростков, с которым пытался поговорить Вальтер Чишек, узнав от сына об этом, пригрозил сообщить «куда следует»²¹.

Самым важным для них было передать сообщение митрополиту Андрею Шептицкому о религиозной ситуации на Урале через Георгия Москву, с ним договаривались еще во Львове, как и о шифре сообщений (они не подозревали, что тот уже давно арестован, а их письма на почте изымаются и изучаются чекистами²²). На допросе Вальтер Чишек показал: *«Я писал Москве почтовые открытки, а не письма, чтобы не вызывать подозрений. Я сообщал ему о нашем положении, о том, чем мы занимаемся, о моральном настроении народа и молодежи, о возможностях будущей работы среди них»*. Далее он подтвердил, что в письмах определенные слова были зашифрованы: *«помню, что "дрова" означало верующие, "снег" — молодежь»*. Отец Вальтер писал открытки по-польски, что должно было привлекать внимание чекистов к автору этих открыток, причем, по его словам, писал в таком стиле, чтобы Георгий Москва *«мог легко ориентироваться*

²¹ Возможно, сообщение отца о беседах с его сыном обратило внимание чекистов на священников-нелегалов, и за ними было установлено постоянное наблюдение.

²² Возможно, именно эти открытки и вывели чекистов на след Георгия Москвы.

из содержания письма, о чем идет речь». Несомненно, именно показания Вальтера Чишека о подобной переписке стали причиной шифротелеграммы с запросом о судьбе уже расстрелянного Георгия Москвы, которая есть в деле священников.

В позднейших воспоминаниях Вальтер Чишек описал, как проходили его допросы, причем вопросы были всегда одни и те же: «Иногда меня заставляли сидеть, выпрямившись, на краю стула в течение многих часов. А иногда, если следователю не нравился мой ответ, то он бил меня в лицо так, что я падал со стула на пол. Два или три раза в течение моего месячного пребывания в Перми следователь звал нескольких охранников, и тогда меня вели в соседнюю комнату, устланную коврами, со звукоизоляцией на стенах. Там меня били резиновыми палками по затылку, а когда я пробовал отклонить голову, то получал удар в лицо»²³.

Такими методами "убеждения" следствию удалось сломить сопротивление арестованных и получить подробные сведения о Коллегиуме «Руссикум» и его задачах, причем, в чекистском изложении: *«Коллегиум "Руссикум" воспитывал священников-миссионеров в духе преданности римскому престолу, в духе непримиримой борьбы с коммунизмом, материализмом и безбожием. К 1939 году — к моменту моего отъезда из Рима в Польшу — Коллегиумом "Руссикум" было подготовлено 12 или 13 священников-миссионеров»*²⁴. Далее в материалах дела приведены имена десяти его выпускников, направленных Ватиканом для миссионерской работы в разные страны. Среди них были уже осужденные Ян Кельнер и Георгий Москва; направленные на служение в Харбин Фома Подзява и Козьма Нялович; служивший в Литве Франц Гельвегин, ректор «Руссикума» Венделин Яворка; Пьетро Леони, в начале 1940-х служивший в монастыре во Флоренции; Иосиф Ольшер и Иван Мильнер²⁵.

²³ Ciszek W., Flaberty D. *Bogiem w Rosji*. Warszawa, 1990. С. 85. (перевод).

²⁴ Из: Следственное дело Вальтера Чишека и Виктора Новикова. // Там же.

²⁵ Мильнер Иоанн. Иезуит, выпускник «Руссикума», с 1941 — в Шанхае, организовал русский колледж. В 1943 — арестован японцами и отправлен в лагерь. В 1945 — освобожден, вернулся к обязанности в колледже в Шанхае.

Очевидно, избиения и страх перед возможными издевательствами стали причиной появления в материалах дела показаний о серьезном обвинении Ватикана в подготовке священников-миссионеров к нелегальной работе в Советском Союзе с поставленными перед ними задачами:

«— обращение русских православных в католичество с целью воссоединения Русской Православной Церкви с Католической во главе с Папой Римским;

— выявление отношения Советской власти к Церкви;

— выявление бытовых условий жизни в Советском Союзе, настроений населения, его отношения к Советской власти и сообщение обо всем в Рим;

— информирование Рима об успехах и возможностях работы в Советском Союзе».

После раздела Польши и установления во Львове советской власти органам НКВД был необходим компромат о «подрывной деятельности» митрополита Андрея Шептицкого. И он был получен от арестованных на Урале священников-миссионеров, причем наличие специфических слов в их показаниях на допросах, например "установка", "выявлять", "обрабатывать", "информировать", весьма показательно; очевидно, что все это написано следователем.

«Шептицкий перед направлением нас в тыл Советского Союза дал следующие установки: легализовать себя поступлением на какую-либо работу; ознакомиться с окружающей средой, изучить людей и с благонадежными из числа верующих, противников большевиков, и установить тесные связи». В отношении контактов с молодежью предлагалось «выявлять религиозно настроенную молодежь, объединять их вокруг себя и обрабатывать их в духе католицизма и преданности Папе Римскому». Для священников важно было «из числа проверенной молодежи подготовить пропагандистов католицизма и борцов с большевизмом и безбожием».

Для проведения нелегальных богослужений священникам

необходимо было «в надежных местах создать тайные дома Католической Церкви и совершать богослужения по восточному обряду». При контактах с православными верующими или неверующими на Украине убеждать их «принять католическую веру и признать Папу Римского главой греко-католической Церкви». А главное, священники-миссионеры должны постоянно информировать обо всем Рим через доверенных людей.

В августе 1941 года Вальтер Чишек и Виктор Новиков были отправлены в Москву для дальнейшего следствия и заключены в тюрьму; следствие продолжалось еще целый год. 26 августа 1942 года священникам было предъявлено «Обвинительное заключение», в нем устанавливалось: «Будучи переброшенными на территорию СССР, как агенты Ватикана, проводили антисоветскую работу по созданию антисоветских католических организаций с задачей свержения существующего в СССР строя, вели среди своего окружения антисоветскую и пораженческую агитацию, занимались шпионажем против СССР в пользу разведки Ватикана».

30 августа обвиняемые были приговорены к 15 годам каторжных работ. Однако в лагерь священники отправлены не были; они еще год находились в Бутырской тюрьме, давая подробные многостраничные показания о деятельности всех организаций при Ватикане, занимающихся восточной работой в разных странах, кроме Коллегиума «Руссикум»; о положении католицизма в восточном обряде перед войной в 1939 году в восточных странах и Советском Союзе; о монашеских католических орденах и так далее.

* * *

29 апреля 1945 года в Одессе был арестован католический священник Жан Николя²⁶. Монах-ассумпционист, отец Жан, с сентября 1930 года, после окончания Лувенского университета, служил в католическом приходе в Беюше (Румыния). В 1933 году он посетил Ватикан и на аудиенции у Папы Пия XI получил его благословение на дальнейшее служение. Во время войны в

²⁶ Справка о нем приведена в Приложении V.

декабре 1942 года по просьбе своего духовного руководителя в Париже он посетил Одессу для выяснения состояния французского храма и передал свои соображения о возможности его восстановления; затем вернулся в Беюш и продолжил служение. В июле 1943 года получив необходимые средства, вновь выехал в Одессу и занялся ремонтом здания церкви, а в сентябре вернулся в Беюш. В октябре 1943 года Жан Николя был вызван в посольство Ватикана в Бухаресте, где получил предложение при его желании стать священником католического прихода в Одессе в связи с отсутствием там пастырей. *«Вначале я своего согласия на это не дал, но через две недели приехал в Бухарест и дал свое согласие на выезд из Румынии в Одессу и остаться там после отступления немецко-румынских войск»*²⁷.

23 декабря 1943 года отец Жан прибыл в Одессу, где встретил итальянского священника Пьетро Леони²⁸, представителя Ватикана; он с сентября начал служение настоятелем прихода, служил в костеле и французской церкви, Жан Николя стал его помощником. Пьетро Леони часто в разговорах убеждал отца Жана, что они *«среди религиозно настроенного населения должны пропагандировать идеи главы католической религии Папы Римского за необходимостью распространения католической веры как религии самой правильной»*. И в одесском костеле он часто выступал с проповедями, в которых говорил о католической вере и главе Церкви Папе Римском; в результате его миссионерской деятельности были оформлены *«специальные подписки приема несколькими гражданами католического вероисповедания»*, причем отец Жан в качестве свидетеля скрепил своей подписью совершившиеся акты.

В ноябре 1944 года, после изгнания немцев и эвакуации католической миссии на Запад, отец Жан вместе со священником Пьетро Леони остался в Одессе. А после прихода Красной армии и установления советской власти был официально за-

²⁷ По материалам дела Жан Николя проходит как Жан Никола, причем в своей автобиографии он лично написал фамилию как Николя. Здесь и далее: Следственное дело Леони П. и Никола Ж. // Центральный архив ФСБ РФ.

²⁸ Справка о нем приведена в Приложении V.

регистрирован местным исполкомом в качестве католического священника, а Пьетро Леони — настоятелем прихода и миссионером²⁹. Очевидно, активное служение католических священников в Одессе не устраивало местные власти. Но, главное, неприятие их деятельности представителями Русской Православной Церкви, и резкие выступления настоятеля Пьетро Леони в защиту Папы Римского — все это привело к решению об их изоляции; и сначала был арестован Жан Николя.

На первых же допросах ему было предъявлено обвинение в том, что в Одессе он вместо пастырского служения занимался профашистской деятельностью, *«распространял антисоветскую литературу и проводил разведывательную работу в пользу одного из иностранных государств»*. Отец Жан отрицал эти обвинения, пытаясь убедить следствие, что имел лишь одно *«задание от Ватикана — служить в Одессе в качестве священника для католиков»*.

Но уже через две недели непрерывных ночных допросов его показания стали другими, написанными как под копирку и привычными чекистскими терминами и оборотами; похоже, что отец Жан просто подписывал, не читая: *«Должен сказать правдиво, что, проживая на территории Румынии, а также в городе Одессе до ее освобождения войсками Красной Армии, вел также разведывательную работу в пользу союзников Франции»*³⁰. Заметим, что следователей эти сведения, когда Советский Союз воевал против фашистов вместе с союзниками, должны обрадовать, но они также стали обвинением священника. Чекистами была особо отмечена секретность передаваемых сведений: *«Присылаемые мною сведения в Бухарест должны*

²⁹ Его воспоминания даны в главе «Шпион Ватикана», воспоминания о нем — в Приложениях I–III, документы следственного и лагерного дел — в Приложении IV.

³⁰ При этом в протоколе допроса записаны имена священников-ассумпционистов из Парижа и Бухареста; имена прихожан французской церкви, передававших от консульства подарки для прихода: учительницы английского языка Марии Паскоровны Федорович-Медан, 65 лет; учительницы французского языка Дюлорон; прислуживавшей в храме и арестованной Люции Татижевой; рабочих Герасима Григоровича и Емельяна и Ксении Бойченко.

быть написаны в письмах специальными бесцветными чернилами, при этом мне дали флакон такой бесцветной жидкости, которой я и пользовался».

Отец Николая подробно описал свою антифашистскую деятельность при оккупационном режиме в Румынии и Одессе: *«Мною лично было передано в Бухарест два или три сообщения через доверенных лиц: план размещения в районе города Беюш рудников и заводов, производящих для немецкой промышленности молибден и висмут, с подробным описанием производственной мощности и суточного выпуска их». «Сообщал я о численности и роде немецких и румынских войск, о вновь прибывавших новых частях в город Беюш, а также о его высшем начальствующем составе». «Я передал сведения о нахождении немецких и румынских частей в городе Одессе: по родам войск, о количестве прошедших через Одессу танковых частей и артиллерийских подразделений, о местах нахождения складов бомб и снарядов».*

Рассказал он также и о встрече в Одессе зимой 1944–1945 годов с военными моряками, на американских судах доставившими товары для СССР. Они посетили в воскресенье костел и по окончании службы попросили о встрече: *«Эти офицеры попросили меня рассказать, какое действительное положение духовенства в СССР, каковы жизненные условия и положение населения Одессы. Я им ответил, что в настоящее время положение населения тяжелое, оно нуждается в продуктах и товарах, рабочие плохо материально обеспечены, а на рынках продукты очень дороги. В отношении себя и вообще духовенства я сказал, что со стороны органов Советской власти никаких притеснений нет. В беседе со мной эти морские офицеры заявили мне, что Советский Союз им не нравится, что американцы хотят, чтобы в СССР изменился политический строй и в России стало бы так, как в Америке».*

В марте 1945 года в беседах о послевоенном периоде Европы офицеры военной миссии говорили Жану Николаю, что СССР хочет распространить свое влияние на европейские страны: *«Я от них слышал, что якобы Советский Союз под видом освобождения от немецких оккупантов Румынии, Болгарии,*

Югославии, Венгрии и Чехословакии ввел войска Красной Армии и теперь проводит свою работу по советизации этих стран и их присоединению к Советскому Союзу. От американских офицеров я слышал, что Америка и Англия не допустят, чтобы Советский Союз распространил свое влияние на европейские страны и установления в балканских странах Советской власти. Это рассказывал своим знакомым»³¹.

Далее он показал о своей переписке с настоятелем французского храма Св. Людовика в Москве Леопольдом Брауном³²; о контактах Пьетро Леони со священником греческой церкви и православным священником, перешедшим в католичество. Дал показания он и о священниках Николае Пигере³³ и Иосифе Хахуле³⁴, выступавших в костеле «с проповедями против Советского Союза и призывами к верующим бороться с большевиками»; об оставшихся на территории Украины священниках-миссионерах Петре Кулешире и Михаиле Симовиче. Против настоятеля Пьетро Леони подписал также компрометирующие показания: «Леони П. в беседах со мной говорил, что советская власть является властью рабовладельческой. Он утверждал, что граждане СССР лишены человеческих прав и свободного вероисповедания. Руководителей советского правительства называл дьяволами, с которыми, как он говорил, надо вести борьбу»³⁵.

Рассказал Жан Николя и о беседах с прихожанами: «Патрикмахер Станислав говорил, что "Советский Союз является страной бандитов и воров, что нет жизни для народа"». «В беседе с прихожанками мне приходилось слышать, что якобы органы НКВД арестовывали невинных людей, судили и отправляли в лагеря». «Некоторые старухи говорили мне, что якобы

³¹ И следствие добилось от Жана Николя имен этих знакомых.

³² С Леопольдом Брауном Жан Николя учился в Лувенском университете.

³³ Пигер Николай. Католический священник. Во время немецко-румынской оккупации служил в Одессе, в 1944 — при отступлении войск выехал в Сибирь, позднее хиротонисан во епископа.

³⁴ Хахула Иосиф. Католический священник. Во время немецко-румынской оккупации служил в храме Одессы, в 1944 — при отступлении войск выехал в Сибирь.

³⁵ Показания Жана Николя о Пьетро Леони приведены в Приложении IV.

органы Советской власти арестовывали священников, в результате верующие оставались без духовного обслуживания. Кое-кто из них предупреждал меня, что органы власти могут арестовать и меня, и что мне будет плохо. Я этим старухам заявлял, что я против Советского Союза ничего плохого не делал, и арестовывать меня нет оснований».

О рассказах уже арестованной прихожанке Люции Тачижевой, на которую, очевидно, следствием собирався компромат, он показал подробно: *«В беседе со мной она распространяла версию, что якобы до войны в России было два случая массового голода, в то время как хлеба и продуктов имелось много, советское правительство хлебопродукты вывозило за границу, а населению ничего не давало. Она же мне говорила, что в период 1935–1937 годов органами НКВД была арестована масса людей, что якобы в Одессе на улицах все время была кровь: по городу провозили партиями трупы людей».* Другие прихожане говорили, что *«якобы теперь арестовывают людей за то, что виделся или имел связь с иностранцем, и что дворникам дан строгий секретный приказ следить, кто имеет общение с иностранцами, к кому ходят иностранцы, сообщая об этом в НКГБ».*

Следствие с таким "усердием" продемонстрировало ему эти "основания", что 26 июня он уже подписал компромат против действий Ватикана и Папы Римского: *«Ватикан, Папа Римский, в том числе и большая часть католического духовенства к Советскому Союзу и существующему в нем политическому строю относились враждебно. Ватикан рассматривал Советский Союз как страну, распространяющую коммунизм и безбожие в Европе. Ватикан и Папа Римский были на стороне капиталистических стран, проводивших подготовку войны против Советского Союза. Они были заинтересованы в победе над СССР, над большевизмом. С уничтожением в СССР советского строя и большевизма Ватикан и Папа Римский рассчитывали на возможность распространения в России католической религии и подчинения православного духовенства и Церкви папскому престолу».*

10 августа 1945 года следствие устроило очную ставку между обвиняемыми — Пьетро Леони и Жаном Николя, что

было особо мучительно для последнего. Впереди каждого из них ждал "крестный путь" по тюрьмам, пересылкам и лагерям, и они получили разрешение следователя благословить друг друга на прощание.

13 сентября 1945 года каждому из них было предъявлено «Обвинительное заключение», в них значилось, что подсудимые *«являлись агентами Ватикана и вели на территории СССР шпионскую работу и антисоветскую агитацию»*. 12 ноября 1945 года обвиняемые были приговорены: Пьетро Леони — к 10 годам лагерей, Жан Николя — к 8 годам лагерей. Сначала отец Жан был отправлен в Карагандинский лагерь, а в декабре 1949 года переведен в Воркутинский, где на одном из лагерных пунктов встретился с Пьетро Леони.

* * *

Католический священник Венделин Яворка³⁶ был арестован в монастыре иезуитов города Черновцы после окончания войны, 12 июня 1945 года. Первые сведения о ректоре Коллегиума «Руссикум» Венделине Яворке органы МГБ получили еще в 1941 году от арестованных ранее священников. Именно тогда отец Венделин прибыл в Буковину, когда она была оккупирована немцами; а в конце войны, после ухода немцев и установления советской власти он сразу был арестован, хотя «Постановление» на его арест было оформлено два дня спустя. В нем следователь утверждал, что В. Яворка является *«агентом Ватикана»*, что он прибыл в Советский Союз *«со специальным заданием шпионского характера»*³⁷.

Сам же священник Венделин показал на допросах, что главной задачей, поставленной перед ним Ватиканом перед отъездом на Буковину, — *«распространять среди верующих влияние католицизма»*. Надо было также сообщать в Рим данные о необходимом числе католических священников для обслуживания верующих, о бытовых условиях священников и верующих, а главное — *«насколько созрела обстановка для*

³⁶ Справка о нем приведена в Приложении V.

³⁷ Далее: Следственное дело В. М. Яворки // Центральный архив ФСБ РФ.

постановки вопроса о воссоединении Русской Православной Церкви и Католической».

Спокойно давая подобные показания на следствии, отец Венделин вкладывал в них свое понимание миссионерской деятельности, но для следственных органов атеистического государства они сводились к единственно понятному и точному обвинению в *«шпионской деятельности в пользу Ватикана»*.

Вопрос: Вы признаете себя виновным в предъявленном обвинении?

Ответ: Я не отрицаю, что с 1935 по 1941 год я готовился для миссионерской деятельности в России и в свою очередь готовил миссионеров, будучи ректором «Руссикума». В конце 1941 года по заданию Ватикана как миссионер прибыл на Буковину и имел намерение проникнуть в Москву. Что же касается разведывательной работы, которую якобы я проводил против СССР, и моей связи с оккупационными властями, то в этом я себя виновным не признаю.

Вопрос: С какой целью вы намеревались проникнуть в Москву?

Ответ: В Москву я должен был проникнуть по заданию генерала Ледоховского и кардинала Тиссерана для обслуживания католиков, проживавших в Москве и для связи с Православной Церковью с тем, чтобы добиться слияния Православной Церкви с Католической.

Вопрос: Чем вызывалась постановка перед вами таких задач?

Ответ: Постановка этих задач передо мной вызывалась стремлением Ватикана воссоединить Православную Церковь с Католической под верховным руководством Папы Римского. В этом направлении Ватиканом проводилась и проводится большая работа по распространению католицизма по всему миру.

Вопрос: Ватиканом проводится активная идейная борьба против материалистического мировоззрения и против коммунизма. Чем вызывается необходимость ведения такой идейной борьбы?

Ответ: Необходимость борьбы против коммунизма и материализма вызывается тем, что они диаметрально противоположны теократической идее, то есть отрицают существование Бога и управление Богом всем миром.

Далее отец Венделин показал, что он в своих проповедях доказывал существования Бога и необходимость послушания божественным законам. Он отметил, что с 1922 года по указанию Папы во всех странах мира начали организовываться католические организации, и в них вовлекаются взрослые и дети, что в задачу организаций входит поднятие церковной католической веры и сохранение католических принципов в семье. Участникам рекомендуется распространять среди населения католическое мировоззрение и отвлекать остальное население от влияния материализма и безверия.

Для следствия важно было получить имена выпускников «Руссикума» и прежде всего тех, кто был направлен на миссионерскую работу в Советский Союз. Ведь перед войной с 1929 по 1934 год именно Венделин Яворка был деканом «Руссикума», а затем он был отправлен в Харбин, но в 1939 году вновь возвращен в Рим для продолжения работы: ему ли не знать многих его выпускников. Однако в этом отношении обвиняемый оказался для следствия малополезен, хотя подробно рассказал о тех выпускниках, кто остался на Западе. Вот его стандартный диалог со следователем:

Вопрос: Кто из окончивших «Руссикум» находится в Советском Союзе в качестве миссионеров Ватикана?

Ответ: Кто из миссионеров Ватикана находится в Советском Союзе, мне не известно.

Вопрос: В целях чего вы скрываете их?

Ответ: Я не скрываю. Помню, в 1926 году Восточной Конгрегацией были посланы в Советский Союз два священника-миссионера Ватикана Швейгель Иосиф, австриец, и Ледит Иосиф, француз, с целью организации духовных семинарий в Москве и Ленинграде. Ездили они по разрешению советских властей, легально.

Вопрос: Кто нелегально был послан Ватиканом в Россию?

Ответ: Не знаю, но нелегальная переброска Ватиканом практиковалась. Это исходит из долга проповедования Евангелием учения Христова, которое гласит: "Идите и учите все народы".

Вопрос: Кого из миссионеров Ватикана, проживающих в Советском Союзе, вы знаете?

Ответ: Из миссионеров Ватикана, проживающих в Советском Союзе, я не знаю никого.

И даже когда следствию удалось доказать обвиняемому, что он знал священника Пьетро Леони, и от обвиняемого потребовали охарактеризовать Леони в политическом отношении, отец Венделин заявил: *«В политическом отношении охарактеризовать Леони затрудняюсь, так как в этом отношении я его не знаю»*. Зато против самого Венделина Яворки один из арестованных священников на Урале, Виктор Новиков, теперь в качестве "свидетеля", показал:

«Яворка, как ректор Коллегиума "Руссикума", являлся непосредственным руководителем-воспитателем священников-миссионеров и ответственным за качество их подготовки... Встречаясь с ним в Коллегиуме «Руссикум» в период с 1931 по 1934 год, в разговорах мне неоднократно приходилось слышать с его стороны высказывания антисоветского, антикоммунистического характера... Яворка высказывал мне свою неприимчивость с коммунизмом, говорил о необходимости борьбы с коммунизмом путем противопоставления христианской философии и религии, говорил о том, что необходимо вырвать русскую молодежь из рук коммунизма и воспитывать ее в духе католическом. Высказывал также измышления о гонении на религию в Советском Союзе, отсутствии свободы совести и закрытии церквей... Яворка — один из активнейших организаторов и руководителей борьбы против Советского Союза».

13 сентября 1945 года Венделину Яворке было предъявлено обвинение, повторявшее прежнее, а именно в том, что он являлся *«агентом Ватикана и прибыл в СССР для ведения шпионской работы»*. Разве что добавилось еще обвинение *«в подготовке для заброски в Советский Союз с разведывательными*

целями других лиц из числа русских эмигрантов и иностранцев, враждебно настроенных против Советской власти». После предъявления ему этого обвинения в протоколе зафиксирован его ответ: *«Заданий по разведывательной работе не имел. Виновным себя не признаю»*. Тем не менее 12 ноября 1945 года Венделин Яворка был приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Темниковский лагерь.

* * *

Еще один послевоенный групповой процесс священников-миссионеров связан с католической миссией в Харбине. После исчезновения Фабиана Абрантовича из Ватикана прибыл архимандрит Андрей Цикота, возглавивший миссию в последующие наиболее трудные десять лет. Ближайшими помощниками и коллегами архимандрита Андрея в миссии, как и ранее, были иеромонахи Иосиф Германович, Фома Подзява, Козьма Найлович, иереи Поль Шалей, Павел Портнягин, Антоний Лещевич³⁸, Антоний Анискович³⁹ и штат преподавателей и воспитателей — мирян. Несмотря на очень сложную обстановку, в учебных заведениях шла обычная размеренная жизнь: в них обучалось более пятисот детей. Всех надо было кормить, учить, воспитывать, хотя финансовая помощь Ватикана почти прекратилась, так что существовали исключительно на свои средства: завели подсобные хозяйства, сами выпекали хлеб.

«Но тучи все более сгущались: угнетали бесконечные проверки и придирки со стороны сначала советских, а затем и китайских коммунистических властей»⁴⁰. В городе, переданном после окончания Второй мировой войны Китаю, следственные

³⁸ Лещевич Антоний, родился в 1890. Получил высшее образование. В 1914 — рукоположен, служил в Санкт-Петербурге. В 1924 — служил настоятелем храма в Харбине; преподавал латынь в лицее св. Николая. В 1937 — выехал в Польшу. 17 февраля 1943 — заживо сожжен с прихожанами немецкими фашистами в храме местечка Росица на реке Двине.

³⁹ Анискович Антоний Степанович. Монах, иеромонах. Работал в лицее Св. Николая старшим воспитателем, заведующим амбулаторией и лазаретом.

⁴⁰ Страницы истории. Харбин — русский и католический. // www.procatholic.ru/index.php...

органы СССР хозяйничали, как у себя дома. Имея сведения о выпускниках «Руссикума», чекисты провели в Харбине последнюю операцию, были арестованы: архимандрит Андрей Цикота, священники-миссионеры Иосиф Германович, Косьма Найлович, Томас Подзяво, Павел Портнягин, Павел Шалей⁴¹. «22 декабря 1948 года распорядок дня был обычным. Литургию в домовом храме лица служил архимандрит Андрей. Проповедь он посвятил прославлению нашей заступницы Матери Божией. После службы был праздничный обед для преподавателей, после чего все вернулись к своим обычным занятиям.

Незадолго до отбоя, проходя мимо, отец Иосиф Германович увидел в вестибюле толпу китайских полицейских. Они его окликнули и велели собрать всех, поименованных в списке, который тут же ему вручили. Все собрались у директора в кабинете. Старший стал зачитывать по-китайски какой-то документ, а другой пытался его переводить на русский язык, собравшиеся внимательно слушали, но понять ничего не смогли. Речь шла о каких-то анонимных "плохих людях", которые якобы здесь присутствуют. Чтение "документа" было простой проформой, так сказать, соблюдением процедуры, и как только она закончилась, присутствующим скрутили руки назад и поспешно стали выводить совершенно раздетых людей во двор, а затем на противоположную сторону улицы, где стоял автобус с потушенными огнями. Там всем надели наручники и завязали глаза.

Все было кончено за какие-то пятнадцать минут. Автобус сорвался с места и стремительно понесся по опустевшим улицам города. Все решили, что везут на расстрел, — в то время это было обычным делом. Автобус остановился, и узников завели на 2-й этаж какого-то дома. Заставили сесть полукругом на пол и выставили охрану. Через несколько минут в комнату втолкнули полупарализованного секретаря миссии Виктора Власова фон Вальденберга и преподавателя математики Петра Марчишина. Вскоре приказали ложиться спать — тут же, на голом полу. Разговаривать арестованным не разрешали.

⁴¹ Справки о них приведены в Приложении V.

Через сутки после тщательного обыска, во время которого отобрали буквально все: часы, молитвенники, пояса, носки, шнурки, и даже срезали металлические пуговицы. Выдали стеганую ватную одежду, которой, однако, всем не хватило, вывели на улицу, посадили в грузовик и опять куда-то повезли. Конечным пунктом оказалась станция Старый Харбин, в 4 км от города. Тут всех быстро завели в товарный вагон и в наручниках, скованных одной цепью, заставили лезть под нары. На нарах разместился конвой. В вагоне был страшный мороз, хотя топились железная печка, но с пола и от промерзших стен тянуло пронизывающим холодом.

На первый день Рождества, поздно вечером, состав пришел на пограничную с Советским Союзом станцию Маньчжурия. Все это время узникам давали раз в день кипяток и кусок хлеба. Забрав ватную одежду и сняв наручники, китайцы передали арестованных советским властям. Как видно, их считали "важными птицами", так как за ними из Москвы прибыла целая делегация — полковник, майор и три лейтенанта, не считая конвоя»⁴².

Священник Павел Шалей в своих воспоминаниях отметил, что сам арест напоминал «какой-то разбойничий налет», когда в праздник Непорочного зачатия Пресвятой Богородицы в католическую миссию «ворвались вооруженные пулеметами люди», а о трехдневном путешествии до Читы в поезде вспоминал так: «Вначале на всех были наложены наручники, но вскоре пришел полковник и, посоветовавшись с толстым майором, приказал снять их. "Святым отцам", как полковник называл иронически священников, принесли папирос, чаю и сахару, которого они десять лет уже не видали... Затем явилось масло, колбаса и, наконец, — неслыханная роскошь — постели с двумя простынями!»⁴³

Далее отец Павел писал о бесконечных "хождениях по мукам": заключении в одиночные камеры, где «условия жизни, и

⁴² Страницы истории. Харбин — русский и католический. // [www.procatholic.ru >index.php...](http://www.procatholic.ru/index.php...)

⁴³ Здесь и далее из: Шалей П. Турист в России. — Рим, 1956 // Архив Коллегиум «Руссикума».

прежде всего пища, были ужасны», а затем — о бесконечных допросах. Весной 1949 года всем арестованным как «*участникам контрреволюционной организации*» были предъявлены стандартные обвинения: шпионаж в пользу Ватикана и антисоветская агитация. 10 мая 1949 года все обвиняемые были приговорены к 25 годам лагерей и 11 ноября отправлены в Тайшетлаг (особый лагерь № 7).

Условия жизни и работы в лагере он описал подробнее: «Десятичасовой рабочий день зимой и летом начинался в шесть часов утра. Заключение встают усталые от бессонной ночи, бегут в столовую, где их ожидает жидкий суп, после которого еще мучительнее хочется есть... Люди буквально умирали от голода и готовы были продать друг друга за кусок хлеба... Сбор на работу. Все бегут, строятся по пять человек, долго стоят на морозе зимой или на жаре летом, перестраиваются, стоят, стоят... Наконец ворота отворяются... Новая остановка, на этот раз посередине воды. Приказ: "Садись!" Все садятся прямо в воду. "Встань! Садись!" Эти издевательства были очень часты».

Как вспоминал отец Павел, в Тайшетском лагере пастырское служение священников было практически невозможно, ведь «после изнурительной, зачастую шестнадцатичасовой работы и священник, и его товарищи едва были в силах добратсья до койки и свалиться на нее, иногда даже без ужина. Их заставляли работать даже по воскресеньям. В результате у людей не было никаких других интересов, кроме желания заработать денег, чтобы купить побольше».

Только после смерти Сталина режим в Тайшетлаге несколько смягчился: сокращен был рабочий день, введены выходные, улучшилось питание, прекратились издевательства конвойных, особенно после ареста Берии. Заключение воспряли духом — появилась надежда на скорое освобождение. Именно тогда, священники стали даже тайно служить литургию.

Только в 1955 году, после многочисленных обращений в Министерство иностранных дел, Павел Шалей вместе с оставшимися в живых священниками был досрочно освобожден из лагеря и смог вернуться во Францию. Из всех арестованных

в Харбине погибли в лагерях архимандрит Андрей Цикота⁴⁴ и миряне Виктор Власов фон Вальденберг и Петр Марчишин. Остальные священники после отбытия восьми лет в лагерях в Сибири были освобождены досрочно, реабилитированы и вернулись к повседневной жизни.

* * *

Католический священник-миссионер Пьетро Леони, служивший недолгое время в Одессе и достойно прошедший свой крестный путь, вызывает удивление и восхищение своей стойкостью и непримиримостью во время следствия и активной миссионерской деятельностью в тюрьмах и лагерях.

Он родился в 1909 году в Премилькуде (Италия). После окончания духовной семинарии в Милане вступил в Галлорском монастыре в орден иезуитов, а с 1931 года обучался в Григорианском университете в Риме. В 1935 году окончил Коллегиум «Руссикум», затем прошел разговорную практику русского языка в Колледже иезуитов, а в 1939 году был рукоположен в католического священника восточного обряда. В начале 1940 года находился в монастыре во Флоренции, летом был призван в армию и служил капелланом в госпитале в Болонье⁴⁵. В марте 1941 года военный капеллан Пьетро Леони вместе с госпиталем итальянской армии прибыл в Албанию, в июне — в Грецию, а в августе — в Донбасс. Полевой госпиталь занял три здания старой железнодорожной больницы в маленьком поселке, расположенном севернее городка Юзовки⁴⁶. Здесь и началось служение католического священника восточного обряда Пьетро Леони, затем его дальнейший путь пастыря в Одессе и после ареста — в тюрьмах и лагерях. После возвращения на родину он подробно рассказал обо всем в своих воспоминаниях "Шпион Ватикана", изданных в Италии, и представленных ниже.

Ирина Осипова

⁴⁴ 13 февраля 1952 года скончался в больнице Озерлага (особого лагеря № 7).

⁴⁵ Эти сведения приведены в материалах следственного дела: анкете арестованного и его показаниях на первом допросе.

⁴⁶ При большевиках город был переименован в Сталино.

Пьетро Леони

"Шпион Ватикана"

Глава I. Первые встречи

На пути в Донбасс

Меня звал мой долг военного капеллана. Где-то около 20 ноября мы выехали в Сталино. Испытания начались с первых дней поездки: по утрам грузовики, с вечера оставленные в слякоти, оказывались вмерзшими в лед, приходилось разводить под двигателями костер, а потом топорами разбивать лед под колесами. И вот наконец мы в пути. Первая ночевка в Павлограде, затем в Гришино; лишь через три дня мы приехали в Сталино.

Первые морозы всегда чувствуются сильнее, особенно если едешь в кабине грузовика. Мы проехали через Сталино, бывшую Юзовку, и на один день остановились в его восточном пригороде. Здесь мы наконец узнали о месте нашего назначения: небольшой поселок А. севернее Сталино, там нужно разбить полевой госпиталь, заняв все три здания старой железнодорожной больницы. Мороз все усиливался, дороги становились все менее и менее проезжими из-за снежных заносов и удаленности поселка от города. Это были даже не дороги, а нечто вроде накатанной колеи, тянувшейся через всю степь, но мы не теряли мужества, надеясь на то, что на какое-то время это будет последним этапом.

Больше всего поражали толпы несчастных беженцев, передвигавшихся в разных направлениях, иногда и навстречу друг другу; все они несли пожитки и скудные запасы продуктов. Было похоже на растревоженный муравейник: кто-то уходил подальше от фронта, изгнанный военными властями; кто-то бежал, гонимый страхом и нуждой; кто-то, наоборот, двигался к фронту в поисках семьи. Некоторые несли простые заплечные мешки, другие шли с пустыми руками, кто-то тащил тележку с жалкими пожитками или санки, реже их тащила изможденная лошадь, которую не реквизировали военные из-за полной ее непригодности.

Первая месса для народа

С самого начала пребывания в А. я развил бурную деятельность, чтобы привлечь души народа. Я задумал отслужить святую мессу по восточному обряду в первое же воскресенье, мои офицеры и солдаты тоже очень хотели присутствовать.

Церкви здесь не было уже много лет, так что я решил провести службу в большом помещении амбулатории, расположенной рядом с нашим госпиталем. Новость о предстоящей мессе, скорее, приглашение на церковную службу распространилось мгновенно, и в воскресное утро помещение заполнилось народом; собралось более двухсот верующих. Я подготовил себе помощника, но, как только раздались первые слова литургии, верующие соединились в настоящий хор, заглушивший, конечно, слабый и неуверенный голос моего помощника.

Наверное, и этого было достаточно, чтобы вызвать умиление, но самый трогательный момент ожидал нас в конце проповеди, которую я произнес на русском языке. Слова краткой проповеди, подсказанные мне окружающей обстановкой, вызвали во взволнованной толпе такие слезы и рыдания, что своей простой человечностью тронули сердца даже наших офицеров. Те потом полушутя-полусерьезно спрашивали меня: «Что ты сказал, что они так расплакались? Еще немного, и мы бы тоже разрыдались, хотя не поняли ни слова».

Я поздравил присутствующих с тем, что они не потеряли веру: «Не напрасны были молитвы, вознесенные к Господу Вселенской Церковью, мы просили Его дать вам силу духа и стойкость во всех испытаниях вашей веры, помочь выдержать эти двадцать три года гонений. Мы постоянно обращались к Господу, усердно повторяли: "Спаситель мира, спаси Россию", — и Он услышал нашу горячую молитву». Завершая проповедь, я призвал верующих быть готовыми к дальнейшей борьбе против атеизма, изучать книги о вере и молитвы.

Народное пророчество

Я обратился к верующим с предложением в тот же вечер начать религиозные занятия, приведя с собою молодежь и детей. Отклик был настолько велик, что после обеда в зале амбулатории не все нашли место, где сесть. Я сразу же резко выступил против атеизма, приведя доказательства существования Господа, создателя и устроителя вселенной. Все, взрослые и дети, воодушевились и в общей молитве возблагодарили Господа за вновь обретенную свободу.

После проповеди я раздавал маленькие бумажные и металлические образки, они шли нарасхват. Почти у всех присутствующих были вопросы, связанные в основном с крещением детей или внуков. Мне потребовалось усилие, чтобы не дать захватить себя их безоглядным энтузиазмом; спокойно и терпеливо я растолковывал, на каких условиях смогу окрестить детей "православных" верующих⁴⁷. «Пока я могу окрестить только детей католиков», — объяснял я.

Конечно, это был благоприятный момент, чтобы поговорить о воссоединении с Римом, и я воспользовался им, введя их в суть вопроса. Я убедился, что простым верующим ничто не мешает вернуться в единое лоно Христово. В те первые дни пребывания в А. я услышал народное пророчество о Папе: одна старая женщина, узнав, что получить от меня крещение можно, лишь признав власть Папы, заплакала; я думал, она плачет от разочарования, а она, оказывается, вспомнила услышанное от кого-то предсказание: «Мы избавимся от рабства, когда к нам придет Римский Папа».

⁴⁷ "Православные" — кавычки означают буквально "именуемые православными", так как по представлениям описываемого времени православную веру содержит только Католическая Церковь, но не "схизма". По смыслу примерно, что и слово "инославные", употребляемое православными в отношении католиков (далее без кавычек).

Глава II. На Украинской земле

С народом

Многочисленные хлопоты не отвлекали меня от апостольской деятельности среди гражданского населения. Меня не остановил даже приказ верховного немецкого командования: военным капелланам запрещалось заниматься религиозным служением среди населения оккупированных немцами территорий. Приказ гласил:

«— полностью воздерживаться от вмешательства в русские религиозные дела, оставляя местному населению свободу вероисповедания, следовательно, запретить любую форму пропаганды;

— религиозное служение духовных капелланов, как католиков, так и евангелистов, запретить всюду, за исключением войск; распространить запрет и на население арийской расы;

— воздержаться, согласно вышеуказанному запрету, от вмешательства в дела восстановления или строительства храмов».

Немецкий приказ был передан нашим верховным командованием генералу Мессе 5 января 1942 года. Не знаю, был ли на Восточном фронте кто-то, кроме меня, кого бы так задело за живое это прискорбное решение. Несколько недель мое сердце буквально кровоточило. Конечно, я никоим образом не мог согласиться с такой несправедливостью: приказ противоречил велению Спасителя: «Идите и проповедуйте всем народам», — но как военный я обязан был подчиниться.

«Возможно ли как-то избежать надзора? Несомненно, надо быть осторожнее, чтобы избежать не столько наказаний, которые меня вовсе не пугают, сколько перевода, ибо служить здесь — моя миссия. Иисус, Господь мой, прииди на помощь этому народу! Укажи путь, как выполнить свой долг и посрамить дьявола». Итак, я продолжил апостольское служение среди местного населения — с большей осторожностью, но с не

меньшим рвением. Первой моей заботой были заблудшие овцы Католической Церкви, их я находил повсюду.

В этом местечке оказалось шесть или семь католических семей, две или три из них армяне по происхождению. В одной из армянских семей была полуслепая старуха, очень набожная; она почти совсем не знала ни по-русски, ни по-украински, но горела желанием исповедаться и причаститься и много лет мечтала о встрече с католическим священником! Она исповедалась как могла, выразив покаяние больше слезами и биением себя в грудь, чем словами — вообще-то менее понятными, чем жесты. Но какой великой и невыразимой была ее радость, когда она получила отпущение грехов и приняла святое причастие.

Мое предпочтение было отдано детям, и они выделяли меня среди прочих итальянцев. Дети приходили на уроки катехизиса, охотно общались со мной в свободное время. Как только я появлялся в центре поселка, дети выбегали из домов, здоровались или просто шли рядом: я стал "батюшкой" для всех, в том числе и для наших военных. Среди православных семей тоже находились такие, которые просили меня окрестить детей. В одной украинской семье, очень дружелюбно настроенной к нашим военным, было две девочки: старшая была крещена в православии, а младшую, шести или семи лет, еще не крестили. Родители решились просить меня совершить над ней обряд крещения, пообещав в дальнейшем воспитывать девочку в католическом духе; а потом они и сами захотели войти в лоно Католической Церкви, что и произошло на Пасху 1942 года.

Меня давно интересовала еще одна семья: мать с тремя дочерьми, старшей не больше двенадцати-тринадцати. Меня беспокоила их материальная и духовная нищета: мать болела и почти не вставала, дочери голодали, ни одна из них не была крещена. Подобная нищета встречалась почти повсюду среди местного населения, но в этой семье присутствовала нищета и духа, и тела, к тому же глубочайшая. Поэтому я продолжал ходить в их дом, хотя меня отговаривали от посещений: ходили слухи о прошлом сожительстве матери с офицером НКВД, и считалось, что из-за этого она не заслуживает сочувствия. Как тут быть? И

прежде всего, кто знает правду? Возможно, слухи объяснялись завистью соседей, но даже если слухи были правдой, то правда и то, что Отец небесный милостив как к праведникам, так и к грешникам...

А вдруг для этой несчастной настал час благодати? И, кроме того, чем виноваты дети, ее дочери? Они-то больше всего нуждались в Божьей благодати. Конечно, я не поддался и продолжал свое дело: заботился о них в меру возможностей, обеспечивая прежде всего материальную помощь. Большую часть сухарей, которые мне присылали из дома для голодающих русских и украинских детей, я относил в их нищую хату; но главной моей заботой был хлеб духовный для матери и дочерей. Дочери мало-помалу усваивали христианское учение, но мать воспринимала его весьма равнодушно; с большим трудом я добился ее согласия на крещение детей. Наконец, благодать восторжествовала, и к празднику Вознесения я с радостью окропил головки дочерей святой водой и совершил обряд конфирмации.

15 марта 1942 года меня призвали к постели тяжелобольного православного, перед смертью он хотел принять Святые Дары. Я предупредил его, что являюсь католическим священником, и объяснил, что не могу так просто выполнить его желание, не прояснив ситуацию. «Да, — ответил он, — я знаю, что вы католический священник, именно поэтому обращаюсь к вам. Вы, я уверен, рукоположены по уставу, а эти наши... мы не знаем, кто их поставил». Поскольку он рассуждал здраво, я вкратце объяснил ему основные различия между католичеством и православием.

Важно было убедить его исповедаться в католической вере, не потревожив при этом его совести; и надо было объяснить, что подчиниться высшей власти преемника св. Петра отнюдь не означает отступничество от крещения. Это оказалось нетрудно, благодаря его доброй настроенности, а главное, милости Божьей, которая его явно поддерживала. Я убеждал его:

— Входя в лоно Католической Церкви, вы не изменяете своей прежней вере в том, что в ней свято, наоборот, вы ее совершенствуете и дополняете, устраняя недостатки, вызванные

расколом. Этим шагом вы не изменяете православию в истинном смысле этого слова, вы обретае его, потому что единственная Церковь, заслуживающая по-настоящему имя православной — это католическая.

— Значит, я не грешу, принимая католическую веру, — заключил он.

— Не только не грешите, но и обретае заслугу перед Богом, подчиняясь воле Христа. Скажу больше: вы согрешили бы, не повиновавшись Пастырю, которому Спаситель поручил Свое стадо.

Больной подтвердил желание принять от меня Святые Дары, и я совершил над ним таинство по восточному обряду.

Между народом и кесарем

Моя деятельность раздражала также партизан, которые уже давали о себе знать. Однажды мне передали, что раскрыт их заговор, целью которого был в том числе поджог нашей "церкви", то есть амбулатории, где я собирал для богослужений солдат и народ. «Неужели в отношениях с местным населением я заслуживаю такого оскорбления, — думал я, — люди испытывают ко мне доверие, разве это не свидетельствует в мою пользу? Но это ведь и злит неправедных».

Жители постоянно пользовались моими услугами не только как переводчика, но и как посредника между ними и итальянскими, а иногда и немецкими военными властями. Многие местные девушки избежали отправки на работы в Германию благодаря выданным мною справкам: они считались на службе в нашем госпитале. Помню, какую боль вызвал у меня следующий случай: ко мне пришел мужчина и, плача, рассказал, что его жена, еврейка, но крещеная, верная жена, помещена в гетто и подвергается смертельной опасности. Он просил меня ходатайствовать за нее перед немецким комендантом; тот был известен как последний негодяй.

Я объяснил, что, будучи католическим священником, являюсь одиозной личностью для нацистов; так что идти к нему с

такой просьбой по меньшей мере бесполезно. Но за какую соломинку не ухватится утопающий? Бедняга умолял меня сделать хотя бы попытку. Мне не хотелось, чтобы о католическом священнике осталось дурное впечатление, как о человеке с каменным сердцем, и, согласившись помочь, я пошел к немецкому коменданту; его ответ был циничным: «Чем я виноват, что этот господин женился на еврейке?» Я настаивал, приводил довод, что женщина крещена, что она добрая жена и мать семейства. Он ответил, что закон есть закон, не он его издавал, не ему и нарушать. Все мои усилия оказались бесполезными.

Несколько дней спустя население с ужасом смотрело на братскую могилу, вырытую недалеко в поле самими жертвами и заваленную телами: от глубоких стариков до грудных младенцев. Избежали этой участи лишь дети, чьи матери были еврейки, а отцы — русские или украинцы.

С православными священниками

Тем временем я заботился и о местном клире. В первые месяцы священники из тех, кто выжил во время гонений, робко появлялись среди прихожан: некоторые были известны местным жителям; про других, явившихся неожиданно, народ не знал, ни откуда они, ни имеют ли право служить. Правда, большинство прошло советские тюрьмы, но местное население все равно относилось к ним с подозрительностью, зная, что среди них были и такие, кто во время гонений вел себя недостойно.

С особой настороженностью люди относились к тем, кого считали "самозванцами", то есть совершающими богослужения самозванно, не будучи рукоположенными; такое подозрение вызвал священник, который первым явился к нам в местечко. Он провел богослужения на Рождество, Новый год и Крещение и старался стать во главе прихода. Но вскоре вызвал большие подозрения и потерял доверие верующих, причем скомпрометировали его не столько грубость и невежество, сколько мздоимство.

Православные верующие пришли ко мне со своими сомнениями и просьбой помочь им разобраться. «Мы боимся,

что это диакон или просто псаломщик, выдающий себя за священника», — так говорили мне члены приходского совета. Поскольку дело происходило в Православной Церкви, вопрос о легитимности пастыря никак меня не касался, к тому же даже среди высших архиереев Церкви были такие, кто не был легитимен во всей полноте. Но тут речь шла о слишком явном злоупотреблении и самозванстве, а обман был слишком жесток для верующих.

Я не мог игнорировать то, что происходило у меня под носом, поэтому я счел своим долгом пойти навстречу людям. Я допросил священника и проверил документы о рукоположении — они оказались подлинными. Некоторое время он еще служил в приходе, но вскоре исчез. Видимо, потому что его подозревали в принадлежности к "Живой Церкви", то есть к Церкви обновленческой; той, которая заключила гнусный компромисс с большевизмом и ввела в свои каноны скандальные реформы, такие как повторный брак священников и женитьба епископов.

Приехал другой священник, казавшийся более порядочным; с ним и другим священником из соседнего села у меня сложились хорошие отношения. Естественно, я не мог во всем идти им навстречу, как в том случае, когда они обратились ко мне за святым елеем, но я всегда старался относиться к ним с максимальным христианским милосердием. Помню, что как-то один из них доверился мне и сказал, что я не вызываю у них чувства скованности, которое они обычно испытывают с другими моими коллегами. Когда речь шла о священном миро и елее оглашаемых, которые он хотел получить от меня любой ценой, он рассуждал так: «Наша Церковь доведена до нищеты — как тот несчастный, что в притче о самаритянине попал в руки разбойников, поэтому Римскому Папе, как доброму самаритянину, надо сжалиться и помочь нам...»

Мне пришлось обратить его внимание на то, что Католическая Церковь почитала бы за счастье прийти им на помощь и сделать все возможное для того, чтобы излечить их раны. Но и они, раненные этими разбойниками, а до них и теми, кто учинил раскол, должны довериться доброму самаритянину, дабы

испытать на себе его благотворные деяния. Эти священники были огорчены моим отъездом; один из них, прощаясь, сказал: «Жаль, что вы так быстро уезжаете. Если бы вы пробыли подольше, можно было бы надеяться на достижение благих результатов в деле воссоединения Церквей, тем не менее я рад, что вы едете в Днепропетровск, там вы встретитесь с нашими архиереями и с ними, возможно, сможете более успешно обсудить этот вопрос».

Церковь Св. Иосифа

Католический храм, о котором мне говорили армяне из Днепропетровска, был посвящен Св. Иосифу. Превращенный в библиотеку, он оставался храмом только снаружи, внутри же не было ни алтаря, ни святых образов, а только нагромождение шкафов с книгами, газетами, журналами, и на стенах повсюду плакаты и картины, изображающие главных идолов Советов. В таком виде храм пробыл при нас несколько месяцев.

Однако позднее его удалось открыть, несмотря на предписание немцев не заниматься восстановлением церквей; это оказалось возможным благодаря предприимчивости и находчивости Паскуале Байокки, начальника резервного госпиталя № 1. Он заявил, что в церкви будут проводиться богослужения для наших солдат, расквартированных в Днепропетровске. Но как только наши военные капелланы во главе с доном Кьяпперо, капелланом резервного госпиталя № 1, стали проводить богослужения, в церковь вместе с военными стало приходить и местное население.

В городе и в окрестностях оказалось много католиков, по большей части латинского обряда; богослужения были им понятны, и они в них участвовали с большим воодушевлением. Не хватало одного — общего языка между верующими и священнослужителями, поэтому наш дорогой дон Арриго Пинторелло, ставший архиепископом, главным капелланом Итальянского экспедиционного корпуса в России, решил перевести меня в качестве второго капеллана в резервный госпиталь № 1 в Дне-

пропетровск. Вот так я, оставаясь военным капелланом, стал "настоятелем" прихода.

Мой переезд произошел в середине девятидневной подготовки к Пятидесятнице, которая в тот год приходилась на 24 мая. Несмотря на то, что в первые вечера мая у меня уже было несколько кратких встреч с паствой, большинство католиков Днепропетровска испытало великую утешительную радость, когда в праздник Св. Духа, после проповеди, обращенной к итальянским военным, они внезапно услышали, как к ним обратились по-русски. Это вызвало слезы и рыдания местного населения, столько лет униженного и теперь как бы вновь крещенного.

Это зрелище стало даже для наших офицеров и солдат хорошим назиданием; обобщая, скажу, что на Восточном фронте мы заметили всплеск веры у наших военных. Раньше многие из них были равнодушны, теперь же, в общении с народом, жаждущим веры, необыкновенно воодушевились. Мы видели, как наши военные раздавали медальоны и образки, как они становились крестными отцами; общаясь с местной молодежью, невежественной и порой отвергавшей религию, наши итальянцы стали давать им уроки веры, превратившись в активных поборников католицизма.

В приходе

Днепропетровск — это бывший Екатеринослав. Из полу-миллиона жителей этого радостного украинского города на Днепре католиков насчитывалось тысячи две или три плюс еще несколько тысяч рассеянных по деревням и ближайшим немецким колониям. Большей частью иностранцы по происхождению, они родились здесь и уже стали украинцами или русскими, но сохранили веру отцов, которая в основном оказалась стойкой и выдержала гонения. Теперь, видя понимание и помощь капеллана, они были счастливы, многие воспользовались случаем и привели в порядок дела духовные.

Многочисленными были крещения. Я до сих пор храню пачки писем главного капеллана — ответы на мои письма, —

которые приходили вместе с подписанными им свидетельствами о крещении; я их посылал на утверждение, прежде чем отдать семьям новокрещеных. В одном из писем дон Арриго писал: «Получил акты крещения вместе с интересным описанием религиозных преследований в России. Поздравляю тебя с этой тайной и плодотворной деятельностью, которую ты продолжаешь на новом поприще. Да благословит Господь наше апостольское служение и да пошлет лучшие времена несчастному народу, среди которого мы живем». В другом письме от 19 октября 1942 года он писал: «Мой дорогой, возвращаю тебе заверенные должным образом тридцать актов крещения...» И несколько дней спустя: «Не волнуйся о судьбе актов крещения. Задержка вызвана напряженной работой... И скажи мне, соблюдаешь ли ты известные условия во время многочисленных крещений, которые ты совершаешь?»

Экспедиция

Летом 1942 года меня пригласили в Мариенталь, немецкую колонию, основанную во времена Екатерины II. Эти бедные колонисты, лет двадцать не видевшие католического священника, получив отказ от немецких военных капелланов, обратились ко мне. И я был весьма рад провести у них богослужения вопреки приказу Гитлера. Я встретил полное понимание у командира моторизованной части, которую духовно окормлял; он на целый день передал в мое распоряжение грузовик. Приехав со своим денщиком, я отслужил мессу в зале, превращенном в часовню, люди плакали.

Потом мне представили молодежь и подростков, которым предстояло крещение; их было сорок девять человек от семнадцати лет и моложе. Удивительной была сердечность этих добрых людей; к нашему отъезду они принесли и вручили нам, несмотря на мои отказы, дары: кур, яйца, сыр, сливочное масло и муку. Мы получили так много продуктов, что смогли отблагодарить командира моторизованной бригады и нашего шофера, передав остальное в офицерскую столовую нашего госпиталя.

И это при том, что у бедных колонистов не было излишков продуктов. Именно от них я узнал, что хитрые нацисты сохранили колхозную систему как самую выгодную для эксплуатации крестьян.

"Прочие овцы"

Моей первой заботой были католики, но я не забывал — насколько возможно — и других "овец" для привлечения их в овчарню Иисуса Христа.

Рядом с нами располагался гражданский госпиталь. Однажды я подошел к постели больной девушки, находившейся в очень тяжелом состоянии; еще более угрожающим было ее духовное состояние. Тщетными оказались все попытки обратить ее в веру. «Я верю только в саму себя!» — отвечала она. Ее душе, преисполненной гордыни, была недоступна никакая истина. Лишь разочарование в обещанной счастливой жизни могло способствовать прозрению таких заблудших душ, но для этого потребовались бы долгие годы. Девушке оставалось жить всего несколько дней; не успев прожить жизнь, она даже теперь не хотела верить в реальность жизни по ту сторону смерти.

На все мои попытки открыть ей сердце и душу и обратить ее к вере и надежде она отвечала лишь бессмысленным исповеданием своей веры: «Я верю и надеюсь только на саму себя!» Она не понимала, что, веря лишь в себя, она верит в мешок гноя и надеется на тело, которое скоро станет пищей для червей. Бедная обманутая девушка! Но, возможно, еще несчастнее были те, кто обманул ее вместе с миллионами других юношей и девушек, обучив их атеизму и человеческой гордыне, скрыл от них настоящие жизненные ценности.

Интересной оказалась встреча с епископом украинской автокефальной Церкви; аудиенция, испрошенная мной, прошла в сердечной атмосфере. Мы обсудили примат Папы и исхождение Св. Духа от Отца и Сына, но все в очень миролюбивом тоне. Возражение епископа против права Папы быть преемником св. Петра сводилось к тому, что апостол жил в Иерусалиме, а до

того, как появился в Риме, — в Антиохии. «Следовательно, — заключал он, — патриархи Иерусалима и Антиохии являются преемниками св. Петра наравне с Римским епископом». Мне было легко возразить на этот софизм при помощи простой евангельской метафоры о ключах св. Петра, привезенных им в Рим и там же оставшихся после его смерти.

По вопросу исхождения Св. Духа от Отца и Сына дискуссия продлилась гораздо дольше⁴⁸; и епископ заключил: «В конце концов, эти проблемы не столь важны, мы можем даже достичь согласия по этому пункту. Мы также согласны подчиниться Папе Римскому при условии, что Папа поможет нам воссоздать независимость Украины». И, несмотря на мои напоминания, что меня прежде всего и превыше всего интересуют проблемы Церкви, присутствующие священники стали изливать мне душу, высказываясь против политики Москвы, Берлина и Варшавы. Они разоблачали подлую тактику нацистов, которые старались держать разобщенным население на оккупированных территориях:

«То делают вид, что помогают Церкви, которая была промосковской и против нас, то выступают против нее, якобы в качестве наших защитников, и тем самым держат нас в раздоре, чтобы потом всех нас уничтожить. Хотите пример? Они оставили москвитам кафедральный собор, похоже, они поддерживают русских больше, чем нас в нашем собственном доме. После этого они предоставили нам возможность приспособить под украинский кафедральный собор другой храм. Мы не понимаем, кого они предпочитают; вернее будет сказать, что они ненавидят и нас, и тех; им, очевидно, хочется стать абсолютными хозяевами прекрасной украинской земли».

«Вот ночью, — добавил один из присутствующих священников, — случился пожар в нашем кафедральном соборе. Наши помощники прибежали тушить пожар, но их грубо прогнали немецкие солдаты, окружившие храм, а на крыше стояли какие-то странные люди и неизвестно чем занимались: то ли тушили пожар, то ли раздували пламя». Тогда я в заключение заявил:

⁴⁸ Далее излагалась сама дискуссия — *Прим. ред.*

— Ясно, что ни от Гитлера, ни от рейхскомиссара Розенберга, провозгласившего новую немецкую идеологию, не стоит ожидать ничего хорошего. К сожалению... Но мы, священнослужители, прежде всего должны искать Царство Божие и Его справедливость. Все остальное мы получим в придачу. Не правда ли?

— Правда, но...

Это "но", которое девятьсот лет назад уже привело к греческому расколу, до сих пор остается преградой между Востоком и Западом.

Глава III. После бури

Руины

За полтора года службы военным капелланом на советской территории я собрал бесчисленные свидетельства религиозных гонений при Ленине и Сталине. От самых жестоких из когда-либо существовавших на земле безбожных гонений страдали не только люди, но и церковные здания. Везде встречались следы исчезнувших, оскверненных или просто разрушенных церквей (не говоря уже о синагогах, мечетях и так далее). Повсюду я видел невежество и неверие, особенно среди молодежи; разлагающие антирелигиозные печатные издания, шаржи и карикатуры против самых святых таинств Церкви. О многом говорил и тот факт, что в тайниках содержались извлеченные теперь священные книги и иконы.

Ни в одном из городов Украины, которые я посетил, не оставалось ни одной даже маленькой церкви, открытой для богослужений (за исключением Галиции, где советская власть существовала менее двух лет). Мне рассказывали, что только в крупных городах можно было найти какую-нибудь действующую церквушку, оставленную для иностранцев как свидетельство того, что свобода совести, «гарантированная советской конституцией», существует на самом деле. Позднее я узнал, что в Одессе перед войной действовала лишь одна часовня на кладбище; и то только потому, что Одесса — морской порт, куда заходят иностранные суда. Еще одна причина сохранения этой тени свободы — глубокая вера знаменитого одесского глазного врача Филатова, упорствовавшего в своих религиозных "пред-рассудках"; очевидно, его оставили в покое из-за блистательности его операций.

Такую же снисходительность проявили ранее в Ленинграде в отношении знаменитого физиолога Павлова: несмотря на "свет", принесенный коммунистами в Россию, тот продолжал верить в Бога и просил оставить действующей одну небольшую

церковь в городе. О нем рассказывали, что, когда однажды, проходя мимо храма, он осенил себя крестным знамением, какой-то прохожий возмущенно воскликнул: «Темнота! Темнота!»

Как закрывались храмы

Впрочем, не только в отношении этих известных людей, но и в отношении верующих порой применялась "снисходительность", поскольку храмы закрывали только "по желанию" народа. Это "желание" выражалось с помощью сбора "добровольных" подписей именно там, где для сохранения прихода необходимо было активное участие верующих. Поясню: подписи о необходимости закрытия храмов вымогались у народа активистами, которые ходили из дома в дом, уговаривая и угрожая. Чаще всего, однако, им не удавалось набрать достаточного количества подписей, тогда подавалось заявление о "непосещении" храма, причем ссылались на "отсутствие верующих".

Для того чтобы группа верующих могла получить в пользование храм, надо было представить властям обращение, подписанное, по крайней мере, двадцатью верующими (так называемая «двадцатка»). Эта "двадцатка" должна была взять на себя две обязанности: первая — платить налоги с имущества церкви, вторая — самим содержать и ремонтировать храм, а также возмещать ущерб в случае повреждения имущества. Мало того что все это вменялось им в обязанность, но еще советская пропаганда обвиняла их (в том числе и на тайных процессах), что они насаждают ханжество, суеверие, мракобесие и являются проводниками религии — "опиума для народа", требовала бороться с этими "врагами народа и прогресса".

Так кричали с трибун агитаторы; так вещало радио; так писалось в газетах и журналах — не только в тех, что специально посвящали себя атеистической пропаганде, но и во всех прочих. Потом на процессах, или, лучше сказать, в пародиях на процессы, эти "враги" пролетариата подвергались суровому осуждению. Двадцать храбрецов, подписавших прошение от-

крыть церковь, один за другим исчезали из виду. И всем было ясно, что с ними случилось... И все труднее было находить тех, кто решится войти в "двадцатку" и заменить исчезнувших; ясно было, что им грозит арест и тюремное заключение.

Одновременно приходскую общину давили налогами, что было еще эффективнее, так как, воздействуя больше на тело, чем на дух, сводили на нет усилия самых стойких. Налоги постоянно росли, вернее сказать, они удваивались каждые два или три года, удушая общины, которые и без того лишились средств к существованию. Вольно или невольно верующие вынуждены были отказаться от сохранения действующего собственного храма. И тогда коммунисты кричали о победе атеизма: «У нашего народа наконец открылись глаза на истину материализма». Отсюда следовали практические выводы: «Если народ не хочет больше храмов, мы превратим их в нечто общественно полезное».

Превратить храм в нечто общественно полезное означало либо снести его, очистив место под площадь, улицу, парк; либо приспособить здание под склад, библиотеку, клуб, интернат, хлев (конюшню, свинарник)... В одной из крупнейших церквей Ленинграда устроили музей атеизма. В Одессе мне показали место недалеко от порта, где ранее находилась православная церковь Св. Николая. Почему ее разрушили? Чтобы использовать кирпичи для более полезной стройки? Или она мешала воинствующим атеистам? В той же Одессе на месте новой, красивой католической церкви был построен убогого вида жилой квартал. А что случилось с двумя другими католическими церквями в Одессе? Центральная приходская была превращена в интернат для учеников ремесленного училища, а небольшая французская — в партийный архив.

Часто случалось так, что, отняв у верующих здание церкви, власти больше о нем не заботились, только присматривали, чтобы двери оставались запертыми. Раньше подновлять храм заставляли "двадцатку", теперь до этой "народной собственности" никому не было дела... Церковная утварь переходила в казну или в музей; иконы пополняли музейные хранилища или

валялись вместе со старым хламом; фрески и мозаики покрывались трещинами или разрушались; кресты отправлялись в металлолом или в переплавку и так далее.

Служители культа

Экономические трудности для верующих, желавших сохранить действующей свою церковь, были связаны и с содержанием служителей культа, если таковые находились. Требовались значительные суммы, и, конечно, они шли не на личные нужды, а на расходы, требуемые правовым положением. Служители культа рассматривались законом как тунеядцы и паразиты общества, они не получали продуктовые карточки, на которые могли бы покупать еду по государственной цене.

Продукты и вещи приходилось покупать на рынке, отчего жизнь становилась в три или четыре раза дороже, чем для остальных. Жилплощади священникам не давали, поэтому они устраивали себе жилье в ризнице или в другом помещении храма, иногда и в самом храме, бывали случаи, когда священникам давали угол то в одной семье, то в другой; последнее, однако, было опасно для верующих. Такую жизнь приходилось вести вплоть до 1938 года священникам, служившим в открытых храмах, которых стало наперечет.

Но какой же мученической и убогой была жизнь тех священников, кто служил в вертограде Господнем "подпольно", переезжая из города в город, из семьи в семью, скрываясь от бдительной милиции, гостя как "дядя" у якобы "племянников" или как "брат" у "сестер". Армянские католики рассказывали мне, с какими они сталкивались трудностями, пряча последних своих священников, которые вели такую кочевую жизнь⁴⁹. Прятавшие отвечали любопытствующим, что "дядя" приехал с Кавказа, из Крыма, с Волги или с Дона. Но если гостем начинали слишком интересоваться, это был знак, что надо складывать пожитки и ехать дальше.

⁴⁹ Одним из гостящих "дядьев" до 1930 года был отец Петр Аладжян, о нем армяне всегда говорили с большой любовью и почтением.

За двадцать лет таких преследований христианский клир был сведен практически на нет. В тех местах СССР, которые я посетил в военное время, кочующих священнослужителей уже не осталось; не осталось вообще католических священников, даже тех, кто имел мирские профессии. Всех вывели под корень, за исключением небольшого числа содержавшихся в тюрьмах, в трудовых лагерях или в ссылках. Православный клир, более многочисленный, еще имел выживших "дядьев", но их было очень мало; большинство тех, кому удавалось остаться в живых, выбирало себе какую-нибудь профессию, по большей части не имевшую отношения к спасению душ.

Я не говорю об отступниках, отрекшихся от веры в Бога публично с амвона или в печати; эти чаще всего посвящали себя пропаганде атеизма, входили в привилегированную среду внутри советского общества. Не буду останавливаться здесь и на той части православного клира, которая пошла на постыдный компромисс с советской властью и за это получила разрешение служить в немногих церквях, остававшихся открытыми; с ними и их последователями я познакомился чуть позже.

Атеизм

Что касается религиозного обучения, то существует статья закона, категорически запрещающая собирать вместе даже трех детей с целью религиозного обучения. Согласно букве этой статьи (№ 124) можно обучать катехизису с восемнадцати лет и старше и как будто не запрещено даже обучать двух детей, но в СССР буква закона существует для того, чтобы спрятать за ней его реальное применение.

Сколько людей я перевидал, сидевших за обучение взрослых! В бытность военным капелланом я встречал родителей, наказанных за то, что они учили собственных детей и в кругу семьи. Встречал я и таких, кто вообще не осмеливался заговаривать с детьми о Боге, боясь последствий; боясь того, что дети выдадут их, невольно проговорившись об этом в школе, в пионерской организации, где насаждают атеизм. В Донбассе один

отец рассказывал, что его сына выгнали из школы за дерзость: он спорил с учительницей, проповедовавшей атеизм.

У религии отняли право говорить. Между тем разрешалось обучение атеизму — повсюду и на все лады. Даже в учебниках физики или математики если не во введении, то в приложении или в примечаниях обязательно содержался выпад против Бога и Церкви. Книгу не печатали, если в ней ожесточенно не порицалось "мракобесие". Церкви или "людоедство" инквизиции. Даже в начальной школе атеизм насаждался так, что некоторые смелые родители предпочитали держать детей дома и не учить их грамоте; они готовы были сами терпеть преследования, лишь бы не подвергать детей опасности неверия.

Свобода совести, о которой говорится в советской конституции, выражалась лишь с том, что любой негодяй имел право критиковать Церковь и религию.

Результаты

Во время пребывания на оккупированной Украине мне пришлось видеть среди православного клира три основные группы иерархов. Иерархи консервативных взглядов, ориентировавшиеся на Московскую Патриархию, — они называли себя "тихоновцы", по имени последнего московского патриарха Тихона, избранного после отречения царя и, по слухам, убитого большевиками в 1925 году. Иерархи так называемой "Живой Церкви" с новаторскими тенденциями, их сильно подозревали в связях с коммунистами.

И наконец, самая многочисленная группа — иерархи Украинской "Автокефальной" Церкви во главе с Поликарпом, архиепископом Луцким. Эта Церковь явилась в определенном смысле продолжением "Церкви", возникшей из праха, кажется, в 1922 году. Да, возникшей из праха, потому что задумавшие ее создать священники не нашли среди живых православных епископов никого, кто согласился бы передать апостольское преемство новым кандидатам в епископы. И тогда кандидатов привели к месту захоронения одного украинского епископа,

возложили на него руки умершего и с тех пор питали иллюзию, что у них есть настоящие рукоположенные иерархи.

Новая "Автокефальная" Церковь исцелилась от этой язвы: в новой Церкви действовали настоящие епископы, то есть заново рукоположенные священники старой "Автокефальной" Церкви, которая позднее установила связь с Константинопольским патриархом для официального признания ее "каноничности" и была признана легитимной Православной Церковью. В ней было учреждено четыре или пять епархий. Ее особенностью было использование в богослужениях современного украинского языка. Достоинейший Львовский митрополит Андрей Шептицкий отправил пастырское послание этой новой Церкви, приглашая ее к союзу с Римом, но призыв не был услышан из-за вечных амбиций православных иерархов.

Там и сям существовали также группы старообрядцев, отъединившихся от Православной Церкви. Они веками были самыми инакомыслящими среди инакомыслящих. В почитании обрядов и святых образов они — ультраправославные, поскольку доводят почитание до суеверия, в догматике — настоящие протестанты.

Наряду с ними существовали старые и новые секты, бесконечно распространившиеся и размножившиеся в этом советском хаосе, они использовали, с одной стороны, естественную потребность человека верить в Христа, с другой — атеистическую пропаганду против духовенства и отступничество части священников. Конечно, пока сотни епископов и тысячи священников, как католиков, так и православных, героически жертвовали жизнью и свободой, упрятанные по тюрьмам и лагерям, отступничество и предательство недостойных всячески подчеркивалось, чтобы посеять смущение в народе.

Несмотря на все это и вопреки жестокостям большевизма, направленным против христианской Церкви, надо отметить, что в годы войны народы Украины, Белоруссии и Кавказа с энтузиазмом открывали храмы и призывали священников.

Даже Сталин со своими приспешниками, оказавшись в тяжелой ситуации, видимо, понял это и решил смягчить свою

политику в отношении религии. Скрепя сердце он признал, что не только многие солдаты, но и офицеры Красной армии на фронте открыто или тайком совершали крестное знамение, по возможности обзаводились образками, иконками, молитвами с "заговором от пули" и, когда удавалось, заходили в церковь, но не из любопытства, а чтобы помолиться вопреки партбилету в кармане.

Держу пари, что в те дни и Сталину приходила в голову старинная русская и украинская поговорка: «Как тревога — так до Бога».

Глава IV. Завоевание Одессы

Я вернусь

С самого начала у меня было огромное желание полностью посвятить себя служению здешнему народу. Это желание росло во мне с каждым месяцем, а в Днепропетровске еще более усилилось по двум причинам. Во-первых, через три или четыре месяца после начала моей апостольской деятельности среди моих прихожан возникло решение написать коллективное письмо Папе Римскому с просьбой освободить меня от военной службы и назначить настоятелем в их приход. Во-вторых, летом 1942 года в Днепропетровске оказался Манлио Коппини, наш консул в Одессе. Будучи наслышан обо мне, он пришел в резервный госпиталь и спросил, не хочу ли я стать миссионером в Одессе, где много итальянцев, нуждающихся в духовной поддержке, и где апостольский администратор, монсеньор Марк Глазер⁵⁰, координирует деятельность большой группы священников из Румынии. Я ответил, что охотно поеду в Одессу, если ему удастся добиться моей демобилизации, получив согласие непосредственного церковного начальства.

В ноябре, насколько я помню, пришло письмо с разрешением от Генерального викария ордена иезуитов, отца П. Шурмана — «после демобилизации выезжайте в Одессу и поступайте в распоряжение монсеньора Марка Глазера». Представьте себе мою радость!

Однако на нашем фронте случилось то, что случилось. Во время отступления некогда было думать ни о чем другом, приток раненых в резервный госпиталь удвоился. Фронт приблизился к Днепропетровску на расстояние двадцати пяти километров.

⁵⁰ Глазер Марк, родился в немецкой колонии Одесской губ. Католический священник, до революции служил в немецкой колонии под Одессой, позднее — в Кишиневе. Хиротонисан во епископы. Во время немецко-румынской оккупации направлен Ватиканом апостольским администратором в Одессу. При отступлении немецко-румынских войск эвакуировался в Румынию; проживал в Черновцах.

Бывали дни, когда мне казалось, что я с минуты на минуту... *буду демобилизован* (и не я один), не дождавшись приказа из Рима. Но противник был остановлен у Новомосковска и потом частично отброшен. Тем не менее Италия уходила с русского фронта.

Когда резервный госпиталь № 1 был эвакуирован, я остался в нашем фельдшерском пункте (приемном отделении скорой помощи). Официально на мне лежала обязанность завершить обустройство итальянского участка прекрасного военного кладбища в Днепропетровске, одновременно я окормлял и остатки наших войск, и моих "прихожан". Среди последних также было большое смятение, вызванное приближением фронта и предвидением того, что вскоре они могут попасть к медведю в лапы. Не у всех желающих скрыться была такая возможность, ведь их было множество.

Я постарался задержаться как можно дольше и, уезжая, заверил паству, что сделаю все возможное, чтобы попасть в Одессу и остаться там даже после возвращения большевиков.

Был конец апреля 1943 года. После сдачи всех приходских документов старой сторожике храма я простился с ней и со всеми, кого встретил в то утро, и сел в трамвай, шедший на юго-западный вокзал, где в товарном вагоне меня ждали врач и несколько солдат нашего медпункта. В трамвае было много женщин и несколько мужчин, среди них и солдаты. Несмотря на нервозность, охватившую почти всех в связи с разными слухами, или, пожалуй, именно из-за этого женщины в трамвае начали острить: «Я бы не отказалась от этого чернявенького»; «А я пошла бы вон с тем, который там стоит»; «А я с этим, рыжебородым». Эта последняя женщина придвинулась ко мне, стоявшему на задней площадке. Возмущившись, я отодвинулся и сказал: «Я прекрасно понимаю по-русски. Как вам не стыдно такое говорить? Я католический священник, я никогда не имел дела с женщинами. Стыдитесь!» На следующей остановке женщина вышла.

Не первый и не последний раз я сталкивался с подобным бесстыдством у советских женщин. Но должен сказать, что та-

кое поведение было еще не самым бесстыдным, поскольку она вряд ли знала, что я священник.

Печально продолжил я свое путешествие, ведь и раньше я сталкивался с духовной нищетой этого народа и был вынужден оставлять его на милость хищных волков, единственной целью которых было разогнать и уничтожить стадо. Многие из этих бедных овец даже не сознавали своей духовной нищеты. От этого у меня сжималось сердце. Но еще сильнее было сострадание к тем верующим, которые, поневоле оставшись на местах, вновь будут отрезаны от своих духовных отцов. Мне было очень печально думать и о необходимости покинуть наших погибших воинов.

Но в своей печали я не терял надежды: в основании большого кладбищенского креста я написал металлическими буквами: «ОНИ ВОСКРЕСНУТ», а в сердце — огненными, незатухающими буквами: «Я ВЕРНУСЬ». Эти последние слова добавили мне этапов в пути: сначала Львов, потом Коломыя, потом Италия и только потом Одесса, но в то же время они служили мне путеводной звездой, приближавшей осуществление мечты.

На Западной Украине

Через неделю, во Львове, у меня появилась возможность посетить Его Преосвященство митрополита Андрея Шептицкого, перед которым я в общих чертах отчитался в моей деятельности на Украине за полтора года. Я рассказал ему и о религиозной ситуации на этих отдаленных территориях его епархии⁵¹.

Мы добрались до резервного госпиталя № 1, который расположился в Коломые, близ Станиславова. За две недели наше-

⁵¹ О встречах с митрополитом Андреем (Шептицким) позднее стало известно следствию от сексотов, поэтому священник Пьетро Леони не считал нужным это отрицать, наоборот, в своих показаниях он подчеркнул особую важность для него духовного руководства митрополита в его миссионерской деятельности. Он также подтвердил, что во время их второй встречи в годы войны он *«рассказал о положении католической и православной религии на Украине, об отношении немецких властей к духовенству, о том, что православное духовенство у немцев пользовалось доверием»*. — Прим. ред.

го пребывания в этом милом городке у подножия Карпат я увидел, что ни у советской власти с 1939 по 1941 год, ни у нацистов за период почти двухлетнего порабощения не хватило времени примирить украинское население с польским, хотя при небольшой разнице в обрядах они исповедуют общую веру. Несмотря на вновь возникшую опасность стать рабами большевизма, они продолжали причинять друг другу всевозможные обиды, поджидая удобного момента, чтобы истребить друг друга. И действительно, такой случай подвернулся несколько позже, и во многих селах этого района произошло массовое побоище.

Только в тюрьмах и в советских трудовых лагерях они стали более разумными. В медвежьих лапах душителя Польши и Украины многие в конце концов осознали, насколько были слепы, терзая друг друга, когда третий, их истинный общий враг, пользовался их раздорами. Там, в лагерях они мне рассказывали, что братство началось еще раньше, в лесах, где действовали украинские партизаны и Армия Крайова.

В Италии

Когда мы прибыли на родину — в последнюю декаду мая, — наш поезд покинула добровольная пленная. Тогда было обычным делом, что в составах, шедших с советских территорий, прятались мужчины, женщины, подростки, дети, выбравшие путь добровольного бегства; их прятали от нацистов, угрожавших расправой. Не знаю, имелись ли такие в нашем поезде, помню только одну девушку, по имени Надя, невесту нашего солдата, которую я обратил в католичество. Она была одной из тех немногих, кому посчастливилось перебраться в Италию, а желавших этого были многие сотни⁵².

После карантина в Болонье мне дали увольнительную. В Риме я первым делом поехал в военный комиссариат, узнать, как обстоят дела с моей демобилизацией. «Приказ был уже давно, — ответили мне. — Разве вам не сообщили?»

⁵² Именно в Италию хотело попасть большинство тех, кто стремился уехать, потому что украинский народ полюбил наших солдат.

— Мне ничего не сказали. В неразберихе поражения кто знает, куда он делся.

— Но вы действительно хотите вернуться в Одессу, при таком положении дел?

— А почему бы и нет?

— Вы ведь знаете, что русские могут вернуться через несколько месяцев...

— Русские? Но это именно то, чего я ищу — встречи с русскими. Более удобного случая попасть в СССР у меня не будет. К приходу Советской армии я буду уже занят в Одессе своим делом, поехать туда сейчас — это наилучший способ перейти на ту сторону, не прося у власти визу.

— А как с религиозными преследованиями?

— Мы знаем, что даже Сталин дал разрешение на открытие храмов. Кто знает, может, мы у истоков возврата христианства в Россию? Пусть это просто политический маневр, все равно надо употребить его на благо. Хотя бы на первых порах воспользоваться некоторой свободой. Если потом станет совсем плохо, попытаюсь укрыться среди верующих.

Видя мою твердую решимость, офицер военного комиссариата, не раздумывая больше об отмене моей демобилизации, выдал мне приказ. Он был датирован 30 апреля 1943 года, я получил его на руки 22 июня 1943 года.

Прежде всего я поехал в Турин, разыскивать родственников маркизы Софии Новеллис ди Коарацце, которая еще в Днепропетровске предупредила меня, что передаст для будущей миссии предметы церковного убранства. Графини Марии делла Кьеза не оказалось по указанному адресу, мне потребовалось съездить еще в Савильяно, провинции Кунео. Сердечность приема и богатство даров, переданных мне, с лихвой искупили затрату сил. Такой же любезный прием мне оказали в Тестоне, в доме маркизы Софии. Все эти дары, вместе с полученными ранее от сестры Софии Новеллис, были переданы небольшой церкви Св. Петра в Одессе.

Затем я поспешил в Рим, где мне надо было получить паспорт с визами румынского, венгерского и немецкого прави-

тельств. Это время показалось мне бесконечным, я боялся, что красные окажутся в Одессе раньше меня или что мне помешают выехать события в Италии (высадка американцев на юге, немецкая оккупация). Но Провидение решило по-своему: пало правительство Муссолини, и только после этого я отправился в СССР, уже с паспортом правительства Бадольо.

Я получил особую аудиенцию у Папы, и он меня благословил, что было мне большим утешением. Папа велел мне передать его "щедрое благословение" всем страждущим по ту сторону железного занавеса.

Прощания

Около 20 августа все было готово к отъезду. В последний вечер в Монталтовеккьо мама с едва заметным упреком сказала мне: «Вы уезжаете (со дня моего рукоположения она говорила мне "вы")... Я вас никогда больше не увижу». Для меня самой большой жертвой Богу было расставание с мамой. Но что было делать? Я ответил: «Если однажды вы услышите, что меня убили, не плачьте, но радуйтесь и гордитесь тем, что вы — мать мученика за веру».

Жребий брошен

В Бухаресте я вынужден был задержаться, чтобы получить пропуск в военную зону. Но здесь я чувствовал себя спокойнее — Одесса была всего в двадцати четырех часах езды от румынской столицы.

8 сентября я решил продолжить свое путешествие. Поскольку был праздник Рождества Девы Марии, мне не удалось взять такси до вокзала. Раздражение смешивалось с радостью: румынский народ сохранил верность своей религии. И вновь я убедился, что Господь мне помогает: утром я узнал, что 8 сентября Италия капитулировала. Не известно, что было бы со мной, если бы я попытался выехать из Италии с паспортом правительства Бадольо (границу часто проверяли немцы). Пришлось за-

держаться еще на неделю в Бухаресте. Выяснив, что на Днестре нет серьезных проверок, я отправился в дорогу.

В Одессе меня встречал викарий апостольского администратора. Прием был душевным, как и в итальянском консульстве, где мне приготовили отличную комнату, не соответствовавшую моему скромному статусу, но порой приходится смиренно принимать даже излишества. Когда Бадольо объявил Германии войну, я решил отказаться от гостеприимства консула, чтобы держаться подальше от политики. Кроме того, на консульстве тоже отразилась начавшаяся в Италии гражданская война.

Я старался сохранять равновесие и нейтралитет, уважая все точки зрения, поскольку моим главным делом было спасение душ. Осторожность была продиктована еще и тем, что я не хотел компрометировать себя ни перед румыно-немецкими властями, ни перед будущими советскими⁵³. Я добился места в Одессе до прихода русских, оставалось сохранить его за собой.

⁵³ Практически консульство в Одессе за несколько дней перешло в руки прежнего режима. Консулу и сотрудникам, выступившим на стороне Бадольо, пришлось искать убежища вне Румынии. Это прискорбное обстоятельство послужило, однако, на пользу итальянской колонии и всем тем, кто хотел спастись от большевизма.

Глава V. С одного берега на другой

В ожидании

Первые месяцы в Одессе прошли сравнительно спокойно. Волнения, связанные с политическими событиями в Италии, затронули меня только в одном: я был вынужден поселиться в доме Его Преосвященства апостольского администратора монсеньора Марка Глазера, а позднее — в двух еще не обставленных комнатках во французском храме. В некотором роде это были неудобства, но я переносил их легко: открывающиеся передо мною миссионерские возможности поддерживали мое воодушевление. Одесса — морской порт, и у меня было чувство, что и я в порту, и волны разбушевавшегося моря лишь чуть-чуть колеблют мою лодку.

Две уцелевшие католические церкви уже открылись для богослужений. Однако в то время, как кафедральный храм Вознесения Господня был полностью отреставрирован, церковь Св. Петра, называвшаяся французской, только приводилась в порядок. По воскресеньям и в праздники я проводил там богослужения для итальянской и французской колоний; но служил больше по-русски, чем по-итальянски, чтобы таким образом привлечь местных жителей; им было неловко в приходском храме; ведь богослужения там велись исключительно на польском и немецком языках. Я также преподавал основы католического вероучения в итальянском консульстве, подготавливая тех, кто переходил из православия, иудаизма и других религий в католичество.

Тем временем во всей *Транснистрии*⁵⁴ благодаря послаблениям румынского правительства возрождался католицизм. Апостольский администратор монсеньор Глазер, немец по про-

⁵⁴ Транснистрия — это название было дано румынами находившейся под их властью территории между Днестром и Бугом. В этом крае религия пользовалась свободой, чего нельзя сказать о территориях, находившихся под властью немцев.

исхождению, но родившийся близ Одессы, неумоимо посещал поселения, где жили католики, в основном поляки и немцы, но по ходу дела находил и брал под свою опеку католиков и других национальностей. Его правой рукой был монсеньор Пьегер, высланный нацистами из Германии. Под его началом было еще несколько священников немецкого и польского происхождения, уроженцев Румынии.

Я оказался среди них, как тот, кто является в церковь при словах: «Ступайте, месса окончена». Приходили тревожные новости с близкого фронта, и священники, Глазер и все те, кто находился под его началом, настроились покинуть только начатое дело. У некоторых возникла мысль, что я приехал тушить свечи, но, когда они увидели, что я полон решимости как можно дольше держать свечи зажженными и зажигать новые, для них вновь стал вопрос о том, оставлять ли миссию или пойти навстречу опасности. Глазер направил запрос в Бухарест, ему ответили, что он может поступать по своему усмотрению.

Тем временем в Одессу прибыл еще один священник, отец Жан Николя, француз, ассумпционист, он также намеревался остаться и служить при большевиках. Я его принял как рождественский подарок, полученный от Его Высокопреосвященства монсеньора Кассуло из Бухареста.

Апостольский администратор и другие священники решили искать прибежища в Румынии, откуда они прибыли. Я никогда не осуждал их за это, хотя, с другой стороны, никогда не сожалел о том, что пошел на риск и остался. Нам с отцом Николя некоторую гарантию в отношениях с советскими властями давали паспорта, в то время как остальные священники считались подданными Румынии, сражавшейся на стороне Германии. Впрочем, у священников немецкого происхождения не оставалось и прихожан, поскольку германское командование обязало всех жителей старых немецких колоний на Украине эвакуироваться на Запад.

Эвакуация

Исход местного населения перед приходом большевиков был ошеломляющим. Речь шла о жителях не только немецкого происхождения, но всех национальностей, включая русских. Люди с Кавказа, Кубани, Крыма, Донбасса, после недолгой задержки в Одессе, продолжали бегство на Запад. К ним теперь присоединилось множество одесситов. Сколько раз я слышал, как эти люди, готовясь к отъезду, говорили: «Не можем больше терпеть эти проклятые рожи, лучше уехать на край света, чем снова встретиться с этими негодяями». Не будь других свидетельств против большевизма, одного этого было бы достаточно, чтобы показать всю неправду славословий ленинско-сталинскому "райскому счастью".

Если какой-то обманщик бедных и простых людей вздумает на это возражать, повторяя доводы моего следователя в 1945 году в Москве — «предатели Родины везде находятся, эти негодяи сбежали, потому что сотрудничали с врагом», — я отвечу ему, как тогда ответил следователю: «Допускаю, что среди них были предатели. Но скажите, чем можно объяснить, что столько народу, как простого, так и образованного — крестьяне и ремесленники, рабочие и инженеры, дипломированные специалисты и военные, мужчины и женщины, старики и молодежь — покидают свою родную землю, чтобы отправиться в чужие края? Как объяснить, что масса людей, родившихся и выросших в советской стране, с которой были связаны их интересы, по собственной воле бросают все и следуют за врагом в неизвестное будущее, в край, где они не знают, найдут ли работу и крышу над головой? Причем учтите, что те, кто бежал, это лишь малая часть от тех, кто хотел бежать, но не имел возможности. Это значит, что советская власть — власть тираническая, это значит, что народ, над которым вы господствуете, проникся убеждением, что нет страны в мире, где живется хуже, чем в стране большевизма. Это значит, что вы, советские, сделали все, чтобы народу стала отвратительна их Родина. И если уж говорить о предателях Родины, то это вы. Что такое советская власть на самом деле, как

не банда воров, которая сидит на шее бедного русского народа и других народов и методично их эксплуатирует?»).

Неправда, что все бежавшие сотрудничали с врагом, ведь многие из них осуждали нацистов. Но даже если и сотрудничали, то нам остается только одно: попытаться объяснить, как могла советская власть нажить себе столько врагов среди простого народа и что же она совершила, что появилось столько "предателей" Родины. Если бы меня попросили объяснить, почему же потом советский народ и армия оказали сопротивление немцам и их союзникам, то я бы ответил, что этому было три основные причины: глупое высокомерие и жестокость нацистов, хитрые приемы большевизма и простодушный патриотизм народов СССР.

Бесчеловечность нацистов по отношению к пленным и к жителям оккупированных территорий, их жестокость к евреям отталкивали всех, в том числе и их союзников. Когда стало ясно, что Гитлер, вместо того чтобы стать освободителем, оказался завоевателем, намеревающимся превратить Украину и остальные территории в колонии рейха, тогда оккупированный народ отказался покориться и оказал сопротивление. В оккупированных районах сопротивление выражало главным образом не стремление возратить большевиков, а желание получить независимость, изгнать из собственного дома нового высокомерного и жестокого хозяина. И это подтверждается тем, что Армия Крайова в Польше, партизаны на Украине и в Прибалтике боролись сначала против немцев, а позднее сопротивлялись Москве.

Смена караула

В воскресенье, 19 марта 1944 года монсеньор Глазер простился со своей паствой в Одессе и в их лице — со всей епархией. В городе оставалось около восьми тысяч католиков. Все священники, кроме отца Николя и меня, уехали.

Для наших верующих это был день глубочайшего траура: сколько слез, сколько вздохов! Эти бедные души, столько страдавшие в прошлом, теперь, после двухлетней передышки, вновь лишились почти всех своих пастырей, не по вине последних,

естественно, но в силу непреодолимых обстоятельств. Да, сами верующие умоляли своих пастырей искать спасения. Малоутешительным было для них то, что с ними остались два отчаянных пастыря, они понимали, что это станет для них источником еще больших тревог, а в ближайшем будущем, возможно, поводом для повторного унижения веры и новых сердечных страданий.

Я официально стал настоятелем прихода в субботу 25 марта 1944 года⁵⁵. На этих территориях отмечаются многие праздники, упраздненные Пием Х. Среди них и Благовещение. В конце проповеди я рассказал об аудиенции у Папы и торжественно передал его апостольское благословение всем страждущим этой земли. Моя паства возрадовалась этим словам, и на следующий день, в воскресенье, меня попросили повторить их снова для тех, кого не было на праздновании Благовещения.

Предзнаменования, сопровождавшие начало моего апостольского служения в Одессе, были хорошими: Архангел, приносящий Благою Весть Святой Деве, благословляющий Папа.

Среди бурь

По правде говоря, среди стольких опасностей и сомнений по поводу сегодняшнего и завтрашнего дня мы остро ощущали необходимость помощи свыше. Именно в те дни началось отступление немецко-румынских войск. В течение двух недель не было ничего, кроме взрывов мин, стрельбы и ужасов насилия над населением: взрывали портовые сооружения, водопровод, электростанции, автодороги, железнодорожное полотно и т. д.

Насилия со стороны регулярных и нерегулярных войск, мародеров и бандитов и со стороны властей. Нацисты хватали взрослых мужчин и молодежь, юношей и девушек, чтобы увезти их с собой или уничтожить, они не хотели оставлять трудоспо-

⁵⁵ Официальная дата регистрации в исполкоме — ноябрь 1944 года, в документе на регистрацию Пьетро Леони значилось «*настоятель и проповедник*». Заметим, что согласно советским законам регистрация священника-иностранца запрещена, но для него сделано исключение; в деле есть этот документ. — *Прим. ред.*

собное население в руках врага. Ходили слухи, что схваченных расстреливали за городом. Говорили и о каких-то баржах, где в трюмах открывалось дно, чтобы топить жертвы. Люди бесследно исчезали днем и ночью.

Мы боялись и за себя, и за своих друзей. Один из моих прихожан предложил мне укрыться у партизан, но я предпочел остаться на своем месте. Последние три или четыре дня мы решили спрятать на чердаке французской церкви молодую пару, Александра и Станиславу, которых я недавно обвенчал⁵⁶. Станислава из польской семьи, католичка, Александр русский, крещенный в православии, но перед венчанием перешедший в католичество. Оба очень славные! Мы решили спрятать их в нашей маленькой церкви, где сами проживали, что, конечно же, было очень рискованно.

Однажды воры что-то украли в соседнем дворе. Но нас ангелы хранили. Только однажды, когда я открывал калитку, ко мне подошел какой-то тип. Я его спросил, не боязно ли ему одному на улице в это страшное время, когда все люди прячутся. Он ответил, что не все боятся и не все прячутся; потом сказал, что в один из ближайших вечеров ко мне придут. Я сказал, пусть приходят, в моем доме нет ничего ценного. Увидев на противоположном тротуаре военного, я воспользовался этим: вошел и захлопнул калитку. Никто не приходил. Так я и не понял, воры это были или партизаны.

Однажды приходил человек, который наверняка был от партизан. Он вошел в ризницу, спросил мой адрес. Пономарь и присутствовавшие женщины встревожились, но я дал адрес. Сопротивляться было еще хуже, тем более что я не знал, действовал он от имени законных или незаконных властей. Впрочем, ни те, ни другие не внушали доверия. В такие минуты полного бессилия особенно ощущается необходимость слепо довериться воле Провидения.

И оно о нас заботилось, поэтому на Страстной неделе мы достаточно регулярно проводили богослужения. В Пасхальное

⁵⁶ Александр и Станислава Петросовы. Воспоминания Станиславы П. приведены в Приложении I. — *Прим. сост.*

воскресенье рано утром отслужили мессу, которую католики в этих местах называют мессой воскресения Христова, потому что ей предшествует крестный ход со святыми дарами. На этот раз крестный ход мы провели внутри церкви. На одиннадцатичасовой мессе с песнопениями было очень мало народу. Вся служба прошла под взрывы бомб, мин и артиллерийских снарядов. Когда мы вернулись домой, на улице практически не было ни души. Тут и там лежали трупы. Если память мне не изменяет, комендантский час действовал с 15 часов. Мы заперлись дома в ожидании дальнейших событий.

Встреча с красными

Утром пасхального понедельника, проснувшись в тишине и увидев, что по улицам города шагают солдаты Красной армии, мы испытали облегчение, немного похожее, вероятно, на то чувство освобождения, которое испытал избранный народ, когда очутился на другом берегу Черного моря. Наконец мы были свободны от кошмара последних десяти дней, исчезла угроза анархии, фронт уходил все дальше и дальше.

На богослужении во французской церкви присутствовало много верующих, я напомнил им о причине их радости (в угоду новым властям) и обратился ко всем с просьбой возблагодарить Господа за то, что Он уберег нас от многих опасностей.

Первого красноармейца я увидел в храме Св. Петра. В этот час там было пусто. Он вошел, с любопытством огляделся, долго стоял перед алтарем, потом, повернувшись ко мне, спросил: «Что это за церковь?» — «Это католическая церковь», — ответил я. Он вытащил из кармана деньги, купюру в один или три рубля, и пожертвовал их, попросив у Господа защиты от гибели на фронте. Это был первый обол в советских деньгах, пожертвованный Католической Церковью.

Во второе воскресенье Пасхи (воскресенье *in Albis*) прошло торжественное богослужение, первое после прихода советских войск. Храм был до отказа заполнен, видимо, людям хотелось вознаградить себя за слишком скромную Пасху, неко-

торыми и вовсе пропущенную. И я тоже вознаградил себя, когда поднялся на амвон, чтобы толковать Евангелие: верующим и сомневающимся, как Фома, я привел неоспоримые доказательства божественности Господа нашего, Иисуса Христа, основанные на неопровержимости Его Воскресения. В то утро я говорил с таким пылом, что многие прихожане испугались за меня, думая, как бы неверующие и даже воинствующие атеисты, которые наверняка были в церкви, не захотели отомстить мне своими обычными способами.

Но для часа тьмы срок еще не настал. Пока светил день, и не было опасности споткнуться.

Предчувствия

Первые впечатления были, таким образом, хорошие. Но уже являлись предвестия будущих бурь. Обнаруживались все новые следы жестокости нацистов и их сообщников, мы предчувствовали, что это приведет к дальнейшей мести. На несколько дней были выставлены на всеобщее обозрение останки примерно пятнадцати человек, наполовину спаленные огнем. Их нашли в подвале, где эти люди укрывались сами, а возможно, были загнаны немцами. Убийцы подлили бензина и подожгли подвал. Пламя охватило людей, когда они были не то живы, не то только что задушены, — тела лежали обугленные и скорченные. Среди них были тела женщины и ребенка лет трех-четырех. Это было самое душераздирающее зрелище, но были и другие ужасы. Многие семьи оплакивали исчезновение родственников. Некоторых находили убитыми по подвалам; других не находили ни живыми, ни мертвыми. Потом в окрестностях города обнаружили недавно вырытые и вновь засыпанные ямы, и там были найдены многие из пропавших.

Эти картины человеческой жестокости рождали во мне грустные предчувствия, я думал, что кровопролитие не закончится и после того, как немцев заставят сложить оружие. Поскольку советская мораль всегда стремилась к мести, будет еще много жертв. Только тогда, возможно, утихнет человеческая

вражда, когда невинные жертвы, готовые к прощению, великодушно предложат Богу свою жертву.

Когда люди поймут, что жестокостью не добиться ничего хорошего? Сталину не пошел впрок урок Гитлера, проигравшего войну с СССР из-за своей жестокости.

Новая жизнь

Тем временем жизнь перестраивалась, но совершенно непривычным образом. Казалось, что мы находимся в другом мире. Улицы города переименовывались; некоторым возвращали предвоенные названия. Успенскую улицу (она так называлась по православной церкви Успения) переименовали в улицу Красной армии. Екатерининскую (там находилась наша главная церковь) снова назвали улицей Карла Маркса. Ришельевская стала улицей Ленина. Гаванную, на которой живем мы, переназвали в честь безвестного большевистского героя.

Отношение к личности переменилось. Так же и к частным заведениям, если им удалось выжить. Теперь имело ценность только государство. Его представляли отдельные лица с их интересами, эгоизмом, капризами. Именем государства и народа эти люди извлекали выгоду из всего и из каждого. Так, самые простые дела перешли в ведение государства и стали крайне затруднительными.

Даже семья стала игрушкой в руках государства. Через несколько недель после прихода большевиков я отправился стричься к своему парикмахеру. Спросил его, как дела. Он грустно ответил: «Как видите», — и объяснил, что он и такие, как он, стали государственными служащими. Клиенты теперь расплачиваются со служащим за кассой, ведающим финансами, а парикмахерам оставлен мизерный процент — все остальное идет государству и кассиру. Все находится под контролем огромного государственного аппарата.

Первым важным делом, с которого начали власти, стала "паспортизация": каждый обязан был явиться в милицию для регистрации или продления старого паспорта. Новые паспорта

выдавались тем, у кого их вообще не было. Сразу оговорюсь — это были паспорта для внутреннего пользования⁵⁷.

Сначала власти "разобрались" с молодежью (с девушками по большей части). Кого-то отправили на фронт, кого-то — в тюрьму, мало кого оставили в покое, вернее сказать, что и с ними разобрались, превратив вместе с остальным населением в винтики военно-полицейской государственной машины. Приказ "идти на фронт" был естественным, но не естественна подоплека приказа: "искупить вину перед Родиной". Еще менее естественно было сразу или через несколько месяцев на передовой услышать: «идите в тюрьму за измену Родине во время вражеской оккупации». Тем не менее таковой оказалась участь большинства.

После того как "определили" молодежь, наступил час всех прочих. Лихорадочно работали комендатуры, милиция, государственные и гражданские (если их можно так назвать) учреждения. Сколько чиновников! Какая толкотня в конторах! Беготня от чиновника к чиновнику! Карусель, от которой даже у здоровых людей кружилась голова. Всех, кто так или иначе отвечал за что-либо, вызывали в горисполком, в милицию, в райисполком... Часто нам приходилось самолично отправляться в эти учреждения за продовольственными карточками, за получением или подтверждением права на жилье, за разрешением на богослужения в храме. И там, в этих учреждениях, каждый раз подолгу простаивать в очередях.

Все надо было согласовывать, во всем отчитываться, все контролировалось до малейших деталей. Про официальный контроль было известно, но существовал еще и тайный.

Среди всех организаций больше всего работы было у органов внутренних дел. Много работы по исполнению явных и

⁵⁷ Все это указывает на абсурдность утверждений тех, кто полагал, что многие из наших 64 тысяч солдат, пропавших без вести в России, могут до сих пор прятаться среди местных. Уклончивые ответы советских властей иногда допускали подобный вывод, но и тут проявилось их бесчестие: как могут власти, следящие за курицей каждого крестьянина (поскольку курица может снести много яиц для государства), не знать об итальянцах, живущих среди населения? Я уверен, что наши итальянцы находятся среди заключенных в лагерях, но их тщательно скрывают.

тайных обязанностей. Среди последних — выявление шпионских сетей в разных учреждениях, дворах и практически во всех домах. Секретные осведомители внедрялись под разными предложениями, но лучше всего, если их удавалось завербовать непосредственно в самих организациях, во дворах и в домах.

Людей, работавших со мной, вызывали в НКВД и предлагали сотрудничать. Отказываться было трудно и опасно. Кто-то сказал мне однажды: «Отец Пьетро, осторожнее высказывайтесь в моем присутствии при посторонних, потому что мне приходится давать про вас отчет в органы».

Рассказывали, что однажды один начальник пришел в органы сообщить, что у них в учреждении предстоит собрание: «Если хотите, присылайте ваших сотрудников...» Ему ответили: «Не беспокойтесь, у вас уже есть человек пять-шесть». Недаром в народе говорят, что «где разговаривают трое, один обязательно стукач».

Все помещения при церкви были немедленно конфискованы. Я не стал протестовать, было бы только хуже. Там лежали строительные материалы: дерево, гипс, цемент, стекло — на крупную сумму; все это у нас забрали, не выплатив ни малейшей компенсации. Некоторую вежливость проявило одно учреждение, которое попросило взаймы стекло, объясняли, что его нет в продаже, а им очень нужно... «Мы потом закажем на фабрике и отдадим», — пообещали они. Только их и видели.

Одни, отнимая имущество у частных лиц и у таких, не пользующихся государственной благосклонностью организаций, как наша, выслуживались перед государством, другие — набивали себе карманы. Все это было неприятно, но ради мира, свободы культа и святого служения я был готов отдать последнюю рубашку. Единственное, о чем болело мое сердце, — церковь, и церковь уцелела.

Конечно, мы, священники и верующие, терпели унижение, чувствуя себя "благодетельствованными" советской властью, которая *благосклонно* соглашалась *уступить* нашей католической общине здание церкви. А общину теперь представлял приходской совет, состоящий не из "двадцатки", как раньше, а из

четырёх человек. Они отвечали перед государством за здание церкви и за утварь, которая учитывалась до мелочей. Они также должны были следить за уплатой налогов: на площадь и объем храма, на все поступления. Отдельно требовалось оформлять в пользование церковь Св. Петра, и там нужен был свой "приходской совет".

А что представлял собою настоятель? Нечто неопределенное. Он в некотором роде был наемным служащим при христианской общине. Правда, когда у общины возникали затруднения, то именно он отвечал за все, но по закону ответственность несла "четверка". Таким образом, церковь была *демократизирована*.

Русский народ говорил, что большевики всегда спешат попасть в ад. В самом деле, вся эта суетливость, поразившая меня при первой встрече с большевиками, была направлена более всего на то, чтобы отобрать у людей их добро, занять высокие посты и получить выгодные должности в партийном руководстве. И напротив, когда речь шла о работе, действительно направленной на улучшение условий жизни народа, не было никакой спешки. Одесса, отвоеванная Советской армией 10 апреля, все лето и почти половину осени оставалась без воды. За питьевой водой надо было идти далеко, на это уходило почти полдня. Для стирки мы собирали дождевую воду. Электричество включили в государственных учреждениях только глубокой зимой со всеми вытекавшими отсюда последствиями для городского транспорта. Нам удалось подвести электричество к Рождеству, но включили его нам лишь на десять-двенадцать дней. В Одессе при румынах было все, теперь же, после возвращения большевиков, все стало дефицитным или дорогим. Народ шептался между собой: «Во время вражеской оккупации было лучше, чем при *наших*».

Размах деятельности НКВД был впечатляющим. Аресты сыпались, как снег в январе. Не щадили ни глубоких стариков, ни женщин, ни подростков. И кто только не был виноват в том, что остался в живых при оккупантах? Ведь всем, чтобы выжить, приходилось где-то работать. А это означало, что каждый

сотрудничал с врагом. «Почему вы не ушли в партизаны? Вы предатели Родины». Для любого было готово такое обвинение, и если не все были арестованы, то это объяснялось великой *снисходительностью* советской власти.

Достаточно было слова, чтобы быть арестованным. Украинская старуха, приютившая в своей избе советских солдат, пожалела их: «Бедные сыночки! Приходили немцы, просили воды умыться перед ужином, приходят наши, просят корочку хлеба!» Эти слова были переданы в органы, старуху арестовали и приговорили за то, что хвалила вражескую армию и дискредитировала советскую.

После прихода Советской армии в Одессу ко мне явился Саша, молодой человек, спасшийся от немцев на чердаке французской церкви. Он рассказал, что его вызывали в военный трибунал и много часов держали в камере: «Зрелище душераздирающее! Камеры забиты, люди часами, а то и целыми днями ждут допроса. Самое ужасное, что свобода и даже сама жизнь сотен человек зависит от прихоти следователя, потерявшего всякое понятие о добре и справедливости, от человека, зачастую вдрызг пьяного!» Не знаю, каким чудом Сашу отпустили. Через несколько дней его снова арестовали, уже окончательно: он был приговорен к десяти годам принудительных работ.

Глава VI. Заботы и неприятности

Когда отец Николя и я представились властям (а это произошло в самые первые дни), чтобы выяснить, как вести себя двум иностранцам, священнослужителям в Одессе, с нами говорили любезно. Сказали: «Продолжайте свое религиозное служение, потому что все культы разрешены. Советская конституция гарантирует каждому свободу вероисповедания. Церкви *работают* (sic!) и у нас. Только вам придется обратиться к председателю Президиума Верховного Совета, товарищу Калинин с просьбой о предоставлении советского гражданства либо получить вид на жительство, предварительно продлив действие паспортов в ваших посольствах в Москве».

Поблагодарив любезных хозяев, мы продолжили наше апостольское служение. Однако вскоре мы поняли, что одно дело — гарантировать свободу на словах, а другое — обеспечить ее на практике. Не так важна была агентура, ходившая за нами по пятам и следившая даже за личной жизнью. Конечно, это было неприятно, но это не было существенной преградой миссионерству — мне казалось, что достаточно действовать осторожно, занимаясь только богослужебными делами и благотворительной деятельностью. Гораздо хуже были неприятности и препоны, чинимые местной властью.

Понимание властью апостольской деятельности совершенно отличалось от нашего, они считали, что священник должен заниматься только богослужениями и совершением таинств, не выходя из церкви и ризницы, за исключением случаев отпевания мертвых. Они считали проповедь излишней и даже нежелательной в государстве, присвоившем себе исключительное право наставлять народ. Обучение катехизису было категорически запрещено советскими законами, если речь шла о молодежи до восемнадцати лет.

Благотворительная деятельность отнюдь не нужна государству, где бедные, даже если они умирают с голоду, не имеют права показать свою бедность на людях, поскольку... в комму-

нистическом *раю* не может быть бедных. Тех, кому нужна материальная помощь (если таковые имеются), поддерживает всеобщий благодетель — государство. Оно гордится учреждением государственного обеспечения (Собес). Это учреждение имеет право не только помогать всем, кто нуждается (по мнению Собеса, разумеется), но и требовать от всех сотрудничества.

"Благотворительная" деятельность

Правом требовать от всех сотрудничества в том, что касалось государственной благотворительности, владело множество организаций! Мы это быстро узнали на собственном опыте. Но если бы речь шла только о благотворительности! Хуже было то, что для своего спокойствия и свободы нам приходилось обогащать советскую казну, и не только в обязательных формах, но и в разных "свободных". Как только фронт отодвинулся, ко мне обратились с просьбой организовать помощь раненым. Поскольку это не противоречило деятельности Церкви, я согласился и призвал паству помогать чем можно. Кто дал одеяло, кто подушку, кто белье.

Через несколько дней меня вызвали на собрание руководителей разных организаций — гражданских и церковных. Нас инструктировали, как нужно готовить души нашего народа, чтобы он во время первомайской демонстрации обратился к правительству с просьбой объявить государственный заем. Нас инструктировали, каким образом, не открывая народу, что инициатива идет сверху, принудить каждого дать займы государству сумму, равную месячной зарплате. Полученные деньги пойдут на нужды фронта, а впоследствии — и на другие цели. Такой первомайский призыв к собственному правительству об объявлении государственного займа был ежегодным, обязательным, но как бы добровольным. Деньги, данные займы государству добровольно-принудительно, по сути беспроцентную ссуду, никто и не надеялся получить обратно.

После общих инструкций со мной поговорили отдельно, проверяя, как я усвоил урок:

— Вы готовы делать что-либо в этом направлении?

— Конечно. Я подпишу призыв к правительству.

— Этого недостаточно. Нужно, чтобы подписали и другие церковнослужители, получающие зарплату.

— Хорошо. Я прослежу, чтобы подписали и другие — мой коллега-священник, ризничий, органист, певцы, две старушки, присматривающие за церковью, одна из них сторожит по ночам, другая днем.

Певчим перепадали гроши от прихожан. Двум старушкам официально платили 200 рублей в месяц. Той, что сторожила ночью, было восемьдесят лет, на эту нищенскую зарплату она бы не прожила, но верующие и мы, священники, ей помогали. Та, что сторожила днем, была помоложе, и ей удавалось подработать денег на содержание себя и больного мужа. Но обе не хотели показывать больше официальной платы, чтобы им не увеличили налоги и не потребовали денег на заем государству. Мне, тем не менее, пришлось заставить их, как и остальных работающих в храме, подписаться на заем.

Но властям было мало того, что я пообещал. Им нужно было, чтобы я осквернил святое место, чтобы я с амвона на воскресной службе призвал моих прихожан быть щедрыми по отношению к государству и армии и не скупиться, подписываясь на заем. Тогда я в первый раз отказался подчиниться новым хозрекам.

Потом с просьбой о сотрудничестве к нам пришли из советской организации Красного Креста. Они просили помощи, по их словам — для вдов и сирот войны. Я согласился. Дважды в месяц в церкви мы делали сборы для них, получалось около 800 рублей, которые наши прихожане отдавали вдовам и сиротам. Несмотря на жалобы вдов, что им никто не помогает, я продолжал до последнего выполнять это обязательство перед Красным Крестом.

Приближалась третья годовщина вступления в войну — лучшее время требовать деньги от народа. На этот раз меня вызвали в городской совет, там некий военный предложил мне сделать что-то для армии.

— А что требуется?

— Нужно помянуть с амвона день, когда Гитлер вероломно вторгся на советскую землю. Напомнить народу о фашистском зверстве и порабощении. Отметить заслуги Красной армии, освободившей народ и вас от гнета. И потом, война не кончена, другие народы тоже ждут освобождения, поэтому нужно помочь. Сами понимаете, нужно собрать денег для фронта.

Я попытался объяснить, что как католический священник не могу произнести такую речь в церкви и не могу устроить сбор денег такого рода в святом месте.

— Знаете, в наших храмах о таких предметах речи не ведут и таких сборов не устраивают. По совести вам говорю...

— Как?! — он повысил голос. — Даже христиане (под *христианами* он разумел православных) собирают деньги. Видите, какие они ревностные? Не ждут приказов, действуют сами.

И действительно, архиереи возрожденной Православной Церкви со всем рвением организовали сбор денег. Особо велики были заслуги ленинградского митрополита Алексия, собравшего за несколько месяцев огромные суммы для Красной армии.

Тронутый этими *яркими* примерами и особенно тоном моего собеседника, я решил кое-что пообещать: «Я вовсе не говорю, что наша церковь ничего не даст. Меня смущает только способ, который вы предложили, я не могу нарушать святость храма. Но дать и мы дадим. Как же не дать армии-освободительнице?..» Эти слова успокоили советского чиновника.

Вернувшись домой, я посоветовался со своим коллегой. Мы решили пожертвовать 1000 рублей. Дело было не только в желании выразить благодарность "армии-освободительнице", но и в необходимости задобрить тех, кто мог угрожать свободе церкви. Я тайно предупредил приходской совет, взял деньги из церковной кассы и передал их, надписав: "для армии-освободительницы". Впрочем, эта формулировка вовсе не была подхалимской, поскольку мы еще помнили кошмары, пережитые при отступлении нацистов, и в этом смысле Красная армия была нашей освободительницей.

Кроме того, в эти первые месяцы отношения между Советским государством и Церковью не выглядели враждебными. Священнослужителям и прислуживающим в церкви за их работу даже давали продовольственные карточки, так что поначалу отношения были почти сердечными. Мы в свою очередь старались не раздражать власти, помня о том, как они вели себя в прошлом и как могут повести себя в будущем. Мы шли навстречу их требованиям, в том случае, конечно, если не было речи о сделках с совестью. Мы надеялись, что начались изменения к лучшему или что, по крайней мере, можно их добиться, действуя по завету св. апостола Павла *«Побеждай зло добром»*.

С журналистами

Встречи с советскими журналистами (в первые дни) тоже прошли в сердечной обстановке, несмотря на опасения, что мы имеем дело скорее с сотрудниками органов, чем с корреспондентами "Комсомольской правды", как нам представились товарищ Шпанов и его коллеги. Они проявили огромный интерес к нашему присутствию в Одессе, просили нас сфотографироваться в разных видах: дома, с советскими газетами в руках, в церкви, в облачении, как бы благословляющими паству. Потом просили написать статью на итальянском про наши впечатления от прихода Красной армии в Одессу.

Само собой разумелось, в каком тоне надо писать, чтобы им угодить, и я боялся, что они злоупотребят моими словами в целях коммунистической пропаганды в Италии. Все же я согласился, но обошелся без чрезмерных похвал. Я начал с Пасхи, смысл которой "переход": в данном случае переход от кошмара последних десяти дней перед праздником от ужасов, совершенных нацистами, к облегчению, испытанному в понедельник Пасхи и в первую послепасхальную неделю, когда благодаря энергичным действиям Красной армии мы почувствовали себя свободными и далекими от фронта с его опасностями.

Соглядатаи

Старый дом священника при французской церкви, который еще с началом боевых действий в Одессе был приведен в нежилое состояние, ремонтировался по частям. К возвращению Красной армии мы занимали в этом доме две скромные квартиры на втором этаже. Поначалу там же находилась крохотная кухня, в которой хозяйничал сам отец Николя; впоследствии кухня переехала на первый этаж: ею ведала старая француженка, позже ей помогала одна русская старушка. Ремонт шел всю, активное участие в нем принимал отец Николя в роли то инженера и дизайнера, то плотника и каменщика.

Со временем мы поняли, что наши труды шли скорее на благо государства, чем Церкви. Причем государство не только не выразило никакой благодарности за ремонт *принадлежащего ему* здания, но доставило нам множество неприятностей в стенах нашего дома. Мало того что мне пришлось без конца ходить по инстанциям, чтобы на нас записали две квартиры и кухню, прошло полгода, пока эти несколько комнат были признаны как официально переданные нам внаем (внаем за плату, повторяю, не в собственность и даже не просто в пользование). Мы вложили в дом очень много трудов и средств, но теперь нам казалось большим везением, если для остальных помещений находились жильцы, которым мы могли доверять (естественно, их плата за квартиру шла государству).

Неприятная история произошла с первым этажом. Однажды к нам явился некий тип в штатском и, не предъявив документов, потребовал освободить весь первый этаж — его забирают для военных. Мы дали понять, что помещение нужно нам самим. Тогда он ушел, но предупредил, что нас выселят. Прошло дня два. Однажды вечером около шести, вернувшись из приходской церкви, я увидел во дворе французской церкви сваленные в беспорядке столы, стулья, шкафы, кухонную утварь. Возле них стояли расстроенные отец Николя и обе старушки.

— Что случилось? — спросил я.

— Приходили какие-то люди и все это выбросили с первого этажа. Что делать?

— Предоставьте это мне, — сказал я. И побежал в милицию.

— Ступайте назад, — сказал милицейский чин, — я пришлю проверку.

Когда я вернулся, там уже находился виновник всего этого безобразия, и я пригрозил ему, что МВД с ним разберется.

— МВД? Мы будем повыше, чем МВД, — ответил он и добавил. — Мы и со второго этажа вас выселим, будете жить на улице.

Несмотря на это бахвальство, при появлении офицера МВД он сник, и нам удалось перенести наши вещи внутрь дома. Однако в конечном итоге победа оказалась неполной. Вскоре пришлось уступить военным две главные комнаты на первом этаже. И, как оказалось на следующий день, военные были из организации, стоящей выше органов внутренних дел, то есть из госбезопасности, что было еще хуже.

С тех пор наш домашний покой был нарушен. К нам поселили четырех девушек из Сибири, они носили милицейскую форму, говорили, что служат на почте, в отделе цензуры. Они путались у нас в ногах, пользовались нашей кухней. Легко представить, как мы себя чувствовали в такой "безопасности". И, кроме того, они отпугивали тех, кто желал бы посетить дом священника.

Нужно иметь необыкновенную память, чтобы вспомнить, сколько раз и под какими предложениями большевики донимали нас в те двенадцать месяцев свободы в Одессе. Они являлись к нам в разных обликах, иногда как грешники, нуждающиеся в покаянии, иногда как благотворительницы, приносящие нам еду, бывали и благотворители, любезно предлагавшие доставить в Москву конфиденциальное письмо в посольство Франции или США⁵⁸. С какой же наглостью проникали они в наш дом!

⁵⁸ Пьетро Леони подробно показал на допросах о двух провокациях чекистов. В июне 1944 года перед началом богослужения к нему в храме подошел незнакомец и передал привет от апостольского администратора Марка Глазера, уехавшего в Румынию. На вопрос Пьетро Леони — «где он мог его

Однажды, когда мы обедали, явился некий человек, заявивший, что ему в исполкоме приказали произвести осмотр всех комнат, после чего решительно направился на второй этаж. Выскочив из-за стола, я догнал его со словами: «Тише, тише, любезнейший. Прежде всего, покажите ваши документы и приказ об инспекции дома». Тогда он ушел, и только часа через два, когда он вновь появился с выправленными документами, мы позволили ему осмотреть наши комнаты.

— Прощу извинить меня, — сказал я, — что я вас сначала не пустил, сейчас трудно понять, с кем имеешь дело. Столько жуликов ходит по городу, что и не знаешь, кому доверять.

— Это правда, — ответил он, а потом почти в порыве восхваления советской власти добавил. — Когда-то я тоже был жуликом, но советская власть меня перевоспитала, и теперь я честный гражданин.

— Поздравляю вас, — ответил я. — Но, видимо, советской власти еще не удалось изменить ваш внешний вид. Извините за откровенность, но на вашем лице остались некоторые следы прошлой жизни. Поэтому не удивляйтесь, что вначале я отнесся к вам с недоверием. Впрочем, удивляться нечему, только Бог может изменить грешника, возвратив ему внутреннюю и внешнюю невинность.

Несколько дней спустя мы в полной мере оценили значение этого визита — из исполкома прислали тележку, на которой и увезли почти все книги из нашей библиотеки.

видеть», — незнакомец ответил, что он был в командировке в Черновцах и там встречался с ним. Пьетро Леони отнесся к рассказу с недоверием, особенно насторожили его настойчивые предложения передать епископу ответ на письмо; он отказался от услуг незнакомца. Вторая провокация была организована в мае 1945 года, когда Пьетро Леони получил записку от бывшего французского военнопленного, прибывшего якобы из Румынии в Одессу, чтобы пароходом отбыть на родину. В этой записке, как показал Леони, «епископ Глазер поздравлял нас с праздником, а также сообщал, что желал бы иметь от нас какое-либо известие. Письмо-записка была написана на латинском языке» (подчеркнуто следствием). И вновь Пьетро Леони не поверил незнакомцу и не стал ничего передавать ему. — Прим. ред.

Арест

Самым сенсационным в этот период был временный арест отца Николя. Однажды летом, где-то между тремя и четырьмя часами ночи, нас разбудили крики и настойчивый стук в дверь нашего дома. Это была милиция. Спросили Жана Николя, вошли к нему, в течение часа или двух рылись в его вещах и бумагах. Меня пустили в качестве переводчика. В конце обыска забрали некоторые документы и велели следовать за ними.

Это был настоящий удар для меня и для всех тех, кто потом узнал эту новость. Мы надеялись, что к обеду его выпустят. Но в тот день он не появился ни в полдень, ни в час, ни в два, ни позже. Мы решили передать ему еды, при этом мы надеялись выяснить причину его задержания. Но все было тщетно, поскольку это так и осталось тайной даже после того, как на следующее утро отец Николя был освобожден. Весь тот день его продержали в одном помещении с другими задержанными, вечером на допросе стали выяснять подробности его биографии, изучили все бумаги, при этом не дали никаких объяснений своих действий. Возможно, органы НКВД решили внести разнообразие в нашу монотонную жизнь, хотя мы в этом не нуждались. Но уверяю вас, что впервые день показался мне столь длинным. Однако надо было быть готовым к такого рода "вниманию" со стороны советской милиции, ведь как говорит молва: «Кто не сидел, тот будет сидеть, а кто уже отсидел, тот не забудет».

Чуть позже и со мной случилось нечто вроде ареста, это было интересное приключение. 16 августа 1945 года я решил отдохнуть денек, проведя его на пляже на берегу Черного моря. Я вышел из города, держась на юго-запад, и нашел маленькую скалистую бухточку, где не было ни души. На расстоянии полутора километров от этого места находился военный пост, казалось, что никому не было до меня дела, поэтому я спокойно провел там самое жаркое время дня. К вечеру, после того как я искупался во второй раз и уже одевался, ко мне по склону спустился моряк.

- Ваши документы.
- Я оставил их дома.
- Следуйте за мной.

В комендатуре офицер попросил меня назвать имя, фамилию, место проживания и предъявить документы. На что я ответил ему, что, к сожалению, не взял с собой ни паспорта, ни других бумаг, но он может удостовериться в правдивости моих слов, позвонив в районный отдел милиции, или в случае необходимости распорядиться, чтобы меня проводили до дома, где и проверят мои документы. Но не это их волновало.

- Что вы делали на этом берегу?

— Купался.

— Купаются на пляже.

— На городских пляжах слишком много народа, это неудобно для священника. Поэтому я искал пустынное место.

— И пришли сюда, где купаться запрещено и куда постоянным доступ запрещен.

— Извините, я этого не знал.

— Надо было знать.

— Как я мог это знать, если не было никаких знаков? Если бы я что-то снимал или делал какие-то топографические зарисовки, то меня можно было бы обвинить, но так... Значит, теперь я знаю и больше не пойду туда. Это был первый раз, что я купался в Черном море. И он будет последним.

Меня велели обыскать, потом офицер дал распоряжение моряку отвести меня к старшему офицеру. Туда надо было идти по поселкам почти два километра. Сопровождающий шел за мной в двух-трех метрах с винтовкой наперевес и примкнутым штыком, как в атаку на окопы. Я впервые выглядел как преступник, и это на меня очень сильно подействовало, тем более что я опасался, что кто-то из моих прихожан меня увидит. Я попросил патрульного перекинуть винтовку на плечо, уверяя его, что не сбегу и не скроюсь. Но он невозмутимо продолжал держать винтовку наперевес. К счастью, я знал, что нахожусь в стране, где в ходу пословица «от тюрьмы и от сумы не зарекись».

На командном пункте мне снова стали задавать те же вопросы о паспорте и о том, с какой целью я пришел сюда на берег моря, но теперь ответы не имели той важности. Завязались другие интересные дискуссии, в особенности на религиозные темы. Было заметно, что, несмотря на более чем двадцать пять лет атеистической пропаганды, проблема веры оставалась актуальной. Потом меня переправили в городскую милицию, там до темноты продержали в коридоре, и снова допросы, выпады и угрозы. Возобновились и споры на религиозно-философские и политико-патриотические темы. Наконец, после новых угроз арестовать меня, если я появлюсь в запрещенных местах, меня отпустили. Было около десяти часов вечера.

Глава VII. Апостолат

С большевиками

Приехав на советскую территорию и оставаясь среди большевиков для миссионерской деятельности, я старался найти любую возможность использовать религиозную аргументацию во время своих встреч с официальными лицами. Очень часто я бывал в городском или районном совете. Иногда меня вызывали туда, но чаще я сам шел по делам: налоги, карточки, жилищные вопросы. Почти каждый раз, оказываясь там, я начинал говорить о Боге. Иногда такие разговоры были любопытными и забавными, иногда утешительными для меня, они придавали мужества и внушали надежду на обращение России к Богу.

Часто, возвращаясь из горсовета или райсовета, я рассказывал своему коллеге об этих острых беседах, ценнейших признаниях и утешительных ответах, ведь я говорил с людьми, занимавшими ответственные посты в городской администрации. Порой мы с коллегами спрашивали друг друга, не пришла ли пора исполнения Фатимских пророчеств о России. Я говорил: «Господь Бог в Своем всемогуществе способен изменить этот народ, скитающийся в потемках, и сделать так, что одним прекрасным утром все проснутся с верой в сердцах или, по крайней мере, с предрасположенностью к вере». Отец Николя остроумно добавлял: «В этой стране все делается по "приказу", но чаще приказ больше похож на "каприз", и я не удивлюсь, если завтра Сталину придет на ум "каприз" отдать приказ: всем идти в церковь. Тогда обращение России к Богу обеспечено».

К сожалению, сейчас из общения с большевиками я помню только отдельные фрагменты. Однако же два случая врезались мне в память. Первый, в котором я принимал только косвенное участие, касался депутата городского совета Одессы. Не входя в подробности, скажу, что однажды через свою кухарку-католичку он выразил желание получить хотя бы на время католический молитвенник на русском языке. Я удовлетворил его

просьбу. Надеюсь, что эта маленькая книжечка, оставшаяся у него после моего ареста, не просто осталась ему на память, но связала его узами с Вселенской Церковью.

Другой случай такой: я написал письмо Председателю Президиума Верховного Совета Калинину, прося разрешения выдать вид на жительство двум иностранцам, мне и моему коллеге. В милиции нам сказали, что мы можем просить даже о получении советского гражданства, и эта мысль мне даже нравилась, мне казалось, что так я уподоблюсь апостолу Павлу, который сделался "всею для всех", и даже в какой-то степени уподоблюсь Господу нашему, ставшему согражданином всех людей. Однако прихожане энергично отговаривали нас от этого шага: «Упаси вас Бог получить советское гражданство. Завтра же вы окажетесь игрушками в их руках, и никакая человеческая власть не вырвет вас из их лап». Поразмыслив и поняв, что в этом случае наша миссионерская деятельность окажется под угрозой, мы решили ограничиться видом на жительство для иностранцев.

Однако я боялся отказа из Москвы, опасался, что однажды нам скажут: «Возвращайтесь туда, откуда вы прибыли». И тогда прощай русская миссия. И я решился на компромисс, написал Калинину от себя одного примерно следующее: «Если вы не доверяете мне общаться с вашим народом, позвольте мне работать под вашим контролем, но всегда на благо этого народа, которому я посвятил всю свою жизнь. Я знаю, что в Советском Союзе существуют заключенные, концентрационные лагеря для перевоспитания молодых и взрослых преступников, что есть исправительные заведения. Дайте мне возможность общаться с этими морально падшими людьми, возможность свободно и без ограничений нести Дух Божий несовершеннолетним преступникам, и обещаю вам, что вы увидите их чудесное преобразование...»

После долгого ожидания мы получили вид на жительство, но мое предложение осталось без ответа. Лишь год спустя в Москве во время допроса, я услышал от следователя саркастическую реплику: «Вы сами просили направить вас в тюрьмы и лагеря для перевоспитания заключенных, теперь ваша просьба удовлетворена, а вы чем-то недовольны...» Далее будет рас-

сказано, какие возможности выполнять свою миссию предоставлены священникам в этих тюрьмах и концлагерях.

С верующими других конфессий

Однажды ко мне пришел инженер с просьбой наставить его в основах католической веры и дать ему возможность изучить христианскую религию. «Я еврей, — сказал он, — во время немецкой (или румынской?) оккупации жил в гетто вместе с сотнями соплеменников. Чувствуя опасность, я однажды обратился к Иисусу из Назарета с молитвой: "Если Ты в этот опасный момент спасешь меня от смерти, обещаю Тебе, я стану христианином". Все остальные были убиты, я один спасся. Для меня это стало истинным чудом. Теперь я должен выполнить свое обещание, и вот я, отец, в ваших руках. Научите меня и крестите. Я уже прочитал все четыре Евангелия. Я нашел там чудесный неисчерпаемый источник святости и красоты, конечно, Божественной». Во время крещения инженер проливал горячие слезы радости.

Более обычными были случаи обращения в католичество православных, но как более обычные они не так хорошо запомнились. И я не смогу рассказать о них по порядку; расскажу только один неудачный случай со стариком, бывшим офицером царской армии. И расскажу подробно о втором необыкновенном случае перехода от раскола к единству Церкви.

В первом случае это был царский офицер, уже стариком женившийся на молоденькой польке, слепой от рождения, католичке по вере. Однажды она мне рассказала, что беспокоится о вечном спасении мужа, чья смерть уже близка. Пояснила, что он ни в коем случае не хочет доверить свою совесть священникам, которые находятся в общении с иерархами "возрожденного" православия: он боится, что они донесут на него в органы. Он хочет исповедаться мне. Мы обговорили все сначала с его женой, а потом и непосредственно с ним. Но мне не удалось добиться от него той степени принятия католической Истины, которая достаточна для отпущения грехов и причащения.

В другой раз действовал Сам Святой Дух. Это касалось отца А., украинского православного священника⁵⁹. Когда в его стране разразились религиозные преследования, он перестал служить. В долгие годы разброда в православном мире он стал размышлять о вопросах Церкви, изучал труды Святых Отцов, какие у него оставались. Вывод был тем единственным, к которому мог прийти искренний искатель истины: истинная, подлинная Церковь Иисуса Христа — та, которая основывается на Петре и его законных преемниках. Открыв камень, на котором зиждется прочный фундамент христианской веры, отец А. ожидал благоприятного времени, чтобы восстановить на этом основании свое духовное здание. Он не шел на компромиссы с православными священниками.

Пришла война, поставила лицом к лицу с жестокой реальностью. Пока другие выжившие православные священники метались между разными автокефалиями, провозглашаемыми православными иерархами, отец А. обратился к митрополиту Львовскому Андрею, прося принять его в общение со Вселенской Церковью. Архиепископ позволил ему служить на имевшемся у него антиминсе, освященном православным архиереем, и пока что искать контакты с украинской униатской Церковью. Во время поездки отца А. на Западную Украину получилось так, что он пришел ко мне в Одессе. Дело было в воскресенье после мессы, которую мы отслужили во французской церкви. В ризницу вошел человек, старый годами, но молодой духом, высокий, с бородкой, истощенный, но улыбающийся и показал мне открытку с ответом митрополита Андрея Шептицкого. Я рассказал о посетителе апостольскому администратору (это было еще до отхода фронта) и представил его. Но в то время все перевернулось вверх дном, и сам отец А. подумывал уйти на Запад. Следовательно, на тот момент, о котором я говорю, он не принял еще никакого решения.

Фронт переместился. Все замолкло. Полтора месяца спустя, когда я уже уверился, что отец А. определенно исчез, в один

⁵⁹ Речь идет о священнике Афанасии Михайловиче Шумлянском. Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

прекрасный день он, улыбаясь, снова вошел ко мне со словами: «А вот и я». Это было для меня большой радостью. «Значит, мы остались не вдвоем, а втроем», — подумал я. Тогда мы начали действовать, чтобы придать окончательную форму его пути к церковному единству. В основном его теологические знания были удовлетворительными, а убеждения более чем достаточными. Необходимо было, все обзрев, кратко пересказать предписанную формулу исповедания веры⁶⁰.

Для решительного шага мы выбрали праздник святых апостолов Петра и Павла по юлианскому календарю. Я поручил новому последователю отслужить мессу, но ему хотелось причаститься у меня на Святой мессе, которую я служил по восточному обряду. Он и впоследствии не хотел служить, но продолжал помогать мне на мессе и в других богослужениях по восточному обряду как псаломщик. При случае мы отправили телеграмму митрополиту Львовскому Андрею с выражением почтения.

Богослужения по восточному обряду

Мы организовали регулярное служение по восточному обряду во французской церкви в субботу вечером и в канун праздников — вечерню и заутреню, а по воскресеньям и в основные праздники — литургию с толкованием Евангелия. Я служил каждое воскресенье по латинскому обряду в приходской церкви и по восточному обряду — во французской. Здесь количество присутствующих мало-помалу увеличивалось.

В Одессе было значительное число католиков, перешедших из православия, которым никогда не говорили, что они, перейдя в католичество, могут посещать службу по восточному обряду. Я постарался довести это до их сознания, что было полезно для объединения и само по себе справедливо. Они посещали богослужения по восточному обряду и по западному обряду, тем самым показывая разобщенному миру, как можно создать единство

⁶⁰ Во время следствия активное участие Пьетро Леони в переходе православного священника в католичество станет для него серьезным обвинением. — *Прим. ред.*

веры при различии обрядов. Учитывая важность такого подхода, мы решили построить во французской церквушке иконостас. С другой стороны, нужно было сохранить вид алтаря для латинского обряда, который был основным в маленькой церкви, поскольку французская колония считала ее своим храмом.

Так возникла идея построить передвижной и складной иконостас. Наш арест остановил работу на полпути.

Арест отца А.

Итак, сотрудничество с нашим коллегой, перешедшим из православия, и его деятельность, пусть и в скромной роли псаломщика, вели к успеху нашего миссионерства среди православных. В последние месяцы очень полезной была и его борьба с советской "Церковью". Отец А., конечно в мирской одежде, посещал православные храмы⁶¹ и, не привлекая к себе внимания, мог слушать проповеди и дискуссии и потом пересказывать нам все обвинения и клеветнические измышления против Папы и нас, которые высказывались в этих храмах.

Он первым среди нас, католических священников, попал в лапы НКВД. Арест не был для него неожиданным ударом, он предчувствовал его. Помню, последние недели он часто применял к себе слова, сказанные Господом св. Петру: «Когда ты был молод, ты сам подпоясывался и шел, куда хотел; но когда ты состаришься, то протянешь руки, и другой подпояшет тебя и поведет туда, куда ты не захочешь». Перед советским правосудием отец А. произнес достойные слова о Католической Церкви. Поскольку на допросе его спрашивали и обо мне, незадолго до конца следствия мне показали эту часть протокола. После вопроса об отношениях со мной⁶² стоял вопрос: «Как вы решились

⁶¹ Возможно, что активность священника в православных храмах и привлекла к нему внимание чекистов, и он был арестован. — *Прим. ред.*

⁶² На допросе свое решение о переходе в католичество с обращением при этом к Пьетро Леони священник Афанасий Шумлянский объяснил так: «Мне понравилась его краткая, но содержательная проповедь на русском языке». — *Прим. ред.*

изменить Родине, примкнув к Римскому Папе?» Затем следовал ответ: «Я был убежден, что спасение религии в нашей стране возможно только с помощью Римско-Католической Церкви»⁶³.

Крещение на железнодорожном вокзале

В середине осени 1944 года через Одессу на родину везли бывших ссыльных стариков, женщин и детей, которых отправили в Сибирь и на Север сразу после того, как СССР завладел территориями Восточной Польши и Западной Украины, вонзив нож в спину Польше, на которую напал Гитлер. Прибыв в Одессу, ссыльные отправили посланцев к настоятелю католического прихода с просьбой окрестить их детей. Я пошел к ним. В железнодорожном тупике стояло четыре-пять вагонов для скота, открытых сверху. Вокруг толпилось человек двести, несчастные больше походили на цыганский табор, чем на польских и украинских граждан; среди них было немало евреев.

Мне рассказали, что в ссылку отправили и много мужчин. Теперь их всего-то горстка, самые хворые и старики. Молодежь и взрослые либо остались в Сибири (в основном под землей), либо их отправили в армию. Рассказывали про голод и холод, про то, как пострадали за четыре-пять лет ссылки. За что их сослали? Этого они не знали. Окрестить надо было человек тридцать. Я разделил крещаемых на две группы, поляков окрестил по латинскому обряду; украинцев окрестил и помазал по восточному обряду.

Тогда эти страдалцы были счастливы, что возвращаются домой, но там им пришлось узреть еще большие бедствия, чем раньше, когда большевики взялись за дело, чувствуя себя победителями и в полной безопасности.

⁶³ Священник Афанасий Шумлянский дал на допросе следующее показание: *«Я считал, что Православная Церковь в советских условиях погибает, и единственный выход для верующих — это переход в католичество»*. — Прим. ред.

Между могилами

Коммунисты превратили похороны в СССР в бездушную процедуру (исключения делаются только для своих "великих"). Но христиане по возможности сохраняют прекрасные старые традиции: за катафалком идет много народу, открытый до самого кладбища гроб убран кружевом и бахромой, засыпан цветами. К сожалению, священник, если он есть, так перегружен, что не может сопровождать процессию, но он благословляет горсть земли, которою посыпают покойного, опуская в могилу.

В День усопших 1944 года мы отправились на дальнейшее кладбище Одессы и там совершили по просьбе наших верующих необходимые заупокойные обряды. Что касается похорон в Одессе, то один случай запомнился мне особенно: умерла одна старая незамужняя прихожанка нашего храма. Когда умирает незамужняя, похороны и процессия должны быть особенно торжественными. Покойную одели в великолепное платье, которое было сшито заранее и отложено для похорон. Вдруг по окончании отпевания при последнем лобзании две прихожанки, вынув большие ножницы, начинают резать платье в длину, снизу доверху. В одну минуту прекрасное одеяние оказалось искромсано. «Что это? В чем смысл этого обряда?» — спрашиваю я в полном недоумении. Мне объясняют, что никакого мистического смысла в этой церемонии нет, она нужна, чтобы отбить у воров желание выкрасть одежду из могилы. Из тех же соображений, то есть оберегая могильный покой, никто в этой счастливой Стране Советов не вздумает хоронить усопшего с золотыми коронками.

Глава VIII. Епископ Сергей

Свет и тень

Вслед за советскими войсками в Одессу для управления епархией прибыл православный священник-монах: его направил патриарх Московский Сергей⁶⁴. Я сразу же постарался установить контакт с духовным посланником советской столицы: мне действительно было очень любопытно посмотреть, какой дух царит среди священнослужителей этой, уже столько лет угнетенной Церкви.

Наступил новый и решающий момент, который позволял сделать прогнозы на будущее и понять, осуществляются ли Фатимские обетования относительно обращения России или нет. Тот факт, что снова открывались церкви, не давал еще права говорить об обращении России. Например, было известно, что церковная иерархия существовала и до войны, но она позорно скомпрометировала себя сотрудничеством с коммунистами. Более того, когда я был военным капелланом на Украине, я слышал, что вскоре после раздела Польши между Гитлером и Сталиным на территории, оккупированной советскими войсками, появились некоторые агенты НКВД, переодетые епископами.

Я был счастлив лично познакомиться с посланником патриарха Сергия. И казалось, что обрадовался не только я, поскольку и он заявил, что очень рад встрече с посланником Папы. Чистый, опрятный, без бороды, волосы собраны на затылке, а не висят по плечам. Он не был похож на монахов былых времен, волосатых и грубых. Был умен, умел красноречиво говорить о Святом Писании и о науке, о каноническом праве и политике. Прекрасными манерами и искусной дипломатией умел завоевать симпатию собеседников. Он принял меня очень любезно, говоря, что, хотя он и послан инспектировать православную церковь Одессы, все же интересуется и другими религиозными конфессиями.

⁶⁴ Имеется в виду митрополит Сергей (Страгородский), избранный во время войны патриархом РПЦ при активном содействии официальных властей.

Однако, как он сказал, его интерес к католикам проникнут особым чувством, поскольку они наиболее близки к православию. О Папе он говорил очень почтительно; по сути, он признавал первенство за Церковью Рима, допускал, что Римский понтифик является преемником св. Петра и верховным главой христиан. А относительно единения Церквей высказывал особое воодушевление. Оптимизм, с которым я вернулся в тот день домой, не пропал даже после повторных визитов, которые мы нанесли друг другу в дальнейшем.

В четверг 17 мая 1944 года он был у нас на обеде; его сопровождали двое священников. Это был праздник. День преодоления раскола казался близким; словно святая Русь пробуждалась и готовилась вернуться к подлинной вере св. Ольги и св. Владимира, святых Антония и Феодосия Киевских, кардинала Исидора...

Сергий Ларин (так зовут нашего главного героя) высказывал глубокое уважение к патриарху Московскому, своему тезке, который оказал ему большую честь, назначив его управлять целой епархией. Его голос дрожал, когда он вспоминал частную аудиенцию, которую Его Преосвященство дал ему перед отъездом в Одессу. Он превозносил до небес проявления веры среди солдат и даже офицеров Красной армии, перечислял случаи священнического призвания среди образованных людей — ученых, врачей, инженеров, которые носят рясу, совмещая свою профессию с новым призванием.

В целом все было прекрасно, я чувствовал, как мое сердце преисполнялось огромной надеждой. Вместе с отцом Николаем я принял приглашение навестить его перед возвращением в Москву. Он был радушен, и наше уважение к нему возросло вплоть до того, что мы усмотрели в нем некий дух, будто и правда церковный. Он разумно осуждал заблуждения "Живой Церкви", а также нарушения, допущенные перед войной Украинской "Автокефальной" Церковью. Он решительно заявлял, что Церковь в Москве, занимаясь устройством церковной жизни, намерена вести себя с Римской Церковью как со старшей сестрой и наставницей.

Среди всего этого света был лишь один темный луч. Особенно меня удивлял настрой новой московской Церкви, которым он хвалился, — готовность выступать заодно с советской властью, в то время как та настаивала на принципе отделения Церкви от государства, более того, советская власть продолжала открыто бороться против религии в школах и в коммунистических организациях.

Как бы там ни было, я был склонен простить многие противоречия, лишь бы по сути сохранялось стремление к высшим целям, к спасению религии. Естественно, нельзя было сразу требовать совершенства как от советского правительства, так и от возродившейся Церкви, тем более что она возрождалась из руин той Церкви, которая на протяжении веков была поражена цезарепапизмом. Итак, с посланником Москвы мы поддерживали добрые отношения даже тогда, когда после своего отсутствия, длившегося несколько месяцев, он вернулся в наш город уже в качестве епископа Кировоградского и викария Одессы, где практически и устроил свою резиденцию.

Отец Николая и я отправились выразить ему поздравления и пожелания и пригласили его на обед. Затем мы сами были гостями на его трапезе. Теперь он говорил нам об открытии церковной семинарии в Москве, представлял нам «Журнал Московской Патриархии», который вновь начал выходить, показывал фотографию старых епископов, вновь вступающих в должность, и новых (более многочисленных), делящих между собой виноградник Господа. Все это было бы прекрасно, если предположить, что одухотворяющее начало всего этого на самом деле было таким, каким его пытались представить.

И все-таки вскоре, несмотря на все желания оправдать изъяны, которые постепенно обнаруживались, зародились сомнения. Трудно ангелу мрака, изображающему из себя ангела света, долго прятать свой змеиный хвост, или, как говорит русская пословица, «шила в мешке не утаишь». Действительно, постепенно замечались уже не второстепенные, а существенные недостатки, подрывающие сами основы и цель божественного установления Церкви.

Новая церковная иерархия, не удовлетворенная тем, что она уже превратила храм в финансовую контору для войска и государства или в орган патриотической пропаганды в поддержку воинственно безбожной власти, вставала на защиту самой этой власти и коммунизма. На страницах "Журнала Московской Патриархии" Сталин превозносился как «посланник Божий», «великий освободитель советского народа», «отец бедных и угнетенных», «учитель народов мира». Даже в литургических молитвах всплывала подобная хвала Сталину.

Уже в октябре месяце (1944 года) один русский православный архиерей сообщил мне о подозрениях, распространившихся среди подчиненных епископа Сергея Ларина, что именно он сообщает в НКВД имена священников, подлежащих уничтожению. В самом деле, вместе с тысячами советских граждан арестовывались и священники. Со временем стало ясно, что он хищный волк, терзающий стадо, но тогда это оставалось всего лишь подозрением, пусть и ужасным. Лишь одно было ясно уже с тех пор — исчезали лучшие православные священники, я сам слышал, как жаловался на это верующий народ.

Наступили октябрьские праздники 1944 года. Ко мне пришел настоятель соседней православной церкви, чтобы спросить, намерен ли я отмечать в церкви годовщину Октябрьской революции или нет. Я ответил откровенно, что самое большее, что мы можем сделать, — это отслужить торжественную панихиду по всем жертвам советской революции. Я объяснил ему, что и им неприлично петь "Тебя, Бога, хвалим" революции, которая в конечном счете принесла Православной Церкви бедствий больше, чем Католической, начав счет с отравленного патриарха Тихона.

Но приказы епископа Сергея не подлежали обсуждению, и во всех церквях Одессы, за исключением наших, отмечалась годовщина революции. Впрочем, эти приказы исходили не лично от Сергея Ларина, а спускались сверху и распространялись по всей новой Православной Церкви.

Первые выпады

Патриарх Московский Сергей умер, предстоял созыв Собора для избрания нового патриарха, на сей раз неоспоримо "каноничного". Этому придавала большое значение и советская власть. Для подготовки Собора в Москву был приглашен также епископ Сергей Ларин.

После возвращения из Москвы Ларин начал выказывать агрессивный настрой против нас, католиков. Это был тот самый дух, который уже обнаруживался в советской печати, позволявшей себе к концу 1944 года публиковать инсинуации против Ватикана и Папы. Можно было угадать намерения Советов, уже уверенных в своей победе: они хотели в полной мере возобновить наступление на религию, прежде всего на Католическую Церковь, в которой видели самое большое препятствие.

В декабре Ларин объявил, что недоволен моей миссионерской деятельностью среди православных. Выразив сожаление, что заставляю его испытывать недовольство, я сказал, что иначе поступать не могу. Тогда он вызвал меня к себе, как это сделал бы начальник, и отчитал в присутствии своего секретаря, старого священника: «Я узнал, что вы занимаетесь прозелитизмом среди православных. Это нехорошо. Есть много атеистов, обращайтесь к ним, делайте из них католиков — я слова не скажу. Идите к сектантам, обращайтесь их в католицизм, я и на это глаза закрою. Но смотрите, не смущайте сознание наших верующих, а не то... Объединять Церкви мы будем, но тогда, когда посчитаем нужным именно мы, и когда придет время, мы, пастыри, и наши овцы соединимся с Папой. И знайте, что у нас есть способ заставить вас отказаться от этой разлагающей деятельности среди православных».

По тону его голоса можно было сразу понять, что средства, на которые намекал Сергей, были не слишком духовными, но, к счастью, когда речь шла об интересах Церкви, страх не был моим советчиком. Поэтому я свободно ответил, ссылаясь на право и долг поддерживать власть Папы в моей церкви. «Если православные придут послушать меня, я не буду против, а если кто-то из

них попросит принять его в Католическую Церковь, я тем более не откажу. Не думаю, что Ваше Преосвященство (представьте себе, какое глубочайшее "уважение" я испытывал к этому Преосвященству!) вправе помешать мне принимать тех овец православного стада, которые решаются испрашивать пристанища в Овчарне Иисуса Христа. Ведь и их пастыри сами подумывают, не вернуться ли и как, и когда — в Овчарню, являющуюся единственно истинной, как вы сами знаете. И вы не вправе мешать мне, а я не намерен отказывать просящему пристанища».

Однако благоразумие требовало не слишком его раздражать во избежание большего зла, поэтому я сказал, что на самом деле он плохо информирован о моей пропагандистской деятельности среди православных. «Речь идет о редчайших случаях, — добавил я, — когда по причине смешанного брака православный или православная решает стать католиком ради единства семьи».

На этом, казалось, он успокоился. Мы расстались с виду в хороших отношениях, но уже чувствовалось, что между нашими конфессиями возникает ледок. Я говорю именно о конфессиях, согласно представлению, которое в то время я еще сохранял об этой "Церкви". Действительно, в ней я все еще старался видеть продолжение Церкви царского времени, несмотря на растущее подозрение, что я нахожусь пред лицом финансового и политического органа большевистского государства.

Открытая борьба

Окончательное разоблачение этого переодетого волка и всей новой московской "Церкви" произошло спустя месяц на московском Синоде. Епископ Сергей Ларин отправился в столицу в конце января. Собор, которому предстояло избрать патриарха, был созван при полной поддержке советского правительства, того правительства, которое продолжало упорно заявлять об отделении от всякой Церкви и религиозной конфессии. На советских самолетах, на роскошных поездах в советскую столицу были доставлены православные патриархи или их делегаты из Иерусалима, Антиохии, Александрии, Константино-

поля, менее важных зарубежных кафедр. Они приезжали как гости-единомышленники, как братья "Церкви", возрожденной из пепла дореволюционной Церкви. Непосредственного участия в Соборе, являвшемся поместным, "братья" не принимали. Прочие любопытствующие и симпатизирующие прибыли из протестантского и англиканского мира.

К сожалению, гости, прибывшие из православного мира, подписали в Москве обращение ко всем народам земли, обвинив Ватикан в том, что он поддерживал Гитлера и несет ответственность за войну. Сами они тем временем восславили, если воспользоваться словами византийской литургии, «единими устами и единым сердцем» правительства СССР, Америки и Англии, которые освобождали мир от рабства и варварства.

Еще более бесстыдным и даже дьявольским было воззвание, с которым русско-советское духовенство обратилось ко всему христианскому миру. В начале возвания поминаются зверства, совершенные Гитлером и его сообщниками, убийства женщин и детей на советской земле, и тут возразить нечего. Но сразу же после этого идут обвинения по адресу Католической Церкви и обещания возмездия: дескать, Католическая Церковь — союзница Гитлера в "крестовом походе" против Советского Союза, Ватикан де-согласен с преступлениями фашизма, а Папа — защитник военных преступлений. Ныне «невинная кровь Авеля вопиет к Богу о возмездии» убийцам, и, значит, не удивительно, что «тонут в крови своих жертв» палачи и все те, кто, одобряя чужие грехи, стали участниками этих грехов, «согласно учению апостола Павла»⁶⁵.

Два обращения, уже распространенных советской печатью, были развешаны на дверях одесских храмов по приказу епископа Сергия, который вдобавок, выступая с публичной лекцией о московском Соборе, в негодовании набросился на Верховного понтифика, говоря: «Римский Папа Пий XII совершил великое безумство, защищая Гитлера и тех, кто несет ответственность за войну».

⁶⁵ См.: «Журнал Московской Патриархии». 1945, № 2. С. 16.

Защита истины и невиновности

Обвинения были тягчайшими.

Я не имел возможности проверить, за какие документы ухватились враги Ватикана, но сразу же догадался, что речь идет о призыве св. Отца помнить о христианском милосердии. Благо-разумие подсказывало не выступать против советской печати, но после клеветы со стороны "Церкви", которая по закону равна нашей, я счел, что вправе говорить и открыто защитить честь Католической Церкви и самого Папы.

Я знал, что подвергаю себя опасности, но и в молчании не видел пользы: по всему, снова разгорались гонения на веру. Тон публикаций, поведение полуофициальной "Церкви", арест многих католических священников на Украине, в Белоруссии, в Прибалтийских странах, а также многочисленных православных священников, не одобрявших компромиссы советской "Церкви", равно сулили новые религиозные гонения.

Итак, задумал я откровенно высказаться в защиту истины и невиновности, прежде чем сойти со сцены. Во второе воскресенье февраля в двух наших храмах я объявил, что ближе к вечеру выступлю с разоблачением ложных обвинений некой власти против Папы. Боялся я только одного: того, что до наступления вечера меня арестуют. Но для приказа об аресте требовалось "добро" Москвы... так что пока я мог выступать и с открытым забралом защищать оклеветанную невинность.

Просторную приходскую церковь почти заполнили слушатели. Пришло также много православных, среди них можно было заметить священников. Первое доказательство в защиту Пия XII я почерпнул из старой советской энциклопедии: в конце статьи о папстве показывались со всей очевидностью разногласия между Гитлером и Римским понтификом. Тогда авторам велено было писать одно, теперь — совсем другое. Ясно, что сейчас Папу очернили, что с Католической Церковью решено бороться не на живот, а на смерть.

Как свидетель, приехавший из Рима, я рассказал о поведении Пия XI, когда в вечный город вошел Гитлер. Я обратил

внимание на то, что Его Святейшество Пий XII был тогда кардиналом, секретарем своего предшественника. Я говорил о гонениях Гитлера на Католическую Церковь, о попытках Пия XII предотвратить войну и, наконец, о поддержке Ватиканом пострадавших от войны народов, семей, а также военнопленных.

Я подчеркнул протест Папы против узурпации Гитлером власти в первые годы войны, когда фюрер развязал мощное наступление против более чем половины Европы, вторгаясь на нейтральные территории. И здесь я сопоставил мужественное поведение Пия XII с трусостью марионеток, собранных в Москве. Эти осмелели только сейчас, когда Гитлер повержен; раскудахтались, только когда увидели, что положение фюрера стало шатким. Ранее они помалкивали и, более того, в случае окончательного его успеха готовы были служить ему, настолько они привыкли льстить и угодничать. Покойный патриарх Сергей и митрополит Алексей промолчали, когда Гитлер оккупировал Польшу, Норвегию, Бельгию, Голландию и т. д., а стали протестовать лишь против оккупации Гитлером Советского Союза.

«Никто не сможет заставить меня поверить, — говорил я, — что Пий XII сначала осудил Гитлера могущественного, а теперь оправдывает его, получающего воздаяние за преступления. Не поверю и в то, что Папа, напоминая миру о заповеди Христа и пытаясь умерить слепую ненависть, хочет спасти от правосудия тех, кто несет ответственность за войну. И, напротив, я со скорбью констатирую, что православное духовенство осуждает деятельность Римского Папы вопреки Христовой заповеди о любви к врагам».

Я указал на абсурдность заявления, что «призывать к любви к врагам означает стать причастным к преступлениям, ими совершенным». «Если мы не утверждаем, — говорил я, — что св. Стефан стал сообщником греха иудеев, молясь за них; и если мы не говорим, что наш Господь Иисус Христос, прося Отца о прощении распинавших Его, стал причастным... (не завершаю, чтобы не богохульствовать), то мы должны уважать также и тех, кто в эти дни ненависти и мести напоминает людям о новом и вечном законе Спасителя».

Но в тот день я понял, что бесполезно разговаривать с теми, кто стал сообщником нечестивых гонителей истинной Церкви, с теми, кто сознательно попирает установление, которое обязан защищать заодно с Наместником Христа. Какие доводы могли убедить людей, утверждавших, что пример и заповеди Иисуса Христа в данном случае неприменимы? Ведь они говорили не о различии между *отвращением* к врагу, совместимым с основополагающей любовью к нему, и *яростной ненавистью*, жаждущей мести. Нет, они утверждали, что христианский закон «Любите врагов ваших» в отношении немцев полностью упразднен. В пользу упразднения приводился довод: «Наш Господь молил Отца о прощении тех, кто распял Его, потому что те не ведали, что творили, но немцы знали, что делали, когда на советской земле истребляли женщин, детей...» В довершение всего Папу ассоциировали с Гитлером, а Католическую Церковь с нацизмом.

Я видел, что это логика волка, спорящего с агнцем, и уже тогда же призвал своих прихожан и всех слушателей, людей доброй воли, простить ненавидящих нас и ищущих нас уничтожить. Мы понимали, что изолированы в грядущей борьбе с сильным и жестоким врагом, и прибегали кровоточащим сердцем к единственному убежищу, которое нам оставалось, Непорочному Сердцу Марии. В конце выступления я прочел формулу посвящения человеческого рода Сердцу Марии, составленную Его Святейшеством Пием XII в 1942 году.

Моя защитительная речь длилась полтора часа. Многие выходили из церкви со слезами на глазах.

Дальнейшая полемика

В последующие воскресенья Сергей Ларин полностью разоблачил себя: он проповедовал сам и заставлял проповедовать своих настоятелей только против Католической Церкви. Он объявил о целом ряде лекций на эту тему, которые будут прочитаны в православном соборе Успения Божией Матери. В одно из великопостных воскресений Ларин приказал прочесть во всех одесских храмах проповедь на тему «Фашизм и иезуиты».

Подобное сопоставление устами проповедников непременно должно было внушить пастве *страх Божий*.

Однажды в воскресенье епископ, видя, что НКВД медлит расправиться с нами, даже пожаловался с амвона: «Этому священнику-итальянцу, который вместе с фашистскими войсками попирает нашу святую землю, еще, к сожалению, позволяют свободно ходить по нашему городу, и, более того, ему разрешено говорить с церковной кафедры».

Но, спасая видимость законности, они весь прошедший год терпели меня, чтобы дать мне время сознательно совершить те "преступления", которые желали мне вменить. Так я получил возможность отпраздновать с паствой еще одну Пасху, как описано выше. У меня было также время завершить цикл апологетических лекций, который я читал уже почти год. В предпоследнее воскресенье я сопоставил независимость Римских понтификов с угодливостью православных иерархов, превратившихся в силу своего цезарепапизма в лизоблюдов князей мира сего (я использовал именно этот термин). После лекции целая группа православных пришла в ризницу выразить симпатии к Католической Церкви и презрение к их собственному "пастырю", раболепному и двуличному.

Глава IX. Пять минут разъяснений

Меж двумя приглашениями

Слыша, с какой откровенностью я разоблачаю клевету со стороны советской "Церкви", мои прихожане испугались. Но я считал выигранным для свободы каждый лишний день: я знал, что дни мои на воле сочтены, так же как и для прочих католических священников, даже самых сдержанных. Если не ошибаюсь, украинский священник, перешедший в католичество, уже был арестован, когда к нам, двум оставшимся католическим священникам, пришел православный священник и стал нас уговаривать принять православие, чтобы спастись от преследований.

— Наоборот, — ответил я ему откровенно, — наступило время, когда вы, православные, должны вернуться к истинной Церкви Иисуса Христа, потому что налицо, по крайней мере, два очевидных факта: первый — что Церковь Христа неодолима, «адские козни не разрушат ее», о ней заботится Сын Божий; второй — что, как показывает жизнь, ваша Церковь приблизилась к вратам ада, так как ваши епископы служат темным силам НКВД, следовательно, ваша Церковь — не есть истинная Церковь Христова. Поэтому, если хотите спастись, приходите к нам, даже если придется пострадать от преследований.

— Я уже отведал тюрьмы, — ответил украинский священник. — Прогостил в НКВД десять лет и не хочу повторить это ни в старости, ни теперь, пока у меня семья.

— Делайте как знаете, — сказал я, — но помните слова Спасителя: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф 10, 34-38). Что касается нас, то и вы, и ваши коллеги могут за нас не беспокоиться — мы в добрых руках. Я лично буду счастлив, если смогу продемонстрировать всю свою любовь к Тому, Кто на кресте дал пример высшего милосердия.

Всю последнюю неделю во мне звучали и другие слова Иисуса, мне слышалось в них предсказание моей участи: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин 12, 23-25).

Из церкви в тюремную камеру

Четвертая неделя по Пасхе выпадала в том году на 29 апреля, праздник св. Петра Мученика. Рано утром я отправился в церковь, исповедовать и служить первую мессу. В девять должен был служить отец Никола; он, однако, не появился. Я надеялся, что он придет хотя бы к одиннадцати часам, но и этого не случилось. Пришлось служить мне, пропустив службу по восточному обряду во французской церкви. Я толковал также Евангелие, но кратко: меня очень тревожило отсутствие коллеги.

Я возвращался домой около половины первого. Стасик, наш самый старший из мальчиков-прислужников, лет пятнадцати–семнадцати, помогал мне нести сумку с собранными в тот день пожертвованиями. В середине Дерибасовской, где мы должны были повернуть на Гаванную (наша улица), какой-то тип подошел к нам, схватил Станислава за руку и стал его оттаскивать. Я схватил мальчика за другую руку. «Куда ты? — сказал я. — Оставайся со мной». «Что все это значит? — спросил я у незнакомца и добавил, догадавшись, кто он таков. — А что, мальчику запрещено идти по улице со священником?» Незнакомец, казалось, не слышит. Его беспокоило только, что мои возражения могут привлечь внимание прохожих, и он все энергичнее оттаскивал Стасика, твердя: «Ничего, ничего, не бойся, мы только отойдем в сад».

Все же прохожие стали оборачиваться. Тогда я взял у мальчика сумку и пошел дальше. Пройдя с десятков шагов по Гаванной, я увидел метрах в тридцати от французской церкви стоявшую закрытую машину и рядом трех типов, напомнивших мне наемных бандитов дона Родриго⁶⁶. Однако вместо страха я почувствовал покой и радость, памятуя вечное слово: «Не бойтесь

⁶⁶ Дон Родриго — персонаж романа Алессандро Мандзони "Обрученные".

убивающих тело... Блаженны изгнанные за правду» (Мф. 10, 28). Я спокойно двинулся навстречу чекистам, одетым в гражданское. Один из них, спросив мои имя и фамилию, открыл дверцу машины и вежливо пригласил: «Проедем к начальству. Кое-что проясним, и через пять минут вы свободны». Это была "правда" по-советски, обещанные пять минут продлились более десяти лет.

На улице Бабеля мне объявили, что я арестован. Меня как следует обыскали и отобрали все: часы, ручку, сумку и, самое главное, четки, подаренные мне Папой, и образок, висевший у меня на шее. Образок оказался единственной вещью, которую мне вернули в конце следствия. А деньги записали на мой лицевой счет, и я смог тратить их впоследствии. Выяснив мои анкетные данные, они передали меня дежурному конвоиру, который, в свою очередь, отвел меня в камеру на первом этаже. На остаток дня меня оставили в покое.

Они настолько не хотели меня тревожить, что не удосужились принести мне хотя бы кусочек хлеба. Только поздно вечером вежливо спросили, не хочу ли я попить. «Спасибо, — сказал я, — не хочу. Но от куска хлеба не откажусь, потому что не ел со вчерашнего вечера». — «Никакой еды до завтрашнего утра нет». Охранник унес фонарик и оставил меня в темноте, закрыв в двери окошко, через которое он со мной разговаривал. Ночь я провел на пустой желудок. Было холодно. Голод, испортившаяся погода, окошко без стекол, но с решетками, отсутствие постели — все это не давало согреться физически. Но на душе было тепло, и я радовался, чувствуя себя ближе к Спасителю.

По старому календарю в тот день было начало Страстной недели. Накануне утром я не смог отпраздновать Вербное воскресенье по восточному обряду, но теперь я мог начать свой крестный путь ради этого народа. С такими думами я помолился, перебирая мысленно четки и соображая, правильно ли я себя вел, лег на голый топчан, стоявший в центре камеры, и постарался заснуть.

Но всю ночь почти не сомкнул глаз: мешали не только холод и жесткость топчана. Мешал и мой новый "ангел-хра-

нитель", он беспокоился о моем здоровье и, главное, на месте ли я. Время от времени окошечко в двери камеры открывалось, охранник направлял на меня свет фонаря и проверял, не случилось ли чего. Если я поднимал голову, он спрашивал: «Не спишь? Почему?» — как будто я обязан объяснять ему причины бессонницы.

В Москву

Утром мне наконец дали немного черного, плохо пропеченного хлеба. В середине дня принесли миску с варевом, которое они называли "супом". После обеда меня отвели к начальнику, оказалось, мне передача из дома: кое-какая одежда, немного хлеба и сала. Заодно я узнал, что на следствие меня отправляют в Москву.

— Хорошо, повидаем Москву, — сказал я.

— Вы думаете, что едете на экскурсию? Ишь как обрадовался!

— Конечно, обрадовался! И апостол Павел радовался, когда смог отправиться в Рим.

— И что хорошего он в Риме нашел? Его распяли.

— На самом деле ему отрубили голову, — поправил я. — Распяли апостола Петра.

— Невелика разница. В любом случае нечему радоваться.

— Как нечему? Если бы вы знали, как прекрасно — отдать свою жизнь за веру! Отдать ее за Того, кто отдал Свою за нас!

— Байки все это...

— Не байки, а быль. Это подлинная история, а не ваши выдумки, что человек произошел от обезьяны. Хорошенькое открытие сделали материалисты!!!

Этим же вечером меня отвезли на вокзал.

Вместе со мной ехал один румын, служащий, который сидел в тюрьме уже несколько месяцев. Он рассказал мне, что сначала его обвинили в жестоком обращении с населением Одессы во время румынской оккупации. Потом свидетели дали показания в его пользу, и тогда обвинение переделали: якобы хорошим

обращением он разлагал местное население с целью настроить его против советской власти.

Поездка длилась три ночи и два дня, но в этот раз мы ехали с комфортом: нам и двум конвойным выделили отдельное купе в вагоне пассажирского поезда. В купе было четыре места — два верхних и два нижних. Конвоиры были нерусские, говорили они с явным кавказским акцентом. Дистанция между арестованными и свободными не особо чувствовалась. Мы разговаривали о том о сем. Я старался перевести разговор на религиозные и философские темы, но эта материя их очень мало интересовала.

Помню, на второй день нас долго развлекала девушка, то и дело входившая к нам в купе. Я терпел, терпел, но ближе к вечеру не выдержал. Поняв, что они сговариваются провести вместе ночь, заявил им, что не допущу здесь нарушения нравственности, и если их не останавливает мое присутствие, то по приезду в Москву я обо всем доложу их начальству. Безобразие прекратилось.

Утром 3 мая мы прибыли в столицу империи рабов. Сойдя с поезда, мы даже не успели оглядеться вокруг. Неподалеку нас уже ждал "черный ворон". Когда влезаешь туда в первый раз, впечатление ужасное. Хотя мне и румыну еще повезло, мы оказались вдвоем в клетке, рассчитанной на четверых-пятерых; а я знаю теперь, что в такую клетку запихивали, бывало, и десять человек. Помню, что мой бедняга-компаньон плакал как ребенок, оказавшись в могильной тьме "воронка". Мне пришлось его утешать.

Прежде чем распрощаться, он попросил благословить его, и я от всего сердца это сделал. Ведь он, хоть и был православным, но принадлежал к тем миллионам несчастных, которых Папа поручил мне благословлять. Мы расстались во дворе Лубянки, чтобы уже никогда не увидеться.

Предварилровка Лубянки

Процедура помещения в камеру длилась около двенадцати часов. Оправданием нашим тюремщикам служит лишь огром-

ный поток заключенных в те годы. Теперь уж не помню деталей и их последовательности, но все происходило приблизительно так: после первого вызова и первого обыска, при котором отбирают все металлические предметы, карандаши, клочки бумаги и все, что для них подозрительно, заключенного помещают в тюремный бокс длиной и шириной 80 x 60, где обычно и сидеть негде. Через глазок в двери за заключенным присматривает охранник или даже... охранница. После долгого ожидания заключенного вызывают и записывают в книгу входящих, в нее же записываются все данные о заключенном, включая сведения о братьях и сестрах и их адреса. Потом его отводят назад, в тот же или в другой бокс, может быть, даже в другом коридоре.

Если тебя переводят в другое отделение, то могут заново обыскать: надзиратели друг другу не доверяют, впрочем, так положено по уставу, для обеспечения взаимного контроля. Не удивляйся, если тебя часами будут держать в этих каморках, не объясняя, почему ты здесь. Ты — неодушевленный предмет и не имеешь права спрашивать ни о чем. Однако в первый день ты не умрешь от скуки: сначала тебя поведут к врачу, потом к надзирателю, тот примется проверять вещи, которые у тебя отобрали. Ты будешь переходить от одного надзирателя к другому, и обыскивать тебя станут все дотошней, пока не разденут догола. Проверяют не только карманы, многожды проверенные, тщательно прощупывают каждый шов, каждую складку, каждый сантиметр одежды, рассматривают шапку, обувь. Наконец, убедившись, что ты и впрямь "прямой потомок обезьяны", тебе заглядывают в рот, осматривают волосы и бороду, если таковая есть, уши, подмышки и другие части тела, заставляя принимать всякие позы.

Наконец тебе разрешают одеться, и тут ты видишь, что нет ни ремня, ни подтяжек, спороты все металлические пуговицы. Получив назад испорченную одежду, несчастный вновь ощущает, что лишился свободы, а падающие штаны, если дух его не закален, добавляют ему уныния. И тут его отведут в бокс чуть побольше его роста, где он найдет топчан для сна. А если повезет, то дадут и соломенный матрас, который утром надо сдать дневальному.

Особенно задел меня визит к врачу. Женщина в медицинском халате приказала мне раздеться. Необходимость оголиться перед ней привела меня в раздражение. «Неужели, — спросил я, — во всей Москве не нашлось врача-мужчины? Так ли уж необходимо, чтобы меня осматривали вы?»

— А кто вы по профессии? — спросила врач.

— Католический священник. Я никогда не имел дела с женщиной, а теперь меня заставляют пройти у женщины медицинский осмотр!

Не знаю, протесты ли мои помогли, но врачаха осмотрела меня только до пояса и ограничилась вопросом, не было ли у меня венерических болезней.

— Ну, откуда! — отвечал я с досадой.

Таковыми оказались мои первые реакции. Походили они на реакции птицы в клетке, клюющей руку поймавшего ее. А сколько еще унижений ожидало меня в течение этих самых «пяти минут разъяснений».

Глава X. Первый следователь

Меня заперли в боксе дня на четыре и дали приказ «спать!». Приказу я попытался подчиниться, но обнаружил, что в клетушке я не один. Тогда-то я и познакомился с клопами, незримыми своими сокамерниками.

Первый допрос

Пока я боролся с первой помехой сну, возникала вторая в лице следователя. Эти советские хищники ведали, что творят. Предпочитали работать по ночам: почему — объясню ниже. Итак, около 23 часов меня вызвали к следователю. Дверь шумно распахнулась, голос спросил мою фамилию, имя, отчество. «Быстро одеться!» — велели мне. На ночь я почти не раздевался, а надеть сутану было делом секунды. Но дверь тут же закрылась, пришлось дожидаться, пока коридор будет свободен: встречи с другими заключенными не допускаются.

Конвойные подают друг другу знаки щелчками пальцев. Наконец путь свободен. Дверь быстро открывают: «Давай. Руки за спину. По сторонам не смотреть». У лестницы ждем лифта (на Лубянке есть все современные удобства); лифт помогает также избежать встреч. Но вдруг оттуда выведут заключенного, поэтому тебя ставят лицом к стене и строго приказывают не оборачиваться. Наконец мы поднимаемся на шестой или седьмой этаж. Там велят опять повторить имя, отчество, фамилию, все это дежурный заносит в журнал.

Опять и опять проход по коридору, ожидание лицом к стене, наконец меня вводят в кабинет следователя. Люстра, хороший письменный стол, диван и кресла. Настоящий кабинет министра. На самом деле это был кабинет подполковника. Забыл его фамилию, но это неважно.

— Добрый вечер! — сказал я первым.

— Добрый! Садитесь, — следователь указал на табуретку у столика, находящегося в трех метрах от письменного стола.

Допрос начался в спокойном тоне. В первый вечер для начала заполнили бланк моими биографическими данными: где и когда я родился; родители богатые или бедные; состоял ли в какой-нибудь партии, чему учился и где; дата рукоположения, принадлежность к какому духовенству, черному или белому, и к какому религиозному ордену; где изучал русский язык, когда прибыл в Россию, сколько времени здесь нахожусь, по каким документам въехал, по чьему приказу отправился в Одессу и так далее. Я отвечал более или менее правдиво, не лгал, просто избегал упоминать о том, что могло бы их встревожить или скомпрометировать дело Церкви. Например, сказал, что принадлежу к ордену "Евангельских Советов", чему следователь удивился, поскольку не слышал о таком⁶⁷.

Итак, обсуждение моей биографии шло довольно спокойно. Однако в конце допроса тон стал иным; следователь настойчиво убеждал меня сообщить о нарушениях советских законов — и мной, и теми, кого я знал, и всей Католической церковью, а я резко отказывался, не желая дать ни единой зацепки. В конце беседы следователь дал совет: «Подумайте хорошенько, — сказал он. — И помните, что у нас есть средства заставить вас признаться во всем.

На этом меня отпустили. Конвойный повел меня в камеру. На контрольном посту снова записали имя, фамилию, отчество, а после этого велели расписаться. При этом закрывали рукой страницу журнала, оставив на виду только место для подписи.

— А что там? — спросил я подозрительно.

— Ничего. Пишешь имя, отчество, фамилию.

— Я не про это спрашиваю; под чем я расписываюсь? Имею я право видеть документ прежде, чем ставить свою подпись?

— Недоверчивый какой! Чего там смотреть. Видишь, это журнал вызываемых на допрос, они тут расписываются после допроса.

И он показал мне обложку с надписью и на мгновение

⁶⁷ По-русски "советы" в названии нового религиозного ордена звучало достаточно эффектно.

страницу со списком допрошенных, но фамилий я не успел прочитать. Я расписался.

Страстная Пятница

Была ночь с четверга на пятницу Страстной недели по юлианскому календарю. По восточному обряду в эту ночь вспоминают, как Христос предстал перед первосвященниками Анной и Каиафой. Какая честь выпала мне в такую ночь предстать перед судилищем нечестивых! Я думал, ко мне применят все жестокие пытки, на какие они способны, чтобы я предал свою веру. А когда увидят, что ничего не добились, казнят или приговорят к пожизненной каторге.

В ту ночь впервые я подумал, что мученический венец близок, и возблагодарил Бога. «У нас есть средства заставить Вас признаться во всем», — сказал следователь. Мне виделось, что вот сейчас за мной придут и отведут меня в подземелье или в пыточную камеру и там буду избивать, подвешивать, отрубать пальцы, выкручивать руки... Я смотрел на свои руки, пока еще целые, и думал, что скоро могу их лишиться. И все это меня не пугало, а вызывало прилив радости.

Долгие часы завтрашнего дня и последующих я провел, предаваясь тихим молитвам и песнопениям. Именно в этой камере около двух метров в длину и 80–90 см в ширину я добавил две строфы к излюбленному песнопению тех дней: «Я увижу ее однажды (в надмирном хоре) с пальмовой ветвью в руке (в лавровом венце на челе). — На небо, на небо, на небо».

В моей камере (как и во всех боксах) никогда не было дневного света, зато с утра до ночи, не давая покоя глазам, светила электрическая лампочка. Однако со мною в боксе был другой свет, он не только заменял мне солнечный, но и давал силы с легкостью сносить и бьющий в глаза свет лампочки, висящей над дверью, и все прочее, что могло мучить и беспокоить: жесткий топчан, вездесущие клопы, духота, отсутствие движения и сна, грязь, зависимость во всем, включая физиологические потребности, а впоследствии и голод. Говорю "впо-

следствии", потому что поначалу я не чувствовал голода благодаря резервам организма и небольшому запасу еды, захваченному из Одессы.

Второй допрос

Если я правильно помню, в ночь на пятницу меня оставили в покое, а в ночь с субботы на воскресенье вызвали на второй допрос.

— Ну, как дела? — спросил подполковник.

— Хорошо, спасибо.

После нескольких незначительных вопросов он перешел к главному.

— Обдумали мой совет?

— Какой? Предать религию? Если речь об этом, мне и обдумывать нечего. Я давно уже все решил.

— Что именно?

— В данный момент — ничего. Просто утвердился в прежнем решении: умереть, но не предать Его.

— Не будем говорить о Боге, которого нет. Поговорим о людях, о той власти, которая превзошла фашистов в своей антисоветской деятельности. Я имею в виду Папу, Ватикан и Католическую Церковь, которая давно готовит крестовый поход против Советского Союза. Итак, скажите, с кем вы встречались перед вторым своим приездом на советскую территорию (и с этого момента он стал записывать в протокол все вопросы и ответы)?

— С Папой.

— Какие задания Папа поручил вам выполнять по отношению к Советскому Союзу?

— Поручил отвезти Папское благословение всем страдальцам этой земли.

— Еще что?

— Только одно: проповедовать Евангелие и совершать таинства.

— Это все второстепенное, просто предлог, — прокомментировал следователь и стал записывать. — Ответьте на вопрос:

какие политические задания дал вам Папа Римский, посылая вас в Советский Союз?

— Никаких. Католическая Церковь не преследует политических целей. Ее миссия — спасение душ для вечной жизни.

В этом месте началась длительная дискуссия, которую следователь не занес в протокол. «Если это так, — говорил он, — почему ваша Церковь имеет огромные капиталы, почему Ватикан поддерживает отношения с другими государствами и правительствами и посылает своих послов по всему свету? Почему Папа обладает светской властью, поддерживает капитализм и выступает против пролетариата? Почему Церковь с Папой во главе осуждает коммунизм? Если вы ищите этого вашего спасения душ, почему выходите за пределы Церкви и вмешиваетесь во все мировые события?»

Я объяснил ему, что Иисус Христос послал нас не в храмы и ризницы, а в мир, проповедовать Евангелие везде и всюду. Он сделал нас солью земли и светом миру, закваской в муке, городом, стоящим на верху горы, и поэтому мы не вправе прятаться от жизни.

— Материальные блага (а не капиталы, которых у нас нет), — продолжал я, — необходимы для жизни и для благотворительности. Не можем же мы питаться одним воздухом! Что до светской власти Папы, она необходима, как тело душе. Цель такой власти — сделать Понтифика свободным и независимым в его духовной деятельности. А если Папа и Ватикан поддерживают связи с правительствами и народами, то все это ради защиты духовных прав Церкви и верующих во всех частях света, а также ради мирного разрешения противоречий, могущих возникнуть между Церковью и светской властью.

— Но вы сопротивляетесь распространению коммунизма в мире!

— Да, сопротивляемся, потому что вы против Бога и Церкви. А кто, по-вашему, виноват, что мы с вами противники? Если двое идут вместе, и внезапно один нападет на второго, разве тот не вправе дать отпор? Коммунизм изначально против религии: не успев явиться, он стал проповедовать атеизм, а уж как при-

шел к власти, задумал погубить Церковь Божию. Так кто виноват, что Церковь и коммунизм противостоят друг другу?

— Виновата Церковь. Она вечно противилась прогрессу. И поддерживала царя как Божьего помазанника.

Чтобы опровергнуть его первый тезис, я привел пару примеров: исправление старого календаря по инициативе папы Григория XIII и научные открытия, сделанные священниками Коперником и Анджело Секки, иезуитом, и другими; тут мы поспорили о Галилее и о Джордано Бруно. А в ответ на второй его тезис я сказал, что Папе было бы все равно, кто на троне России, Николай II или Сталин, лишь бы власть уважала права личности и религию.

— Религию? Уважать религию — антинаучно. Религия — это смесь легенд и лжи! — заявил следователь.

— Мало сказать, что религия — это смесь легенд. Вы попробуйте докажете.

— Докажу. Вы поклоняетесь Иисусу Христу, а мусульмане — Аллаху, а в Китае почитают Будду. Сколько же богов существует? Или возьмем Библию: там написано, что Бог сотворил мир за шесть дней, хотя наукой доказано, что на это ушли миллионы веков. Кроме того, религия утверждает, что молнию посылает Бог. Но ведь молния — природный феномен, так что ваш метод антинаучен.

— Так легко спорить! Но какая тут наука! Антинаучно, во-первых, отвергать все религии в целом потому, что среди них есть ложные, и, во-вторых, — решать религиозную проблему с подобной жестокостью.

— С какой жестокостью?

— Например, арестовывать таких священников, как я.

— Вы арестованы не за религию, а за нарушение советских законов.

— И за это "нарушение" вы предлагаете мне предать Католическую Церковь?

— Да, предлагаю. Хотите, чтобы советская власть проявила к вам снисходительность? Помогите разоблачить козни Ватикана против нашей страны. Так что отвечайте на вопрос (он

продолжил писать протокол): кто, кроме Папы, принимал вас в Ватикане?

Подумав, я решил назвать ему еще одно имя, и он записал монсеньора Тардини как монсеньора Тордини. Затем спросил, продолжая допрос, какое задание дал мне этот Тордини. Я ответил, что задание дал то же самое — обучать католической вере.

Протокол допроса должны были подписать мы оба. Я, конечно, не уверен, что на допросе все говорилось именно так. Какие-то споры велись уже с первым следователем и повторялись (до одурения) со вторым, я мог спутать последовательность. Первый следователь провел в целом двадцать пять допросов, длились они иногда по три часа. Ради краткости и по невозможности воспроизвести их все излагаю суть, группируя по смыслу.

Известия об отце Николае

На третьем, кажется, допросе мне дали подписать лист, на котором было написано, что отец Жан Николае временно изолирован с целью выяснения его антисоветской деятельности в СССР. Я читал и перечитывал эти строки, не понимая, зачем нужна моя подпись под документом такого рода. И когда следователь начал меня торопить, я сказал: «Что это значит? Вам недостаточно, что вы арестовали меня, так теперь вы хотите посадить отца Николая?» Следователь подбежал к столику, за которым я сидел, вырвал у меня из рук бумагу и дал мне другую, такую же по содержанию, но с другими анкетными данными.

Так я понял, что мой коллега тоже арестован, а я-то обольщался, что в воскресенье, в день моего ареста, его просто задержали на несколько часов, чтобы свободнее разделаться со мной. Известие о его аресте вызвало у меня сострадание к нашим прихожанам и презрение к советской власти. До этого я думал о своей пастве, лишившейся пастыря, с печалью, меня утешала лишь надежда, что с ними остался кто-то, кто даст им если не слово Божье, то, по крайней мере, хлеб Евхаристии. Теперь же надежды больше не было. Помочь моим прихожанам мог лишь

французский военный капеллан, оставшийся в Одессе, но не больше нескольких недель.

Наши храмы остались обездоленными и, возможно, вновь обесцелены. Наши христиане вновь предоставлены самим себе, поработены и ущемлены в своих самых святых правах. Все это довело мое отвращение к советской власти до предела. Впрочем, вместе с отвращением росло и мужество: если раньше я боялся откровенностью нанести вред коллеге и собственному делу, то сейчас я стал безбоязненно обличать советскую систему во всех ее проявлениях.

Раньше я осуждал коммунизм как атеистическую доктрину, но почти не затрагивал его социально-экономическую сторону. Следователю отвечал сдержанно или уклончиво, просто признавал какие-то заслуги большевизма: например, ликвидацию безграмотности, некоторый технический прогресс и относительное улучшение в области здравоохранения. Этими признаниями я показывал, что им еще не поздно вернуться к религии. Теперь я, напротив, убедился, что говорить с большевиками бесполезно и что успокоятся они только тогда, когда исчезнет с лица земли последний служитель культа.

Словесная перепалка

Однажды следователь заявил, что священники противятся коммунизму, якобы освобождающему народ, и потому они — враги народа. Я ответил следователю в том же духе:

— Враги народа — это вы. Вы, обманув народ красивыми обещаниями, превратили его в раба и довели до нищеты. Вы сулили ему золотые горы, а дали черные угольные шахты, тюрьмы, концентрационные лагеря, принудительный труд. Католическая Церковь против коммунизма потому, что он незаконен, и, главное, потому, что бесчеловечен. Вы загнали людей в коммунистическую ловушку, восстановили у себя рабство хуже языческого и покушаетесь на свободу всех народов. А Христос приходил освободить человека истиной Своего Евангелия; христианство уничтожило рабство языческого мира.

— Христианство уничтожило языческое рабство? Это Спартак, это сам народ сбросил ярмо. А христианство снова навязало его народу при феодализме.

— Христианство тут ни при чем. Это произошло именно из-за недостаточного усвоения христианского вероучения. Впрочем, там, где Церковь Христова оказывала свое благотворное влияние, феодализма давно нет.

— Нет, есть! Он лишь изменил облик. Капитализм продолжает держать массы в рабстве. А вот мы действительно уничтожили его раз и навсегда. Мы освободили крепостных. Без Октябрьской революции у нас в России и теперь были бы помещики, а многие земли принадлежали бы монастырям и Церкви.

— Во-первых, мы, католики, не должны отвечать за грехи, если они были, Церкви, отделившейся от той, что является истинной Церковью. Во-вторых, утверждение, что крепостное право существовало вплоть до большевистской революции, — ложно: оно было отменено уже в 1861 году. Наконец, это хвастовство, точнее, насмешка — утверждать, что вы освободили крепостных и уничтожили капитализм. Вы установили государственный капитализм, а он гораздо деспотичней. Вы превратили весь русский народ и другие угнетенные народы в массу рабов, крепостных, эксплуатируемых до последнего издыхания. Разве не рабы те, кто приговорен к принудительному труду? Разве рабочие и колхозники — не ваши крепостные? Разве вы не высасываете до последней капли кровь своего народа? Вы, новые хозяева пролетариата — безжалостны, потому что в вас ни совести, ни веры!

— Прохвост! Агитатор! Напрасно мы вас раньше не посадили!

— Конечно, напрасно! Так бы вы еще раньше явили свою бесчеловечную сущность.

— Да как вы смеете! Да вы соображаете, где находитесь? Это верховный орган советского правосудия...

Обвинение

После долгого следствия мне предъявили обвинение. Оно звучало более или менее так: «Леони Пьетро, сын Анджело и так далее, занимался шпионажем и антисоветской пропагандой, выполняя задание Ватикана». Это было общее обвинение, оно выдвигалось против всех католических священников, достаточно было изменить лишь личные данные. Теперь речь шла о том, чтобы "честно" признаться во всех "преступлениях", своих и чужих, включая Папу.

— Чистосердечно признайтесь во всем. Давайте рассказывайте. И не думайте, что откроете Америку. Мы и так все знаем. Просто хотим проверить вашу искренность. Только она и может смягчить приговор.

Я ответил, что вел себя лояльно, пока мне не мешали осуществлять апостольскую миссию.

— Все это время, — сказал я, — я платил налоги, шел на встречу пожеланиям советского Красного Креста, подписывал правительственный заем, даже "жертвовал" деньги на Красную армию, когда она просила их у всех. Вы меня арестовали только потому, что я католический священник, миссионер в России. И еще смеее говорить о лояльности?

— Жертвовать Красному Кресту и большевистскому правительству — это ваш долг. Не за него мы наказываем вас, а за совершенные проступки. Повторяю: мы проявим снисхождение, если вы искренне сознаетесь во всем, назовете сообщников и дадите всю возможную информацию о Ватикане, его эмиссарах и их сообщниках⁶⁸.

— Преступлений против советской власти я не совершал. Ни о каком шпионаже понятия не имею, антисоветской пропаганды избегал, боясь навредить миссионерской деятельности.

⁶⁸ «Леони, после отступления немецко-румынских войск из Одессы, неоднократно заявлял: "То, что делается на территории СССР, должен знать Ватикан". После окончания утренней службы Леони куда-то уходил, совершал прогулки по городу и встречался с неизвестными мне людьми» — показал "свидетель".

Конечно, если для вас проповедь Евангелия — антисоветская пропаганда, то тогда я виновен. Хотите получить информацию о Ватикане? Ищите ее у шпионов, которых вы заслали в Рим! Или у патриарха Алексия и других марионеток, которых Сталин поставил управлять так называемыми православными церквями. Они дадут вам столько информации против Католической Церкви, сколько вы захотите. А среди католического духовенства трудно сыскать Иуду; лично я сотрудничаю с вами в борьбе против Церкви Божьей предпочту смерть. Впрочем, о миссионерстве католических священников на советской территории я ничего не знаю.

— Как не знаете, если в Риме вы учились в Русском Коллегииуме — «Руссикуме»? Вас же учили шпионить против Советского Союза! Вот и расскажите, как там учат шпионить! И как планируют проникать на русскую землю! И какие у вас там студенты и преподаватели, прежние и нынешние? Опишите подготовку "крестового похода", который Папа готовит против нас. Укажите местонахождение других шпионов, проникших сюда до и во время войны, их клички, средства связи с границей и так далее. И для начала сообщите, кому сами писали отсюда, как отправляли письма и какие шифры использовали.

— Что за чушь! Папа объявил крестовый поход молитвы за обращение России. Он приносит большие жертвы ради подготовки миссионеров, предназначенных евангелизировать ваши народы, и ничего больше. А в «Руссикуме» преподается философия и богословие, русский язык и история, византийско-славянский обряд и что-то еще, но уж никак не шпионаж; о нем и речи нет. По поводу других миссионеров, возможно, проникших на советскую территорию, повторяю: ничего не знаю, а знал бы, не сказал. Что касается переписки, после отхода фронта на Запад я отправлял в Италию обычной почтой и письма, и открытки родственникам и друзьям, но ответа не получал. Спасибо, полагаю, я должен сказать советской цензуре.

Иезуит

Заявление «мы и так все знаем» было лукавой похвальбой, чтобы заставить меня признаться в невесть каких преступлений, но доля правды в нем имелаась. Они, например, знали, что я читал в Риме лекцию после моего возвращения с Украины. Знали, что я иезуит, хотя в Одессе я об этом молчал. Что до последнего, однажды следователь вдруг спросил: «А с каких пор вы принадлежите к ордену иезуитов?» Получив ответ, он поинтересовался, почему вначале я скрывал это, говоря, что принадлежу к ордену "Евангельских Советов". «Потому что боялся испугать советскую власть, полную предрассудков по отношению к иезуитам, — ответил я. — Узнай вы, что в Одессе есть иезуит, забили бы тревогу». Я сказал правду, но мне не поверили и начали говорить гадости о якобы интригах иезуитов.

Следователь то и дело заявлял, что своей "наглостью" я ухудшаю свое положение. «Леони! — даже сказал он однажды. — Если будете продолжать так себя вести, вы плохо кончите. Вы хотите жить или нет?» Я ответил, что не хочу жить так, как он это понимает:

— Мы все однажды умрем. Я нуждаюсь только в одном: чтобы Церковь была цела и невредима, а истина и справедливость восторжествовали. Ради этого я готов отдать жизнь.

— Зачем отдавать? Жизнью надо наслаждаться.

— Не наслаждаться, а употребить ее во славу Божью и на благо ближнего. Вы говорите: «зачем отдавать ее»? Затем, чтобы спасти ваш народ и, надеюсь, вас также.

— Ну, хватит! Ни я, ни наш народ не нуждаемся ни в вас, ни в Папе, ни в Церкви, ни в самом Господе Боге.

— Нуждаетесь, и вы поймете это... когда предстанете перед Ним...

— Оставьте в покое призрак!

— Ладно, оставлю, но вы, хотя бы ради благополучия своего народа, должны уважать Церковь, которая учит честности, любви, братству и защищает обездоленных.

— А если защищает, то почему не объединяется с комму-

низмом? Это коммунизм защищает угнетенных и проповедует высокую мораль.

— Проповедует мораль, искореняя в душах веру в Бога, единственную опору совести! Защищает угнетенных, превращая рабочих и крестьян в ходячие машины, у которых только обязанности и никаких прав! Машины обязаны работать, работать, работать, отдавать деньги государству, восхвалять и боготворить хозяина, алчного эксплуататора! А права, какие права у раба? Раб — это вещь, а не человек. Он не имеет права даже думать своей головой. Нет, виноват, преувеличил... Советские граждане все же имеют права: например, право, открыв рот, слушать ложь, которую партия и советская власть им подсовывают, право критиковать религию, хулить Бога и так далее. Более того, они даже имеют право одобрять обязательным голосованием список кандидатов во власть, предложенный коммунистической партией!

— Ишь, агитатор! Вы только и можете клеветать на советскую власть! И еще жалуетесь, что вас арестовали.

— Не жалуясь, а говорю, что меня арестовали несправедливо, за религию. Я не за слова свои арестован, а за свою веру.

Шутки

Главной целью следствия было вырвать у меня сведения, чтобы арестовать других «врагов народа», других «шпионов Ватикана». Однажды следователь спросил, имею ли я знакомых в Одессе.

— Имею, и очень много! Больше года я управлял приходом, тысяч восемь душ...

— Хорошо, назовите мне десять человек, которых вы знаете в Одессе.

— Всякий мой знакомый, по-вашему, предатель Родины. Так что позвольте мне оставить ваш вопрос без ответа.

— Вот прохвост!

Спустя некоторое время вошел другой следователь в звании полковника.

— Как идут дела? — спросил он.

— Как видишь. От этого типа ничего не добиться. Сейчас я задам ему вопрос. Послушай, что он ответит.

И он повторил мне последний вопрос. Я хотел было повторить свой ответ, но тут у меня блеснула мысль.

— Хорошо, — сказал я, — назову вам десять человек, с которыми я знаком в Одессе.

Он сразу же взял ручку и бумагу и приготовился писать.

— Давиденко, — сказал я.

Он записал и спросил:

— Кто такой Давиденко?

— Председатель Одесского горсовета.

— Кого еще знаете?

— Знаю N.N. (имя сейчас не помню) — он секретарь Одесского горсовета.

Следователь записал.

— Знаю епископа Сергия. Если хотите, можете его арестовать. В любом случае он один из ваших.

Следователь серьезно записал. Тут я забеспокоился, опасаясь, что дал маху. «Где я наберу десятерых?» — подумал я. Но не успел я назвать председателя совета моего района, как следователь перечеркнул список жирным крестом и бросил ручку.

— Ну и наглец! Слышал? — спросил он коллегу или начальника, неважно. — Что делать с таким гадом? Повесить, и дело с концом.

Я решил было, что тем и кончится. Но... Бог шутит на земле. Периодически в кабинете следователя появлялись какие-то люди в штатском. Я думал, что это важные шишки, и потому неизменно заявлял, что Бог все устраивает и всем управляет, что они однажды предстанут перед судом Иисуса Христа.

Может быть, тогда я видел даже самого Берию. Ведь это было его царство, внутренняя тюрьма МВД. Берия, правая рука Сталина, Меркулов, правая рука Берии, вереница "всемогущих", презиравших Бога и терзавших миллионы людей. Если не от меня, то, верно, от другого узника они, возможно, слыша-

ли о Божьем суде. Интересно, что бы ответил Берия, если бы кто-то вроде меня предсказал ему, что не пройдет и девяти лет, как Меркулова, Абакумова и других с позором отправят на суд Божий преемники Сталина, а сам я спустя лет двенадцать напишу эти воспоминания.

Глава XI. Второй следователь

В ту ночь меня отвели в другой кабинет. За письменным столом сидел капитан, мой новый следователь. Видно, подполковник, который меня допрашивал прежде, не выполнил план. Новый следователь снова начал с анкетных данных, затем снова призвал чистосердечно признаться во всем и дать информацию о католических миссионерах. Но капитану, хоть и был он хитрее, повезло со мной не больше, чем подполковнику. Например, однажды он предъявил мне список священников и приказал указать знакомых. Я не обинуясь заявил, что при малейшей опасности для них и для веры я буду отрицать любое знакомство, если даже речь пойдет о самом известном человеке.

Довольно быстро отношения между нами стали очень напряженными. Он, высокомерный большевик, превозносил деяния Сталина и коммунистов "на благо народа". «Да, — сказал я однажды, — вы сделали народу столько "блага", что он обожает вас и жаждет поставить памятник Сталину и всем советским *благодетелям — посмертно!*» Слыша такие шутки, он вздрагивал и мстил: запрещал жестикулировать, заставлял убирать руки со стола, за которым я сидел, и держать их неподвижно на коленях.

Фатимская Божья Матерь

Однажды ночью он захотел поглумиться над моей верой конкретнее обычного. В бытность мою в Одессе нашли у меня в кабинете при обыске листовки православных румын с изображением Фатимской Божией Матери и молитвой Папы о мире⁶⁹, переведенной на русский язык. Следователь вытащил одну из этих листовок. «Смотрите! — воскликнул он. — Тоже мне, пропаганда! И такое вы несете в народ?» Он сказал "балерина",

⁶⁹ Это был отрывок из «Посвящения рода человеческого Непорочному Сердцу Марии» — клирики Румынии издали текст под заголовком «Молитва о мире Пия XII».

говоря о Пресвятой Деве, скромно изображенной на ветвях каменного дуба.

Он расхаживал по комнате, но тут остановился слева от меня. Я сжал кулаки и, не вставая, сделал вид, что бью его в живот. «Перестань, черт!» — крикнул я. Он отскочил... такой смельчак, но, увидев, что я просто делаю вид, продолжил ходить взад-вперед с листком в руке.

Вот он снова в двух шагах от меня. Тут я молниеносным движением вырвал у него листок с образом и разорвал его. «Чтобы он не оставался в ваших грязных руках», — пояснил я. Я хотел опустить обрывки в карман, но он велел положить их на столик в пепельницу. Все же позже, усыпив его бдительность, я спрятал несколько клочков, унес и в камере просмотрел их.

К счастью, оказалось, что у меня остался клочок с изображением головы. Это был единственный священный предмет, который я, если можно так сказать, отвоевал. Утешение, однако, длилось недолго: спустя несколько дней меня обыскали в связи с переводом в Лефортовскую тюрьму, нашли эти полтора квадратных сантиметра бумаги и отобрали.

"Любезности"

Обмен «любезностями» случался у нас часто, пока я, заметив, что в религиозных вопросах следователь употребляет специальные термины, не спросил его, уж не поп ли он расстрига.

Один раз состоялся самый настоящий диспут на религиозную тему. Следователь взял помощников, двух-трех офицеров. На обычный вопрос о задании, данном мне Ватиканом при отъезде в Советский Союз, я, как всегда, ответил, что мое единственное задание — духовная поддержка верующих и обращение неверующих.

— Не стоило для этого ехать из Италии. В России своя христианская религия, православная, и католикам здесь нечего делать.

Я объяснил им учение о единстве Церкви Христовой, основанной святым Петром и его преемниками.

— Все равно Римскому Папе слать нам священников незачем. Священников у нас даже слишком много. Русский народ тоже верит в Бога и в святого Петра.

— Мало верить. Нужно признавать верховную власть святого Петра и подчиняться ей в лице преемника Петра — Папы. А так называемые православные священники этого не делают. Кроме того, вы говорите, что у вас их даже слишком. Ну, и где они? Вы же арестовываете всех, кто верно служит Иисусу Христу!

— Нет, не всех. У нас имеются протоиереи и архиереи. А теперь есть даже патриарх. А у вас — Папа... Пий... как там дальше?

— Пий XII.

— У вас Папа Пий XII, у нас — патриарх Алексий.

— Это Алексий — патриарх? Да какой он патриарх! Он — марионетка, лизоблюд Сталина.

— У него зуб на Алексия, — заметил следователь. — Нужно отдать его патриарху, пусть он его судит.

— Мы не знаем, что делать с Папой Римским и с патриархом Московским, — сказал следователь в конце. — Когда-нибудь ликвидируем обоих.

Однажды ночью, когда следователь предрекал пришествие коммунизма в Европу и полное упразднение религии, я напомнил, что большевизм в Европу уже пришел с Красной армией. «Варварства, совершенные этой вашей армией, — заметил я, — худшая пропаганда коммунизма. Европа не сдастся вам». Я сказал ему это, но корректная речь на следователя не действовала. Он заявил, что вся Европа, когда встречала Красную армию, ликовала. Тогда я отставил корректность. «Дудки, ликовала! — отбрил я. — Европа задохнулась от зловония вашего дерьма! Европа пошлет вас куда подальше».

В другой раз следователь "доказывал" мне правоту материализма и в качестве аргумента выдвинул факт разгрома немцев и их союзников. Те, дескать, имели девизом "Gott mit uns" — "С нами Бог" и проиграли, а Советский Союз — против Бога и победил. В ответ я посоветовал не слишком хвалиться, чтобы не кончить, как фюрер.

«Немецкий девиз "С нами Бог", — сказал я, — просто музейная реликвия. На самом деле Гитлер был атеистом, как и ваш Сталин, и преследовал религию, особенно католическую. Бог правильно наказал его. Так что будьте осторожны. У дьявола два рога: один ему сломали в лице Адольфа Гитлера, и сейчас очередь второго — Сталина с приспешниками». Для следователя занести в протокол допроса эти резкости было невозможно; для поклонников апокалипсического зверя они звучали кощунством. Более того, кажется, именно тогда следователь посчитал своим долгом, чтобы не выглядеть согласным с моим *непочтением* к идолу, заявить, что он не позволит мне выражаться подобным образом.

— Я офицер Советской армии и советской юстиции! — крикнул он. — И я не потерплю, чтобы в моем присутствии оскорбляли Советское государство и его должностных лиц!

— Хорошо, — согласился я. — Советское государство и его должностных лиц я больше не оскорблю. Но обещайте, что и вы не будете оскорблять религию и ее служителей.

Следователь обещал. С тех пор допросы стали спокойнее. Однако мучить меня он не прекратил: запрещал класть руки на столик, не позволял мне достаточно спать, по ночам ведя допрос часами. Две ночи подряд он вообще не дал мне сомкнуть глаз, несмотря на то что к утру обсуждать было уже нечего.

Пытки

В то время на Лубянке в качестве пытки чаще всего не давали спать. Помню, как одного моего сокамерника, чтобы доконать, таскали на допрос ночей шесть кряду.

Днем поспать не удавалось. Недоспавший или не спавший вовсе был под неусыпным надзором. В томительные дневные часы он больше мучился в камере, борясь со сном, чем даже на допросе. Дозволялся примерно час отдыха во второй половине дня. Впрочем, такому отдыху следователь мог и помешать. Остаток времени сидеть было можно, а закрывать глаза — нет. Если кто-то все же задремывал, то сначала его ругали и угрожа-

ли, затем, если это не помогало, отводили в *карцер*. А уж там много способов прогнать сонливость: цементный пол, невозможность лечь, сильный холод или удушающая жара, а то и наручники и смиренная рубашка...

Но существовал не только этот способ вырвать признания. Были еще более действенные пытки: избиение кулаками и ногами, палками, хлыстами, подвешивание за руки или даже за ноги вниз головой. Пытка долгим сидением на крестце на краю скамьи, пытка холодной водой, которая капает постоянно в определенную точку черепа. Это доводило до помешательства. Был еще электрошок и многие другие дьявольские изобретения, которые не описываю, поскольку на себе лично не испытал: говорю о периоде следствия, позднее и я испробовал кое-что.

Все же упоминаю о пытках в подтверждение того, что описано другими. Подтвердить имею право: в годы заключения я встречал многих несчастных, которые эти пытки испытали на себе. Я знал заключенного, которому выбили все зубы. Был и другой, немец: тот показывал мне в уборной следы от ударов розгами по пояснице. Третий — молодой украинец: его подвешивали до тех пор, пока он не терял сознание. Назову и другого украинца, видел я его в Воркуте. Этого не забуду никогда, такую жалость он вызывал! Он был совсем молодой — и уже калека: сломанные таз и позвоночник, ноги почти не держат, он мог лишь стоять, опираясь на две палки, и дрожал всем телом, даже когда сидел.

Тысячи людей рассказывали об ужасах тюрем Западной Украины, Восточной Германии, Венгрии, Белоруссии, прибалтийских стран. В советских концентрационных лагерях тюрьма Брест-Литовска считалась хуже Лубянки. Скольким же тысячам несчастных не удалось рассказать о пережитом кошмаре, потому что они погибли во время следствия, погребенные заживо в сырых подвалах, без воздуха и пространства, необходимых для отдыха!.. Вынужденные проводить месяцы в невероятной тесноте на голой земле, на цементном полу или, если повезет, на досках! Иной раз и ложились-то по очереди! Или лежали сначала все на одном боку, затем, по чьей-то команде, на другом.

Голодные, изъеденные насекомыми, униженные. Многие потеряли здоровье или саму жизнь.

И все же, хотя многие погибли от лишений или были расстреляны, в 1953 году, когда умер Сталин, нас, заключенных, в СССР было около двадцати миллионов⁷⁰. Следовательно, ничего удивительного, что в тот послевоенный период тюрьмы и лагеря, бесконечно множившиеся, были переполнены.

Кто-нибудь может спросить: ради чего надо творить такие жестокости? Да ради дьявольского развлечения! Или по злобе, или в отместку за людскую ненависть. Но всегда — чтобы вырвать признание, пусть ложное и даже абсурдное. А зачем им ложное признание? А затем, что можно посадить еще одного "врага народа". Тем самым и государство получит бесплатную рабочую силу, и следователь выслужится перед "партией".

Представьте себе, как ликовал следователь, заставив своих жертв подписать признание, что они намеревались вонзить кинжал Сталину в спину, или служили в СС, или были личными шоферами Гитлера! Обвиняемые, доведенные до отчаяния, зачастую подписывали любой абсурд, даже если это стоило им жизни, лишь бы кончились пытки.

"На пушку"

Где жестокость, там и хитрость. Зачастую следователь берет, так сказать, "на пушку", делая вид, что знает о "преступлениях" и преступных замыслах обвиняемого или другого. Это не сложно. Просто следователь делает вид, что имеет признания сообщников или свидетелей.

Что до меня, подловить меня было невозможно. Ссылка на шестой пункт пятьдесят восьмой статьи Уголовного кодекса в моем случае не работала: я никогда не занимался шпионажем. То же и с пунктом 10 (антисоветская пропаганда): не мог-

⁷⁰ Согласно Отчету ГУЛАГа общее количество заключенных в лагерях на 15 октября 1949 года не превышало 1,5 миллиона. Возможно, Пьетро Леони имел в виду количество заключенных, прошедших лагеря за период 1917–1953 годов.

ли взять меня "на пушку" религиозной пропаганды. Да, пропагандировал религию и горжусь этим. Социально-политическая пропаганда? Всегда воздерживался, чтобы не нанести ущерб апостольской деятельности. Вообще-то, в личных разговорах я допускал критику, но остерегался людей ненадежных; так что пусть следователь сначала найдет свидетелей, а там видно будет.

Однако, имея дело с большевиками, нужно защищать себя даже от тени подозрения в шпионаже, надо быть внимательным, чтобы не признаться даже в малейшей связи с внешним миром, о которой им неизвестно. Каждый раз, когда следователь спрашивал меня о переписке с границей, я говорил, что слал изредка письма родственниками и знакомым всегда почтой. О письме, отправленном в Рим частным образом, молчал; словом, умалчивая или недоговаривая, я всегда выходил из положения.

Но однажды ночью следователь спросил о том самом письме. Решив, что он берет на пушку, я притворился, что ничего не знаю. Следователь настаивал, описывая подробности:

— Ваш французский собрат, бывший немецкий узник, будучи проездом в Одессе, однажды зашел к вам, и вы вручили ему письмо для своего римского начальства. Будете отрицать?

— Нет, нет. Теперь я вспомнил... Но вы же спрашиваете о передаче информации с целью шпионажа. А в письме не было секретной информации.

— Если бы не было, то вы отправили бы его по почте. Вот признайте, что занимались шпионажем во вред Советскому Союзу.

— Каким шпионажем! Вы же объяснили, что шпионаж — это передача информации военного, экономического или политического характера. Ничего такого в письме не было: просто я сообщил начальству, как обстоят дела с верой и как с нами борется Православная Церковь. Я послал письмо не по почте, потому что так вернее и к тому же дешевле.

Впрочем, объяснения были бесполезны: "шпионаж" в пользу Ватикана "доказан". Оставалось доказать антисоветскую пропаганду, но у следователя долго не было свидетельских по-

казаний и не мог он «вытащить паука из щели». Тогда он прибегнул к репрессиям: приказал перевести меня в Лефортовскую тюрьму, которая считалась хуже Лубянки, и там продержал в одиночке почти месяц.

Свидетельские показания

Наконец после недель затишья следователь вызвал меня на допрос. На сей раз он нашел "свидетелей"; а были это два отца-иезуита, давно сидевшие в лагере. Показания они написали и подписали: «Пьетро Леони, убежденный фашист⁷¹, подготовлен в римском Коллегиуме "Руссикум" с целью проникновения на территорию Советского Союза, ведения шпионажа в пользу Ватикана и разжигания недовольства существующим режимом. Ватикан, вечный враг СССР, стремящийся обманным путем вытеснить советскую власть и подготовить себе пути к захвату советских территорий, основал среди прочего "Руссикум", школу шпионажа и ненависти к России и другим странам народной демократии».

Протоколов было два, по содержанию почти идентичных. Я не мог проверить подлинность подписей отцов-иезуитов (отца Новикова и отца Чишека), с ними учился в Риме, зато я мог ответить.

— Вероятно, — сказал я, — вы подделали подписи. Я не верю, что мои собратья подобным образом оклеветали меня, «Руссикум» и Ватикан. И даже если подписи истинные, содержание ложно. Если бы они на самом деле написали это, я сказал бы, что они отступники, перешедшие на службу советской власти. А если они таковы, то их показаниям нечего удивляться.

Отправляясь в Одессу, я достал у одного русского эми-

⁷¹ Это из показаний "свидетеля": «Леони, по своим убеждениям являясь сторонником существовавшего в то время в Италии фашистского строя, приветствовал нападение фашистской Германии на Советский Союз». В ответ он напомнил следователю, что «во время оккупации Одессы оказывал некоторым юношам и девушкам содействие в том, чтобы немцы не угнали их в Германию».

гранта паспорт его брата, уехавшего с ним из СССР и умершего за границей. Я хотел воспользоваться им, если бы понадобилось раствориться среди местного населения, скрыв свою национальность и миссию. В начале следствия я ждал, что этот паспорт, забытый мной в кармане плаща, всплывет. Но прошло несколько месяцев, ничего не было; я успокоился, решив, что паспорт при обыске у меня дома не нашли. Но вот в один прекрасный день следователь вынимает его.

— Что это такое? — спрашивает он.

— Паспорт.

— Вижу, что паспорт. Но почему он лежал у вас в кармане? Зачем он вам?

Я чистосердечно признался зачем. Следователь сделал суровое лицо:

— И это, по-вашему, святость?

— А в чем тут грех?

— Как в чем?! По-вашему, это честно?

— Да, честно. Иисус Христос, истинный Сын Божий, велел нам проповедовать Евангелие, а вы всеми способами нам мешаете. И мы, понятно, ищем пути и уловки, чтобы нести спасение вашему народу и вам самим. Не упрекать нас вы должны, а хвалить наше мужество. Вовсе не ради выгоды я приехал к вашему народу.

— Нашему народу и без вас хорошо, даже лучше.

Я привел ему массу доказательств обратного. Впрочем, не буду описывать все наши препирательства; расскажу, как меня заставили признаться в клевете на советскую власть.

Когда я сидел в Лефортово, допросы происходили там же. Но однажды меня посадили в "воронок" и привезли на Лубянку. После изнурительного ожидания в боксе я оказался в кабинете моего следователя. Вскоре туда ввели отца Николя, "соучастника" моих "преступлений"; в последний раз мы виделись с ним за день до нашего ареста. Сейчас мы оба были очень взволнованы: бледные, исхудавшие, мы не столько сострадали друг другу, сколько гордились, что претерпеваем ради Христа, и поэтому радовались.

Следователь предупредил нас, чтобы мы не разговаривали между собой, кратко отвечали только на его вопросы и использовали русский язык. Началась очная ставка. После обычных вопросов, знакомы ли мы друг с другом и как давно, и еще какой-то ерунды наступил главный момент.

— Отвечайте, Пьетро ди Анжело и Жан Николя: вы часто беседовали в Одессе?

— Не часто, потому что у каждого были свои дела. Только иногда.

— Жан Николя, это правда?

— Правда.

— Хорошо. Теперь, Пьетро ди Анжело, скажите, о чем вы говорили во время ваших бесед.

— О том о сем. Говорили о погоде, о Боге, о Церкви, о ремонте дома священника, о душах, нам вверенных, о Папе, ну, и так далее.

— Отец Николя, это правда?

— Да.

— А скажите, Леони, говорили ли вы о советском режиме?

— Ну, о советском режиме, право, мы предпочитали молчать, потому что мало что можно сказать о нем хорошего.

— Жан Николя, отец Леони критиковал советский режим?

— Изредка, да, между нами.

— Леони Пьетро, вы слышите? Вы можете это отрицать?

— Ну, вообще, какие-то слова критики я произносил, но народа не возмущал. *Vous avez parlé trop* (вы сказали лишнее), — заметил я отцу Николя.

— Замолчите! Я сказал, говорить по-русски.

Возможно, отца Николя взяли "на пушку" раньше. В русском языке он был еще не силен. Следовательно, возможно, обманул его, сказав, что я признался, что критиковал в наших беседах советский режим. Я не виню отца Николя и не жалею о той очной ставке; более того, благодарю Бога и Пресвятую Деву, что как раз за пять дней до Успения нам было даровано утешение — отпустить друг другу грехи, прежде чем услышим приговор, которого мы ожидали, не зная, что с нами будет.

Я улучил минуту, когда следователь потерял бдительность, и попросил отца Николая отпустить мне грехи. Тогда он, желая себе того же, попросил следователя разрешить нам *благословить* друг друга на прощание. Следователь разрешил при условии, что мы не будем говорить на иностранном языке.

Завершение

Кажется, это было в конце сентября. Меня снова перевели на Лубянку, чтобы подписать 206-ю статью, — это была формальность окончания следствия. Сцена происходила в кабинете у начальника отдела, в чьем подчинении находилась группа следователей. Тебе дают быстро перелистать толстый том, составленный из подписанных тобой протоколов, вместе с протоколами, подписанными свидетелями и теми, кто проходит по одному с тобой делу. Тебя спрашивают, есть ли у тебя жалобы на твоих следователей, затем дают подписать истрепанный лист бумаги — содержания не помню. Что касается жалоб на следователей, жаловаться я считал бесполезным. Все они — одна шайка; «ворон ворону глаз не выклюет», как говорится в русской пословице. Впрочем, в сравнении с тем, что выстрадали за эти же месяцы миллионы других заключенных, мне, пожалуй, даже повезло.

Итак, следствие было закончено. Несколько недель спустя мне в камеру доставили сообщение в письменном виде, что мое дело передано в ОСО СССР. Теперь моя судьба зависела уже не от следственных органов, а от ОСО, Особого совещания, обычно называемого Тройкой, поскольку речь шла о трех неконтролируемых судьях, которые в те времена вершили судьбы миллионов и миллионов несчастных без какого-либо суда.

Этому "совещанию" понадобилось два месяца, чтобы вынести мне приговор: десять лет исправительно-трудового лагеря («десять лет ИТЛ», как там говорят). Два месяца, говорю, им понадобилось, чтобы определить мне наказание; видно, они серьезно его обдумывали. Выходит, насчет Тройки заключенные в Советском Союзе заблуждаются. Говорили так: трое та-

индивидуальных судей садятся за обед и приказывают принести им дела обвиняемых в трех закрытых мешках. А в конце обеда вершат правосудие — приклеивают к каждому мешку, не раскрыв его, определенное наказание: к мешку А — «пять лет ИТЛ»; к мешку В — «восемь лет ИТЛ»; к мешку С — «десять лет ИТЛ». И жалеют, что не имеют права вынести более суровые приговоры; ведь в мешках лежат дела обвиняемых, которыми настоящий суд не может заниматься из-за отсутствия доказательств.

В эти месяцы следствия, как и во все годы заключения, я в полной мере испытал истинность Вечных Слов: «Когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить, ибо Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить» (Лк XII, 11-12).

Глава XII. Жизнь в тюрьмах

Пока Тройка обсуждала мое дело, я мучился в камерах Лубянки, а потом — в еще более мрачных, в Лефортово.

Из бокса в камеру

После трех или четырех дней одиночного бокса меня перевели в обычную камеру на пятом этаже, в отделение, которое заключенные называли "корабль": камеры здесь располагались вокруг лестницы с проемом в центре. В камере уже находился заключенный — молодой белорус. Это был смышленный малый, добродушный и религиозный.

Однако первой моей мыслью было подозрение: «Вот, меня поместили со стукачом, чтобы выведать мои тайны. Буду осторожным». Позже он признался мне, что и он при виде меня подумал: «Стукач, одетый попом, хочет моей "исповеди"... Осторожно!» Несмотря на взаимное недоверие, я от души предложил ему, а он охотно принял, как помнится, две пайки сырого черного хлеба — я не смог доесть его в те первые дни заключения. Поделился я и кусочком сала, который хранил с Одессы. Таким образом, он, православный, на славу отпраздновал второй или третий день Пасхи. У меня еще оставались запасы еды с воли, и дневная порция хлеба в 450 грамм казалась мне большой, а вот для него она была ничто: он уже многие месяцы вынужденно постился, к тому же был молод и высок.

Жизнь здесь в смысле условий была чуть веселее: окно, хотя и в "наморднике", пропускало немного воздуха и света и даже позволяло видеть полоску неба, а иногда и солнечный луч; библиотекарь иногда давал нам книги; можно было говорить шепотом; у каждого — койка с матрасом, одеяло и подушка. И, наконец, ежедневная прогулка на крыше, минут пятнадцать-двадцать.

Но не думайте, что мы любовались Москвой с этой крыши почти рядом с Кремлем. Мы ничего не видели, кроме неба;

все было обнесено внутренней стеной, построенной так, чтобы не дать лубянским узникам "общаться" со свободным миром, радоваться открывающемуся виду или... в отчаянии измерить расстояние от крыши до земли.

О первом сокамернике я мало что помню. Был он из тех, что выросли на территории, принадлежащей Польше, и стремились к освобождению Родины от нее и от коммунизма; принадлежал к молодежной патриотической организации. И вина его была та же, что и у миллионов белорусов, украинцев и прочих: «измена Родине» (подразумевалось "советской").

В первые дни мы почти не касались политики: говорили о религии, о книгах, о свободной жизни и о нашей нынешней. От него я впервые узнал блатные слова и неписанные тюремные законы: он сказал, что наша тюрьма относится к Комиссариату внутренних дел и что звон, который мы слышим, это кремлевские куранты; сказал также, что тюремщики здесь называются "вертухай", а наше помещение — "корабль". Он научил меня обращаться с *парашей*, основным моим неудобством, особенно поначалу. Малую нужду справляли в уборной дважды в день, в спешке и со всеми, а в остальное время пользовались парашей, которую потом несли в уборную.

Со временем мы заговорили откровеннее о политике. Но что до "сообщников", тут мы были предельно сдержанны.

Другие сокамерники

Только мы стали откровеннее, как нас перевели на третий этаж, в камеру побольше, и дали третьего — пожилого русского; словно в кастрюлю с кипятком добавили холодной воды. Вспоминается советская поговорка: «Из троих один — всегда стукач». Однако очень скоро мы сблизились, разговор сделался более свободным. Позже мы говорили еще свободнее: убедились с течением следствия, что как ни веди себя, приговор обеспечен; разве что из осторожности старались не называть в камере имен и обстоятельств, которые скрывали от следователя.

Впрочем, неограниченную свободу слова в СССР имели только приговоренные к смерти или к двадцати пяти годам лагерей: такой приговор означал, что им больше нечего терять. Что до меня, то с начала тюремных мытарств я перестал бояться доносчиков и всегда, если не опасался скомпрометировать ближнего или Церковь, свободно критиковал коммунизм со всей его нелогичностью и варварством. Мешали мне лишь ограничения проповеди Евангелия; но «для слова Божия нет уз», — повторял я апостола Павла.

Наша камера уплотнялась. Наконец нам стало тесно. Менялись и люди. Однажды к нам поместили на несколько дней румынского немца, католика: он был вконец подавлен случившимся. Я попытался немного утешить его, а вот один москвич, человек сомнительный, стал учить его уму-разуму, стараясь довести до отчаяния и уверяя, что единственный выход — откровенность со следователем. Я закипел и кинулся на москвича, назвал его дьяволом-искусителем, сказал, что он в сговоре с врагами человечества, и заставил замолчать.

В остальное время в нашей лубянской камере царилосогласие. Мои рассказы о перебранках со следователем встречались с удовлетворением, особенно довольны были русские: выросли они в атмосфере страха и привыкли бояться советской власти. Их радовал смельчак, говорящий тиранам правду; это мое говорение правды вдохновляло даже самых слабых. Много раз сокамерники благодарили меня за моральную поддержку; не понимали они, что в действительности поддерживал их не я своими жалкими силами, а благодать Божия во мне.

Распорядок дня

Как проходил день на Лубянке? В непрерывном угнетении плоти. Здание Лубянки, если посмотреть со стороны, не внушает ужаса; когда-то здесь была гостиница, так что здание и сейчас не выглядит тюрьмой. Окна в основном большие и на обычной высоте; полы набраны из деревянных квадратов, светлые стены. Конечно, окна переделаны, было бы слишком гуманно

оставлять их в прежнем виде: теперь на них крепкие решетки и в придачу "намордники", через которые виден лишь краешек неба.

Но к этому можно притерпеться — убивает другое: расписание дня и обращение с заключенными, мучительное присутствие надзирателей. С утра до вечера лязгают ключи о тяжелые железные двери, открывается дверной глазок, раздаются крики охраны — все это изводит и выматывает душу. В пять утра побудка. Громкий лязг ключей и предупреждение: «Приготовиться к opravке». Через несколько минут дверь открывается: двое хватают парашу, и мы строим, раз-два, молча отправляемся в уборную и к умывальникам. В первые месяцы не было ни мыла, ни бумаги, большое везение, если давали чем продезинфицировать парашу.

И вот мы снова в камере. Кто-то молится, кто-то болтает, кто-то мечтает о скорой раздаче хлеба и сахара — об этом думается невольно, ибо это самый волнующий момент дня. Кто-то соображает, какую камеру успели облагодетельствовать раздатчики... Наконец они у нашей двери: 450 грамм хлеба и 9 грамм сахара на человека. Хлеб уже нарезан на порции, сахар надо делить — и это благо, потому что какое-никакое развлечение. Один из заключенных с аптекарской точностью делит сахар на порции по количеству людей в камере, после чего порции распределяются, чаще всего — по жребию. Самый молодой заключенный становится лицом к стене, другой указывает порцию наугад и спрашивает: «Эта кому?» В ответ звучит имя, названный берет свою долю; и так до предпоследнего, а иногда, для смеха, и до последнего из оставшихся.

После раздачи еды приносят так называемый "чай", то есть практически пустой кипяток — единственное, чего дают вволю. Надо только правильно распорядиться сахаром, потому что днем опять принесут чай, а его хорошо пить, только если оставить к нему кусочек сахара. Все это надежный способ борьбы с тревоугодием: многим не удавалось распределить сахар на весь день, но это было ничто по сравнению с делением пайки хлеба. Кто съедал ее утром (а некоторые съедали всю пайку разом), тот

вынужден был маяться остаток дня, потому что на обед давали только миску супа "волга-волга" (несколько листов капусты и чуточку разваренной крупы: овсяной или перловой) с 10–12 граммами постного мяса, которое исчезло уже к середине июня. Вечером — 150–200 грамм каши, пшенной или перловой, по водянистости похожей на суп.

Самые умелые в борьбе с чревоугодием делили хлеб так, чтобы хватало на обед и ужин. Конечно, пайка была мала, к тому же хлеб, всегда только ржаной, черный, был такой сырой, что, казалось, он и не побывал в печи! Среди изобретений "гениального" Попова числится и такое: буханку выпекают из малого количества муки, доводя ее до нужного веса, для чего замешивают жидкое тесто, заливают его в формы и ставят в печь, где выдерживают до тех пор, пока не образуется твердая корочка, она-то и держит буханку. Неудивительно, что потом буханку режут проволокой и что каждый мечтает о горбушке. Если бы из того же количества муки испечь нормальную буханку, пайка уменьшилась бы вполовину. Понятно, почему некоторые, только съев завтрак, уже мечтали об обеде, съев обед — об ужине, а потом снова с утра вздыхали, когда же им принесут четыреста пятьдесят грамм хлеба; ожидание длилось для них вечность.

В это время остальные тихо разговаривали, молились, читали, боролись со сном или с клопами. Сидеть разрешалось, лежать нет. Развлечением было подмести или вымыть пол. Раз в неделю полагалась баня, там заодно удавалось постирать носовой платок или мелочь из белья; в баню отправляли в любой час дня или ночи. Между 13.00 и 14.00 — обед, с 15.00 до 16.00 — сон, около 17.00 — чай и вскоре после этого — ужин. На прогулку выводили иногда утром, но чаще вечером. Положено было полчаса прогулки, если не больше, но наша длилась пятнадцать, от силы двадцать минут. В 22.00 или 23.30 — отбой.

Тюремными правилами запрещалось спать, держа руки под одеялом, это было самым трудно переносимым. Несколько лет назад мне сказали, что этот запрет упразднили, но в мое время он доводил до изнеможения. Спать было и так трудно из-за неудобной позы, а тут еще мерзли руки и плечи. Но хуже было

то, что, заметив непорядок, случавшийся нередко, потому что во сне человек невольно натягивает на себя одеяло, надзиратели тут же начинали колотить в дверь или открывали дверь и, ругаясь, заставляли выпростать руки. Запрет этот объясняли "гуманной" причиной: не допустить, чтобы заключенный вскрыл себе вены. По той же причине у нас отобрали пряжки и металлические пуговицы: если их заточить, ими вполне можно взрезать вены. Из тех же "филантропических" соображений в следственных тюрьмах заключенному запрещают иметь не только ремни и веревочки, но даже простыни и полотенца. Тюремщики хорошо знают, что заключенный доведен до такого отчаяния, что, имея возможность, тут же сделает себе петлю, если, конечно, его не удерживают нравственные принципы.

По улицам Москвы

12 июля наша камера праздновала мои именины по старому стилю. Наступил вечер. Вдруг открылась, как всегда с грохотом, дверь, тюремщик шепотом спросил мою фамилию и приказал: «На выход с вещами!» Дверь закрылась. Я успел проститься с сокамерниками.

Меня привели в комнатку, где полностью раздели и обыскали, а потом отвели в бокс, где были только столик и табуретка. Там я провел бессонную ночь. Рано утром меня вывели во двор и посадили в "воронок". Оказался я в нем, как гусеница в коконе; рядом за перегородками так же страдали от тесноты другие люди. Кто они? Может быть, неведомый друг из Австралии; я этого не знаю и не имею права спросить. Но мой долг — молиться за всех, жертв и палачей, и я молюсь: молюсь, как Иона в чреве кита; молюсь за новую Ниневию; за обращение России и за мир во всем мире.

Мотор работает. Мы долго кружим по городу, потом оказываемся на окраине. Где мы? Там, где угодно Богу. И ведомы мы Богом, даже когда люди, враги, забрасывают нас невесть куда.

В Лефортово

"Черный ворон" только притормозил, а водитель уже нажал на гудок, долго и нетерпеливо сигналил. Наконец открылись тюремные ворота и с лязгом закрылись за нами. И вот меня вывели из закута, и оказался я во дворе старого мрачного строения.

Началась процедура приема новых заключенных. Необходимая формальность — новый обыск. А вдруг у меня оружие или письма!.. Осмотрели меня буквально всюду. Но нужно привыкать, ведь это — царство недоверия, предательства и контроля. После медицинского осмотра меня отвели на последний этаж, как помнится, в двадцать восьмую камеру. Но где мы? Неизвестно.

Я успел заметить, что нахожусь в странной постройке: коридоров нет, похожа на сарай, стоя внизу, видишь крышу. Вокруг на перилах металлическая сетка, она отделяет проход по галереям вдоль внутренних стен, где двери в камеры: два ряда галерей в два этажа. Сетка закрывает также проемы лестниц; лестницы — боковые, ведут к мостикам переходов. Мне объяснили, что металлические сетки — это та же советская "забота" о человеке: большевики прибегли к этому средству после того, как участились случаи, когда заключенные, недооценив "заботу" о них, бросались в пролет вниз головой. Сетки — такое же советское изобретение времен Ежова, как и "намордники" на окнах, которые портят не только жизнь заключенным, но и архитектурный облик здания.

Только через несколько дней, когда принесли квитанцию на отобранные у меня немногие вещи, я узнал, что помещен в Лефортовскую тюрьму. «Это военная тюрьма, тут режим строже. Сюда отправляют в наказание» — так говорил мне один из моих товарищей по несчастью.

Преимущества и недостатки

На самом деле условия в Лефортово были не хуже, чем на Лубянке, в некотором отношении здесь было даже лучше. Что до душевного спокойствия, здесь его оказалось больше. Прав-

да, мучил рев самолетов, которые испытывали где-то рядом, на авиазаводе недалеко от тюрьмы, зато над нами меньше издевались тюремщики.

Еду давали более грубую, но порциями побольше. Спать было лучше: конечно, по ночам часто поднимали в баню, но не требовали держать руки поверх одеяла, не гремели и не лязгали ключами, меньше слышались ругань и угрозы "вертухаев". В Лефортовской не полагалось дневного сна, и вместо коек были нары, зато на них можно было лежать, загнув верх матраса под голову; можно было даже исхитриться и немного вздремнуть, прикрыв лицо открытой книгой из тех, что нам давали читать.

Но в чем-то лефортовская камера была явно хуже: помещение мрачное, без воздуха и, главное, сырое. Асфальтовый пол, маленькие окошки почти под потолком с мутными стеклами, затянутыми густой металлической сеткой. Окно всегда закрыто, открывается только маленькая форточка, в четверть или меньше окна; нам, сверх прогулки, разрешалось держать форточку открытой по десять минут раз или два в день, но открывать ее имел право только дневальный.

Когда мы возвращались с прогулки, в нос ударял спертый воздух, несмотря на то, что форточка пятнадцать или двадцать минут оставалась открытой. Смрад в камере создавала главным образом параша, которая здесь в Лефортове была единственным местом, где разрешалось справлять естественную нужду. Это был настоящий унитаз, но в помещении размером двенадцать квадратных метров и кубатурой от силы сорок метров. Правда, проточная вода попадала в унитаз слабой струйкой из ручной помпы, но вода была не всегда, и сам унитаз не отвечал никаким требованиям гигиены.

На прогулку нас выводили во двор, большая часть которого была разделена на деревянные загоны площадью от двадцати пяти до пятидесяти квадратных метров.

С точки зрения духовной перевод в новую тюрьму я считал большой удачей, так как здесь мог сосредоточиться. В камерах было не так тесно: сперва, совсем недолго, мы сидели втроем,

и шума от разговоров стало меньше; потом нас, уже надолго, осталось двое, и мне удавалось молиться в тишине. Чуть меньше месяца я наслаждался покоем, так как следователь поместил меня в одиночку, — это означало наказание, для мирян чувствительное; для меня же, наоборот, это был дар небес. В течение нескольких лет военной жизни (двух с половиной лет) и пастырства в Одессе я не мог совершать обычные духовные упражнения, а тут полная изоляция. Десять дней я посвятил упражнениям по правилу, в почти полном молчании, — за это время меня лишь однажды вызвали на допрос.

Так я достойно подготовил душу к празднику св. Игнатия Лойолы. А в сам праздник и тело получило свою долю радости: в обед, состоявший, как обычно, из пустой перловой бурды, в моей тарелке оказалась крошечная, но целая морковка. И я вознес благодарственную молитву св. Отцу-основателю.

С людьми и книгами

Приблизительно 8 августа меня перевели на первый этаж: камеры здесь были более сырые, воняло всем понемножку, особенно плесенью. Первое время я сидел с белорусским капитаном; был он из Белоруссии, подчиненной Советам. Капитан стал первой душой, которой я попытался передать плоды своих духовных упражнений. На самом деле учеником он оказался неважным, воспитан он был по-советски, в Бога не верил. Несправедливость советских начальников ожесточила его; возвыситься над убожеством, в котором находятся наши души, он не смог. Капитан попал к немцам в плен в первые дни войны, когда был дома в отпуске, — его обвинили в «измене Родине». Смириться с несправедливым приговором он не желал и был в отчаянии, что обречен провести в заключении десять лет.

Я призывал его смириться и уповать на Бога, но он спорил и доводом выдвигал мое собственное заключение.

— Вы, — говорил он, — хоть и верите, и молитесь, а находитесь в условиях не лучших, чем я, и тоже получите десять лет каторги.

— Десять лет каторги — честь для меня. Я счастлив жизнь отдать за Христа и за спасение души. Подчинитесь и вы воле Божией и терпеливо ждите благ, которых никто в мире у вас не отнимет.

Я старался не настаивать, но время от времени возвращался к этой теме. Иногда и капитан признавал, что вера нужна, хотя бы для того, чтобы поддерживать силу и мужество. Но однажды он огорчил меня, велел прекратить увещевания. «На что мне вечная жизнь? — сказал он. — Хочу жить на земле. Жить. Пусть Бог, если Он есть, вернет мне свободную и нормальную жизнь. И больше мне ничего не нужно».

Глупец! Он не знал, что лучший способ получить от Творца жизнь, в том числе и мирскую со всеми благами, — это искать Царствия Божьего и правды Его. Мне оставалось молиться за упрямца, что я и делал.

В то время я стал также заниматься неким полезным делом, а именно цензурировать книги. Взялся я за это раньше, когда был в камере один. Книги, которые нам предлагались для чтения, особенно в Лефортово, зачастую были полны лживой философии и клеветы на религию; к тому же многие книги были испорчены: заключенные рвали их на самокрутки. Тогда я решил, что тоже могу рвать книги, и стал спускать в парашу особенно вредные страницы, могшие забить предрассудками головы людей несведущих. Моя цензура продолжалась месяца два, то есть и тогда, когда белорусского капитана заменил другой сокамерник. Однажды библиотечарша предупредила меня и моего нового товарища, что заметила порчу книг. «Виновную камеру, — добавила она, — лишат права пользоваться библиотекой». Мой сокамерник простодушно заверил ее, что-де это не мы, — с цензурой пришлось покончить.

Мой новый сокамерник был певцом, тенором, солистом московского театра, славным человеком. В 1941 году он с оркестром театра давал концерты на фронте и под Курском попал в окружение. Мобилизованный немцами вместе с рабочими, он решил петь и тут: пел на оккупированной территории, пел и в Германии, даже по радио. Это и стало его «изменой Родине». «Я

прославлял Родину, — говорил он, — я пел наши песни немцам, а они (чекисты) хотят сделать из меня изменника. Я, не раздумывая, вернулся в Россию, уверен был, что за мной нет вины; я поверил словам их людей за границей, что Родине не в чем меня упрекнуть. И видите, куда они меня уpekли? Так они держат слово».

Певец чувствовал себя особо обиженным, потому что следователь отказал ему в праве получать помощь от жены и родителей, живших в Москве. Дома у него оставалась дочурка, и он очень тосковал от разлуки с ней. Он был очень подавлен и нуждался в моральной поддержке! Я говорил ему о вечной жизни, и мои слова действительно его поддерживали.

Разжалованный герой

Десять дней провел с нами красноармейский офицер, очень молодой танкист, младший лейтенант. Он рассказал, как в первые дни войны был награжден званием Героя Советского Союза, а потом угодил в плен к немцам из-за того, что его танк подбили. Потом танкист снова очутился у своих; его арестовали, лишили звания и ордена и судили. Судьи, окопавшиеся в тылу, дали ему срок за «измену Родине».

— Почему вы отдали немцам танк?

— Я уже много раз рассказывал, что мой танк и другие тоже попали в засаду. Мой танк подбили прямым попаданием из противотанкового орудия.

— Все равно вы изменник Родины, вы отдались живым в руки врага. Когда вас окружили враги, у вас был пистолет?

— Да.

— Почему же вы не всадили в них обойму, а последнюю пулю в себя? Вы же получили сверху приказ. Разве вы не дали присягу, поступая в танкисты?

— Я не мог стрелять, я очнулся уже у немцев.

— Сколько месяцев вы проработали в немецком лагере?

— Всего несколько месяцев. Сначала меня держали в санчасти, потом я работал, недолго.

— Вот видите...

— Но это была гражданская работа.

— Не важно, вы работали на врага.

— Мне приходилось работать, иначе меня бы убили.

— При чем тут убили! За Родину можно и умереть.

— Умереть всегда успеется. Я надеялся еще послужить Родине, когда сбегу из лагеря.

— Почему же вы сразу не бежали?

— Сразу... Легко сказать... Я бежал довольно скоро, через несколько месяцев.

— А почему вы после побега не присоединились к партизанам?

— Я был в партизанах.

— Вы были партизаном для своего брюха, вы грабили население.

— Неправда, мы воевали с немцами.

— Вы должны были соединиться с нашими партизанскими формированиями и действовать в их рядах.

— Я хотел, но не успел найти.

— Вы изменник Родины, придется вам искупать свою вину честным трудом в исправительных лагерях.

Как рассказал нам молодой танкист, через подобные допросы прошли тысячи и тысячи военнопленных. Изнурительный допрос заканчивался "чистосердечным признанием" и неизбежным приговором: приговаривали к "временному" заключению, на самом деле к работе в лагерях. Было ясно, что главной виной несчастных "изменников" было то, что они слишком много повидали и, если их оставить на свободе, они могут подорвать наивную веру народа в советскую власть.

Живые скелеты

Жили мы мирно. Пока я молился, соседи по камере молчали: читали, размышляли или дремали. Они уважали мою веру и охотно выслушивали мои проповеди: между прочим, слушали с интересом и рассказ о Фатимских пророчествах.

Когда молодой танкист добился, чтобы ему дали шахматы, мы проводили часы за этой игрой. Или играли в другие игры, где нужны доска и шахматные фигуры. Потом танкиста куда-то перевели, и мы снова остались вдвоем с певцом. Через некоторое время певцу разрешили получать посылки от семьи: посылки были скудными, но он всегда делился со мной. Так, пока я делил с ним хлеб духовный и молился за него, его жену и дочь, он щедро отрезал мне от хлеба насущного. Несмотря на это маленькое подспорье, я слабел и слабел: я стал как скелет, обтянутый кожей.

Память ослабела, я стал забывать имена и значимые для меня вещи. Я начал терять зрение (к тому же у меня отобрали очки и возвращали их лишь на время допросов). Недомогание, тоска расшатывали нервную систему. Болели суставы, казалось, они трещат при каждом движении; лежать на боку я не мог, боль не давала сомкнуть колени. Казалось, организм дошел до предела, конец близок, а на самом деле впереди был долгий путь. Вновь «сказал Господь сатане: вот он в руке твоей, только душу его сбереги» (Иов 2, 6), — то есть вот он, делай с ним, что хочешь, только сохрани его жизнь.

Наступило 24 ноября 1945 года. Мне приказали собрать вещи. Я сердечно простился с товарищем, пожелав поскорее выйти на волю и обнять жену и дочь, и еще, чтобы кругом воцарились свобода и вера (позднее я узнал, что его приговорили к пяти годам заключения). Пока я залезал в "воронок", тучи живых воронов, неразлучных спутников советских зеков, каркали с лефортовских крыш и карнизов; вороны были не только символами, но очевидцами смерти, которую коммунизм сеял уже пять пятилеток.

Глава XIII. Из Бутырок в Мордовию

Приговор

Бутырки. Этой тюрьме подходит имя во множественном числе. Комплекс ее зданий занимает в Москве целый квартал. В ней одной содержатся тысячи заключенных; тысячи провели здесь месяцы и годы и тысячи прошли через нее — кто только в ней не побывал.

Я был уверен, что трех тюрем — Лубянки, Лефортова и Бутырок — вполне достаточно для столицы, но нет; один мой знакомый насчитал их восемь. Это неудивительно. Москва, по словам большевиков, движется к коммунизму, и когда он наступит, исчезнут каторги, тюрьмы, лагеря и даже милиция, так как при полном коммунизме исчезнет преступность, чья причина — бедность.

В комнате следователя, майора, мне объявили приговор.

— Вы приговорены к десяти годам исправительных работ. Распишитесь, что вас ознакомили с приговором.

— Хорошо. Значит, мне продлили визу на десять лет. Но раз советские граждане перед отправкой в лагерь имеют право на свидание, пусть краткое, с родными, то и я имею право поведаться с итальянским послом.

— Нет у вас никаких прав. Если посол захочет вас увидеть, придет в лагерь.

В "церкви"

После объявления приговора меня отвели в "церковь" — это была постройка, приспособленная под пересыльную тюрьму. Мне объяснили, что ее называют "церковью" потому, что в царское время здесь был тюремный храм. Советские, естественно, нуждались не в церквях, а в тюрьмах; они переделали церковь в тюрьму, устроив в ней несколько этажей для больших камер. Там, где был алтарь, сделали уборную!..

Я попал в одиннадцатую камеру. Спертый воздух и теснота; люди истощенные, с всклокоченными бородами и ввалившимися глазами! Моя сутана привлекла внимание; посыпались вопросы. И вдруг двое заключенных, один в обычной одежде, другой в старой сутане, первый безбородый, второй бородач, бросились обнимать меня. Сердце забилося, свои! Я узнал их. Отца Николая узнать было нетрудно, мы виделись с ним в августе. Вторым был отец Венделин Яворка, иезуит. О его приезде на Буковину я ничего не знал; и теперь ни за что бы не узнал его, не вспомни я о его знаменитой окладистой бороде.

Тут же мы обменялись последними новостями: кто из нас сколько лет получил. Отец Яворка — тот же срок, что и я, отец Николая — только восемь лет. Отец Яворка был арестован после нас, в июне, когда ехал из Черновцов в другой город. Его взяли из поезда, он не смог забрать из дома даже носового платка; теперь, в разгар зимы, он страдал от холода: что-то подарил ему отец Николая, что-то — я.

В тесноте

Собратья провели меня в ту часть камеры, где спали сами. Определенного места они не имели, так как на нарах, вдоль стен и в центре, все было занято, но нашелся добрый человек, который пускал их к себе на нары по очереди. Здесь разрешалось спать днем, но, конечно, недолгого дневного сна в тесноте и шуме было мало.

На несколько ночей я нашел приют рядом с певцом, тенором Печковским; он спал на доске, служившей столом, раздаточным и обеденным. Печковского, кумира ленинградской публики, знала вся страна, он имел звание заслуженного артиста⁷².

⁷² Печковский Николай Константинович, родился в 1896 в Москве. В 1913 — драматический актер в Сергиевском народном доме, с 1921 — певец Оперной студии, с 1923 — солист Большого театра, с 1924 — Ленинградского театра оперы и балета, с 1939 — народный артист РСФСР. В августе 1941 — оказался на оккупированной территории; выступал с концертами на Западе. 22 октября 1944 — арестован, приговорен к 10 годам и отправлен в лагерь, в 1954 — освобожден.

Теперь его приговорили к десяти годам «за измену Родине»: в самом начале войны он навещал родственников то ли в Пскове, то ли в Белоруссии; ему вменили в вину, что он оказался в окружении на оккупированной территории. Итак, Печковский любезно пустил меня на ту же доску, где он спал. Мы устраивались на ночь валетом, тем не менее приходилось поджиматься, поэтому вскоре я предпочел спать под нарами, на голом полу; а когда удавалось, тоже вечером брал щит, то есть грубую дверь, — их давали по несколько на камеру: положенные между нарами, они добавляли полезную площадь для сна.

Не отсутствие матраса или одеяла удручало в этой "церкви": мучительнее всего была скученность. В нашу камеру, рассчитанную на 60–70 человек, набивали по 160–170 и более заключенных. И начальство было об этом прекрасно осведомлено, потому что проверка производилась дважды в день.

Среди добрых и злых

Помню, как праздник Непорочной Девы стал для нас, трех католических священников, настоящим событием: русский инженер отдал нам несколько граммов масла, полученных из дома. Он сказал, что в тюрьме вновь обрел веру, — это был старый зек, возвращенец с каторги; он любил говорить с нами, священниками. В то утро его подарок стал для нас знаменiem милосердия Пресвятой Девы; инженер, конечно же, ничего не знал о церковных праздниках или знал очень мало; никто не сказал ему о наступающем празднике. Его первое приветствие нам в то утро было настоящим благом; столько месяцев мы не видели ни грамма мяса, ни даже капли постного масла! Но в тот день мы смогли намазать немного сливочного масла на хлеб.

В Бутырках я познакомился с другим хорошим русским ве­рующим и, более того, — католиком. Московский профессор⁷³,

⁷³ С 1929 — секретный сотрудник органов ГПУ; в 1930 году по указанию чекистов стал "католиком", "работал" в храме Св. Людовика. В 1945 — арестован за «провокационную деятельность» (написал донос на более ценного сексота). Он давал "свидетельские" показания на обвиняемых по

он был связан с отцом Брауном, ассумпционистом, работавшим в американском посольстве и служившим во французской церкви Св. Людовика. Профессор первый дал мне информацию о том, какова атмосфера в московской "церковной" семинарии, открытой год назад. Он с ужасом описал мне молодых семинаристов; рекомендовало их в семинарию партийное руководство; и все они — кандидаты в партию, комсомольцы, совершенные безбожники, дарвинисты, материалисты.

— Да, верные признаки священнического призвания, — заметил я. — Кадры для будущих "епископов", таких как Сергей Ларин.

— Там, в семинарии, — отозвался профессор, — они завершают марксистское образование.

В Бутырках я впервые столкнулся с блатными, бичом для честных людей; того же сорта были и провокаторы. К счастью, большинство из нас были людьми порядочными и не давали подонкам куражиться.

Весь 1945 год я боролся с красным драконом, оставившим на моем теле глубокие следы когтей. Но от них дух мой только укрепился, так что мне было за что благодарить Бога. Теперь же, накануне Нового года, самое время было последовать примеру апостола Павла: всеми силами *простираясь вперед*, забыть прошлое и устремиться к новой борьбе и к награде на небесах.

На вокзале

Собственно, с Нового года, с полудня 1 января, начался мой крестный путь. Обняв отца Николая, который оставался в Бутырках, я ушел вместе с отцом Яворкой и другими. Перед отправкой мне вручили немногие вещи, хранившиеся в каптерке, к своему утешению я получил назад образок, который носил на шее. Очень кстати за несколько дней до отправки я сшил небольшой вещмешок, куда теперь сложил все, что у меня было.

групповым делам католиков с 1933 по 1945 год, а также — на настоятелей храма Св. Людовика Леопольда Брауна и Антуана Лабержа, высланных из СССР. Очевидно, был посажен для "работы".

Тут я прочувствовал все тяготы перемещения человеческого груза по советской земле. Сначала мы шли пешком по снегу до "столыпинского" вагона, ожидавшего нас в тупике на Рязанском вокзале. Колонна людей, больше похожих на тени, с ними человек пятнадцать конвоя и одна-две овчарки. Конвой спереди, по сторонам и сзади, кругом непрерывный крик, остервенелая ругань. Можно подумать, что они имеют дело с дикими зверями, а на самом деле звери — это они, мы же больше похожи на овец, которых ведут на убой: пожилые, старые, молодые люди, падающие, обессиленные, еле волочащие ноги, с рюкзаком или вещмешком, не тяжелым, но для них неподъемным.

Наконец доходим до места. Приказ сесть на корточки в снег; нас пересчитывают. Начальник конвоя заходит в вагон, он должен сдать документацию и самих "преступников". Новый начальник начинает проверку по списку: берет дело и вызывает по фамилии, а вызванный должен назвать имя, отчество, год рождения, статью, по которой осужден, срок и дату окончания срока. Эта формальность будет повторяться раз по пятьдесят в месяц.

Сообщая все эти сведения, заключенный подвигается к вагону и вскарабкивается, как может, на высокую подножку. Не дай Бог, у кого-то при себе окажется много вещей! Надо пошевеливаться, не то обругают, и получишь в спину. Но даже тех, кто поднимается без задержки, охрана встречает нетерпеливо: двое конвойных, пересчитывая входящих, грубо проталкивают их вперед, как неживой груз, а третий, принимающий, хорошо если покажет, куда заходить, а то может просто пнуть в купе. Но только на время, потому что потом нас разведут по другим купе, сначала тщательно обыскав, чтобы изъять все, даже малейшие металлические предметы.

Столыпинский вагон

В каждой камере "столыпинского" вагона три яруса. Купе рассчитано на двенадцать мест: шесть сидячих внизу, четыре полулежачих или полусидячих на средней полке, два лежачих

места на самом верху. Но вместо двенадцати человек в купе за-
талкивали вдвое, а то и втрое больше.

"Столыпинский" вагон — это не славная выдумка большевиков; его создателем был царский министр Столыпин. Но большевикам, сохранившим все "ценное" от старого времени, принадлежит заслуга широкого воспроизводства такого рода вагонов. "Столыпин" хорош тем, что в нем основательные стенки и полы, крепкие частые решетки и матовые или рифленые окна в проходе. В купе окон нет, но для вентиляции есть подобие люка в потолке. Однако зимой эти люки не открыть, потому что сверху польется вода — растаявший снег с крыши и конденсат дыхания; приходилось довольствоваться воздухом, проникавшим через решетку, отгораживающую нас от прохода.

В проходе находился караул. Все вместе очень напоминало зверинец, однако постепенно уяснялось, что звери не мы, а охранники, которые свирепо на нас смотрели и ходили взад-вперед по проходу. Но и по нашу сторону решетки имелись дикие звери — уголовники: убийцы, воры и тому подобные. Счастье еще, что нас везли врозь; впрочем, покоя от них все равно не было: они донимали нас разнузданными песнями, криками, руганью и непристойностями.

При отправке из тюрьмы нам дали еды на четыре дня: хлеб и селедку, — нам полагалось еще 36 грамм сахара, но его, похоже, зажали. Рыба была такая соленая, что с трудом лезла в глотку, однако от голода мы и ее ели; каждый раз после рыбы нас мучила жажда. Мы молили дать воды, но у караула было свое расписание, и никакие мольбы их не трогали; разве что кто-нибудь из караула приносил ведро воды, желая избавиться от воплей заключенных. В этом случае от блатных была польза, никто из нас не умел так надрывно орать... Впрочем, иногда кричать было рискованно, все зависело от настроения дневального.

Пить воду тоже было опасно: куда ни шло еще, если вода кипяченая, а если сырая, то она часто вызывала тяжелое расстройство желудка, а это худшее, что может случиться в дороге. Параша в "столыпинских" вагонах нет, а на оправку выводили трижды в сутки; чтобы тебя вывели в другое время, нужно

умолять охрану со слезами на глазах, но и слезы не помогали, потому что, по русской пословице, «Москва слезам не верит». А чему удивляться? Чтобы вывести заключенного на opravку, нужно поднять весь караул: получить разрешение у начальника и ключи от купе. Потом, пока старший открывает дверь в решетке, один из солдат охраны стоит поблизости, защищая его на случай, если на того кинется уголовник, другой охраняет наружную дверь вагона, а третий надзирает за несчастным, справляющим нужду в уборной.

Правильно пословица поминает Москву... Чтобы вывести человека в сортир, требовалось разрешение чуть ли не с самого верха, от Министерства *внутренних* дел. На расстоянии это может выглядеть комично, но вблизи это трагедия, настоящее бедствие для стариков и для всех, у кого слабый мочевой пузырь, больной кишечник!

Дважды мне пришлось испытать это на себе. Один раз — в 1947 году, когда надо мной измывался охранник, о чем я расскажу дальше; другой раз — за полтора месяца до освобождения, когда я возвращался из Заполярья: при отправке из лагеря я съел гнилой картошки, и в дороге меня схватили такие колики, такая боль, что я почувствовал себя при смерти. Ночь была ужасная. Два или три раза меня выводили на opravку — своими стонами я замучил охрану, но еще больше всех сокамерников, не сомнувших глаз.

Отправка

Прочитав это длинное описание "столыпинского" вагона, кто-нибудь решит, что мы уже доехали до места назначения. Ничуть не бывало, мы еще не выехали из Москвы. Более двух дней нас продержали на запасных путях, только вечером 3 января мы двинулись к Рязани. Нам предстояло добраться до Мордовии. Туда от Москвы всего чetyреста пятьдесят километров, но, чтобы преодолеть их, потребовалось двадцать часов.

Мы оказались в Потье днем 4 января. Обрадовались, что доехали до места назначения, и что нам дадут сейчас поесть.

Но вместо этого нас перевели в товарный вагон, отслуживший свой век и превращенный в этапный привал для зеков. Один Бог знает, как мерзли мы в ту ночь. Утром мы стали просить еды, но все наши просьбы были тщетны. «Вам выдали еду до 5 января», — заявили нам. Разда два нам приносили попить, но зачем вода, если почти ни у кого не оставалось еды.

В товарном вагоне нас соединили с ворами и убийцами, и они себя показали. Утром отец Яворка обнаружил, что у него украли остатки хлеба. Мне пришлось помочь ему, разделив пополам остаток пайки. В тот день мне выпала возможность преломить духовный хлеб с сокамерниками: мы рассуждали на религиозные темы. Присутствующие, а их было много, внимали довольно кротко. Только один возражал. Но от этого наш разговор делался только интереснее.

Однако дьявол не дремал, он явился нам в образе старшего по конвою, приказавшего мне замолчать. Я отвечал, что нет ничего противозаконного в том, чтобы говорить на религиозные темы с взрослыми людьми. В ответ он рывкнул: «Сядь на место и прекрати болтовню. Тут тебе не церковь». Вполне последовательно: разве он знал о советском законе, позволяющем обучать религии совершеннолетних? Зато он знал, что реально на советской земле религия имеет право только молчать.

К вечеру нам приказали выйти с вещами. Пошатываясь, мы направились к "теплушке", вагону, предназначенному, как и "столыпин", для перевозки заключенных. Это вагон еще более "демократический", так что его, надо полагать, придумали большевики. Выглядит он как обычный товарный вагон, внутри разделен на три отсека: два вдоль вагона, для заключенных, и один поперек, для конвоя; в последнем имеется печка, дровяная или угольная, от ее тепла и название вагона. Стиснутые, как сардины в бочке, мы всю ночь тряслись по железной дороге, связывающей разные отделения лагеря, в котором нам предстояло отбывать заключение.

Утром нас выгрузили на затерянном полустанке посреди леса. За нами прислали конвой с тринадцатого лагерного пункта. Последний отрезок крестного пути дался нам тяжело: пят-

надцать-двадцать минут пешком по снежной целине после недавнего снегопада, с вещмешками на спине, сутки или больше не выдавшие куска хлеба. Мороз. Кругом охрана и злые овчарки. Мы падали и тут же поднимались; сердце колотилось, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди, но мы держались. Индевели очки, глаза не видели; но мы плелись дальше.

С Божьей помощью добрались до места; все целы. Нам даже не пришлось, как часто случается, тащить обессиленного товарища или смотреть, как он испускает дух у самых ворот лагеря. Я беспокоился за отца Яворку. Ему исполнилось уже шестьдесят три года, и сердце у него было больное. Отец Яворка так же беспокоился за меня; он пришел в ужас, увидев однажды в тюремной бане мои выпирающие лопатки, ключицы и ребра. Все же Спаситель хранил нас, хранил и поддерживал. Он поддерживал нас и посредством братского милосердия, которое укрепил в наших сердцах.

Глава XIV. Темлаг

Праздник Богоявления

Праздник Богоявления, утро. Мы стоим перед воротами Темлага, перед вахтой тринадцатого лагпункта. Ждем на морозе, наконец появляется начальство, приказывает открыть ворота с колючей проволокой. Проверка по списку, входим по одному и вливаемся в коллектив заключенных: всего около полутысячи. Этот лагпункт карантинный, один из самых маленьких среди двадцати лагпунктов Темлага, в котором содержатся тридцать тысяч мужчин и женщин, разбросанных по мордовским лесам.

Первым делом нас ведут в баню. Нам это очень кстати, потому что в дороге мы порядком завшивели. Перед помывкой обыск: на этот раз нам повезло, позже обыск зачастую проводили снаружи, на морозе. Баня убога донельзя. В предбаннике окна обледенели, на стенах иней. Отдав вещи на *прожарку*, заходим в помывочную. На входе каждому в горсть наливают черпачок черной гущи. «Что это?» — «Мыло». Легко представить, каково вымыться этими 15 граммами, по виду настоящей грязи! Но хоть бы воды было вдоволь: так нет, воды дают скупое как горячей, так и холодной! Норма — ведро, литров восемь, кажется; в тот раз дали еще по полведра на человека.

Помывшись, как могли ждем вещи из прожарки. Хорошо еще, что нас оставили ждать в помывочной, там не так холодно; только переход оттуда в ледяной предбанник слишком резкий и опасный. Бояться, впрочем, нечего, в случае воспаления легких или другой какой хвори возле нас обязательно будет врач... Именно *возле*, потому что какой помощи ждать от врача, если нет лекарств, и как можно выздороветь при постоянном недоедании?

В ледяной предбанник к нам пришел врач, такой же заключенный, как и мы, литовец по национальности. Там же мы познакомились с другими важными лицами из заключенных: санинструктором или санинспектором, нарядчиком и комендан-

том. Их работа — смотреть за нами по поручению начальства и передавать нам приказы и наряды сверху. Нам, новичкам, казалось, что для этих людей наше благо — не пустой звук, но на самом деле они только шарили глазами, осталось ли у кого хорошее пальто, сапоги, ботинки, чтобы потом их присвоить.

Первым делом мы изложили наши насущные нужды: в то утро самым насущным было поесть. Они отвечали снисходительно, но хлеборез и повар долго не являлись. Наконец нам доставили хлеб прямо в баню, поскольку там мы дожидались, пока нас определят в барак. Потом нас повели в столовую, сырое и темное помещение рядом с кухней, где стояли два ряда грубых и грязных столов со скамьями по сторонам. Завтрак и обед нам выдали в один прием: водянистый суп, кусочек рыбы, не важно какой, голова или хвост, лишь бы весом 30–40 грамм, из которых ни один грамм не пропадет, потому что даже рыбы косточки, если их хорошо прожевать, это тоже еда. Следующий заход в столовую будет в пять часов дня: ужин — три ложки перловки или чечевицы. А пока нас ведут в барак.

Барак

Впечатление от барака гнетущее. Расшатанные, наполовину прогнившие доски пола; серые стены, обмазанные глиной с навозом, окна примерно полметра на метр, ни одного целого стекла, иные просто забиты доской или картоном; для сна — сплошные двухъярусные нары, в нижнем ярусе кое-где просветы. Ни матрасов, ни одеял.

Электричество только в запретной зоне. Барак освещается примитивной керосиновой лампой, фитилек два-три миллиметра диаметром. Каждый вечер разносят керосин, на барак восемьдесят грамм, этого должно хватить до утра.

У дверей два бака: один — для холодной, другой — для кипяченой воды, питьевую воду в лагере строго ограничивают, потому что ее надо завозить извне. А для бани воду берут из заиленного колодца в самом лагере; двое слепых заключенных выполняют эту работу, вращая ворот и поднимая ведра.

Центр барака занимает большая печь, сложенная из кирпича. Ее недавно растопили, и она еще не прогрелась. Но тепла все равно не хватит при этом жалком количестве дров (несмотря на то что вокруг леса), к тому же сырых, которое выдают на барак ежевечерне. Огонь в печи есть не больше трех-четырех часов за вечер. Сейчас разгар зимы, и холод для нас самое тяжелое наказание: холодно на работе; холодно ночью в бараке.

Вспоминаю, как мы с отцом Яворкой устраивались рядом на нарах и укрывались верхней одеждой, не снимая того, что было под ней. У меня оставалась верхняя ряса и перекрашенная военная плащ-накидка; ею мы закрывали поясницу. У отца Венделина, кроме рясы, имелась куртка, подарок отца Николя, ею мы прикрывали ступни: старые носки их не согревали. Отец Яворка просил меня держать ступни поближе к нему, потому что у него особенно мерзли ноги. Несмотря на все старания, он часто не мог согреться, отчего ему было большое беспокойство: приходилось часто вставать по малой нужде.

Бедный отец Яворка! Мне хватало трех-четырех ночных пробежек, а он бегал по снегу каждые три четверти часа, деревянная уборная стояла на отшибе метрах в восьмидесяти, и туда через щели набивалось много снега. А что было делать: тем, кого застанут на улице, грозило наказание. И всякий раз, как один из нас вставал, он вынужден был будить другого, чтобы тот постерег вещи.

Воры

Воры, сколько неприятностей они доставляли! Приходилось не только прятать обувь под голову, но и обвязываться веревкой или проволокой поверх того, чем мы укрывались.

В короткое время у нас украли последние вещи из вещмешков, после чего воры взялись за то, что было на нас. Первым исчез мой вещмешок. Уходя на работу, я поручил его товарищу по бараку; не знаю, что там вышло, но знаю, что, когда я вернулся, мешка не было. Комендант и охрана, перерыв весь барак, нашли его под нарами, но, к сожалению, пустой: про-

пало последнее полотенце и все белье до последнего носового платка.

Следующим был мешок отца Яворки, где он держал вещи, переданные ему в тюрьму в качестве благотворительной помощи. На этот раз беда случилась по моей вине; мой собрат, отлучившись из барака, просил меня постеречь его вещи. Мешок лежал на нарах, а я стоял поблизости. Воры, конечно, сговорились между собой; пока один из них отвлекал меня оживленным разговором, другой, пользуясь полутьмой в бараке, стащил мешок. Отцу Яворке еще повезло: после долгих поисков в одном из барачных настилов нашли, кажется, его рубашку.

Пришла очередь моих ботинок. Излюбленным местом воров была баня: на этом моем первом лагпункте начальник бани, как он себя величал, был в сговоре с ворами, и они вместе проворачивали свои черные дела. Поистине черные; чтобы понять это, надо хоть раз попробовать, что значит лишиться последнего, когда ты и так обобран до нитки; отбываешь немислимый срок среди людей, утративших человеческие черты; страдаешь от голода, холода и хуже, чем скотских, условий жизни и труда. Со временем неизбежно приходит апатия, равнодушие к обидам, начинает казаться естественным, что тебя обижают, что ты ничем не владеешь, что над тобой измываются, попирают твоё достоинство, треплют безжалостно, как лен или коноплю.

В бане я не оставил вещи в предбаннике, потому что знал, что воры на них зарятся. На кожаные ботинки в тех местах большой спрос, их можно продать начальству, охране или вольным и заработать неплохие деньги, получить побольше табака или даже водки. Я положил ботинки в помывочной на подоконник ближайшего окна; оно не открывалось, так что я был уверен: ботинки в надёжном месте. Но вдруг в ту самую минуту, когда пар заполнил помещение, я почувствовал ледяной сквозняк... — что бы это могло быть? Смотрю, а моих ботинок нет; всматриваюсь и вижу, что в окне разбито стекло...

С того дня я приспособился носить местную обувь — лапти, похожие на наши чочи, но из лыка. Когда меня увидел в них врач-литовец, он сказал: «Вы в сандалиях, как Иисус Христос».

Это уподобление, по правде сказать, было единственным утешением; но его оказалось достаточно для поддержания духа в тяжких испытаниях.

Труд

Но пора приступать к "исправительному труду": за этим нас привезли сюда. Наши мучители часто садистски уверяли нас, что им не нужен наш труд, а нужно, чтобы мы испытали тяготы; однако нельзя отрицать, что миллионы людей были арестованы в основном ради безвозмездной эксплуатации их труда. Труд заключенных в целом малопроизводителен (раб всегда производит меньше, чем свободный человек), но он выгоден главному хозяину, Советскому государству, конечно, не в интересах народа, но в интересах самого себя: государство содержит рабов без затрат и получает весь произведенный продукт.

В нашем лагере все говорит о труде — пропагандистские лозунги размещены в самых ответственных местах, и все они на одну тему: трудиться, трудиться, трудиться. «Трудиться, чтобы ускорить победу коммунизма» (какая радостная цель!); «Честным трудом искупить вину перед Родиной»; «Труд облагораживает человека» (М. Горький); «В СССР труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Великолепные «лозунги», но один — лучший из всех и всеобъемлющий: «Трудиться за двоих, за троих». И чтобы эту мысль вбить нам в головы, ее доносят до нас два или три транспаранта; ей же вторит лозунг в столовой, где огромными буквами выведено: «Каждый честный гражданин обязан экономить всегда, всюду и всеми способами».

Врач-заключенный под руководством начальника санчасти и вольнонаемной медсестры каждому вновь прибывшему определил категорию трудоспособности. За мной, как и за отцом Яворкой, закрепили третью категорию, близкую к инвалидной, и нас послали в бригаду, изготовлявшую лапти (другие заключенные третьей категории вили веревки или выполняли внутрिलाгерные работы).

Нам досталась легкая работа по сравнению с первой категорией, тех посылали главным образом на лесозаготовки в пяти километрах от лагеря. Надо было отшагать туда час по снегу, проработать семь-восемь часов, потом опять час по снегу обратно до лагеря, все время под конвоем, и за это сверх обычной пайки полагалось 150–200 грамм овсяной, перловой или пшеничной каши. Вторую категорию посылали на доставку древесины, причем они сами волокли дровни; либо на погрузку древесины на платформы или же на рытье котлованов, на стройку, на железную дорогу и так далее.

Но и мы выполняли работу, которая была нам не по силам, особенно из-за тяжелых условий — плохо отапливаемого помещения, негодных инструментов, промерзлого материала, нехватки сырья, скученности и недоедания. Тем не менее норма выработки была пара лаптей в день, а трудовую норму надо выполнять, иначе на другой день урежут и без того ничтожную пайку хлеба. В нашей бригаде, кроме нас с отцом Яворкой, были одни эстонцы; бригадир — русский, но помощник его тоже эстонец.

В 5.30 — подъем, около 6.00 — отправляемся на хлеборезку, получаем каждый свою пайку и идем в столовую: стоим в очереди за супом и рыбой. Все думают об одном: как бы сохранить пайку сырого хлеба, которой должно хватить на весь день; стоит на миг отвлечься, и блатные тут же "подтибрят" сокровище.

Около 7.00 — начинается работа. До начала работы надо зайти в большое помещение, где каждое утро вспыхивают ссоры с жалобами на пропажу сырья или заготовок. Там выдают так называемые ножи и стволы липы метра три длиной: мы драли липовое лыко на лапти. Особого умения это не требует, но скорость работы зависит от пригодности материала, поэтому каждый старался перехватить гладкие и длинные стволы; борьба за них разгоралась в середине утра, когда из леса подвозили новую партию стволов.

По счастью, в нашей бригаде люди спокойные и не бесовестные; но надо помнить, что *борьба за существование* есть норма жизни в этой стране, что поощряет некоторые инстинкты

даже в населении, которое только недавно вошло в СССР. Поэтому мы, двое священнослужителей, которым не к лицу было участвовать в этом беге наперегонки, получали что оставалось, и работа у нас шла медленно. Но что это перед вечностью? Можно выкроить для работы дополнительное время: в обед или поработать после четырех с половиной или пяти вечера, когда все уйдут в барак. Правда, вечером плохо с инструментом, потому что его забирают по окончании положенного рабочего дня; и потом, есть риск, что другие припишут себе то, что ты выработал в сверхурочное время...

Короче говоря, после месяца такой изнурительной работы и тягот барачной жизни мой дорогой брат, отец Венделин, обессилив, обратился к врачу. В лагере был лазарет для самых нуждающихся в отдыхе больных и был так называемый полустационар для инвалидов: туда и поместили отца Яворку. Ему удалось уговорить врача принять и меня, что и произошло через несколько недель. На самом деле никакой особой милости тут не было: я отчаянно нуждался в отдыхе, страдал дистрофией, анемией и сердечной недостаточностью. По справедливости в полустационар следовало поместить всех лагерников, особенно тех, кого уводили на тяжелые работы за зону; но это уже зависело не от лагерных врачей и даже не от управления здравоохранения, а от лагерной верхушки и от МВД.

Переезд

В слабосильной команде отдыхали мы недолго: прошел карантин, затем — врачебный осмотр, и нас с отцом Яворкой вместе с другими определили на шестнадцатый лагпункт. Прошло всего два месяца лагеря, но это были два месяца испытаний. Наше "послушничество" закончилось, мы отправлялись налегке: почти все вещи были украдены. Мы потеряли все и даже... украшение подбородка; да, да, нас постригли, как овец, и сбрили бороды. Помню, горевал я не столько об утрате собственной бородки, которую носил двенадцать лет, сколько о роскошной бороде отца Венделина Яворки.

Переезд происходил в два этапа. Вечером первого дня нас сгрузили на десятом лагпункте. Не буду рассказывать, как ночью, когда я спал, у меня стащили плащ-накидку. Вор снял ее, но не успел припрятать, так что мне ее скоро вернули. Раньше нас этапировали в вагоне-тюрьме, но теперь до места назначения вели пешком, что было тяжело. Мы шли километров семь-восемь под конвоем, обессиленные, по снежной целине, после трех месяцев снегопада. Дровни, запряженные волами, тащили поклажу и тех, кто не мог передвигаться сам. Были и сани, запряженные лошадью, но на них ехал начальник КВЧ, то есть культурно-воспитательной части, прибывший за нами вместе с конвоем.

Наш будущий "наставник" с рвением принялся за мое перевоспитание. Он доказывал превосходство своего материализма над религией, и обстоятельства работали на него. Он ехал сытый, в теплой шубе, в валенках, укрытый полостью, а я шагал с пустым желудком, утопая в снегу, в изношенных ботинках, которые я выкупил обратно, отдав за них, уж не помню сколько, паек хлеба и сахара, в рваных носках и в шапке, не закрывавшей уши.

Несмотря на такую разницу, я был рад донести до него слова истины; этот коммунист по молодости, вероятно, никогда раньше не видел и не слышал, чтобы кто-то открыто опровергал "неопровержимые" догмы марксизма. Не знаю, какое воздействие оказали на него мои доводы, но он показался мне не слишком твердым в своей вере. Да и что он мог сказать мне в ее защиту?

Глава XV. Шестнадцатый лагпункт

Этот новый лагпункт мало чем отличался от тринадцатого. Те же старые бревенчатые бараки, не оштукатуренные снару- жи, внутри обычно обмазанные глиной (казалось, в тех краях не знают известки). Те же керосиновые лампы; те же оловянные миски, те же деревянные ложки. Столовая чуть попрличнее, чем на тринадцатом; такая же баня, только воду не так жалели. Медицинская помощь была бы здесь хуже, если бы не старания начальницы медицинской части, очень серьезного, знающего врача и совестливого человека, ее имя, Варвара, совсем не выражало ее характера; зато другой врач, Коновалов, полностью соответствовал своей фамилии.

Основной контингент лагеря составляли старики и слабо- сильные: так что поначалу работающих набралось на две-три бригады, остальные практически не работали. А поскольку кто не работает, тот не ест, приходилось туго: триста грамм сырого хлеба утром, двести—двести пятьдесят днем; как всегда пустой суп и водянистая каша.

Сделки и события

К весне, обнищав, мы с отцом Венделином решили под- ражать цыгану, который в феврале продает шубу. Мы продали свои пальто одному приличному малому, расконвоированному зеку, которому разрешалось выходить из лагеря: за пальто он какое-то время давал нам добавку хлеба, что было очень ценно для нас. Он, естественно, заработал на этом: одежда, особенно в те годы, была в стране дефицитом. Не зря блатные высматри- вали для себя шмотки, более всего заграничные. Помню случай в тюремной бане: мы помылись и пошли забрать вещи из дезин- фекции. Я искал-искал свои, но так и не нашел.

— Вы все принесли из прожарки?

— Все. А что? Чего-то нет?

— Моего — ничего.

— А ты сдал прожарить?

— Конечно, сдал. Не голый же я пришел! Пойди, посмотри, может, мой сверток еще там.

— Там пусто.

— Ну и дела! А ведь мои вещи не как у всех. Сутана и черная накидка, очень заметная. Куда вы их дели? Что с ними сделали?

— Да никуда не дели. Если они были, то и есть. Ищи.

— Где? Я уже полчаса ищу. Посмотрел всюду. Ничего нет.

Меж тем, кто уже оделся, ушли, предбанник опустел. Наконец банщик вытащил из-под скамейки две вещи и показал мне:

— Твое?

— Да. Мой пояс и, кажется, моя рубашка.

Я присмотрелся и в бурых лохмотьях, не стиранных месяца четыре, узнал свою последнюю рубашку.

— Да, — подтверждаю, — моя. А где остальное?

— А что остальное? — спросил главный банщик, наблюдавший за нами.

— Брюки, шерстяные кальсоны, накидка и пальто.

— Хорошо. Мы заявим о краже. А пока сходите кто-нибудь на склад и принесите пару кальсон и верхнюю одежду.

Предоставляю читателю самому вообразить, каково было натягивать на себя грязное тряпье в дырах и клочьях ваты. Но больше всего я страдал из-за потери сутаны, последнего символа моего священнического служения; к тому же она была могучим орудием миссионерства, потому что сразу привлекала всеобщее внимание, где бы я ни появлялся. Утешало одно: хоть это напоминало положение моего Господа, и я повторял Его пророческие слова: «И разделят ризы мои».

Все же между учеником и Учителем имелось различие. На Голгофе солдаты раздели Христа и разбойников, здесь, напротив, разбойники раздели меня, а солдаты пришли мне на помощь. Наутро обыскали самые подозрительные бараки и вернули мне сутану, брюки и кальсоны; их нашли у работавших на лесоповале в соломенном тюфяке. А накидка пропала навсегда.

Сколько всего можно рассказать о ворах! Отец Николя, с которым мы потом встретились на Воркуте, поведал бы, как вор сорвал у него с носа очки и был таков. Отец Николя ничего не мог поделаться, потому что держал тарелку то ли с супом, то ли с кашей. Потом тот же вор подослал к нему дружков, и те предложили отцу Николя его же очки, заломив при этом несусветную цену.

Здесь, на шестнадцатом лагпункте, с нами был профессор Свирский⁷⁴, юрист и знаток канонического права, секретарь польского епископа во Львове. Однажды вечером, возбужденный и озабоченный, он рассказал нам по секрету, что случилось в отхожем месте. Какой-то тип, сидевший рядом, велел отдать ему пиджак.

— С какой стати? Мне, старику, он нужнее!

— Отдай пиджак по-хорошему. У тебя так и так его отнимут, а мне надо расплатиться. Я его проиграл.

— Проиграл свой, а потом и мой?

— Свой пиджак проиграл давно, о том уж думать забыл. Сегодня играл на твой — надо платить. Дай мне его, и дело с концом, не то будет хуже — и тебе, и мне. Его все равно у тебя отберут. А если не расплачусь, с тобой еще и не так посчитаются.

— К счастью, было еще светло, — заключил профессор, — не то этот мерзавец мне бы отмстил. А как быть дальше?

Советовали разное. Не знаю, продал он пиджак или отнес на вещевой склад, помню, что позже видел его в старой телогрейке. Но кражи не было.

Снова о работе

Весной нас нарядили на работы. Их можно бы посчитать довольно легкими, даже льготными, если иметь в виду общее правило; оно применялось к нам на предыдущих и на всех последующих работах. Это правило цинично опровергало советский лозунг «от каждого по возможности, каждому по потребности»; его бы следовало переформулировать так: «от каждого

⁷⁴ Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

по ненасытным потребностям наших эксплуататоров (с партбилетом в кармане), каждому по возможностям, до крайности скудным».

Мы числились инвалидами из-за постоянного недоедания и полного истощения, поэтому правильно было бы сначала нас накормить и восстановить наши силы, а потом уже требовать работы. Но нашей категории давали еды еще меньше, чем остальным, именно потому, что мы были слабосилка, то есть ничего не производили. Так что, когда нам предложили работать и за это получать прибавку к пайке, мы согласились; и велика была наша благодарность доктору Варваре, которая добилась для нас снижения нормы выработки кому на сорок, кому на тридцать, кому на двадцать процентов. Мы чувствовали благодарность даже к тем, кто наживался на нашем голоде, за то, что они стали давать нам пайку побольше, хотя по-настоящему они не имели права ставить на работу инвалидов. Но такова практика системы: вызывать у жертв благодарность за то, что им вернули десять, после того как отняли сто.

Работа наша состояла в изготовлении рыболовных и камуфляжных сетей. Одни разматывали нити, другие их скручивали, третьи плели сети. Поначалу нас с отцом Яворкой назначили в третью бригаду, где бригадиром был генерал Тихоцкий⁷⁵. Изготовление сетей — работа сама по себе не изнурительная, но, чтобы выработать норму, даже сокращенную на сорок процентов, надо было изготовить 3600 ячеек. За это потом два дня подряд давали по 700 грамм хлеба, за неполную выработку — от 650 грамм и меньше, в зависимости от того, насколько невыполнена норма. Если сильно не дотянуть до нормы, то пайку уменьшали до 550–300 грамм. Перевыполнившим полагалась добавка, так что пайка доходила до 800 и даже до 900 грамм; поэтому все работали, не покладая рук, от зари до заката, а кое-кто и после.

⁷⁵ Очевидно, генерал-майор Евгений Сергеевич Тихоцкий, участник Первой мировой войны, в 1920 — эмигрировал в Югославию. С началом Второй мировой войны вступил в казачьи ряды. В 1945 — вывезен в СССР и отправлен в лагерь.

Несколько недель дела шли неплохо; мне тоже удавалось выработать на 800 грамм хлеба в день. И я еще иногда добавлял ячеек в сеть отца Яворки: в его возрасте руки уже действовали не слишком ловко, зато желудок еще требовал своего, поскольку, хотя он потерял больше трети веса, по природе был крепкого сложения. Сначала инстинкт самосохранения мешал мне перерабатывать сверх сил, но когда я втянулся, дело пошло хорошо. Однажды в пять вечера мы испытали торжество: бригадир и помощник бригадира, принимая выработку, объявили нам, на сколько мы перевыполнили норму. Что это не было торжество «героев труда в построении коммунизма», стало особенно ясно, когда, два дня спустя мы возликовали гораздо больше при появлении бригадира с коробом хлеба.

Но внезапно тучи сгустились, и буря разнесла наш гордо несущийся корабль. Норму выработки повысили: раньше тот, кто сдавал 4000 ячеек, перевыполнял норму на 6–7 процентов; теперь же, чтобы выработать 100 процентов нормы, надо было сдать 4500 ячеек, и за это полагалось только 700 грамм. Мы получили урок, тем не менее многим он не пошел на пользу; самые молодые и ловкие через несколько дней опять ухитрялись перевыполнять норму, но остальные за ними не поспевали. Наконец, может, потому, что и мы наловчились, а может, сил прибавилось, но все втянулись и перевыполнили норму. Только утром генерал Тихоцкий и его помощник не принесли нам прибавки к пайкам; счастье выпало лишь нескольким ударникам труда.

Недели через две грянуло новое увеличение норм. Взрыв возмущения на этот раз был не только против начальства, но и против ударников. С того дня стахановцам пришлось умерить пыл, а тем, кто думал только о себе, пришлось затихнуть, потому что, если они хвастались выработкой, им тут же заявляли, что своей неумностью они вредят коллективу. «Вы что, не поняли, что если вы сегодня дадите сто пятьдесят процентов нормы, то завтра вам придется сделать двести процентов?» И это была правда, ведь советская волчица

*... такая лютая и злая,
Что ненасытно будет голодна,
Вслед за едой еще сильнее алкая*⁷⁶.

Позднее нас, двоих иезуитов, поставили разматывать нить, и мы оказались в несколько худших условиях, но продолжалось это недолго, потому что в мае прекратился завоз нити, а с тем и производство сетей. К сожалению, прекратилась и выдача увеличенных паяк, и нас опять стал мучить голод.

Летние запасы

Но тут на помощь пришли весна и лето. Суп в столовой стал менее водянистым: теперь вместо дефицитной кислой капусты в него добавляли молодую крапиву, которую срезали неподалеку от лагеря. Отцу Яворке нашлась работа полегче — писарем при санчасти, я оказался среди счастливчиков, которых послали перебирать картошку. В столовой мы почти не видели картошки, большим везением считалось раз в неделю найти полкартошки в миске, при этом на лагерном складе картофель наполовину сгнил. Наконец начальство решило отделить хорошую картошку от гнилой.

Тогда я впервые узнал, как вкусна сырая картошка, когда есть хочется так, как нам хотелось. В темном подвале, вооружившись за неимением ножей кусками жести, прикрытые корзинами от охраны, мы потихоньку очищали от кожуры проросшие картофелины, сладковатые и не такие твердые, и съедали их с немалым удовольствием. Не сразу, но и я научился есть по шесть-семь картофелин в день; некоторые уплетали до двадцати в день, но это было рискованно: рассказывали, что в другом лагере кто-то расстался с жизнью, переев сырой картошки.

Вечером начальник склада разрешал унести с собой по две-три картофелины; тут каждый старался заполучить картофелины покрупнее, поэтому откладывал их заранее. После этого в бараке мы пекли их на печке или в печке, а то вари-

⁷⁶ Данте. Божественная комедия. Ад, 1, 97-99. / Пер. М. Лозинского.

ли в какой-нибудь жестянке. Но в бараке надо было делиться с другими зеками; некоторые продавали картофель или меняли на одежду и махорку. Кроме картошки, важным ресурсом были трава и листья (листья липы, к примеру, отличная вещь в тяжелых случаях), а потом добавились более изысканные и редкие продукты, такие как морковь, свекла и репа.

Летом пошла мода на полевые работы. В новых условиях нам удалось если не восстановить силы, то хотя бы помешать их убыванию. Безусловно, с исходом той первой зимы закончился период самого острого голодания; но впереди нас ждало еще много тягот, страданий и нищенского житья!

Природа, просыпающаяся от зимнего сна, могла бы нас радовать благодаря длинным дням; в июне было не больше трех часов темноты. Все кругом пышно расцвело; в лесу слышалось разнообразие птичьих голосов: бесчисленные соловьи, немолчные даже в краткие сумерки, с двух до половины третьего утра, во множестве тетерева, а еще дрозды, удоны и так далее. Какое бы все это было чудо для слуха и зрения, если бы не наше рабство, если бы нас не держали под постоянным тяжелым гнетом. Сколько пропало втуне поэзии, не нашедшей отзвука в изможденных телах и в затравленных душах!

Клопы

В июне было две недели, когда в бараке не стало житья из-за клопов; с наступлением летнего тепла их расплодилось неимоверное количество. Деревянные стены, деревянные полы, деревянные нары, всюду щели и трещины — идеальные условия для этих насекомых. От раздавленных клопов отвратительный запах, укусы их вызывают раздражение и зуд, не дающие уснуть даже при самой сильной усталости.

В бараке были тьмы и тьмы клопов. Вечером только ляжешь на нары, как начинается кишение: клопы лезут на тебя и сыплются сверху, забираются под рубашку и безжалостно кусают. Бороться с ними в темноте было невозможно, зато при перых лучах света начиналась бойня; и тут стены и нары станови-

лись красными, а потом и черными от нашей крови, давно оскудевшей в жилах. Вонь от раздавленных клопов настигала нас повсюду, иногда чувствовалась даже во рту, потому что мелкие насекомые незаметно попадали туда вместе с жалкой пайкой.

Как нас изнурили эти две недели! Помню, что порой вечером остаться на тяжелой работе казалось легче, чем вернуться и лечь на нары, где на тебя набросятся клопы. В поле, как только бригадир объявлял перекур на десять минут, мы ложились на землю и тут же засыпали — это были единственные минуты сна в те памятные две недели. Наконец появились какие-то средства от клопов; кажется, их вывели серой, а людей на три дня переселили в другие бараки.

"Богатство несправедное"⁷⁷

Примерно в то время мне объявили о неожиданном перечислении на мой лицевой счет четырех тысяч рублей, которые у меня отобрали при аресте. Для меня и для моего собрата, отца Яворки, это было некоторым утешением, однако тут же возник вопрос, на что тратить деньги. В лагере нет торговой точки, вне лагеря трудно что-нибудь купить, торговля среди заключенных запрещена; кроме того, покупать еду у таких же несчастных, как мы, не позволяет совесть, а покупать одежду или обувь практически нет смысла.

Позднее я купил куртку, которой тут же лишился, потому что продали ее мне блатные с расчетом выманить у меня деньги: после сделки ко мне пришел один из них и заявил, что это его куртка, что ее украли. Я без звука отдал ему куртку, но, узнав о надувательстве, пошел и потребовал деньги назад. Денег мне не отдали, но обращаться к начальству я не стал, поскольку нарушил запрет на куплю-продажу. Все это произошло, впрочем, в другое время и в другом месте; пока же, в первых числах июля, мне выдали на руки первую сумму из моих денег: 150 рублей. Так что мы купили несколько кусков хлеба у тех заключенных, которые имели другие ресурсы сверх пайки. Говорю *мы*, пото-

⁷⁷ Лк 16, 11.

му что мы с отцом Яворкой установили между собой здоровую коммунистическую общность имущества.

Но приближалось время расставания.

Расставание

Где-то десятого июля мне велели приготовиться к переводу. Интересно куда? А вдруг освобождение? Но нет, до него еще было очень далеко...

Я отправился к начальнику лагеря просить передать половину моих денег в пользу отца Яворки. Начальник согласился; это смягчило горечь расставания, однако прощание не прошло без слез. Вполне естественно, что я, молодой, из почтения взял благословение у миссионера и исповедника веры. Но вдруг он сам встал передо мной на колени, чтобы получить благословение у меня! Как же я смутился! Я вышел из положения, лишь прибегнув к «благословению от имени Понтифика».

Обнялись в последний раз. Кто знает, увидимся ли еще? Предчувствия плохие, особенно в отношении старика. Вместе с другими тремя-четырьмя заключенными я вышел за ограду; еще и еще обернулся, махнул рукой друзьям. Особенно жалко собрата: ему шестьдесят три, и в моем лице он утратил опору! К тому времени я навидался страдающих стариков в лагерях и всюду в Советском Союзе!

Как раз за несколько недель до этого за запретной зоной я видел 68-летнего генерала Тихоцкого, плачущего как дитя, потому что с ним плохо обошелся нарядчик, детина лет двадцати пяти: заставил старика волоочь из леса бревно, которое еле подняли бы мы, молодые. Таково было применение на практике гордого советского лозунга «молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет». *Везде дорога* преступлению и рабству. И горе *старикам*, попавшимся под ноги *молодым*!..

Святой край

Наша группа была маленькой, конвойные не придирались. В тот летний день идти пешком через леса было больше похоже на прогулку, чем на обычный, ненавистный и тяжелый переход. Даже конвой вопреки обыкновению не материл тех, кто тянул руку к ягодке ежевики или малины. Мы шли на тот же лагпункт, откуда я прибыл четыре месяца назад, однако дорога казалась сейчас другой. Какое преображение за четыре месяца! Тогда все было мертво под снежным покровом, теперь жило и зеленело. И смеют же говорить, что Бога нет! А кто же тогда, как по волшебству, пробудил природу? Кто призвал из дальних стран и континентов всех этих тварей, порхавших над нами?

Как, должно быть, ясно видел истину святой отшельник Серафим, в первой половине прошлого века освятивший своим присутствием эти места! Поблизости, в Саровском монастыре он проводил лишь часть ночи, а на заре уходил в лесную глушь, дабы слить с пением природы хвалы Творцу. Прятался в лесу Серафим и зимой. Он бежал от верующих, толпившихся у его кельи, приносил покаяние распятому Богу. И Бог открыл ему тайну богоотступничества, которое должно было свершиться здесь век спустя. Именно тогда рассказал мне о Серафиме и его пророчествах один русский старик, добрый малый, тоже с шестнадцатого лагпункта:

— В этих лесах стяжал святость Серафим Саровский. Слыхали о таком?

— Слыхал, конечно! Любовью к Пресвятой Евхаристии он напоминает одного католического святого.

— А ведь предсказал он все точно! И падение Романовых, и революцию. В царское время брошюра с текстом пророчества ходила по рукам тайно, потому что первая часть предсказаний не нравилась власти. А как пришли большевики, брошюре снова запретили, ведь предсказана там не только революция, но и ее конец. Серафим так и говорил: «И воспоют "Христос воскрес" в середине лета».

— Как красиво звучит! Значит, те дни будут как Пасха. А знаете, это совпадает с Фатимским откровением: Мать Божия, явившись двадцать девять лет тому назад, предсказала гонения, идущие из России, и обещала, что в конце воцарятся вера и мир.

— Да, но у нас мир не продержится долго. Батюшка Серафим предсказал, что в те времена родится Антихрист и принесет еще большие разрушения.

— Знаете, зачастую трудно расшифровать пророчество. В Писании сказано, что у Бога тысячи лет как один день. Фатимская Божия Мать говорила о некоем времени покоя, и мы надеемся, что оно будет долгим и созидательным для царства Христова.

За беседами о прошлом, настоящем и будущем мы и не заметили, как пришли.

Глава XVI. Закручивание гаек

За четыре месяца моего отсутствия тринадцатый лагпункт внешне немного изменился. К высокому забору добавили еще один, на расстоянии метров семи и такой же высоты; по углам между ними были караульные вышки, а вдоль — полоса земли, вскопанная и проборошенная, чтобы, если кто пройдет, были видны следы. Внутри и снаружи находились две обычные запретные зоны, огражденные колючей проволокой, натянутой между кольями, и обычные щиты с надписями. В зонах имелись еще две точно такие же полосы, также проборошенные; кроме того, на ближнем лугу была натянута замаскированная проволока, и, если беглец натыкался нее, на вышках включалась сирена.

Знакомые

Вернувшись в лагерь, я снова увидел друзей и знакомых: они и объяснили причину изменений. Тринадцатый лагпункт превратили из карантина в лагерь строгого режима; следовательно, мой перевод сюда стал мерой ужесточения. Видно, и я был для советской власти опасным преступником.

Собрался цвет "врагов народа". Было немало иностранцев, особенно из государств-сателлитов. Много венгров, в основном очень молодых; их вина была лишь в том, что на родине, в годы фашизма, они работали на производстве; пролетарские правительства передали их Советам, а те судили их по закону, о существовании которого многие даже не знали. Были еще поляки, большей частью виновные только в том, что служили в Армии Крайовой, созданной после падения Польши для защиты от немцев. Было несколько румын, немцев и финнов. Но в основном тут были советские граждане, хотя многие из Прибалтики и регионов, присоединенных к Советскому Союзу перед войной или во время нее.

Были и те, кто на свободе занимал высокие посты, но большая часть принадлежала к средним слоям общества. Был и про-

стой народ: рабочие, крестьяне. Имелись заключенные слепые и глухонемые, например, двое слепых носили воду для бани. Долгое время я жил в одном бараке с глухонемым, занимавшим самое низкое социальное положение: о нем шутили, что глухонемой сел за антисоветские разговоры. Не помню, был ли он политзаключенным или сидел за кражу социалистической собственности, что подразумевало особую злонамеренность; по советскому закону стащить пару картофелин или горсть овса в колхозе преступнее, чем обобрать просто человека до нитки.

Прибалты часто рассказывали, как Эстония, Латвия и Литва были присоединены к СССР. За несколько дней до голосования наиболее известные деятели были арестованы; в день голосования советские бронетанковые дивизии заняли все ключевые пункты городов, а представители советской милиции следили за "порядком" на избирательных участках. И получилось, что эти народы изъявили "желание" принадлежать к великой родине пролетариата. Естественно, после такого "плебисцита" новые хозяева пошли навстречу "желанию" народа, массово переселяя его на новую "родину". Сколько раз я слышал от тех или иных представителей народов, которым *«протянули руку помощи»* Советы: «Протянули руку, а рука-то железная! Горе пожавшим ее!»

Латыши рассказывали также о первой встрече рижских коммунистов с Красной армией. Они большой группой, в выходных костюмах, представились военным властям, желая выразить им уважение и поблагодарить от имени латышского пролетариата, наконец-то избавленного от гнета капитала. Однако возникло недоразумение: политрук, советский офицер, презрительно отвечал, что, конечно, благодарен за гостеприимство и красивые слова, но хотел бы встретиться с народом, а не с буржуями. Рижские коммунисты поняли, что в своих дорогих костюмах они как белые вороны в огромной семье советского пролетариата.

Были в лагере и профессиональные воры; одно время здесь находился знаменитый бандит, который жаловался, что давно не пил человеческой крови. Воры, должен я признать,

были здесь не худшим соседством; хуже были иуды, следившие за нами, чтобы затем доложить по начальству. Обычно это были в прошлом партийцы; сдавая товарищей, они занимали в лагере лучшие места. Были и убежденные коммунисты; эти, хотя и потеряли срок, продолжали надеяться на освобождение.

Помощь матери Родины

В то лето тяжелее всего мне было работать у печника чернорабочим-подсобником. Печник был старик, умелец, даром что инвалид, выполнял ненормированную работу. Мне и напарнику нелегко было поспевать за ним, а вознаграждали нас за тяжкий труд, и то по просьбе бригадира, тарелкой капустных или крапивных щей на двоих. К сожалению, просьбу бригадира на кухне не всегда исполняли.

Ежемесячно я получал со своего счета 100–150 рублей, и все же моя жизнь была полна лишений. Стоило все безумно дорого — 15—20 рублей за кило плохого хлеба! К тому же порой мы не знали, у кого купить, или не решались, поскольку голодали все; иной раз платили просто за посул сахара, который так и оставался посулом...

И вот, пока плавал я в сих унылых водах, пришла неожиданная помощь. Не помню, в августе или в сентябре 1946 года из Москвы, из итальянского посольства мне прислали посылку. В конце марта из шестнадцатого лагпункта я отправил письмо нашему послу, выменяв за кусок хлеба тетрадный листок. Я превратил его в письмо вот как: огрызком карандаша, взятым взаймы, заполнил одну страницу листка и уголок другой, кратко сообщив о своем здоровье и работе, оптимистично и по-русски для цензора; сложив листок треугольником, как складывают дети, делая кораблик, я написал на треугольнике адрес посольства: «Его превосходительству Кварони. Гостиница «Националь», квартира № ... Москва», — и обратный адрес. Марок у меня не было, и я вручил письмо в культурно-воспитательную часть, на деле — поручив его Богу. Не верилось, что письмо доставят по адресу не столько из-за странного конверта (здесь,

кстати, привычного), сколько из-за советской боязни общения с иностранцами.

Прошло с полгода. И вот меня вызывают к начальнику.

— Вы писали послу Италии?

— Да, несколько месяцев назад.

— Вот ответ.

Мне вручили письмо в роскошном конверте, с грифом диппредставительства Италии в СССР и подписью Его превосходительства посла. Посол писал, что очень рад добрым вестям от меня, что надеется передать вскоре новости о родных и что отправил мне посылку с продуктами. Написано было по-русски; слов было немного, но они меня утешили. Вручили и посылку, проверив ее при мне. Она была невелика, но щедро и вкусна: в ней лежали две банки сгущенки, печенье, шоколадные конфеты и прочее.

Для меня было радостью почувствовать эту, пусть слабую, связь с Родиной. Вознагради, Господи, посла Кварони и всех, кто беспокоился обо мне тогда и в дальнейшем, хотя долгие годы я не получал уже ничего... До августа 1954 года это письмо и посылка были моим единственным прямым контактом с родиной. Что до итальянского посольства, сейчас я понимаю, что до них дошло еще одно мое письмо из Потьмы от 22 июня 1947 года. А ведь я писал несколько раз из Мордовии и с севера и знаю, что наше диппредставительство в СССР всегда занималось мной: оно даже посылало ноты в советский МИД. Знаю также, что любезнейший господин Фернандо Скоретти с 1947 по 1949 год не раз отправлял мне из Москвы посылки с сахаром, чаем, шоколадом, витаминами и так далее, но они до меня не доходили. А МИД СССР не удостоил наших послов ответа на запросы обо мне.

Благодарю от всего сердца всех своих благодетелей!

По правде, надо бы сказать спасибо за "щедрость" и Советы, которые за девять лет все же пропустили одну посылку и три письма.

В санчасти

Работа чернорабочим крайне изнурила меня. В конце сентября врач сам предложил мне лечь на время в больницу — это был тот самый литовский врач, который принимал нас в первый раз, когда мы прибыли сюда из Москвы. Сейчас, отсидев свои пять лет, он жил за пределами лагеря и продолжал работать у нас; он же был начальником санчасти. Будучи католиком, врач-литовец относился ко мне очень почтительно; однажды он уже оказал мне услугу — помог обменяться письмами с отцом Яворкой после нашего расставания. Потом, уходя в отпуск, врач вызвался передать от меня письма литовским священникам. Я написал священнику его прихода (предполагалось, что священник на свободе), с которым не был знаком, умоляя прислать мне все необходимое для евхаристии. Но врач, вернувшись из отпуска, сказал мне, что провел отпуск не в Литве.

Вот и сейчас, когда я отдыхал на койке, он предложил мне новую услугу: «В соседнем лагере есть одессит, который освобождается через несколько дней и едет домой. Если хотите воспользоваться случаем и отправить письмо в Одессу, можете дать его мне». Я подумал, что это хорошая возможность отправить письмо отцу-ассумпционисту, который жил рядом с американским дипломатическим представительством и служил в московском храме Св. Людовика. Это был преподобный отец Браун, которому я уже отправлял письмо обычной почтой, как и нашему послу, но безрезультатно⁷⁸. Треугольник, адресованный отцу Брауну, вернулся обратно с припиской московского почтамта, в ней сообщалось, что на дверях католической церкви по улице Малая Лубянка — замок: было ясно, что письмо они просто не захотели доставить.

Мне было очень важно дать отцу-ассумпционисту вести о себе, отце Яворке, отце Николя и других. Итак, я отправил письмо в конверте с адресом одной пожилой женщины, прихожанки

⁷⁸ Пьетро Леони не подозревал, что к тому времени священник-ассумпционист Леопольд Браун был уже выслан из СССР, а настоятелем храма Св. Людовика стал священник-ассумпционист Антуан Лаберж.

одесского храма; она должна была переслать письмо отцу Брану. Я сделал все добросовестно, ни в чем не усомнившись; напротив, испытывал огромную благодарность к доктору. Странным мне показалось лишь то, что он попросил меня перевести ему вслух письмо, написанное по латыни: позднее мы вновь встретимся с этим письмом. А пока что, после недели отдыха, мне пришлось выписаться.

Зимние работы

Приближалась зима со всеми ее испытаниями. После летней и осенней подкормки, пусть и скудной, почти всем нам грозил голод; закончился сбор урожая моркови, свеклы, картофеля. Многим предстояла работа в лесу, который стоял теперь немой и застывший под снежным покровом, в нем не было больше ни желудей, ни малины и других ягод, ни съедобной травы и листьев. Только стволы, которые надо было пилить на бревна, а бревна укладывать в штабеля; да толстые ветки, с которых надо было обрубать сучья; да сани, груженные древесиной, которые надо было везти на железную дорогу, а там сгружать на платформы.

Поскольку я числился дистрофиком, мне едва ли грозил наряд на тяжелые работы; от них валялись с ног самые выносливые, но от наших палачей можно было ждать всего. Разве я не видел, как посылали на такие работы людей, похожих на призраков, разве не видел, как обратно везли на санях или вели под руки до предела изнуренных людей? Однако, что бы ни задумывали мои враги, Бог меня хранил и почти всю зиму заботился о моей сохранности; а подверг меня тяжким испытаниям только после того, как подкормил на хлебрезке, о чем я расскажу в следующей главе.

Но и под конец зимы и весной приходилось так туго, что порой казалось — все, больше не выдержу. В конце февраля 1947 года еще стояла суровая зима; как и все, я ходил в бушлате, на ногах лапти. Каждый день нам предстояло одолеть около пяти километров, волоча сани втроем или вчетвером по не-

ровной дороге, слыша за собой крики охраны и угрозу: «шаг вправо, шаг влево — расстрел». Потом работать в лесу по семь-восемь часов: вывозить древесину на железную дорогу. Иногда нам приходилось работать и на железной дороге, грузить древесину на платформы, а потом долго тащиться назад, на этот раз волоча сани с дровами для топки. Работа за зоной была бы еще сносной, если бы не бесчеловечное обращение охраны. Нет, нас не били (в случае чего доставалось от бригадиров и нарядчиков), но нас изводили криками и руганью, а особенно тем, что гнали ускоренным маршем из лагеря на работу и обратно. Не дай Бог отстать! Тут и вправду могли огреть прикладом...

У меня перед глазами еще стоит одна сцена. Мы были в часе ходьбы от лагеря, в том месте, где железная дорога огибает лес; кроме обычной работы, пришлось отработать сверхурочно: загрузить древесиной пять-шесть платформ. Стемнело, и начальник конвоя, беспокоясь, как бы кто-то не сбежал, послал за подкреплением (хотя какое бегство по такому глубокому снегу?). И вот являются охранники с овчарками. Старшему по конвою кажется, что мало фонарей, и нам велют собрать и зажечь смолистые ветки. Простояв больше часа на снегу, заоченевшие и оголодавшие, мы трогаемся в путь, еле волоча ноги. По крикам охраны, по бешеному лаю овчарок, по выстрелам для устрашения можно подумать, что идет сражение или охота на диких кабанов, хотя на самом деле конвоируют молчаливую толпу несчастных, с трудом передвигающих ноги. Если среди нас и раздавался стон, то это было обращение к Тому, кто Один может избавить нас от мучений. Подобные сцены случались нередко; сколько раз на обратном пути с работы, слышалось: «Господи, помоги, а то все тут найдем могилу».

С первой оттепелью в середине марта нас начали посыла-ть на железную дорогу скалывать лед и отгрести снег. Это была чуть менее тяжелая работа, но вечером мы возвращались в барак, до колен промокшие, хотя вместо лаптей нам выда-ли обувь из просмоленного брезента на деревянной подошве. Иногда нас поливал сверху дождь или снег с дождем; тогда но-чью в бараке мы обречены были сушить наши тряпки на теле

либо, если человек готов был спать на голых нарах и непокрытый, сдать их в сушилку, откуда утром их зачастую возвращали непросохшими.

Весной

Когда погода позволила, нашу бригаду поставили на полевые работы: корчевать пни и корни под пашню, поднимать целину, вскапывать поля и так далее. Это работа уже с большой нормой выработки, не для слабосильных; работали без тракторов и даже без плуга. Единственным нашим сельскохозяйственным орудием были лопаты, мотыги и вилы. И то бы неплохо, будь они в порядке, но, увы... Вознаграждения за все труды хватало ровно на то, чтобы держать нас впроголодь.

Помню, что, оказавшись в полях, где осенью собирали картошку, мы с жадностью стали искать клубни, якобы содержавшие крахмал, но те, перезимовав, имели вид сгнивших. И все же мы пекли их на костре и поглощали с таким наслаждением, с каким не едали неаполитанскую пиццу. Бригадир, опасаясь краж и потери времени, ставил у костра дежурного, который, пока остальные вкалывали, стерег и пек долю картошки каждого из нас. Сколько мне запомнилось случаев, связанных с голодом! Как раз той весной 1947 года я был свидетелем стычки между несколькими молодыми парнями из нашей бригады. Мы работали на опушке леса; кто-то нашел под кустом кучку желудей и стал набивать ими карманы. Второй, третий, четвертый из бригады кинулись туда же, и завязалась драка. Ни в какой другой стране жизнь так не проникнута борьбой за существование, которую нам преподносят как якобы *творящее* начало в живой природе.

Побег

Случалось, что заключенные готовы были рискнуть жизнью ради воли. Таков оказался мой приятель, цыган из Одессы, мы работали в одной бригаде. Несмотря на молодые годы, ему

не было тридцати, он был верующим и часто делился со мной тревогами, предчувствуя, что не увидит больше семью и родной город. Я утешал его, когда он падал духом.

Однажды, не сказав друзьям ни слова, он устроил сюрприз всей бригаде. Был май. Уже несколько дней мы ходили на работу в лес; в то утро моросил дождик. Мы молча шагали к месту работы колонной по трое, неся кто пилу, кто топор. Метрах в трех-четырех от нас шли два конвойных, у старшего был автомат, и он следил больше за левым краем колонны. Справа шел другой, у него была простая винтовка с примкнутым штыком, она совсем не вязалась с его юным видом, он смотрел так подоброму. Вероятно, цыган в то утро нарочно шел с правого края колонны; я же случайно оказался тоже справа, прямо за его спиной.

В том месте, где дорога сужалась, цыган вдруг бросил топор под ноги соседу слева и юркнул, как заяц, в гущу леса. Не знаю, по глупости или из хитрости, но сосед громко вскрикнул: «Это что такое?» Трепеща за моего приятеля-одессита, я жестом показал: «Молчи». Но старший по конвою уже услышал; однако пока он, обогнув второго бойца, дал очередь из автомата, цыган стал недосыгаем. «Ложись», — приказал тот бригаде. Мы повиновались, а он побежал к зарослям, куда ушел беглец; там дал еще несколько очередей, но безрезультатно: беглец успел скрыться. Нас вывели на просеку, велели сесть кучно; работу отменили — легко вообразить нашу радость!

А конвой тем временем подал тревогу. Прибыли начальник по труду, начальник охраны с бойцами и овчарками и не помню кто еще из начальства. Попытались пустить овчарок, но те не брали след. Цыган правильно выбрал дождливый день: дождь смыл следы, так что не пришлось даже мазать подошвы керосином, что, говорят, очень действенно. Нас отвели в барак после полудня; всем было весело, исключая мерзавца, который первым поднял тревогу, и бригадира, которому надо было отвести от себя подозрение в сообщничестве.

Однако на другое утро нас ожидало разочарование: беглеца доставили назад. Мы стали строем перед баракom, как обыч-

но, дожидаясь проверки, и перед нами в полной тишине, всем в назидание провели бедного цыгана с разбитым в кровь лицом и в разорванной одежде: видно было, что его рвали овчарки, которых для дрессировки иногда науськивают на уже пойманных беглецов. Как раз так и было в этом случае: цыгана схватили не с помощью овчарок, а благодаря человеческой корысти и хитрости. Не успев далеко уйти от лагеря, цыган, к несчастью, вздумал постучаться в какую-то избу и попросить еды. Хозяйка пустила его, а сама тут же побежала доносить.

Как ловко он вырвался на волю и как неловко повел себя потом! Видно, не знал того, что было хорошо известно многим зекам в мордовских лагерях, а именно — окружающее население продажно, оно за ничтожную плату сдавало органам бедняг, сбежавших из лагерей. По правде сказать, на предательство их толкала не одна корысть, но еще и страх за свою жизнь... Цыгана отправили на девятнадцатый, штрафной отдельный лагпункт. Позже я узнал, что ему не повезло: его убили блатные, они нарочно затеяли драку, вырвали у него хлеб из рук; подонки надеялись таким способом заработать новый срок и попасть в другой лагерь.

Государственный заем

К первомайским праздникам 1947 года, как обычно в Советском Союзе, подняли шумиху об открытии государственного займа «по просьбам трудящихся»; осмелились даже нам, заключенным, предложить помочь советской экономике. Пока призывы выражали общими словами, заключенные отнекивались, ссылаясь на безденежье. Я, хотя имел на счету деньги, помалкивал, но вскоре меня вызвали в КВЧ⁷⁹ к начальнику. Я этого ожидал.

— У вас, — начал начальник, — есть деньги. Не желаете подписаться на государственный заем?

— А какова цель займа? — спросил я, чтобы выиграть время. — Он был нужен, когда шла война, но она давно закончилась. На что он теперь?

⁷⁹ Культурно-воспитательная часть. — *Прим. ред.*

— Теперь — на восстановление народного хозяйства.

— Понятно. На восстановление не дам.

— Почему?

— Потому что это против моей совести.

— Что значит «против совести»?

— А то и значит, что укреплять советскую экономику — это поддерживать коммунизм. Коммунизм же против Бога, следовательно, помогать советской экономике — это идти против Бога, что недопустимо.

Он пометил что-то у себя в списке.

— Вы недовольны советской властью? — наивно спросил он.

— Да, недоволен, — ответил я невозмутимо, чем очень его шокировал. Он обомлел. Потом черкнул что-то в регистрационном журнале.

— Как же вы можете быть недовольны советской властью? — воскликнул он.

— А как я могу быть довольным, если она арестовала меня безвинно, приговорила к десяти годам принудительных работ и держит меня здесь как раба?

— Если приговорила, значит, за дело.

— За какое такое дело? Я исполнял в Одессе долг католического священника. Меня арестовали и осудили за мою веру. Никакой вины не нашли; из-за отсутствия доказательств меня осудило Особое совещание, без всякого суда.

— Отказываетесь подписаться на государственный заем?

— Отказываюсь.

— Вы раскаетесь в этом.

— Я никогда не дам взаймы Советскому государству. Зачем? Чтобы оно пустило мои деньги на распространение коммунистической заразы? Да ни за что! Ваше государство так обнищало, что кланчит у собственных рабов. И как вам не стыдно просить милостыню у нас, которых вы сами же превратили в оборванцев! — тут я показал ему клочья ваты, торчавшие из моих штанов. — И не стыдно вам, заставив нас задарма работать, отнимать у нас последний грош на хлеб? Я дам вам взай-

мы, чтобы вы хвалились этим в своей пропаганде? Боже, какое бесстыдство! Вы объявите, что даже заключенные добровольно дали взаймы, а подписаться заставите угрозами.

— Почему угрозами?! — запротестовал начальник.

— А разве нет? Разве вы не угрожаете, говоря мне «вы раскаетесь»? — вскричал я. — Стыдитесь!

Смутившись, он не нашел, что ответить, и отпустил меня; "воспитатель" и "воспитуемый" как бы поменялись ролями.

Пятидесятница

Согласно общим распоряжениям, мы имели право на четыре выходных дня в месяц, однако на деле нас, бывало, заставляли вкалывать две-три недели, а то и больше без отдыха. Отдых приходился на будни чаще, чем на воскресенье, Рождество, Богоявление; даже государственный праздник в будний день не считался выходным, нередко праздник старались осквернить сверхурочными работами.

Была Пятидесятница 1947 года. Хоть и приходилась она, естественно, на воскресенье, день объявили рабочим. «Если вам сегодня так необходимо работать, работайте», — подумал я и не пошел на выход. Это был мой первый формальный отказ выйти на работу; он сошел мне с рук, потому что после проверки меня отвели к врачу, и он дал мне на тот день освобождение; от работы отказались еще трое или четверо. Во второй половине дня в котельной собралась группка католиков на проповедь о Пятидесятнице; начальник котельной был неофитом; я окрестил его несколько месяцев назад (о нем я еще расскажу).

Глава XVII. Горячев

Раздаточная

Больше чем за год до того, в октябре 1946 года, я только что выписался из лазарета, как ко мне подошел хлеборез. Он предложил мне быть дневальным в хлеборезке, то есть стоять на раздаче хлеба; я должен был следить за чистотой и порядком, отвечать за охрану и отопление. Я тотчас согласился — всегда приятно иметь дело с хлебом, когда голодаешь, как я в ту пору.

Хлеборез был цветущим молодым человеком: среднего роста, скорее крепкого телосложения, лицо розовое, широкое, но с приятными чертами, их не уродовал даже шрам — память о войне, как он говорил; лоб открытый, маленькие хитроватые глазки. Хлеборез появился в лагере недавно и в лагерной жизни считался новичком; странно было, что он так быстро получил теплое местечко (позже увидим, как он сам это объяснял). Сначала он обращался ко мне на *вы*, но вскоре перешел на *ты*.

— Я узнал, что вы священник, потому и предложил вам такую шепетильную работу. Мне нужен надежный человек; я знаю, кто верит в Бога, не обманывает. Я, между прочим, тоже верю, хотя почти совсем не знаю религии. Я верю... как сказать? По природной потребности, инстинктивно, вы извините, я про это не мастер говорить. Я родился и вырос после революции, у меня не было возможности учить Закон Божий. Мама у меня верующая, но воспитали и выучили нас в школе, а там религию только и делали, что ругали, словом, не удивляйтесь нашему невежеству.

— Не удивляюсь, — успокоил я его. — Я ничему не удивляюсь, сам знаю, какова советская молодежь. Более того, я рад молодым, которых нужно наставлять: так я могу заниматься апостольской деятельностью даже в лагере; мне это огромное утешение. Главное, чтобы молодой человек был готов слушать, чтобы он любил и искал истину.

— Ну, уж тут-то не сомневайтесь! Уж я-то и слушать готов, и истину люблю.

— Да-да, я слышал...

— Как слышали? Что? От кого?

— От человека, который некоторое время работал под вашим началом, когда вы были бригадиром.

— И что же он вам сказал?

— Что вами все были довольны, вы старались не только собрать картошку, но сварить ее рабочим и раздать по справедливости.

— Ну, да! А как же иначе? Весь день копай ее и таскай мешки и корзины, а потом и не поешь? Это же нехорошо!

— Да, нехорошо. Вот и в Писании сказано: не закрывай рта волю молотящему...

— Так именно и сказано?

— Да, именно так. И апостол Павел объясняет это.

— Вот это по мне! Расскажите мне потом о Библии?

— Конечно, если мы будем вместе.

— А не боитесь учить религии в лагере? Ведь здесь это запрещено!

— Боялся бы, не поехал бы проповедовать Евангелие в Советский Союз.

— Все равно будьте осторожнее. Знаете, почему? Потому что можно нарваться. А, кстати, что еще тут говорят обо мне? Завидуют, что я сразу стал хлеботоргом?

— Да нет, вряд ли, разве что удивляются.

— А что удивляться? Я тут, конечно, новичок. Но понятно, почему меня назначили на эту должность: у меня несерьезный приговор, всего пять лет. Кроме того, я бывший фронтовик, офицер Красной армии. У меня ранение в лицо, видите шрам?

— Так вы бывший офицер?

— Да, лейтенант.

— И за что осуждены?

— За ерунду, — сказал хлеботорг.

Помнится, он объяснил, что угрожал огнестрельным оружием в состоянии алкогольного опьянения своему начальнику.

Он произвел на меня хорошее впечатление, его звали Владимир Горячев.

Пару дней в хлебоборезке я, как и было договорено, следил за порядком. Затем Володя предложил мне помогать резать хлеб, хотя имел другого помощника, Александра Сураева, крепкого сержанта, побывавшего в плену у немцев; Саша не мог помогать постоянно, так как ходил на работы в лес. Таким образом, каждую ночь, примерно с девяти вечера до трех утра, я оставался один, резал и тщательно взвешивал каждую полбуханку для утренней раздачи. Затем я отправлялся в барак спать, а к девяти утра возвращался на работу и наводил порядок: собирал хлебные корки, куски, крошки, которые ел сам или отдавал кому-нибудь из друзей.

После второй раздачи хлеба, когда обедали те, кто находился в лагере, я снова наводил чистоту. От половины пятого вечера до пяти раздавалась вторая порция хлеба бригадам, которые возвращались с полей, из леса или с железной дороги, — для них это был обед. Затем Володя отправлялся на телеге с лошастью в пекарню за зону, получать хлеб на завтра, а я тем временем убирал помещение и разжигал печь. После разгрузки хлеба и подобия ужина я оставался побеседовать, помолиться или шел отдохнуть перед ночной сменой.

В этой работе были свои плюсы, но жизнь в то же время была беспорядочной, с кратким отдыхом, чаще днем и в шумном бараке.

Одна история

Тем не менее хватало и зависти, и всяких козней. Например, однажды вечером, когда Володя отправился в пекарню, я, усталый, прилег на его тюфяк в каморке, смежной с раздаточной. Раздаточная была заперта, и я заснул. Внезапно я проснулся и увидел перед собой типа с огромным ножом, которым мы резали хлеб. Он показал мне нож, сказал: «Только пикни у меня!» — вышел и запер дверь снаружи. В раздаточной что-то зашуршало, потом восстановилась полная тишина.

Возвратившись, Володя начал стучать и звать, но помочь я был бессилен. Внешнюю дверь я мог бы открыть изнутри, но сам я был заперт в камере. Пришлось закричать. Тогда Володя решил пролезть через окошко в раздаточной — оно было открыто. Вор влез и вылез через него, передав хлеб сообщнику.

Проверив раздаточную, Володя обнаружил, что не хватает двух буханок хлеба, около пяти кило.

После этого меня вызвали к оперуполномоченному:

— Вы опознаете вора, если увидите?

— Думаю, да.

Мне показали двух-трех, и я опознал того самого типа.

— Вот он. Это был он.

Вора отвели в штрафной изолятор. Может, лучше было сделать вид, что я никого не узнал. С другой стороны, необходимо было снять с себя подозрение в соучастии. Горячев потом сказал, что с теми типами лучше не знаясь. Ну, опознал так опознал. Отделался я легко. Выйдя из штрафного изолятора, вор дал мне в столовой по физиономии и сбил с лица очки.

Я полагал, что тем и кончится. Но вдруг меня вызвали к следователю. Новая история с раздаточной. Следователь протянул мне протокол, где стояли имя и фамилия вора. Я запротестовал, говоря, что вора знаю, а имя и фамилию нет.

— Ладно, — ответил он. — А можете подтвердить, что вор угрожал вам ножом?

— Это да.

— Ну, и достаточно, — заключил следователь.

Прошло несколько недель. Меня вызвали в суд в качестве свидетеля. К своему удивлению, на скамье подсудимых я увидел другого типа, совершенно не похожего на вора. Я подтвердил свои прежние показания, но сказал, что это другой человек. Мое заявление ничего не дало. Обвиняемому увеличили срок: лет, кажется, на пять.

Это, скорее всего, устроили сами блатные. Видно, сыграли в чет-нечет или в карты на козла отпущения, если запахнет жареным. Таков обычай советских воров. Нечем расплатиться — взломай дверь магазина или убей, на кого укажут.

Порой в лагерях и тюрьмах блатные играли на свое скорое освобождение. Терять было нечего. Например, блатной говорил товарищу по игре, которому предстояло отсидеть еще лет пятнадцать: «Проиграю — выйдешь вместо меня». Сказано — сделано. Если он проигрывал, то, будучи Иваном Петровичем Маленковым, отныне становился Петром Ивановичем Хрущевым, и вместе с именем менял все анкетные данные: дату рождения, факты биографии, совершенное преступление, статью, по которой осужден, и, самое интересное, дату окончания срока.

Главное, обмануть начальство и избежать проверки отпечатков пальцев. Но, в общем, тюремным властям важна не суть, а форма. Их интересовало только количество заключенных. Я даже слышал, что покойника, который должен был выйти на свободу, лагерным врачам удавалось похоронить под фамилией другого зека с тем, чтобы похоронить заодно и память о нем, его преступления и огромный срок.

Загадки

Работа в раздаточной была хороша тем, что я часто оставался один и занимался делами благочестия. Я хотел было заняться и апостольской деятельностью, но хлеборез запретил принимать людей в его отсутствие.

То и дело я пытался обратить в веру самого хлебореза и его помощника. И тот, и другой казались достаточно открытыми. Сашу Сураева, парня средних умственных способностей, не особенно увлекали ни мои наставления в религиозных истинах, ни призывы быть честным. Все же он казался человеком спокойным и добросердечным, к тому же умел вкалывать. Саша некоторое время слушал, а потом уходил. Иногда иронично улыбался, что я приписывал его простоте.

Горячева понять было труднее. Он осуждал блатных, но общался с ними. «Лучше не раздражать их», — говорил он себе в оправдание; ругал их, но тайком давал им хлеб. У него, как и у них, вся грудь была в татуировке: орел держит в когтях обнаженную женщину. Выражался Горячев высокопарно, как на

сцене, но мне казалось, что это от избытка чувств. Он не матерился, выказывал уважение к вере других людей, восхищался добродетелью и возмущался несправедливостью, творимой советской властью.

Однако сам хлеборез был не всегда честен. Например, старался украсть несколько граммов хлеба при раздаче. Пускался на хитрости, о которых честный человек и помыслить не мог: например, ставил гири ближе к точке опоры весов, чтобы, как говорил, наварить. Казалось, он ненавидит опера и стукачей, но при встрече беседовал с ними весьма дружески, а те отвечали с уважением. И беседы, и уважение я приписывал его офицерскому званию.

Я пытался оправдать его изъяны, надеясь, что со временем вера его преобразит; казалось, в душе он добр и честен. Иногда, конечно, он возбуждал во мне недоверие. Например, он сказал: «У вас Христос Спаситель, а у нас Сталин». Я, возмущившись, заявил по-русски, что плюю на его "спасителя", и даже отошел. Тут он от всего сердца рассмеялся, и я решил, что он просто меня поддразнивает, до конца не понимая недопустимости своих слов.

Итак, Горячев был отчасти загадкой, но я считал, что каковы бы ни были его мысли, мне нечего бояться. Говоря с ним о вере и осуждая коммунизм, я пытался спасти его душу и не скрывал это. Однажды, когда он удивился бесстрашию моих слов, я сказал: «А чего мне страшиться? Я и следователям говорил также, отстаивая истину и клеймя коммунизм. Не хватало мне бояться теперь, когда терять уже нечего. Десять лет мне сидеть, а то и всю жизнь, потому что, пока существует большевизм, я наверняка не увижу свободы. Так чего мне бояться открыто говорить? Одно из двух: вы или против них, или вы за. Если вы против, то, надеюсь, мои слова пойдут вам на пользу; а если — за, самое большее, вы передадите им то, что они уже и так прекрасно знают: я — непримиримый враг безбожного коммунизма».

Крещение

Рядом с раздаточной была кипяtilьня, то есть комната, где кипяtilась вода. Кипяtilть воду было поручено одному калмыку из Астрахани, пожилому человеку с монгольским лицом. Так вот, однажды хлеборез Горячев сказал мне, что этот его друг хотел поговорить со мной о крещении, хотя сам из буддистской семьи. «Возражений не имею, — ответил я. — Прямо не верится, что такое возможно. Но сначала ему нужно понять основы христианской веры».

Я принялся за дело, однако оказалось оно не из легких. Подготовка к крещению еще не закончилась, когда Горячев и сам калмык стали требовать, чтобы крещение состоялось немедленно: кипяtilьню, дескать, вот-вот переведут в другое место. Я согласился, взяв с калмыка обещание: продолжать, по возможности, изучать основы христианства. В присутствии хлебореза и его помощника я крестил калмыка. Крестным отцом стал один очень хороший молодой католик, по профессии учитель, родом из Восточной Польши.

Принципы советской морали

Однажды я убеждал Володю, что отбирать хлеб у голодающих недостойно.

— А как же тогда жить? — возразил он. — Ведь у нас все воруют. В Советском Союзе иначе нельзя. Попробуй-ка поживи честно.

— Ладно, я это слышал много раз. Кстати, я и сам, живя в СССР, убедился, что вам трудно жить, не воруя. Пожалуй, красть у государства-кровососа не так уж и грешно, а вот у его граждан, особенно, доведенных до нищеты — преступно.

— Тогда и ты преступник: раз ешь больше хлеба, чем другие зеки, значит, крадешь у них.

— Как краду?! Вы же мне говорили, что получаете в пекарне больше хлеба с учетом потерь на раздаче. Потому я и брал у вас остатки!

— Как же, остатки! Думаешь, мы лопаем сверх пайки жалкую пекарскую добавку? Да она уходит в припек и крошки.

— Если это так, позвольте мне уйти из раздаточной; больше не хочу здесь работать. Предпочитаю голодать со всеми, чем украсть у них хоть крошку хлеба.

Увидев, что я говорю серьезно (поскольку я расстроился почти до слез), Володя пошел на попятную.

— Надо же, какие вы, западные люди, простаки. Верите всему, что вам говорят. Да нет же, я и правда получаю хлеба больше, на работников раздаточной тоже. Не сомневайтесь.

По поводу западной простоты Саша однажды сказал Володе:

— Нам обмануть западного человека — раз плюнуть. На Западе люди привыкли верить на слово, их легче водить за нос. Я видел это, когда сидел в тюрьме.

— А у нас, — добавил Володя, обращаясь ко мне, — слово существует для того, чтобы скрывать мысль. Потому и доверяют только самим себе.

— Вот, — заключил я, — чем все кончается без Бога! Что это за общество, в котором слово всего лишь орудие обмана? Это не общество, а зверинец: человек человеку волк! Так жили язычники или кто похуже. Надо вернуться к Богу и жить честно.

— Честно не получится! — закричали они. — У нас честному человеку смерть от голода или от пули! У нас по пословице: «С волками жить, по-волчьи выть».

— Нет, лично я лучше умру христианином, чем стану жить по-волчьи. А ваше общество надо лечить, не то оно прогниет. Вы молодые, вам и начинать. И не страшно, если придется пожертвовать собой! Божие вознаграждение вечно.

Заговор

К середине февраля 1947 года в раздаточную начал заглядывать один молодой поляк по фамилии Вуек-Коханский⁸⁰, капитан Армии Крайовой. Горячев очень хотел познакомить нас.

⁸⁰ Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

По его словам, это был интересный тип: католик, да и человек боевой. Поляк прибыл несколько дней назад с девятнадцатого отдельного лагпункта, то есть из зоны строгого режима, куда был отправлен за попытку побега. Мы познакомились. Действительно, он был таким, как говорил Володя. С тех пор мы виделись почти каждый день, но нам никогда не удавалось поговорить наедине: наоборот, хлеборез, назначая ему встречу в раздаточной, предпочитал, чтобы я оставлял их одних. По всему, они обсуждали нечто секретное.

В конце февраля меня направили в бригаду, которая работала за пределами лагеря, и пришлось мне уйти из раздаточной. Уход в лес в самый разгар зимы был тяжек. Выше я говорил о тяготах работ и зимой, и в оттепель, когда ты возвращаешься из железнодорожных канав с совершенно промокшими ногами, как минимум. По приглашению хлебореза я после работы заходил в раздаточную; Володя явно жалел меня, видя мою усталость. С другой стороны, он и сам, казалось, перегружен работой, так как я ему больше не помогал; втихую он злился на начальство. Он предлагал мне кусок хлеба, и это было великим искушением после холода и тяжелого труда. Но я не мог есть хлеб бесплатно, я хотел отработать его и пару часов вечером помогал хлеборезу, как прежде.

Пережитые испытания упрочили нашу дружбу; Горячев решил, что пора посвятить меня в его давние секреты с поляком. На тех самых переговорах бывал и Саша Сураев, он оказался уже в курсе всего. Хлеборез обратился ко мне с речью.

— Отец Пьетро, мы знакомы с тобой достаточно и знаем, о чем другой думает и мечтает. Настало время подвести итоги и скрепить нашу дружбу. Поэтому я хотел бы посвятить тебя в один наш план. Это план нашего освобождения; только обещай хранить все в тайне.

— Обещаю, — ответил я. — Во мне можете не сомневаться; и я готов выйти с вами из заключения, если у вас есть конкретный способ.

— Конкретного плана пока нет, но нужно найти. Найти не только для нас четверых или даже для группки, но и для всех

этих рабов, — Горячев широко развел рукой. — А когда мы освободим миллионы заключенных, то составим из них мощную армию. И она поможет завоевать свободу для всего народа, который только называется свободным, а на самом деле стонет под гнетом Сталина и коммунизма.

— Цель прекрасна, — отозвался я. — Но как ее достичь?

— Конкретного способа, говорю, пока нет. Но это не значит, что и плана нет. План есть, а теперь мы должны обсудить, как осуществлять его поэтапно. Первый этап представляется следующим образом: сперва привлечь надежных людей, готовых действовать в нужный момент, например, в случае, если Советский Союз вступит в конфликт с Западом.

— Хорошо, но что я могу сделать? Я никогда не носил и не намерен носить никакого оружия, кроме распятия.

— Все равно ты можешь многое. Ты с помощью религии можешь проникать в души людей, можешь выznать мысли; и, значит, можешь указать нам тех, к кому можно обратиться. А когда они войдут в нашу организацию, будешь внушать им готовность пожертвовать собой.

— Ну, это я, пожалуй, смогу. Правда, я не привык смешивать религию с политикой, но ради благого дела я постараюсь. Но только моей главной задачей все же останется религиозное воспитание.

— Религиозное, религиозное, — подхватил Горячев и продолжил. — Теперь насчет связи. Мне кажется, заговорщик должен знать только свою группу: трех-четыре человек. Но каждый будет помнить, что он — член огромной организации, имеющей центр. Этот центр управляет всем; и этого достаточно. Но с центром необходимо быть связанным каждому, потому пусть каждый даст клятву верности письменно и непременно подпишется.

— Предлагаю подписываться кровью! — добавил капитан Вуек.

— Правильно! — одобрил Горячев.

Я же не одобрил не столько подпись кровью — это было не столь важно, — сколько саму подпись.

— Это лучший способ сдать всю организацию в руки НКВД. Достаточно одного обыска, чтобы обнаружить фамилии всех заговорщиков, — заметил я.

Хлеборез настаивал на своем; его решительно поддерживал поляк и не очень — Сураев; я же добавил:

— Не только не нужна подписанная клятва, но даже список сторонников хранить не следует.

Возражения мои были втуне. Пришлось мне на другой день во время работы на железной дороге высказать поляку сомнения в искренности Горячева.

— Уж не поддавливает ли он нас? — сказал я.

Поляк только отмахнулся.

— Нет, — успокоил он. — Мы с ним обсуждаем это уже давно. Он искренний человек.

Между прочим, я знал Горячева уже давно, но он до сих пор оставался загадкой; а после вчерашнего вечера у меня и вовсе явились подозрения. Вчера я дал это полу-согласие ввиду внезапности дела и, главное, из-за присутствия польского капитана. И вот сейчас, когда он и я, разгребая снег, обсуждали поведение хлебореза, неожиданно появился сам Горячев. Он сердечно поздоровался с нами и дал нам кусок хлеба, чтобы мы поделили его по-братски. Он сказал, что идет на двенадцатый отдельный лагпункт, не помню уж, по какому делу.

Все знали, что хлеборезу разрешено выходить из лагеря без сопровождения, но сейчас, увидев его совершенно свободным, в отличие от нас, постоянно бывших под прицелом, я вдруг осознал, насколько ему доверяли лагерные начальники. И когда он сказал, что идет в тот лагпункт, где находится начальство всего Темлага, мои подозрения переросли в уверенность. Поляк же продолжал упорно разубеждать меня.

Вечером мы оба вернулись в раздаточную, заговорили о возможных кандидатах. Предлагались разные зеки, каждого обсуждали по очереди; одного-двух одобрил и я. А потом умолк, пораженный поведением Горячева: уже история с клятвой казалась сомнительной; теперь меня поразили две вещи. Во-первых, Горячев заявил, что надеется привлечь к делу самого

коменданта нашего отдельного лагпункта; позднее выяснилось, что так Горячев прощупывал и начальника; но в тот момент я считал, что Горячев просто смеется над нами. Во-вторых, подозрительно настойчиво Горячев требовал от меня информацию о литовском враче, которого я в то время уважал. Уверившись, что это ловушка, я молчал о враче и вообще решил держаться подальше от всей этой аферы.

На другой день я сообщил о своем решении Вуеку и призывал и его сделать то же самое; он отказался. В тот же вечер я распрощался с хлеборезом, сказав, что не хочу ничего знать о заговоре, который связан с кровопролитием, как выяснилось при последнем обсуждении плана. С тех пор я как мог мешал горячевским козням; постоянно говорил людям, что это скорее всего ловушка; и прежде всего предупредил всех, кого уже скомпрометировал, когда на первом обсуждении предложил их как надежных. Впоследствии отрадно было думать, что никто из них не пострадал из-за меня, а другие, вняв мне, спаслись.

А вот те, кто не послушал совета, попались: попался и польский майор, и молодой латышский католик. Более того, латыш попортил мне кровь изрядно; он сообщил хлеборезу, что я советовал не связываться в заговор. И вот однажды вечером Горячев позвал меня и в присутствии Сураева и Вуека демонстративно отругал. Он кричал, что я выдал тайну, что оклеветал их, что продолжать теперь крайне опасно, потому что могут донести. Обвинения я отрицал; тогда он устроил мне очную ставку с латышом, и тот подтвердил обвинения. Пришлось мне оправдываться перед ними, как перед судом; изо всех сил я убеждал их, что говорил о деле только надежным людям и строго секретно.

— Значит, — закончил я, — опасности доноса нет. Прав я в своих подозрениях или не прав, не вам меня упрекать и запугивать! Если я прав, то вам, Володя, надо бы устыдиться своего предательства и исчезнуть из лагеря. А вы, — сказал я Саше и Вуеку, — должны благодарить меня. Если же не прав, все равно у нас с вами один враг, коммунизм. Ну, а прав я или нет, время покажет.

— Во всяком случае, — ответил Горячев, — если не доверяешь, отойди и не мешай. Держи недоверие при себе, нечего народ будоражить. Не знаешь, что ли, что в лагере такое добром не кончается? Короче, не болтай.

— Хорошо, буду молчать. Все равно, рано или поздно, все выяснится.

С тех пор я воздерживался от разговоров с непосвященными; слава Богу, близкие друзья предупреждены. И наконец я настолько отдалился от раздаточной, что совершенно не знал, есть ли еще заговор вообще; однако, оказалось, я разбил яйца в горячевской корзине. Прошло несколько недель, и Горячева перевели на строгий режим, на девятнадцатый отдельный лагпункт, но не в виде наказания, а с целью спасения репутации. Должность хлебореза унаследовал Александр Сураев, помощником у него стал польский капитан. Сураев, как увидим, должен был продолжать дело Горячева, а поляк — заманивать жертвы: обоим, однако, не слишком повезло.

Глава XVIII. На полную катушку

Между маем и июнем 1947 года распространилась и дошла даже до лагеря новость, что в Италии незабвенный Альчиде де Гаспери, а за ним и другие вознесли к небу горячие молитвы об итальянцах, находящихся в рабстве на советской земле. С той минуты и я присоединился к этому крестовому походу за освобождение соотечественников из лап большевизма: я обращался к Богу, к Пресвятой Деве Марии, но особенно к св. Михаилу Архангелу, моля его препроводить на родину всех моих земляков, которые терпят испытания, подобные моим.

За свое освобождение я не молился, но такова наша инстинктивная любовь к свободе, что, когда 15 июня или чуть позже мне велели собираться в дорогу, в душе вспыхнула надежда, что близок мой день, о чем я сообщал друзьям и знакомым, обходя на прощание бараки. Они тоже желали мне отъезда на родину.

Само начальство дало мне повод надеяться: никогда или почти никогда заключенному не сообщают, куда его отправляют, а мне было ясно сказано и даже подчеркнуто, что я покину пределы Темлага. Скоро выяснилось, что это была советская хитрость, чтобы отвлечь мое внимание от настоящего места назначения. Не поездка на родину меня ожидала, а отсидка *на полную катушку*.

На 21-м лагпункте

Вместе со мной из тринадцатого отдельного лагпункта переводили и моего новообращенного калмыка. Мы прибыли ночью в Потьму на двадцать первый лагпункт, который одновременно был и производственным, и пересыльным. К моему удивлению, через несколько дней после прибытия я был направлен в бригаду по изготовлению сетей. Я воспротивился, заявил, что не обязан работать, поскольку здесь я временно; мне ответили, что ничего об этом не знают. Я смирился: работать пришлось

около двенадцати часов в день, выполняя норму, которую здесь не снижали, то есть делать по шесть тысяч ячеек, чтобы получать шестьсот пятьдесят грамм хлеба. Так проходили дни и недели, и о моем переводе больше не говорилось.

Монотонность жизни нарушил случай. Однажды вечером, когда я молился, прогуливаясь по небольшому участку, отделявшему наш барак от запретной зоны, ко мне подошел охранник и велел следовать за ним. Чуть раньше я услышал гонг с ближайшей вышки; звучал он странно, но мне и в голову не пришло, что объектом тревоги являюсь я. Охранник привел меня к оперполномоченному.

Лагерный опер назначается органами; у него самая большая власть, даже больше, чем у начальника лагеря. Словом, опер командует парадом; я оказался перед столь властной персоной впервые, но о степени его власти узнал после беседы с ним. Выяснив у меня анкетные данные и профессию, он продолжил допрос:

— Что вы делали около запретной зоны?

— Гулял и молился.

— Разве вы не знаете, что заключенным запрещено приближаться к колючей проволоке?

— А я и не приближался, я гулял в трех метрах от предзонника. Этого не достаточно?

— Но зачем гулять именно там? Гуляйте в других местах.

Я объяснил, что ишу уединения, чтобы молиться.

— Молиться? Это еще зачем? Ведь Бога нет.

— Для вас нет, для других есть.

— Есть для невежд. А все образованные люди — неверующие.

— Довольно смело считать всех образованных людей неверующими, а всех верующих невеждами. Этак у вас в невеждах окажутся и Данте, и Ньютон, и Пастер, и ваш Павлов, и Маркони, и знаменитый врач Филатов, и многие другие гении!

— Они были заражены капиталистическими предрассудками. Посмотрите лучше на истинных гениев: Карла Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина! Разве они верят в Бога?

— Да кто они такие? Они не авторитет ученым; разве что увлекут за собой совсем неграмотных. Впрочем, ваши религиозные гонения подтверждают, что коммунизм псевдонаучен; если бы вы уважали науку, то боролись бы с религией не насилием, а разумом.

— Советская конституция, — сказал опер, — гарантирует свободу совести. Церкви и у нас открыты.

— Открыты! Сколько? А если и открыты, священники, как видите, под замком.

— Но вы-то сами виноваты, что находитесь в заключении. Вы не подчинились законной власти. В Библии написано, что всякая власть от Бога, значит, если Он существует, вы виновны и перед Ним.

— Обо мне не беспокойтесь. Бог с лихвой вознаградит меня за неподчинение власти, нарушившей Его заповеди.

И я пояснил оперу, что от Бога — законная власть, а узурпаторская — по попущению Божьему. Опер осведомился, что такое «узурпаторская»; я объяснил, что это значит применительно к советской власти. Он сказал с раздражением:

— Советская власть существует по воле народа. Потому она единственная власть, которой подчиняются, если хотят жить. А вы говорите Бог! Да если бы Он был, то не допустил бы того, что вы здесь.

— Почему не допустил бы? Да пострадать за Него — великая честь! И я, если претерплю до конца, конечно, буду вознагражден.

— Ничего не будете. Бога нет.

— Бог был, есть и будет. А вот советская власть...

— Советская власть, — перебил он меня, — была, есть и...

— И не будет, — заключил я, перебив его в свой черед.

Конвойный, слышавший последние реплики, поразился моей смелости и спросил опера, не отвести ли меня в штрафной изолятор. Но опер оказался великодушным, он лишь велел мне не гулять у запретной зоны.

На съедение диким зверям

На двадцать первом лагпункте условия жизни оказались чуть лучше. Здесь у нас был электрический свет, колонка общего пользования с питьевой водой — на лужайке между двумя бараками, а в столовой миски были не жестяные, а глиняные, пусть грубые и некрашенные. Однако было и адское мучение, с которым я не сталкивался в других местах, — блохи. Их множество поражало! Днем их еще кое-как можно было терпеть, но ночью... Многие зеки выходили по два-три раза за ночь, чтобы вытрясти лохмотья. Было лето, и если бы нам позволили спать на лужайке, мы бы мучились меньше. Увы, выходить разрешалось только на opravку...

Новый перевод около 20 июля избавил меня от укусов этих хищников, но бросил на съедение худшим насекомым, от которых было невозможно избавиться. Меня перевели в следственный изолятор, то есть в маленькую центральную тюрьму Темлага, где содержались те, кто проходил по новому следствию. В маленькой камере с другими четырьмя-пятью заключенными я тотчас завшивел. С неделю я терпел эту новую пытку; испытывал я ее и раньше, но недолго. Ее характерная особенность — настойчивость вшей: однажды напав на человека, они не оставляют его ни днем, ни ночью, вызывая зуд и жжение и лишая покоя.

К счастью, у нас было много свободного времени на их уничтожение. После обеда, пока было светло, каждый принимался за дело; но вши одолели бы нас, не помоги нам баня и дезинфекционная камера. Мы просили их и получили.

Тайны раскрываются

Однако на новом месте я еще раз убедился, что клопы, блохи и вши — невинные существа по сравнению с советскими органами. Провокаторы, организаторы заговора и их приспешники, работавшие в раздаточной — вот кто действительно были кровопийцы!

Кое-что я узнал от сокамерников, которые уже месяц находились под следствием по одному и тому же делу; кое-что услышал на допросах, затем из собственного следствия. Постепенно выяснились все хитросплетения дела. Уже после моего отбытия с тринадцатого лагпункта нескольких заговорщиков отправили в карцер на девятнадцатый лагпункт, потом всех заключили в следственный изолятор.

Мое следствие началось⁸¹, когда другие почти закончили признания и дачу показаний. Следователь, лейтенант НКВД, после обычных предисловий продолжил более или менее таким образом:

— Вы знаете заключенного Вуека-Коханского?

— Да, — ответил я.

— Хорошо. Какие у вас были с ним отношения на тринадцатом лагпункте?

— Какие отношения можно иметь с другим заключенным? Беседовали о том о сем. Какое-то время были в одной бригаде. В общем, отношения были дружескими.

— Вы знали об антисоветской деятельности Коханского среди заключенных?

— Да какая такая антисоветская деятельность после каждодневного изнурительного труда? Самое большее, что мы делали, — обменивались парой слов против жестокости власти.

— Если бы речь шла только о словах! Вуек-Коханский перешел от слов к делу; расскажите, чем занимался Коханский на тринадцатом лагпункте.

— Откуда я знаю — чем! Уже больше месяца меня нет на тринадцатом отдельном лагпункте. Возможно, это было уже после меня.

— Нет, не после! Это было еще зимой! И вы обо всем прекрасно знаете! Вуек дал показания: он создал подпольную орга-

⁸¹ 15 июня 1947 — Пьетро Леони был привлечен к следствию по новому делу. В «Справке о привлечении к следствию» значилось, что он обвиняется в создании *«контрреволюционной организации под названием "Воля"»*, которая занималась *«подготовкой вооруженного восстания на всех лагпунктах Темлага»*.

низацию для ликвидации начальства на тринадцатом лагпункте и совершения коллективного побега. И вы это знали.

— Самое большее, что я знал, — Вуек-Коханский намеревался организовать что-то подобное. А больше я ничего не знал и знать не хотел.

— Не хотели уже потом, когда заподозрили ловушку. А сперва хотели, сперва согласились помогать.

— Да, согласился. Я сказал, что буду помогать, если они найдут хороший способ выйти из лагеря. Но они затеяли кровопролитие; тут-то я и понял, что мне с ними не по пути.

— Поняли или нет, но почему вы, узнав о заговоре, не выдали виновных?

— Потому что это не мое дело. Да и в чем их вина? Они защищались от несправедливости советской власти.

Видя, что следователь не упоминал Горячева, я тоже молчал о нем, боясь скомпрометировать первого организатора заговора. Однако вскоре я узнал, что он не проходил по этому делу: объявили, что он незадолго до разоблачения заговора сбежал с девятнадцатого лагпункта. Разоблачение разыграл по сценарию Александр Сураев, его помощник, затем хлеборез.

Основным руководителем и организатором заговора был объявлен польский капитан Вуек-Коханский; он сидел, как сказали мне товарищи по камере, в одиночной камере в том же следственном изоляторе. Я узнал, что по тому же делу посадили в разные камеры других жертв заговора, устроенного Горячевым, Сураевым и Вуеком; посаженных было тринадцать человек. Однако троих из них не включили в наше дело; им пришили подготовку побега на продовольственно-вещевом складе одновременно с заговором; так что членов организации Горячева-Вуека было девять, не считая меня.

Заговорщики подписали клятву кровью и разработали фантастический план:

1) Вырыть подземный ход от раздаточной до места в нескольких метрах за запретной зоной;

2) Выйти в ночное время и внезапно напасть на казарму охранников за чертой лагеря, завладев их оружием;

- 3) Устранить стрелков на вышках и бойцов на вахте;
- 4) Освободить и вооружить других заключенных тринадцатого лагпункта, освободить весь Темлаг и в дальнейшем поднимать на восстание миллионы заключенных по всему Советскому Союзу.

Итак, заговорщики начали рыть ход из раздаточной под запретную зону и на продовольственно-вещевом складе. Благодаря донесениям Сураева лагерное начальство следило за рытьем неотступно. Когда заговорщики вырыли туннель длиной метра в полтора, начались аресты.

Следствие

Итак, я был втянут в заговор, не зная о том, какой он принял оборот: более того, следствие считало меня вторым лицом⁸² после Вуека-Коханского; моя задача, согласно обвинению, заключалась в укреплении духа заговорщиков. Вначале обвинение затрагивало четыре пункта 58-й статьи Уголовного кодекса: 58-2 — попытка вооруженного восстания; 58-10 б — антисоветская пропаганда; 58-11 — принадлежность к контрреволюционной организации; 58-12 — недонесение о заговоре; когда я доказал, что не знал о нем, последний пункт отпал.

Следователь больше всего настаивал на десятом пункте: якобы я занимался антисоветской пропагандой среди других заключенных и стал рецидивистом, повторив в лагере преступления, совершенные на свободе. Моя антисоветская пропаганда заключалась в критике коммунизма, в моральной поддержке жертв советского режима и особенно в религиозной пропаганде и апостольской деятельности в лагере. В целом у меня не было причин отвергать подобные обвинения: они делали честь моей священнической миссии. Однако, когда от меня потребовалось отчитаться о своем миссионерстве и отношениях с заключенными, я дал отпор. Следователь велел мне сказать как на духу, кого

⁸² Сначала, согласно версии следствия, именно Пьетро Леони вместе с Вуеком-Коханским «составили программу, декларацию, план действий, форму подписки и присяги для членов, вступающих в организацию».

и сколько товарищей по несчастью я крестил и исповедовал. Я ответил, что говорю как на духу только с Богом и Церковью; тогда следователь назвал заключенного, крещенного мною, и спросил, знаком ли я с ним.

— Знаком, — сказал я.

— Понятно, знакомы. Зимой вы в раздаточной его крестили.

— Я крестил! Я совершил обряд крещения, но сейчас вижу, что крещение недействительно. Ведь он, как видно, мошенник, вы его подослали обмануть меня. Во всяком случае, что плохого в том, что я крестил одного человека? Вы же твердите, что советский закон гарантирует свободу совести!

— Подобная деятельность в лагере запрещена, это антисоветская пропаганда. Что вы сказали на том крещении?

— Ничего особенного. Присутствовало всего трое-четверо; проповеди я не говорил.

— А что говорили?

— Что нужно благодарить Бога за полученное очищение.

— Еще?

— Исполнять заповеди Божьи.

— Еще?

— Католику исполнять также предписания Церкви.

— Еще?

— Вроде больше ничего, — сказал я, подумав.

— Как ничего?! Ну-ка, вспомните.

— Нечего вспомнить.

— Вы призывали к борьбе с сатаной! — отчеканил следователь.

— Ах, да, — сказал я, улыбаясь, — призывал. Таков обряд, поскольку крещающий спрашивает крещаемого, отрекается ли он от сатаны. Крещаемый сказал *да*. Но почему вас это так обидело? — добавил я ехидно.

— Потому что вы сказали про советскую власть!

— Это вы сказали, — возразил я. — Впрочем, как вам угодно: если советская власть и сатанинская для вас одно и то же, я умолкаю. Но знайте: подобное увещание священник произ-

нес бы на крещении и двести лет назад, и сегодня, когда крестит язычника в Африке, где советской власти нет.

— Кого еще вы крестили в лагере? — спросил следователь.

— Увы, — ответил я твердо, — кроме вашего агента, никого.

Следователь перешел к другой моей лагерной «антисоветской пропаганде». Речь шла о религиозной беседе, проведенной мною в кипятилке в праздник Пятидесятницы. Очевидно, донес тот же мой "новообращенный". Поскольку я вполне признавал себя "виновным" в подобных преступлениях, следователь мог легко пришить мне десятый пункт 58-й статьи Уголовного кодекса. Труднее оказалось доказать, что я — член террористической организации, согласно пунктам два и одиннадцать.

И следователь схитрил. Однажды он пригласил в свой кабинет коллегу, и тот завел со мной дискуссию о марксизме-ленинизме. В разгар спора мой следователь подsunул мне подписать протокол безобидного допроса, состоявшегося до прихода коллеги; я подписал, не вчитываясь. Впервые я доверился советскому следователю и был обманут; обнаружил я это позднее, на суде, когда председатель суда зачитал признание, мной подписанное: оказывается, я дал согласие участвовать в тайной террористической организации против советской власти.

Потом зашла речь и о двух письмах, которые я вручил литовскому доктору для своей одесской прихожанки и для отца Брауна. Поскольку первое было без адреса, следователь спросил, кто адресат и где живет эта самая Ф., чья фамилия в письме. «Это одно и то же лицо, — ответил я. — И живет в вашей стране». А на письме отцу Брауну указан точный адрес: католическая церковь Св. Людовика в Москве.

— Вот вы какие *святые*! — упрекнул меня следователь.

— А что плохого, — удивился я, — в том, что один католический священник, принудительно удерживаемый в заключении, пытается сообщить церковным властям новости о себе и о других арестованных священниках?

Словом, стало ясно, что литовский доктор был агентом НКВД. Позднее это подтвердилось.

Жизнь в камере

Не стану повторяться на тему тесноты и голода, к которым мы привыкли, перейду к рассказу о сокамерниках. Наша компания была неплохой — четверо русских, украинец и я. Мы посвящали долгие часы катехизису, священной и церковной истории, рассказам о Лурде и Фатиме; четверо моих слушателей были горячие энтузиасты.

Прохладным казался один — пожилой колхозник; я объяснял его сдержанность особенностью положения, в котором он находился. Мы-то уже имели опыт: однажды осуждены, дважды были под следствием и теперь говорили и думали свободно. Он же пришел с воли, находился под следствием впервые; обвиняли его в том, что он присвоил накошенную рожь — всего шестьдесят килограммов. Он еще надеялся оправдаться; его действительно оправдали, но это был уникальный случай; думаю, этот колхозник был не враждебен религии, а просто сдержан в силу советской привычки. Бедняга! Он был нищ и вызывал у меня бесконечную жалость! Отец семейства, он изредка получал от родных несколько вареных картофелин, огурцов или морковок, которыми щедро делился с нами.

Особенно жаждали слушать двое: украинец и русский, вор, впрочем, славный парень. Вор знал кое-что о религии, но смутно, искаженно читал 90-й псалом «Живый в помощи Вышняго» о надежности упований на Господа. Парень восхищался псалмом, говорил, что слышал о чудесах, подтверждавших его действие; рассказывал, что на фронте носил в кармане листок с псалмом. «Пули, — говорил он, — не берут того, кто носит при себе такой листок! Один мужик даже привязал его к собаке и выстрелил в нее почти в упор. Пуля в собаку не попала». Бывало, вера выражалась вполне истинно, но очень часто проявлялась в суевериях. Сколько раз, например, я находил у людей письма, передаваемые по цепочке; они были написаны в виде божественных и ангельских откровений и безграмотны; к тому же в них повелевалось переписать их многожды и распространить, в противном случае они сулили страшную кару.

Моим лучшим слушателем был украинец, по профессии парикмахер, по вере православный. Истина открылась ему на севере Италии, где он оказался во время войны. Жаль, не помню названия местности, где он провел несколько месяцев! Речь шла о деревне в окрестностях Вероны; здесь ему помог настоятель католического прихода — устроил работать по профессии. Украинец восхищался благосостоянием нашей страны. «В Италии все едят белый хлеб!» — изумлялся он. Тогда-то он и научился ценить свободу и любить веру.

Он считал огромной удачей встречу со мной и хотел ею воспользоваться, чтобы упорядочить свои отношения с Богом. По ночам, когда другие спали, он изучал католическую религию, учил наизусть формулировки из катехизиса и молитвы. Когда украинец был готов к вступлению в Католическую Церковь, я принял его, к его и своей радости. В тот день жалели мы лишь об одном: что не было у нас Пресвятой Евхаристии.

Так я посмеялся над сатаной. Он еще раз убедился, что не сковать Слово Божье! Напротив, заточив меня за так называемую антисоветскую пропаганду, он освободил меня для нее же.

Суд

Даже процесс, который тем временем достиг решающего момента, послужил славе Бога и Церкви. На суде, хотя и закрытом, я три дня имел возможность открывать истину небольшому собранию, состоявшему из судей, их помощников, свидетелей, обвиняемых и охранников: как помнится, эта пародия на суд началась 26 августа. Все тринадцать обвиняемых отказались от адвокатов, предложенных им за несколько минут до начала процесса: «На что нам ваши агенты, переодетые адвокатами? Будем защищаться сами».

Первым допросили Вуека-Коханского, за ним меня. Суд состоял из председателя, злобного старика, и двух женщин — судей. Председатель, прочитав несколько фраз из протоколов следствия, отругал меня за антисоветскую деятельность и спросил, признаю ли я себя виновным в подрывной работе среди за-

ключенных под «прикрытием религии». Я возразил, что исполнял долг священника и намерен исполнять его до самой смерти.

Дебаты разгорались. Мы переходили от политики к социальным проблемам, от них к религии. Судья ополчился на инквизицию, я доказывал, что она невинна в сравнении с большевизмом. Он говорил о «преступлениях» итальянского духовенства по отношению к Гарибальди и другим борцам за независимость Италии. А я замечал, что Гарибальди и его друзья-масоны, конечно, преследовали Церковь, но не столь жестоко и постоянно, как Ленин и Сталин; с другой стороны, если бы Гарибальди был теперь жив, то боролся бы не с Церковью, а с наглой тиранией, установившейся в России. Судья метал молнии против Папы, «врага демократии и свободы». А я париловал, что Папа, несомненно, против советской демократии и материалистического превращения людей в скотов, они и есть фундамент рабства и регресса, вплоть до низведения человека до состояния обезьяны.

Тут судья принялся воспевать свободу и счастье советского народа. В глубине помещения на стенах висели большие портреты Ленина и Сталина; и я, чтобы остудить судейский пыл, сказал, указав сперва на Сталина, потом на Ленина: «Для народов Советского Союза появится надежда на свободу и счастье только тогда, когда этот будет там же, где ныне тот». В зале слышался тихий смех; судья, рассвирепев, велел мне замолчать. «Наглец! — крикнул он. — Хотите, чтобы я вывел вас из зала? Нашли, где агитировать! Надо же, какая беспардонность! С этого момента вы будете отвечать только на вопросы, которые вам зададут».

Теперь судья принялся поносить религию и священников и в конце призвал всех присутствующих держаться подальше от мракобесия, обмана и тирании Церкви. Без оппонентов судья сразу сделался прав, однако он чувствовал, что не убедителен даже для своих, и вечером дал приказ начальнику охраны в дальнейшем направлять в зал суда одних и тех же конвоиров. Мои слова наделали много шума даже среди охранников, я это заметил в то же утро: в перерыве, когда нас повели на оправ-

ку, один из них с симпатией кивнул товарищу на меня: «Режет правду-матку».

В следующие дни тот же судья ставил меня в пример обвиняемым, чьи ответы были уклончивы или двусмысленны. И под конец несправедливый судья вынужден был даже воздать честь истине, хваля искренность католического священника и иезуита. Судья, очевидно, хитрил: при помощи похвал подъезжал к нам, чтобы выведать наши мысли. Однако услышал он от меня и еще раз разящую истину; я не забыл его речь против Церкви. В тот раз он заткнул мне рот; я ждал подходящего момента, чтобы ответить ему, и дождался, когда обвиняемым, каждому в отдельности, разрешили обратиться к товарищам. На вопрос, что я могу сказать латышскому католику, о котором выше писал, я спросил латыша, помнит ли он мои предостережения в отношении Горячева. Латыш сказал: «Да». Я спросил, понял ли он, что Горячев был провокатором. Латыш повторил: «Да».

— Более того, — продолжил я, — не только провокатором, а чекистом, сотрудником НКВД⁸³. Чекисты пустили слух о его побеге, но я уверен, что им было бы нетрудно его разыскать: конечно же, он не очень далеко ушел от этих стен. Теперь я спрашиваю вас, друг мой: как по-вашему, кто из нас двоих говорил правду, я или Горячев?

— Вы, — ответил латыш.

— И кто действительно хотел вам добра, я или Горячев?

— Вы.

— И кого следовало слушать: меня, католического священника, или Горячева, чекиста?

— Вас.

— Спасибо. И научитесь не доверять чекистам, которые предлагают вам кусок хлеба, чтобы обмануть вас и погубить вашу жизнь и душу. Послушайте священников, которые желают вам добра, даже когда говорят о временном; тем более когда — о вечном.

Еще одну отповедь судьям я припас на момент, когда мне предоставили последнее слово. «Старайтесь, — сказал я им, —

⁸³ Горячев действительно был переодетым офицером НКВД. Кто-то потом видел его среди лагерного начальства в чине майора.

быть мягче к подсудимым, потому что, чем больше вы давите на них, тем больше будет давить на вас Истина. Много несправедливостей натворила советская власть, много невинной крови пролила с начала и до сего дня. Придет день, когда вся эта кровь будет на вас. Бог есть, и однажды будет истинный суд. Будьте поэтому сдержаннее, граждане судьи, дабы вам самим не получить наказание много хуже того, что вы даете нам».

Как и следовало ожидать, моя речь не смягчила приговор. Мы получили по двадцать пять лет исправительных работ⁸⁴, срок, который следовало исчислять с 15 июня 1947 года по 15 июня 1972 года и отбывать в самых отдаленных лагерях Советского Союза. В приговоре говорилось о смертной казни, которая заменялась на двадцать пять лет исправительных работ в силу «указа», вышедшего только что в мае, то есть указа, который отменял смертную казнь. Предыдущий приговор был поглощен новым, два года и два месяца, которые я уже отсидел, не засчитывались.

Двадцать пять лет принудительных работ почти для всех равнялись пожизненному заключению. Можно было пасть духом, но я не считал, что в моей жизни что-то изменилось. Во-первых, я был убежден, что при большевиках мне никогда не выйти на свободу, а во-вторых, верил, что силу имеет приговор, записанный не в советских бумагах, а на небесах. С этими мыслями я пытался морально поддержать других осужденных. Все они надеялись, что рано или поздно тирания падет; и я, слабое орудие в руках Божьих, своим мужеством поддерживал их надежду; все с радостью обсуждали мои слова, сказанные судьям. Некий поляк сказал мне в дороге: «Я всегда теоретически верил в неуязвимость Католической Церкви, сегодня я удостоверился в этом на практике».

Это было вознаграждением мне за все прошлые, настоящие и будущие страдания и укрепляло во мне веру, что на всем в мире явлена слава Господа и Его Церкви.

⁸⁴ 29 августа 1947 года Пьетро Леони был приговорен к 25 годам лагерей.

Глава XIX. В новые места

Приговор, вынесенный нам военным трибуналом, подлежал кассации. Я воспользовался этим правом не потому, что ожидал улучшения, но чтобы показать противоречивость моего приговора.

«Военный трибунал, — писал я, — сняв с меня обвинения по пункту 12 статьи 58 и признав тем самым, что я не знал о существовании заговора, с другой стороны, осудил меня как его участника. Что за логика?»

Кассационный суд не счел нужным дать ответ на мою апелляцию. Более того, мне даже не сообщили, был ли вообще мой протест отправлен в Москву. Тем временем нас стали отправлять на другие лагпункты. Начали с меня; направили в пересыльный лагерь, тот же самый двадцать первый лагпункт в Потье. Я снова встретил здесь друзей, но моего новообращенного уже не было; начальство спрятало его, дабы избавить от "крещения" — это последнее обошлось бы ему дороже первого.

Лично я не думал о мести, а вот другие отомстили бы.

Первая месса

В Потье большую часть времени я провел в изоляторе. Вначале я был один, но на вторую или третью ночь привели еще двух заключенных. Помолившись, я подошел к ним познакомиться и, протянув руку, сказал: «Пьетро Леони, католический священник».

— Католический? — спросили они удивленно и с некоторым подозрением. — Откуда?

— Из Италии.

— А как вы оказались здесь?

— Я был миссионером в Одессе. В 1945 году меня арестовали.

Говорил я по-русски бегло, так что они, не очень поверив мне, спросили, знаю ли я латынь. Легко пройдя сей экзамен, я

услышал от них, что и они католические священники; оба священника принадлежали к Католической Церкви восточного обряда.

Для меня было огромным утешением вновь встретиться с собратьями! Уже более четырнадцати месяцев я не имел подобных встреч; еще больше я обрадовался, узнав, что у отца <Петра> Пересыпкина⁸⁵ при себе было все необходимое для совершения св. мессы: семь-восемь капель вина, несколько кусочков просфоры и текст литургии Иоанна Златоуста. Я стал упрашивать отца <Петра> Пересыпкина дать мне сразу же отслужить литургию, самому или с ним. Духовный мой голод был еще сильнее телесного; и то сказать: я не причащался уже два с половиной года. Впрочем, отец <Петр> Пересыпкин сразу согласился: завтрашний день был для них праздником — 21 сентября по старому стилю праздновалось Рождество Богородицы.

Наступило долгожданное утро. Мы ждали окончания утренней суеты; около десяти часов взаперти в своем узилище мы одни совершили священный обряд. Отец <Петр> Пересыпкин и я служили, другой священник помогал: уж не помню, что именно служило нам алтарем; чашей стала, кажется, деревянная ложка, а дискосом — лист бумаги. Ощущалось напряжение, отчасти потому, что отвыкли, отчасти опасались прихода надзирателей. Да и место, и утварь не слишком соответствовали богослужению — было трудно сохранять молитвенное состояние. За то какова была радость по окончании литургии! Никогда, ни до, ни после, я не испытывал такого утешения, как в тот день! Словно это было мое первое причастие!

За неделю, пока я оставался в Потьме, я переписал литургию св. Иоанна Златоуста, которую, впрочем, у меня отобрали во время обыска. Потом меня и еще нескольких человек отправили в край белых медведей⁸⁶.

⁸⁵ Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

⁸⁶ 8 октября 1948 — Пьетро Леони был отправлен «под усиленным конвоем» в Речной лагерь под Воркутой (Особый лагерь № 6).

Наручники

Переезд был тяжелым, как никогда. Чего стоило приключение с наручниками. Сержант, принявший нас в поезде, был сущий садист: поскольку в отсеке, куда хотели затолкать нас всех, места не оставалось, он стал впихивать людей ногой, как сено в мешок. В ответ я отодвинул его ногу своей шапкой; я это сделал непроизвольно. «Соппротивление конвою!» — крикнул сержант. Отведя меня в пустой отсек, он пошел за наручниками. Это устройство состояло из двух зубчатых колец; они были скреплены, но сжимали запястья каждый в отдельности; сдавливание регулировалось. Этой штуковиной сержант соединил мне руки за спиной и, сдавив их, запер меня в отсеке, сказав: «Учись уважать охрану». Затем принялся ходить туда-сюда по проходу, наблюдая за мной.

Сидя неподвижно, я напевал гимны Божественному Гостю — телу Христову, все еще хранившемуся в потайном карманчике у сердца. Мне виделась ночь, которую Он провел в узилище синедриона; я был счастлив, что уподобился Господу. Сержант остановился, посмотрел на меня сквозь железную решетку.

— Ну, как дела?

— Неплохо, — ответил я. — А как ваша фамилия?

— А тебе-то что? — спросил он, насупившись.

— А то, что когда мы прибудем, я подам рапорт вашему командованию о вашем бесчеловечном обращении с заключенными.

Он открыл решетчатую дверь и грубо схватил меня за руки так, что у меня искры из глаз посыпались, сдавил сильнее наручники, повторяя свое любимое: «Знай наш конвой», — и вышел. Теперь я изнемогал от боли. Петь уже не хотелось, я лишь тихо просил Господа помочь мне простить этого палача. Прошло минут десять, боль немного утихла, и тут вернулся зверь. На сей раз он мучил меня дольше; он выкручивал мне руки, приговаривая: «Что, нравится?» Потом стал с силой трясти меня за руки и все твердил: «С нами шутки плохи». Я шептал короткую молитву и тихо стонал: казалось, вот-вот потеряю сознание.

Наконец он отпустил меня, еще минут пять у меня были судороги. Я мог лишь твердить молитву, за себя, за него и за всех своих врагов: я немного успокоился. Сержант вновь вошел и взял меня за израненные руки. «Что вы делаете?!» — воскликнул я с мольбой и упреком. Однако на сей раз страж вставил ключ в наручники, боль вернулась, но руки наконец стали свободны. Сержант перевел меня в купе, изолированное от других заключенных. Я понял, почему он хотел вырвать у меня крики и вопли; осведомившись, кто я по профессии и национальности, он спросил:

— А почему ты не кричал, когда я тебя мучил?

— А зачем кричать?

— А что ты нашептывал?

— Молился Богу и Божьей Матери.

— Чтобы Бог меня наказал?

— Нет, наоборот, молился, чтобы Он вас простил.

— Врешь, не обманешь! Ты проклинал меня!

— Нет, брат мой, проклинать христианин не может. Наш Господь Иисус Христос научил нас делать добро тому, кто делает нам зло, и молиться за врагов. И Он подал нам пример, молясь за распинавших Его. Не верите? Почитайте Евангелие, сами увидите.

Все это, видимо, произвело на него впечатление, потому что вскоре перед моим закутом собрались охранники, включая офицера. Я воспользовался этим, чтобы немного наставить их о Боге, Иисусе Христе и Церкви. Надеюсь, что в ком-то из них это семя дало всходы. Что касается сержанта-садиста, в тот момент он был лишь удивлен, поэтому продолжал мучить меня. Когда мне нужно было на opravку, он позволял трижды дойти до двери, а потом приказывал вернуться; на четвертый раз он позволил войти, потом отослал меня в общий отсек, велел молчать обо всем. До конца первого этапа он не упускал случая выразить мне свою "симпатию".

Последнему испытанию он подверг меня в Москве, когда нас вели пешком с одного вокзала на другой. Я шел в группе наиболее опасных преступников и был сцеплен наручниками с

другим заключенным: одно кольцо сжимало мою левую руку, другое — его правую. Однако шагать полагалось быстро, так что частые толчки и рывки причиняли сильную боль. Кто-то из заключенных пожаловался сержанту, что наручники слишком давят. «Это разве давят? — возразил сержант и указал на мое опухшее запястье со следами от зубцов. — Смотри! Вот когда давят, да и то самую малость!» Кровообращение в руках, особенно в левой, восстановилось лишь через три или четыре месяца.

Разбойники

На втором этапе Москва–Вологда конвой оказался человечнее, и переезд проходил спокойно, несмотря на общество блатных. С одним из них я прошел курс катехизиса в камере центрального изолятора, и, кроме того, на суде мои выпады против НКВД произвели на него большое впечатление, поэтому остальные блатные тоже прониклись ко мне уважением... Однако в Вологодской пересыльной тюрьме, где нас держали полдня или больше, воры украли все имущество политзаключенных, обшарив их узлы и карманы. Вынужден был и я отдать последние три рубля, отложенные на покупку бумаги и карандаша, чтобы написать итальянскому послу по прибытии к месту назначения.

Третий этап был сущим кошмаром, как всегда, по вине блатных. В их обществе мы провели около суток, это было между Вологдой и Кировом. Блатных было немного, но они были особенно наглы, находя поддержку у охраны, на сей раз таких же уголовников. Воры снимали с нас одежду получше и отдавали охране за гроши, а чаще всего брали натурой: хлебом, табаком, маргарином, даже водкой. Обчистив одно купе, воры требовали перевести их в другое.

Меня они не тронули, но всю ночь и следующий день я провел беспокойно. В ту ночь я от страха решил проглотить остаток Евхаристии; он был спрятан в ста сорока граммах сахара, полученных при отъезде из Потьмы. Было очень жаль потерять это сладостное общество и возможность причащаться

еще несколько дней, но я не стал подвергать Божественного Гостя — тело Господне — риску столкновения с охраной: она была страшнее воров. Обыски в поездках случались то и дело, и уже несколько раз я дрожал, когда швыряли на пол мой драгоценный мешочек.

Досрочные освобождения

Мы прибыли в Киров поздно вечером. От железной дороги до пересыльной тюрьмы нужно было пройти пешком большое расстояние. Нас, заключенных, было примерно девяносто человек, поэтому сопровождать нас прибыло целое войско охранников с собаками.

Однако в тот вечер одному зеку удалось обмануть чекистов. Разбив нас по четверо, нам приказали взять друг друга под руку. Какое-то время мы шли по железной дороге; на мосту нас стал нагонять паровоз. «Быстро все за мост и направо!» — крикнул командир. Пошла суматоха; ряды нарушились, охрана начала стрелять в воздух, залаяли собаки. За мостом была обрывистая насыпь, а подальше — окраинные дома: подходящее место для побега; один из нас и воспользовался моментом. За беглеца тотчас наказали нас: приказали остановиться, сесть на корточки и устроили на холоде часовую перекличку, чтобы установить, кто счастливчик, обретший свободу.

В тот день еще один старик, по выражению советских заключенных, освободился: его сбило паровозом, тяжело контузило, и он там же умер.

Драки и встречи

О Кировской пересыльной тюрьме у меня остались грустные воспоминания. Это была самая грязная тюрьма, которую я когда-либо видел; клопы там расплодились в таком множестве, что ночью в полной темноте от них не было спасения. Только вечером во время раздачи еды в камеру вносили жалкую керосиновую лампу и сразу же после ужина уносили, оставляя нас

на съедение клопам: во тьме они зверели. Три ночи я провел в этой тюрьме, и эти три ночи были сплошной мукой.

Но и там больше всего страданий причиняли мне паразиты-люди. Это был воровской сброд: постоянное наказание для нормальных людей вплоть до 1950 года, когда советская власть решила изолировать (по крайней мере, частично) уголовников от политических. Утром 6 октября уголовник и политический подрались на моих глазах. Молодой мускулистый латыш сбил спесь с блатных, которые в поезде творили что хотели; уже в поезде этот латыш-силач не позволил ворам хозяйничать в своем купе. Отношения между ними сделались натянутыми; теперь же в общей камере те же негодяи, но уже в большем количестве попытались обокрасть латыша, окружив его, тесня и наступая. Однако после нескольких сильных пинков парень вскочил на нары, держа сапог, и закричал: «Если хоть один подойдет, все кости ему переломаяю!» Окружившие его воры сжимали кулаки, готовые напасть, но приблизиться не решались.

Минут через десять воцарилось спокойствие, камера разделилась на два лагеря; однако к полудню дело ухудшилось. Прибыл большой контингент новых заключенных в основном блатных; они удобно расположились на нарах, заставив остальных сесть на пол; сел на пол и я. Тут-то Господь и позволил мне вновь встретиться с Его Преосвященством, монсеньором Николаем Чарнецким⁸⁷. Мне сказали, что в камере находится известный епископ, и показали его.

Он сидел на самом краю нар, с которых меня согнали воры. Кто узнал бы его? Я встал и подошел поцеловать руку тому, кого почитал со времен учебы; а ныне чтил еще больше, видя следы страданий, причиненных ему врагами Господа. Как он постарел с 1941 года! Похудевший, измученный, особенно после изнуряющего этапа (он прибыл с Урала), с одышкой, усилившейся в камере-душегубке. У него тоже не было места прилечь, в то время как воры и убийцы лежали на нарах. Он сидел, прислонившись к стойке, подпиравшей верхние нары. Казалось, он умирает от слабости! В таком состоянии он захотел исповедаться мне, а по-

⁸⁷ Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

том сказал: «Кто знает, может быть, однажды, вам как итальянцу удастся вернуться на Родину. Тогда скажите Его Святейшеству, что я счастлив умереть в единении со св. Апостольским престолом». Он говорил по-итальянски; напомнил мне, что св. Иоанн Златоуст умер в изгнании на кавказской земле, ныне советской.

Я решил остаться рядом с Его Преосвященством, но уголовники, сидевшие сзади и уже раньше пытавшиеся стащить с меня пальто, принялись пинать меня, прогоняя с места. Я решил вернуться в середину камеры и встал. Но тут со мной приключилась беда: одни заключенные стояли, другие сидели на полу плечом к плечу. Нельзя было и шагу ступить, чтобы не потревожить кого-нибудь. Нарочно, нет ли, но вдруг один заключенный толкнул меня, говоря: «Что ты ходишь взад-вперед?» Я пошатнулся и упал на двух или трех человек. Один из них ударил меня кулаком и толкнул; от толчка я налетел на других: и на меня обрушились удары по груди, спине, голове, затылку. По мне били, как по мячу, казалось, пришла моя смерть — доведенные до крайности теснотой и духотой, они били меня ни за что, просто давая выход ярости.

Наконец я добрался до нар на другой стороне и попросил "господ", сидевших относительно удобно, позволить мне присесть на самый край. Они разрешили, но заставили дорого заплатить за гостеприимство: сняли с меня пальто и пиджак, которые я носил вместо сутаны еще со времен своих лесных работ; взамен воры дали мне бушлат, отобранный у другого зека, возможно, силой. В конце концов я отошел и лег на пол под нары, и тут в дверях появился охранник с длинным списком в руке. Это была переключка уголовников, которых временно изолировали от политических. Благодарение Господу! Воздух в камере стал чище во всех смыслах.

Тогда я снова присоединился к монсеньору Николаю; он выразил мне сожаление, что я столько из-за него претерпел. Тем временем в нашу камеру поместили политических заключенных из других камер. Я занял место на верхних нарах; уже в сумерках незнакомый голос вдруг позвал меня: передо мной стоял пожилой бородатый человек, он протянул мне руку, ска-

зав: «Иосиф Слипий»⁸⁸. Я никогда его не встречал, но заочно знал прекрасно, более того, я писал ему из Одессы в 1944 году, когда он был назначен архиепископом и митрополитом Львова. Для меня было радостью и болью оказаться вместе с митрополитом — мучеником за веру.

Вместе с ним в нашей камере появился еще один бородач, старый украинский священник из Галиции. И сколько с тех пор я встретил подобных мучеников! В эти месяцы здесь собрали католических священников со всего Советского Союза, чтобы отправить их за Полярный круг. В бане мы встретили еще одного католического священника, на сей раз — латинского обряда. Это был отец Иосиф Кучинский⁸⁹, поляк, родом из Житомира. Благодаря ему я морально объединился с почти своими прихожанами в Днепропетровске, где он служил после меня; так я мало-помалу постигал суть религиозных преследований в конце войны и в послевоенное время.

Впрочем, гонения мы терпели на каждом шагу. Во время обыска после бани тюремные надзиратели отобрали у меня косяной крестик, который я сам выточил в Мордовии обломком напильника.

Последний этап

Днем 8 сентября, получив еды на четыре дня пути, мы отправляемся на железнодорожную станцию. В нашей партии человек сорок, из них три католических священника и два епископа; неплохо, духовно есть кому окормлять жертв коммунистического режима.

На следующий день, проезжая Котлас, поминаем российского экзарха, Леонида Федорова⁹⁰, героическую личность: в этом стылом крае он провел последние годы заключения и здесь умер в 1935 году⁹¹. Сначала его преследовали цари за принятие

⁸⁸ Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

⁸⁹ Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

⁹⁰ Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

⁹¹ Леонид Федоров скончался в Вятке 7 марта 1934 года. — *Прим. сост.*

католичества и за учебу у иезуитов; потом в 1923 году его арестовали и дали десять лет большевики по главному обвинению в том, что он хотел создать антибольшевистский «общий фронт», призывая православных к единству с католиками. В 1926 году освобожден по амнистии с запретом на служение под страхом возврата в тюрьму, но тут же попал в лапы советского правосудия, которое отправило его на Соловки. Отсидев десять лет по первому приговору, он освободился, но всего на несколько недель, поскольку вновь оказал неповиновение тем, кто ставил себя выше Бога, — и снова попал на Север. Еще в первое десятилетие века, будучи семинаристом в Ананьи, он правильно заметил, что Россия примет католичество, но перед этим прольется много крови.

Проезжая через эти леса, где земля удобрена потом и кровью нашего собрата, мы почувствовали прилив бодрости: мы тоже вносим вклад в духовное возрождение России, а также Украины, Белоруссии, Армении, Грузии и всех других краев, живущих во «тьме и тени смертной» большевистского режима. В Печоре двум епископам и старому украинскому священнику велели сойти; нам с отцом <Иосифом> Кучинским предстояло ехать еще двое суток. 10 октября мы увидели снег, местами покрывавший землю. Постепенно белизна снежного покрова становилась сплошной. Этот ранний по сравнению с более умеренными краями снег вызвал у нас несказанную тревогу. «Куда нас везут? — думалось. — Если в октябре уже лежит снег, что будет зимой? А ведь путь еще не окончен...»

Так нам все более прояснялась звериная природа советского режима, миллионами отправлявшего несчастных в этот край белых медведей. Не только климат, но и растительность имела угнетающий вид. Она становилась все более чахлой, деревья мельчали и, постепенно редая, наконец исчезли совсем. Началась тундра; мы были за Полярным кругом. 12 октября эшелон прибыл в Воркуту, город лютого холода и человеческих страданий. Воркута — гордость советского режима; не подумайте, что это мои слова, я только повторяю то, что позже прочел в советской брошюре. В ней большевики выражают гордость: во-

первых, тем, что построили город в Заполярье, куда цари, хоть и знали о залежах угля, не смели ссылать своих жертв; а во-вторых, тем, что, в отличие от американцев, не разрабатывающих уголь на Аляске, нашли способ эксплуатировать богатство здешних недр.

Есть чем гордиться! Старые зеки, чудом выжившие с конца тридцатых, когда их свозили сюда на баржах и санях, — тогда слово Воркута означало только реку — рассказывали, что на строительстве одной железной дороги Котлас–Воркута (около 1500 километров) погибло столько народу, что считай, под каждой шпалой по человеческому скелету...

Глава XX. Черное золото

В пересыльном лагере на окраине города мы встретили еще одного украинского священника, отца Василия Величковского⁹², редемпториста, мужественного исповедника Христового.

16 октября я и собрат мой, отец Иосиф Кучинский, должны были на лодке пересечь реку. Шли последние недели навигации перед ледоставом. Река отделяет город от поселка Рудник, куда мы были отправлены на шахту № 8, самую старую шахту Воркуты, давшую имя поселку.

9-й лагпункт

К юго-западу, почти примыкая к поселку, находился девятый лагпункт огромного Воркутинского лагеря. Отмечу сразу, что здешние бараки были построены и содержались гораздо лучше, чем в Мордовии; еды тоже давали побольше. И это естественно, учитывая, что климат здесь более суров, чем в Мордовии; однако до человеческих условий было очень далеко.

На следующий день по прибытии мы сориентировались в обстановке. Лагерь обширный, около шестидесяти бараков с пятью-шестью тысячами заключенных; *лагерем* я назвал наш отдельный лагпункт, весь же большой Воркутлаг простирался по тундре километров на шестьдесят в длину и на двадцать в ширину. Лагпунктов насчитывалось около пятидесяти, а в них — сто тысяч заключенных⁹³, представителей чуть не всех народов мира. Численно преобладали советские граждане, в основном выходцы из западных республик СССР; страны-сателлиты были представлены поляками, венграми, румынами и восточными немцами, а также китайцами; из прочих стран больше всего было западных немцев, затем японцев и финнов.

На нашем лагпункте меня прежде всего поразила незначительность охранных сооружений: не видно было заборов, к

⁹² Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

⁹³ На 15 октября 1949 в Воркутлаге было 148054 заключенных. — *Прим. сост.*

которым мы привыкли в Мордовии, вместо них нас окружала невысокая и негусто переплетенная колючая проволока. На вышках стояли заключенные, так называемый самоконвой, обращавшийся с нами порой хуже, чем вольные часовые; рабочая зона, шахта и службы почти не охранялись; через такую сетчатую ограду ничего не стоило перепрыгнуть.

Мне объяснили, почему не нужны более надежные ограждения и охрана. «Здесь так далеко до всякого жилья, что бежать бесполезно. Разве что человек захочет остаться в самом поселке, но там строжайший надзор. Если беглец ускользнет от сторожевых постов, которыми окружен лагерь, то он окажется в бескрайней тундре, а там даже летом без запаса еды долго не протянешь, не говоря уже о тучах мошки и нескончаемых болотах. Зимой и того хуже. На лыжах можно, конечно, пройти большое расстояние, но только если впереди минимум две недели хорошей погоды и сносной температуры, в этих краях внезапная пурга — обычное дело». «Бывало, что беглецы, побродив по тундре, возвращались и просились назад в лагерь. Хорошо, конечно, добраться до железной дороги, но там повсюду контроль, там не скрыться, потому что после побега поднимают по тревоге всю милицию и особенно железнодорожную».

Несмотря на то, что побегам мешали такие серьезные природные препятствия, дисциплина и режим все более ужесточались: со временем самоконвой упразднили; ограда из колючей проволоки сделалась выше и гуще; часовых на вышках стало больше; рабочую зону обустроили и стали охранять так же строго, как и жилую.

Нормы выработки

Итак, мы на краю земли. Я счастлив, что сбывается моя мечта, которую в день рукоположения я выразил словами, сказанными Господом, когда Он возносился на небо: «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями... даже до края земли» (Ин 20, 19-22). Самый обычный спо-

соб исповедовать веру состоял в повседневной жертве, которая заключалась прежде всего в тяжелом физическом труде.

С первых дней нас заставили посещать курсы, где инструктировали, как работать в шахте; нам предстояло свести близкое знакомство с *черным золотом*, которым богаты недра этой скудной с виду земли. Очень скоро мне пришлось оставить курсы: на медосмотре была установлена моя непригодность к работе в шахте, и мне присвоили третью категорию трудоспособности, предписывавшую использование «на легких физических работах». Всего давали четыре категории трудоспособности: использование на тяжелых, средних, легких работах и индивидуальную; отдельно шли инвалиды. Первая категория работала главным образом в шахте; вторую, третью и четвертую не допускали к работе под землей, а инвалидов вообще должны были освободить от работы.

На бумаге это распределение по категориям и в еще большей степени правила допуска к разным видам работ создавали образ царства гуманности и справедливости; но на деле оказывалось, что трудящегося эксплуатируют до полного истощения сил. Само присвоение категорий было возложено на врачей, работавших в органах или подчиненных органам; кроме того, начальники разных уровней действовали по произволу, так что заключенный не мог ни у кого просить защиты. И, наконец, даже когда все делалось по закону, нормы выработки каждой категории все равно оказывались непосильными, особенно при таком климате, качестве оборудования и материалов, а также при отсутствии нормальной одежды, питания и сна.

Первый тяжкий крест

На четвертый или пятый день по прибытии на восьмую шахту мне было велено приступить к работе по обогащению угля. Меня перевели в один из самых убогих бараков; выдали одежду: майку, пару трусов, две портянки, толстые носки, брезентовую обувь, старые ватные брюки, старый латаный бушлат, засаленную шапку, ватные рукавицы. Нас три бригады; моя работает в

ночную смену. Выходим в 23.30, сменяем в 24.00 бригаду, заступившую в 16.00; нас сменяют в утром в 8.00, но мы не имеем права покидать шахту, пока не выполним все вспомогательные работы: укладку бревен и балок, поднятых из забоя, расчистку снега вокруг здания, отправку вагонеток с породой и т. д.

Наше основное место там, где сгружают добытый под землей уголь с породой; наше дело — отделить уголь от породы и сопроводить его до вагонов или штабелей. Два широких конвейера один над другим перемещают уголь двух сортов: нижний, с мелким углем, движется быстро; верхний движется медленно, чтобы дать время рабочим выбрать породу и другие примеси. Мне работа на конвейере первое время давалась тяжело: ватная одежда с рукавицами не спасала от холода, была непривычна и сковывала движение; стоять приходилось большей частью на коленях; освещение было самое примитивное и недостаточное (к тому же я остался без очков); кроме того, я не отличал уголь от породы. Мимо вас проплывает одна черная масса, как различить в ней, где уголь, а где порода, если никогда в жизни не имел дела ни с тем, ни с другим?

На приобретение опыта уходят недели; в конце концов научаешься отсортировывать одно от другого с закрытыми глазами, просто по весу, но в первые дни это трудно: то я пропускал глыбы породы, то сбрасывал как отход первосортный уголь. К довершению несчастья с нами работал молодой человек — жертва предрассудков против религии и священников; он работал с огромным рвением, управляясь одной рукой, второй у него не было. Не облеченный никакой властью, он по своей инициативе следил за тем, как я работаю; я лез из кожи вон, но он все равно смотрел на меня косо, во всем видя злую волю, без конца поносил меня и угрожал.

Меня особенно задевали его язвительные высказывания о священниках; напрасно я старался объяснить и защитить христианское служение; он не слушал доводов. Мне приходилось молчать, чтобы не ухудшить ситуацию, но он не унимался... Однажды, помню, закричав *убью*, он запустил в меня горсть горной массы; попал в левую щеку. Я смолчал и даже не вытер

лицо, все равно, поработав несколько часов, мы становились похожи больше на негров, чем на белых. Однако ночью меня не отпускала мысль, и раньше меня посещавшая, что работать с этим фанатиком опасно для жизни; рассвирепев, он мог запустить мне камнем в висок.

Когда выпадало восемь-десять минут перерыва, я прислонялся к трубам парового отопления, лишь чуть-чуть обогревающим ледяное помещение, и читал вечерние и утренние молитвы. Под утро мне иногда удавалось найти время для предписанного уставом духовного размышления, а по окончании работы — для испытания совести.

Поддержка

Сосредоточиться я не мог и искал поддержку в крестных страданиях Христа; и Господь слал мне всякую помощь, в виде людей также. Среди заключенных был русский старик, человек образованный и верующий; он попросил у меня прощения за молодого фанатика. «Эта молодежь, — объяснял он, — так воспитана советской властью. А эта власть — дьявольская. Она отравляет безбожием и молодых людей, и совсем детей! И вот вам плоды просвещения... Люди становятся немногим лучше скотов. Им внушили массу заблуждений, растлили душу, развратили нравы». Добрый старик не только утешал меня, но и заботился о моем здоровье. Дней через десять, заметив, что я совсем обессилел, он отвел меня в амбулаторию и замолвил за меня словечко перед докторшей: она оставила меня в стационаре, потом перевела в другой.

Я получил сорок дней отдыха. Конечно, отдых был единственным лечением дистрофии и анемии, поскольку никаких лекарств не давали, а кормили хуже, чем работающих; правда, и калорий мы расходовали меньше, чем на работе. Когда 10 декабря я вернулся в барак, моя бригада работала в дневную смену. Начальник смены дал мне работу более тяжелую, но для меня более легкую, учитывая мою близорукость и неопытность в отделении угля от породы, — теперь мне предстояло таскать ящи-

ки с породой от конвейера к вагонетке. Все восемь часов смены особая нагрузка приходилась на руки и ноги, но мне повезло: со мной работал молодой украинец из Днепропетровска, мы с ним прекрасно ладили.

Работа шла неплохо, даже бригадир был доволен; думаю, что именно благодаря моему усердию мой прежний преследователь переменил мнение обо мне настолько, что стал относиться ко мне с искренним уважением. Мое рвение в работе объяснялось в немалой степени еще и тем, что в это время значительно увеличились пайки. Весь декабрь лагерное начальство старалось избавиться от сэкономленных запасов еды, остававшейся на складах; в основном это был овес и ячмень, грубая пища, но нам, настрадавшимся от недоедания, все было хорошо, и не было опасности, что, объевшись ячменя, мы будем кататься от колик в желудке — наш ослабленный организм требовал подкрепления.

Тяжело было тем, кто уже потерял здоровье и кому в последний месяц года не впрок было все это внезапное изобилие. Конечно, теперь зря пропадало много продуктов, не доставшихся нам вовремя, зато наши хозяева на отходах с кухни наживались, откармливая свиней. Недаром же эти *господа* были поставлены перевоспитывать нас и учить любить систему, которая «уничтожает эксплуатацию человека человеком».

"Пожертвования" государству

На самом деле, разве скажешь, что заключенных эксплуатировали, разве не они, переев перловки, сами отказывались от нее, так что приходилось скармливать отходы свиньям? И разве назовешь эксплуатацией пропажу во время этапа из Мордовии в Воркуту последних восьмисот рублей с моего счета? Как такое могло случиться в стране, где нет эксплуатации? Возможно, что какой-нибудь бухгалтер, подделав мою подпись, прикарманил мои деньги. А может быть, я, сам того не зная, пожертвовал их государству в честь 1 Мая; позднее я слышал, что по случаю праздника удерживали суммы даже у тех, кто трудился здесь, на Воркуте.

Точно одно, удерживали деньги за все и согласия не спрашивали: например, ты, может, никогда не ходил в клуб, но с тебя все равно списывали деньги за убогие пропагандистские фильмы, которые крутили в лагере; не сообщая об этом, удерживали деньги и за московское вещание через громкоговоритель в бараках, нравилось его слушать заключенным или нет, причем удерживали даже у тех, кто получал ничтожные деньги на тяжелейших работах. Да что говорить, если бедным советским заключенным приходилось платить, как и вольным, налог на холостяков и за бездетность все те годы, когда они были вынуждены жить холостяками или вдали от жен.

Наконец закончился 1947 год, а с ним — запасы ячменя и овса, и жизнь снова стала скудной.

Месяцы агонии

В январе меня перевели на еще более тяжелую работу; теперь мне предстояло заниматься очисткой конвейера на одном из самых ответственных мест в процессе обогащения угля. Никогда, даже в хорошую погоду, работа не была легкой, но при температуре ниже двадцати градусов мороза, что было обычным делом в январе, феврале и марте, когда я работал на уборке и очистке конвейера, работа стала невыносимо тяжелой, может быть, как никакая другая за все годы заключения. Поработав лопатой восемь часов подряд при пятнадцати, тридцати, сорока градусах мороза, в сковывающей движения одежде, под оглушительный грохот, среди угольной пыли, в неудобной позе, надо было еще от тридцати до сорока пяти минут убирать рабочее место для сменщика, такого же раба, как и я.

Сколько раз в конце дня, работая на третьем конвейере на коленях и в наклон, действуя сначала скребком, потом лопатой с укороченным из-за тесноты черенком, я чувствовал, что не выйду отсюда, останусь здесь, погребенным под слоем черной пыли! Именно тогда я с особой силой возненавидел врага рода человеческого, дьявола. Лишь он мог внушить людям такую жестокость, вовлечь в союз с ним, сделать орудиями в его руках,

мучителями стольких несчастных сыновей адамовых, за которыми не было иной вины, кроме той, что они служили Богу и своей совести или любили свою родину и не любили сталинскую и коммунистическую тиранию.

Оказавшись в бесчеловечных условиях, я вполне понимал страдания миллионов жертв большевизма. У меня на глазах, в общем загоне за колючей проволокой, мучились тысячи людей, молодежь, взрослые, старики; со мной рядом, на том же участке страдали десятки человек. Но еще тяжелее приходилось бригадам, занятым погрузкой и подъемом угля на-гора; погрузчики работали по восемь часов под открытым небом при любой погоде и температуре. До сорока трех градусов мороза, даже в пургу, каждая бригада отработывала восьмичасовую смену; от сорока четырех до шестидесяти градусов мороза работа продолжалась только на важнейших участках, и бригады постоянно сменялись.

Подъем угля частью тоже выполнялся под открытым небом, и там условия были не лучше. Как тяжело приходилось тем, кто работал на вершине отвала! Эта черная гора дымилась, как вулкан, но до вершины, где сгружали вагонетки, огонь не добирался, и там дул резкий пронизывающий ветер; впрочем, находиться вблизи огня тоже было нездорово из-за выделения ядовитых газов. Почему при таких морозах, от сорока четырех градусов и ниже, когда работающих под открытым небом полагалось освобождать от работы, бригады погрузки и подъема на-гора продолжали трудиться? Потому что шахта останавливалась только раз в месяц, на ремонт оборудования. Вся наша работа была грязной, но по возвращении в барак нам не во что было переодеться и не хватало мыла помыться.

Неподалеку от упомянутых участков был еще один, где люди работали по большей части на открытом воздухе и, будучи тесно связаны с шахтой, должны были заступать на смену при любом морозе. Это был лесной склад: в его задачи входила разгрузка вагонов и платформ с лесом, привозимым с юго-запада, и переработка его в крепежные опоры, балки, доски. Пилили лес в основном электропилами, поэтому некоторые работы

выполнялись под навесом или в бараках; и это еще ничего, но большая часть несчастных работала под открытым небом, на снегу и под снегом. Руки, ноги, спина заключенного в работе по десять часов в две смены, дневную и ночную.

Работавшие на лесном складе спали в одном бараке с нами, так что я за восемь месяцев насмотрелся, как они в изнеможении возвращались после смены. Мой собрат, отец <Иосиф> Кучинский, поначалу работавший на складе, описывал мне тяготы этой жизни. Я и сам видел, как он возвращался то с окоченевшими руками и ногами, то в одежде, насквозь промокшей под дождем со снегом или залубеневшей при долгом ожидании на проходной из рабочей в жилую зону. Иногда в припадке пессимизма он не сдерживался: «Нам конец. Если так пойдет дело, мне не отдать долга советскому правосудию».

Тогда я подбадривал его, пытаюсь шутить: «Как это не отдать, вам только десять лет сидеть, а мне все двадцать пять, и я собираюсь отдать свой долг сполна». Он мне на это отвечал: «На Рождество исполнилось три года, как я отбываю срок, а сил уже нет. А тут, с этим климатом и с такой работой, разве мне дотянуть до конца 1954 года? Вы итальянец, вы можете надеяться на поддержку де Гаспери, а мне на кого рассчитывать?»

— На Трумэна, — говорил я.

— Ага! Нашли благодетеля. Если Господь не заступится, нам конец.

— Вот это точно. Он единственное наше упование; веримся Ему, и да будет воля Его.

— Правильно. «Боже мой! На Тебя уповаю, да не постыжусь вовек» (Пс. 24, 2).

Порой, наоборот, он встречал меня добрым словом после тяжелого дня и помогал справиться с подавленным настроением.

Еще ниже

Мы искали утешения в Боге, но многие другие, скажу даже, большинство солагерников пребывали в самом крайнем озлоблении. Помню, по прибытии на Воркуту на меня произвела тя-

желейшее впечатление эта атмосфера всеобщего ожесточения; мне казалось, что я очутился в дантовом кругу самоубийц, где каждое растение, каждая веточка изнемогает от боли и, только дотронься, раздражается воплями, стонами и проклятиями. Этот дух в особенности царил среди лагерников, работавших в забоях: их жизнь была самой непереносимой. Официально работа была рассчитана на восемь часов, но их держали по двенадцать, а бывало, что и по пятнадцать, шестнадцать и более часов в том случае, если бригада не выполняла установленную норму.

Бригады дневной смены поднимались на развод в четыре с половиной или в пять утра; обычно день от завтрака до обеда складывался так. В шесть все должны выстроиться перед баракком, готовые к разводу. Выпустят вряд ли раньше семи, но кому до этого дело? Надо ждать своей очереди на снегу, в строю, пока бригадир сообщит вахтеру номер бригады и сколько в ней человек. После этого бригада может выступать в путь, но по порядку: вахтер открывает ворота, ведущие в рабочую зону, и вместе с бригадиром пересчитывает заключенных⁹⁴, выходящих по одному. В банном бараке члены бригады переодеваются в рабочую одежду, получают фонарь или аккумулятор и, выполнив требуемые для захода в шахту формальности, начинают спуск на свой горизонт залегания пласта: кто на четыреста, кто на пятьсот, а кто и на восемьсот метров. По наклонным галереям идти надо пешком, по ступеням, потому что пассажирских вагонок нет или они не действуют, а в грузовых клетях спуск и подъем людей запрещен, что правильно.

Дойдя до участка часам к восьми, бригада начинает работу. Внизу, не считая надзорных функций, выполняемых вольнонаемными, заключенные выполняют все виды работ; только на взрывные работы ставят вольнонаемных, заключенным не доверяют взрывчатку. В забое работает по-разному: у кого пласт мощный, тому повезло; тяжело работать тем, кому достался пласт толщиной в полметра, тогда шахтеру приходится работать на коленях или лежа на животе; еще тяжелее работать

⁹⁴ В 1949 году выход бригад еще более усложнили: проверку стали проводить, держа в руках папки с делами заключенных.

в воде, лежа по восемь часов в черной жиже. Если бы при оплате учитывались эти различия, то хотя бы отчасти возмещались усилия тех, кому не повезло с пластом, но происходило как раз обратное: на бедняг валились все шишки. Из-за трудных условий работы бригада на таких участках не справлялась за смену с нормой, поэтому задерживалась после смены, а в довершение несчастья получала потом уменьшенную пайку, ни копейки денег и в обрез — времени на отдых.

Так же не везло тем, кто попадал на участки с преобладанием скальной породы. Какое дело пролетарским хозяевам до того, что бригаде приходилось сначала вырубать кайлом три-четыре вагонетки породы? «Нам порода не нужна, — говорили эти господа, — социалистической индустрии нужен уголь, понятно?» «А мы чем виноваты, если нас поставили на такой участок? Мы бы сами хотели рубить не породу, а уголь, это нам сподручнее». Такое заключенный не то чтобы сказать, а подумать едва ли посмеет; он должен покорно принимать меньшую плату за более тяжелые условия работы. Советская справедливость!

И после стольких часов в забое бедный шахтер пешком поднимается на поверхность; сотни ступенек и огромное напряжение для сердца и ног; некоторые, обессилев, забираются на груженные углем вагонетки, рискуя при этом жизнью: несчастные случаи — обычное дело. Много и других угроз жизни — на Воркуте говорят, что в шахте как на фронте. В 1948 году, когда я лежал в лагерной санчасти, на моих глазах каждый день привозили людей, потерявших в шахте кто ногу, кто руку, а кто и жизнь. В случае невыполнения нормы между бригадиром и диспетчером вспыхивали ссоры; последний не отпускал бригаду, если норма не была выполнена; случалось, что целые бригады оставались в забое на два, три, четыре лишних часа, чтобы отработать норму.

Если бедные рабы, озлившись, все бросали и поднимались на поверхность, диспетчер приказывал вернуться, а в противном случае не давал добро на проход в жилую зону. В этих случаях иная бригада стояла по шестнадцать-семнадцать часов в

рабочей зоне; помню, один раз бригаду задержали на семнадцать с половиной часов: несчастным оставалось до выхода в утреннюю смену шесть часов — на то, чтобы проглотить обед и ужин прошедшего дня, поспать и съесть завтрак нового дня. Легко представить, с каким запасом сил они вернулись утром на шахту!

Но предположим, что день прошел нормально. В шестнадцать часов гудит сирена; выполнившая или перевыполнившая норму бригада может покинуть шахту; одолев тысячу или более ступенек, получив от диспетчера допуск в жилую зону, заключенные выходят наверх и «видят звезды», как у Данте, если здесь уместна поэзия. Да, звезды, а не солнце, потому что четыре или пять зимних месяцев работающие под землей не видят солнца; шахтеры спускаются в забой до света или при первых лучах, а поднимаются в сумерках или глубокой ночью. Сдав фонари и помывшись (ежедневное мытье — это один из немногих плюсов шахтерской работы), бригада направляется к проходу в жилую зону. Тут часто дожидается, пока завершится обычная церемония пересчета и проверки, а вдобавок обыска, который бывает почти ежедневно — не дай Бог, заключенный пронесет в лагерь инструмент или оружие, или письмо с воли. Вернувшись наконец в лагерь, бригада идет в столовую, где обычно съедает обед вместе с ужином, но без опасения перегрузить желудок *советским изобилием*. Правда, шахтеры получают еды побольше, чем остальные работники, однако пролетарская корова и тут тощая, как всегда.

Глава XXI. "Белые мухи"

На широте Воркуты (выше 67-й параллели) зима приходит рано: в начале сентября — первые заморозки и первый снег; к октябрю зима постепенно вступает в свои права, а во второй половине октября мороз окончательно сковывает землю и реки. Зима держится до конца мая; еще в начале июня два хозяина Воркуты — мороз и снег — дают о себе знать и, наконец, понемногу уступают права июльскому и августовскому теплу. Старожилы говорили мне, что заморозки могут ударить и в июле—августе, но мне за семь с половиной лет такого видеть не пришлось. Одним словом, Воркута — это, как говорят в тех краях, счастливая планета: двенадцать месяцев зима, остальные лето.

В шутке про здешнее лето много правды; на самом деле бесконечная зима сменяется подобием весны-осени, а не летом. О подобии весны можно говорить потому, что появляется какая-то травка, на деревцах распускаются листочки, расцветают полевые цветы, порхают и поют немногие птички. О подобии осени можно говорить потому, что вызревают мелкие семена нескольких растений, но, конечно, не плоды, кроме высаживаемой мелкой и безвкусной редиски. Еще между бараками сеют овес, но только на фураж: морозы ударяют, когда овес только начинает идти в колос, так что его скашивают до вызревания.

Работы на открытом воздухе

В этом климате, который хуже сибирского, потому что постоянно дуют ветры, тысячи и тысячи человек работают под открытым небом. Множество подразделений, работающих на поверхности, страдают от сурового климата, который сказывается даже на тех, кто работает в бараках, — из-за недостатка кислорода и сильных перепадов давления, особенно вредных для туберкулезников и сердечников. Но мы не будем говорить о тех, кто ловчит, или тех, кто имеет привилегии, — к последним,

по мнению лагерников, относятся врачи и медсестры, парикмахеры и повара, счетоводы и пожарные и т. п.

Не будем пока говорить и о тех, кто выполняет тяжелую работу, работая по десять-двенадцать и более часов в день, но большую часть времени проводит в закрытом помещении: портные, сапожники, пекари, работники бани и прачечной; дневальные разного рода, рабочие и механики электромастерской, литейно-прокатного цеха, кузнецы, плотники, маляры и т. д. Не будем говорить и о том, как трудятся рабочие цементного производства: на открытом воздухе у них тяжелейшие условия работы, а в помещении — крайне нездоровые из-за вдыхаемой цементной пыли. На этом производстве неподъемные нормы выработки; вечером люди возвращаются в барак обессиленные, ночью укрываются одеждой, вымазанной цементом. Не хочу также докучать читателю и рассказом о том, как ассенизаторы кирками долбят замерзшие экскременты и вывозят их в тундру.

Расскажу лучше об одном дне на открытом воздухе тех подразделений, которым особенно достается от "белых мух". Это, если не считать бригад, о которых я рассказывал в предыдущей главе, главным образом строители и большая часть бригад разнорабочих. Строители подразделяются на тех, кто работает на строительстве бараков в зоне, кто строит в городе, кто возводит жилые постройки при лагере и кто подчиняется Геологоразведочному управлению. Строители бараков — самые привилегированные из всех, потому что работают без конвоя и время от времени могут заходить в барак обогреться. Самые несчастные из всех — те, кто занят на городских стройках: каждый день они проходят шесть-семь километров туда и обратно и еще отрабатывают тяжелую восьмичасовую смену (летом — десятичасовую), при любой непогоде и морозе вплоть до -44 градусов. Строители жилья в поселке Рудник работают в таких же условиях с той разницей, что им ближе ходить, но и у них на дорогу уходит час-полтора из-за проверок при выходе из лагеря и возвращении. То же относится и к строителям Геологоразведочного управления, я с ними проработал пять месяцев во второй половине 1952 года.

Перевалка

До и после этого я работал в бригаде, которую без конца перебрасывали с места на место, почти не давали оборудования и платили меньше, чем всем другим; за годы ее много раз переименовывали и, наконец, стали называть перевалка. В январе 1950 года, когда я впервые в ней оказался, ее называли бригада разнорабочих, а между собой попросту снегоборьба. Нас было несколько таких бригад, занимавших три или четыре барака; мы работали то в лагере, то за зоной: на железной дороге или на дорогах, ведущих к лагпунктам; иногда нас привлекали помочь на строительстве, на лесном складе или на погрузке угля.

Положим, сегодня нас отправляют на лесной склад — январский день. Первым делом мы должны разгрузить два вагона леса: длинные стволы — ель, сосна и т. д., срубленные, может быть, под Вологдой или Кировом. Бревна, лежащие сверху, скатываются легко; но по мере приближения к днищу вагона работа делается все труднее: тяжелые бревна приходится поднимать вручную. Вагон предназначен для перевозки угля, каждое бревно надо сначала перевалить через высокий борт, дальше оно уже само покатится по двум наклонным балкам. Вчетвером или впятером рывками поднимаем бревно за бревном под возглас «раз-два-взяли, е-ще-взяли»; этот размеренный возглас, напоминая о бурлаках на Волге, слышится всюду, где бригады поднимают или таскают тяжелые грузы. Разгрузив вагоны и уложив бревна в штабеля, приступаем к следующему заданию: перетаскиванию распиленной древесины; тут уже работают поодиночке, и это легче, чем поднимать тяжести вдвоем, втроем, вчетвером.

Мороз и снег тысячекратно затрудняют работу: ноги скользят, окоченевшими руками в ватных рукавицах ни за что нельзя ухватиться; глаза застилает пелена, дыхание спирает. Температура утром — сорок два градуса мороза, к двенадцати под лучами солнца поднимается на несколько градусов, потом опять опускается до минус сорока двух и ниже. Еще час до конца смены, мороз крепчает; задувает ветер, не сильный,

но пронизывающий, щиплет за нос, за щеки, за уши; кажется, что в воздухе носятся тысячи мелких иголок, но пока мороз щиплет, можно не беспокоиться: ты ничего не отморозил. Наконец идем домой: шагаем по утоптанной дороге, под ногами скрипит свежавывающий снег — звук такой, как будто ступаешь по древесному углю. При входе в лагерь застреваем перед вахтой, топчемся на снегу, кто-нибудь произносит «мороз забирает», другой продолжает: «Хорошо бы завтра минус сорок четыре; на работу не ходить».

Но на Воркуте погода непредсказуема, за полчаса возможен резкий перепад температуры: завтра температура, вместо того чтобы понизиться до сорока четырех градусов мороза, может понизиться лишь до минус пятнадцати, зато случится такая пурга, что не будет видно ни земли, ни неба. А тогда что? А тогда еще хуже, потому что на работу все равно выходить; ведь именно в такую погоду мобилизуют бригады на снегоборьбу. И может быть, в эту же ночь нашу бригаду срочно вызовут на расчистку пути от заносов, чтобы дать пройти застрявшему в снегу паровозу. И тогда часами будет идти борьба не на жизнь, а на смерть с яростью природы. И беда тому, кого закрутит пургой!

Так или иначе борьба идет до победного конца. Кому какое дело, что на эту борьбу люди ухлопывают по полжизни? Советской власти важно только одно: чтобы перевозка черного золота не останавливалась ни на минуту. А дешевой рабочей силы можно поставить еще миллионы: достаточно одного приказа из Кремля о новых массовых арестах.

При Геологоразведочном управлении (ГРУ)

Расскажу теперь, как я работал в строительной бригаде при ГРУ. Работа началась задолго до "белых мух", но чем сильнее мы радовались теплу в июле, августе и в первой половине сентября, работая на правом берегу реки Воркуты, тем мучительнее стала для нас наступившая суровая зима. Мы радовались теплу, возводя кирпичный дом над рекой, неподалеку от поселка Рудник. В каком смысле радовались? Прежде всего наблю-

дая, как радуются другие: милиция, носившаяся взад-вперед на катере, стайки мальчишек, переплывавших реку в жаркие дни. Мы тоже ходили мокрые, но не от купания, а от пота, однако и это было приятно после того, как мы девять или десять месяцев дрожали от холода; удовольствием было также скинуть бушлаты, а порой, работая, подставить спину солнцу.

В первую неделю нам приходилось вынимать грунт над верхней стороной дома, чтобы сделать насыпь с нижней стороны и таким образом укрепить фундамент, положенный зимой и весной другими бригадами. На этой работе я научился управлять самым распространенным транспортным средством в Советском Союзе, работающим без бензина и без солярки, при помощи двух рук, двух ног и одного колеса, попросту — тачкой. Работы было с избытком. Смена продолжалась десять часов; но на деле мы выходили из барака в шесть утра и возвращались в восемнадцать.

Но было и преимущество: нам платили чуть больше, чем рабочим в перевалке. Поначалу нам даже разрешали прикупать на рынке немного маргарина и конфет; в лагере тогда еще не было ларька, а если и был, то там продавали только спички и пролетарский табак под названием махорка. Работая при ГРУ, мы чувствовали себя почти привилегированными по сравнению с теми, кому было еще хуже. Но как в древесине заводится жучок, так и у нас завелся паразит: прорабом назначили настоящего кровопийцу, который, отсидев годы в лагере, не только не проникся сочувствием к заключенным, но изо всех сил отравлял им и без того тяжелую жизнь.

С тех пор, как он появился у нас, ни бригадир, ни мы не знали покоя: стоило ему показаться, как бригадир и инженер, тоже из зеков, приходили в волнение, а рабочие пугались насмерть. Когда он не сидел в конторе, а был среди нас, то есть часто, никто не имел права закурить или вообще остановиться для минутной передышки. Брань и угрозы слышались постоянно: он никогда не был доволен: всегда было сделано мало и все не так, как надо. Однажды он обругал каменщика из нашей бригады, литовца, который вдвое перевыполнял норму, укладывая за

день 1200 кирпичей⁹⁵. Этому стахановцу бригадир сказал, что с двумя подсобниками он должен успевать больше. Я был одним из подсобников и дерзнул вмешаться, сказав, что от начальства требуется немного больше сочувствия и понимания по отношению к несчастным заключенным.

Каменщик

Позднее я стал объектом его раздражения; к этому времени без особой подготовки я из подсобника стал каменщиком и с тех пор, как объявил, что могу класть кирпичи, неплохо справлялся с делом. Я работал аккуратно, но не быстро, да я и не рвался в стахановцы; кроме всего прочего, мне не хотелось чересчур обременять двух подсобников, которые работали со мной и со вторым каменщиком, поэтому мне никогда не удавалось выполнить норму на 100%.

Прораб злился, как мне сообщил инженер; сам он защищал меня, объясняя довольно справедливо, что мне поручены работы, требующие аккуратности и, значит, времени. Однажды, когда я выкладывал зубец над одной из арок, прораб раздраженно спросил меня, сколько еще я собираюсь возиться с этой ерундой. Я ответил, что пока не закончу; на это он, намекая на мою шутливую фразу, сказанную накануне инженеру, мол, хочу построить церковь на Воркуте, ответил: «Не собор строишь». — «А кто тут строит собор? — ответил я. — Вам, похоже, нравится человеческая кровь, но смотрите, не подавиться бы». Рассвирепев, он велел мне спуститься с лесов и зайти к нему.

Один на один в конторе он сказал мне, что когда-нибудь попробует моей крови; я ответил: «На здоровье, если она вам так нравится». Тогда он спросил, какой у меня срок, желая дать понять, что донесет на меня как на отказчика от работы и мне набавят срок. Но когда услышал, что мне дали максимум и сидеть мне еще долго, понял, что его угрозы на меня не действуют, и велел убраться. Видно, моя кровь пришлась ему не по

⁹⁵ Норма укладки была 700 кирпичей в день: по 350 на каменщика и подсобника.

вкусу, по крайней мере на тот раз; позже он нашел способ мне отомстить, о чем я расскажу дальше.

Мы уже покончили с основной кладкой, когда наступила осень со всеми ее тяготами и печалью. Взамен она ничего не предлагала, в отличие от тех краев, где осенью собирают виноград или другие плоды земли. Теперь мы месили грязь по дороге на работу и обратно, а так как были одеты еще не по-зимнему, сырость и холод пронизывали нас до костей. Тем временем из-за нехватки стройматериалов пришлось оставить крышу и настилы; несколько недель мы занимались вспомогательными работами, часто под дождем, а вскоре и под снегом. Нелегко приходилось, хотя смену мы заканчивали теперь не в семнадцать, а в шестнадцать часов.

Стало, однако, еще хуже, когда подвезли материалы: уютно и опасно, уложив тяжелые балки, таскать наверх глину и шлак; сновать вверх-вниз с тяжелой ношей на спине или с носилками по шатким, крутым и скользким лестницам, по обледелым и покрытым снегом лесам и мосткам. Во второй половине октября мы снова взялись за кладку: надо было закончить стояки для вентиляционного канала и дымоходов. Снова приступив к обязанностям каменщика, я приобрел новый опыт: узнал, как кладут кирпич при температуре ниже сорока градусов мороза, — это любопытный и тяжелый опыт. Как раз когда мы в начале ноября клали кирпич выше уровня чердака и крыши, температура опустилась до минус сорока трех и держалась так почти неделю. А мы работали как ни в чем не бывало.

Как строить при таком морозе? Объясняю: подсобники разводят два костра: один под вагончиком с песком, другой под котлом с водой; в горячую воду с песком быстро сыплют цемент, смесь быстро доставляется к месту кладки, и ею быстро скрепляют кирпичи. Только надо точно укладывать каждый кирпич, потому что смесь схватывается сразу, даже если подсобник сэкономил на цементе. Каменщик вынужден спешить еще и потому, что наверху продувает, и если он не спустится скорее погреться, то рискует отморозить нос, руки или ноги.

Такие стены выходят, конечно, повыше, чем предусмотрено, но кому до этого дело? В первую же оттепель они обретут нужную высоту. Прочность? До конца оттепели продержатся, а потом... Потом видно будет; да и кому это важно в стране стахановцев? Мы ведь строим коммунизм, а он чем раньше рухнет, тем лучше.

Глава XXII. Свободное время

Но хватит рассказывать об участках, где применялся наш принудительный труд, а то утомится самый терпеливый читатель. Отдохнем немного, проведя в лагере несколько часов свободного времени, дозволенного даже заключенным. Они не имеют права зваться гражданами или обращаться к вольному словом "товарищ", но все же они не прикованы цепью: они человеческие существа, только «временно изолированные». Так что мы "свободно" прогуливаемся за колючей проволокой.

Посмотрим же, как устроен наш загон, расположенный на склоне и имеющий вид неправильного прямоугольника, обращенного катетерами к четырем сторонам света.

От вахты к амбулатории

Вахта находится на юго-восточной стороне прямоугольника; отсюда вверх ведет проезжая дорога. Держаться надо правой стороны, но не затем, чтобы дать дорогу машинам; машин тут сроду не бывало, кроме изредка проезжающего грузовика с продовольственной базы. Просто справа имеется грубо сколоченный деревянный тротуар, чуть шире метра, который спасает от грязи в сырое время года, с мая по сентябрь, а зимой не нужен, потому что между высокими сугробами его не отличить от проезжей части.

Сразу за вахтой находится барак, в котором живут немногочисленные женщины, работающие в санчасти, на кухне и еще кое-где; у некоторых есть дети, прижитые в грехе. Вскоре женщин уберут с нашего отдельного лагпункта; их барак частично отдадут под почту, частично — под жилье для привилегированных заключенных: начальников разных участков шахты. Они пользуются доверием Управления и служат соединительным звеном между бригадами шахтеров и вольнонаемными начальниками разных уровней.

По левую руку остается обычный барак, а дальше — незанятый участок, на котором особняком стоит отхожее место;

через несколько лет его снесут и поставят щит с лозунгами и показателями выработки разных участков и бригад. Тут же будет и доска позора для нерадивых и нарушителей дисциплины; все это для перевоспитания нас, бедных недоумков. По правую руку находится стационар для туберкулезников, на другой стороне — администрация лагпункта. Перед ней скверик, а в нем памятник — рабочий и колхозница, шагающие навстречу "светлому будущему"; оригинал этого памятника был показан на международной выставке в Париже. Тут же на дороге стоит будка, а за ней колонка, из которой берут холодную воду; потом расскажу, какое отношение ко мне имеет эта деревянная будка.

В этом месте дорога расходится на две: левая ведет к бане-прачечной и к складу стройматериалов; баня снаружи выглядит внушительно, да и внутри она оборудована лучше, чем все, какие я успел повидать; воду дают без ограничений, моемся мы из жестяных шаек, но работают и два душа. Напротив, на левой стороне дороги стоит жилой барак, который в 1949 году снесут и построят клуб. Правая дорога ведет к кухне для больных, проходит мимо двух операционных блоков, главный оптимистически называется хирургической больницей; от кухни для больных, вправо от главной дороги у запретной зоны находится амбулатория и первая кипятильня вместе с раздаточной хлеба.

В амбулатории с восьми утра и до одиннадцати или двенадцати дня или вечером с четырех до семи не протолкнуться; народ толпится в ожидании кто процедур, кто какого-нибудь убогого лекарства, большинство же ожидает осмотра. Каждый день, за исключением воскресенья, когда прием ограничен второй половиной дня, около двухсот человек проходят через руки терапевта и хирурга в надежде, что их положат в один из стационаров или хотя бы на день-два освободят от работы.

К сожалению, врачам разрешено выдавать лишь ограниченное число освобождений, так что многим больным суждено зря потратить в приемной несколько часов, отведенных на отдых. Не только администрация лагеря ущемляет заключенных, то же самое делают иные врачи: вместо того чтобы дать осво-

бождение тем заключенным, кто нуждается в лечении, они освобождают от работы тех, кто им полезен, кто получает из дома хорошие посылки. Или наглых воров и убийц, которых попробуй не освободи от работы, сам рискуешь поплатиться жизнью.

Но в целом медицинское обслуживание в лагере поставлено неплохо: два раза в неделю принимает отоларинголог, три раза — зубной врач и три раза — зубной техник (хотя на то, чтобы поставить зуб за казенный счет, нужно тысячу разрешений; а на зубной протез разве чуть меньше, чем приказ МВД). Несколько лет у нас был хороший окулист-заключенный, обслуживавший несколько воркутинских отдельных лагпунктов; но чтобы получить очки, надо было обращаться к родным и знакомым, живущим в больших городах Советского Союза. На лагпункте был даже рентгеновский кабинет, конечно, скромный, но просвечивание там могли сделать, — к нам даже присылали на рентген с других лагпунктов. Была и маленькая лаборатория для анализов, где делали также массаж, горячие ванны и солюкс.

Выходя из лаборатории, мы могли бы повторить то, что тысячу раз говорилось среди заключенных: «При советском строе не все плохо; но беда в том, что одной рукой делают добро, а другой его разрушают». Хуже, что разрушают гораздо больше, чем создают; и главный разрушитель — НКВД, сеющий ненависть и недоверие, проникающий во все учреждения, гражданские с виду, а по сути тоже полицейские и всегда враждебные человеку: если его лечат, то только ради чьей-то выгоды. «И жить не разрешают, — говорят заключенные, — и умереть не дают».

Порой кажется, что над нами два хозяина: один сочувствующий, другой кровожадный, но только всегда побеждает второй, а первый бессильно уступает.

От столовой к малой зоне

В северной части лагеря, за кипятильной с раздаточной стоит самая большая и приятная постройка, где расположены кухня и столовая. Столовая состоит из четырех помещений:

одно из них больше похоже на коридор с несколькими грубо сколоченными столами; два помещения выглядят прилично, там, как в ресторане, стоят столики, покрытые клеенкой; четвертое, прибранное получше, предназначено для стахановцев. В последних трех помещениях стены украшены репродукциями известных картин и несколькими оригинальными картинами: имеется, к примеру, плохая копия «Трех богатырей»; но основной жанр картин — пейзажи и натюрморты.

Не думаю, что у заказчиков и авторов картин были злые намерения, но от этой живописи заключенным делалось не веселее, а тоскливее, потому что напоминало о том, что они считали утраченным навсегда. Остро ощущался контраст: между прекрасными видами и бившим в нос запахом капусты, ячменя и овса; между нарисованными пейзажами и грязными сугробами, созерцаемыми по многу месяцев подряд; между роскошной растительностью на стенах и рахитичными кустиками за окном, которые робко зеленели всего несколько недель в году.

Столовая — самая высокая точка лагеря, отсюда вниз ведет широкая дорога, которая дальше соединяется с главной. Там, где они сходятся, стоит барак для заключенных с закрытой формой туберкулеза. Справа восемнадцатый барак, где по одну сторону находится продуктовый склад, по другую — вещевой; сюда мы приходим дважды в месяц за сахаром (27 грамм в сутки) и несколько раз в год за сезонной одеждой. По главной дороге в северо-западном направлении не увидеть ничего, кроме жилых бараков, затем дорога поворачивает под прямым углом и полого спускается по склону.

Западный угол в те годы был почти пуст: там увидишь разве что сани и подводы, а летом — несколько волов или коров, пасущихся на этом клочке тундры за колючей проволокой. Через несколько лет в этом западном углу лагпункта появится куча угля для отапливания бараков, а еще помещение для крупного рогатого скота, свинарник, крольчатник и теплица, где будут выращивать помидоры и огурцы (все это, однако, не для нас). А в 1952 году тут же рядом устроят футбольное поле. В южном углу прямоугольника, самом нижнем, кроме жилых бараков, на-

ходится еще так называемая малая зона, которую мы посетим позже.

А теперь познакомимся с моим, тридцать пятым бараком.

В бараке

Старшим в бараке является староста; в моем бараке старостой был русский, хитрая бестия, отчасти вор, отчасти коммунист. В первый же день он сыграл со мной злую шутку: выдавая мне ватную фуфайку и штаны из каптерки, что было его обязанностью, он за это потребовал у меня шерстяные носки, которые я привез еще из Италии; носки были изношенные, но жадность его заела при виде заграничной вещи. Второй в иерархии — помощник по быту (помпобыту): он назначает новоприбывшему место на нарах, следит за чистотой и порядком в бараке, кормит людей, дважды в день проводит поверку; часто помощник по быту — главный хозяин в бараке, в этом случае он же заботится об обмундировании своих подданных.

Получая вещи из каптерки, надо внимательно следить, чтобы ничего не украли; инвентаризация государственного имущества, выданного зекам, проходит ежегодно, и если малейшей вещи не досчитаются, то высчитывают как за новую и по цене вчетверо большей. Пока зек не расплатится, ему не дадут на руки ни копейки денег, а со склада он будет получать обноски или совсем ничего. В 1948 году мне наконец удалось получить одеяло; через некоторое время, придя с работы, я его не нашел. Известил помпобыту, тот переговорил со старостой, но поиски окончились ничем.

Как быть? Если заявить о краже лагерному начальству, то, возможно, обвинят дневального по бараку, но, вероятнее, свалят на меня. Составят акт вещевого "промота" и заставят возмещать, как сказано выше: за одеяло из какой-то убогой ткани, такое куцее, что им можно было укрыть либо спину, либо ноги, но не то и другое вместе, начислят двести рублей долга. Так что я счел за благо промолчать и на много лет остался без одеяла. Три раза я проходил инвентаризацию, предъявляя чужое лиш-

нее одеяло, пока добрый василианский священник из Закарпатья не добыл мне одеяло — это случилось в 1951 году.

Дневной отдых затруднен из-за постоянного входа-выхода бригад; лишь в нескольких бараках имеются три секции на три бригады. Обычно же барак это — помещение на сто-сто тридцать мест, поэтому всегда кто-то отдыхает, кто-то ходит, кто-то разговаривает, смеется, играет, шутит. Даже когда в нашем бараке уже не жили воры и тому подобная публика, беспокойная и уклонявшаяся от работы, всегда находились зеки, которые, отработав смену, а чаще просто не выйдя на работу или же выйдя и там пробездельничав, шумели в бараке, играли в карты, шахматы, шашки или домино⁹⁶.

В бараках, где поспокойнее, все равно день и ночь люди уходят и приходят с работы, громко галдят, дневальные поднимают шум, моя полы, и орет московское радио, которое начинает трансляцию в шесть утра и заканчивает в два ночи с перерывом на час днем (а по субботам-воскресеньям — в три). Тот, кто работает в ночь, должен прерывать сон и идти на завтрак; кто приходит с работы в девять или десять утра, должен вставать на обед и, может быть, на ужин; только позднее ввели обед и ужин вместе.

Для отдыхающих днем неизменна побудка на поверку. Помощник по быту криком будит спящих, расталкивает, с замешкавшихся сдергивает одеяло. К появлению охранника все должны быть на ногах и в строю: пересчитывают раз или больше, если надо, потом можно опять ложиться. Но вряд ли удастся спокойно заснуть до сигнала, потому что поверка может повторяться до трех, четырех раз в течение часа или нескольких часов.

Есть и другие неудобства, за которые, правда, не отвечает советская власть, но их можно было бы уменьшить, будь хозяева более человечны. Людям по нужде приходится вставать

⁹⁶ Игра в карты официально запрещена; в шахматы и шашки вроде бы игра тихая, но нервные люди не могут играть тихо. Домино — главное бедствие: игроки с силой бьют костяшками по столу, а проиграв, в наказание должны пять, десять... тридцать раз проползти на карачках под столом под хохот присутствующих.

иногда не один раз, а нужник расположен в месте, до крайности неудобном; справлять малую нужду в ямы у барака днем не стоит, а ночью опасно из-за охранников, которые могут застукать и наказать; значит, каждый раз нужно прогуляться до отхожего места. Зимой, когда уже намело сугробы, можно справлять малую нужду прямо в снег, но все равно тяжело натягивать, выходя, верхнюю одежду или одеяло. Многим не во что обуться не только чтобы выйти наружу, но даже просто пройти по грязному и мокрому полу. Сколько раз по нужде или на поверку приходилось идти босым! Ведь дневную обувь на время сна мы отдавали в сушилку.

Надо признаться, что до 1949 года большей части зеков не нужно было даже одеваться на двор, потому что они и не раздевались: нам не давали тюфяков, подушек и даже самого убогого одеяла, как я рассказывал выше. Хотел я дать читателю отдохнуть от тягот, не получилось; а что поделать, таков был отдых, доступный нам, несчастным каторжникам, в советском раю.

Развлечения и праздники

Впрочем, кто выспался, тот может пойти в клуб, построенный осенью 1949 года, или с июля–августа 1952 года — на футбольное поле, но и там он не найдет большого утешения. В клубе, если устраивают концерт, то исполняют вещи по памяти и на нескольких убогих инструментах; а если показывают фильм, то только о "героизме" ударников как бы в назидание: смотрите, мол, как надо работать! А то показывают "успехи" в строительстве социализма, бахвалясь так, что нашим истрепанным нервам немогуту... На футбольном поле можно увидеть лучшего игрока бывшей венгерской сборной. Но как может играть человек, отработав десять-двенадцать часов в шахте? И как можно играть на покрытии из угольных отходов, насыпанном поверх мерзлой глины и превратившемся в хлюпающую жижу?

«А праздники в лагере признавались?» — спросят меня. Тут надо различать между религиозными праздниками и свет-

скими. Я мог бы просто ответить: да, признавались. С той лишь разницей, что в религиозные праздники заставляли больше работать, чтобы их принизить, а в светские — устраивали торжества.

Не подумайте, что зеков радовали эти торжества. Праздников было всего два: 1 мая и 7 ноября. Начинают праздновать их за месяц-полтора, созывая общее собрание. На собрании начальник лагеря и помощник по труду после горячего вступительного слова обращается к начальникам участков, цехов, прорабам, бригадирам и десятникам, предлагая обсудить обязательства по перевыполнению плана на первое или второе полугодие. Разумеется, ни о каком обсуждении нет и речи, все должны принять обязательства, спущенные сверху, но поскольку в СССР все делается "по воле народа", то надо создать видимость соревнования между участками и цехами.

Начальники участков и цехов по понятным причинам усердствуют — обещают резко повысить производительность социалистического труда. Одни берутся увеличить добычу на четыреста тонн, другие на четыреста пятьдесят, третьи на пятьсот. Запрашивают бригадиров и мастеров: среди них, конечно, тоже хватает подхалимов и выслуживающихся перед начальством, но все же их эти обязательства касаются ближе, и им хочется на землю спустить зарвавшихся, но они либо боятся говорить, либо говорят впустую. Если в толпе находится смельчак, поднимающий голос протеста, то начальство делает вид, что не слышит, или шикает на него.

После "обсуждения" и "взятия обязательств" рабочие должны встать на вахту и потрудиться в честь праздника трудящихся: к 1 Мая шахта выдаст на-гора две тысячи тонн угля сверх плана. Так что подготовка к празднику — это своего рода покаянная епитимья; дьявол заставляет поститься и каяться дважды: перед майским праздником и перед советским "рождеством" революции.

Наконец наступает праздник, продолжающийся два дня, но многих освобождают от работы только на один день. Обед тоже особенный: вместо обычной каши дают уменьшенную порцию "макарон", то есть клейкой белой массы, чуть политой подсол-

нечным маслом, а вместо рыбы дают двадцать пять–тридцать грамм свинины и на третье — сладкое, то есть немного теста, присыпанного сахаром. Добавим, что за эти щедрые подачки у нас отнимают часть пайка: так, порцию сахара, которой нам подсластили праздник, будут сокращать две недели до или две недели после праздника. Правильно я сказал своим товарищам по несчастью: «Видно, наши начальники хотят внушить нам стойкое отвращение к коммунистическим праздникам».

А один раз у нас был праздник сверх обычных двух: семидесятилетие Сталина. Подготовка шла грандиозная: по всей стране во всех отраслях хозяйства развернулось неслыханное соцсоревнование (по описанной выше методе); как же могли остаться в стороне зеки, столь горячо любимые великим Вождем! Весь 1949 год только и разговору было, что о перевыполнении плана.

Наконец наступила торжественная дата 21 декабря. Нескольким наивным коммунистов ожидали невесть каких послаблений! Что объявят амнистию, дадут выходные, устроят угощение... Дождались, как же! Работали как всегда, ели баланду как всегда. Само торжество состоялось вечером 20-го в Большом театре, нас же включили в него посредством трансляции, дали послушать подхалимские речи великому тирану, произнесенные лизоблюдами, в том числе из свободных стран.

Легко представить, с каким упоением я выслушал слова, адресованные великому человеку маленьким человеком Пальмиро Тольятти, сказанные им сначала по-итальянски, потом по-русски: итальянский акцент чувствовался, но он не оскорблял слуха вождя, чей грузинский акцент гораздо сильнее досаждал русскому слуху. Пальмиро был скуп на слова, но щедр на похвалы: кульминацией было обращение к Сталину как к «чтимому учителю».

Тут я так взволновался, что не мог удержаться от восклицаний: «Какой позор! Этот... приехал из прекрасной и цивилизованной Италии в страну, где царит варварство, и унижается перед кавказским монстром, который хуже всякого Нерона, и еще называет его учителем, "чтимым учителем"! Да если бы

итальянское правительство следовало практике этого учителя, то тебя, товарищ Тольятти, схватили бы на итальянской границе и приговорили к виселице или хоть к двадцати пяти годам каторги. Что бы сказал твой "учитель", если бы советский депутат отправился в Америку или в Англию и там превознес бы Трумэна или Черчилля, как ты превозносишь эту кавказскую бесстию?»

Заметим, что по возвращении на родину Тольятти остался депутатом, может, хоть тут у него мелькнула мысль, что надо сказать спасибо настоящей демократии? Хочу здесь, кстати, привести слова, которые годом раньше я слышал от русских в связи с покушением на Тольятти: «Ваши итальянцы плохо владеют оружием»; «Как можно было дать осечку по такой цели?»; «Если бы эта каналья (русские позаимствовали из итальянского языка слово *каналья*) попалась не к ним, а нам в руки, уж мы бы с ним разделились».

— А что вы-то против него имеете? Что плохого он сделал русским?

— Что сделал? Его Москва подкармливает, он наш хлеб ест. И коммунизм по всему миру насаждает на нашу голову.

Глава XXIII. Происшествия

Братская помощь

Тем утром у моего соседа, отца Иосифа К<овальского>, начинался выходной день. Когда я пошел на завтрак, он сказал, что я могу съесть и его порцию. «В кои веки можно полежать, так зачем подниматься на такой завтрак. У меня есть хлеб, который дал нам начальник, немного сала и чернослива из последней посылки. Мне пока хватит». Вернувшись в барак из столовой, я положил ему кусок селетки от его законного завтрака, но он отказался, добавив: «Если хотите оказать мне услугу, вот вам банка, принесите мне кипятка». Пока я заворачивал последние сто пятьдесят грамм хлеба (от 400 полученных) в тряпицу, когда-то белую, а теперь бурую, которую я использовал только для хлеба, отец Иосиф протянул мне кусочек сала:

— Возьмите, с этим легче проглотить хлеб после пяти часов работы.

— Ну, если для этого, то не нужно, — ответил я. — Хлеб начальника хорош и без ничего.

— Вы хотите сказать, что это самое *ничего* у нас всегда с собой.

— Более того, оно ничего и не стоит.

— Оно только надувает живот и вызывает зевоту.

— До вечера, отец Иосиф. И спасибо за доброту. Сало помогает от мороза. Но меня греет ваша доброта!

Шел уже март, но погода была отвратительная. Я вернулся в барак после пяти вечера: был я черен, как негр, и узнаваем только по походке и голосу. Я бросил на нары возле отца Иосифа свою одежонку, которую выбил о столб, или снег, или угол барака. Вдохнув, попросил его дать мне с верхних нар тряпку, служившую полотенцем, и нечто, напоминавшее мыло. Пока я засучивал почерневшие рукава ветхой рубашки — последней памяти о свободе — отец Иосиф спросил меня, как дела.

— Хуже некуда, — сказал я, махнув рукой. — Тяжелейший день: грохот адских машин и тучи пыли. Впечатление, что идешь ко дну, и выныриваешь, и снова тонешь. Дыхание перехватывает, кажется, что сердце останавливается. Боюсь, нам целыми не выбраться; здесь за месяц я потерял больше здоровья, чем за полгода в Мордовии. Сроку моему конец в 1972 году, а я уже на пределе.

— Не надо падать духом, — сказал он и по-латыни процитировал мне в утешение четвертый стих двадцать второго псалма. — «Если я пойду и долиною смертной тени не убоюсь зла, потому что Ты со мной».

— Конечно, — сказал я, — нам все зачтется. За эти семь-восемь лет заслужим больше, чем иной за долгую жизнь.

— Заслужим, — согласился отец Иосиф. — Но сейчас лучше не думать о вечном спасении, а надеяться, что Бог выведет нас отсюда, как только Он один знает и может.

Размышления

Простояв в очереди к тому, что можно с трудом назвать умывальником, и кое-как умывшись, я вернулся на свое место. Отец Иосиф уже слез с нар и получил себе и мне положенные триста граммов хлеба; он даже вытащил из-под мешка, служившего мне подушкой, мою деревянную ложку. Я забросил полотенце и мыло как можно дальше на нары и натянул одежду: от прикосновения к ней руки вновь почернели, и я с улыбкой показал их отцу Иосифу.

— Пошли, пошли, а то опоздаем на обед, — сказал он, двигаясь к выходу, и добавил. — У меня тоже руки черные. «Есть неумытыми руками не оскверняет человека» (Мф. 15, 20). Меня заботит не это; я думаю о нашей недавней беседе.

— Вы говорили о надежде на освобождение, но подобает ли нам надеяться?

— То есть?

— То есть подобает ли уповать на освобождение? Что мы приобретем? Сами подумайте: мы почти стяжали венец муче-

ничества, а если нас освободят, мы его утратим. И потом, скажу вам, я не только мечтаю умереть мучеником за Христа, но почти за счастье быть погребенным в вечной мерзлоте: в ней я нетленным дождусь воскресения мертвых. Ужасно только, как советские варвары хоронят лагерников. Знаете как?

— Знаю, к сожалению: раздевают догола, завертывают в холстину, выносят из лагеря в морг, делают вскрытие, а потом в той же холстине бросают в общую могилу без креста. Только столбик с именем и фамилией, да и тот скоро исчезает. Могилы неглубокие; их роют летом, все лето роют.

— Больно думать, что со мной так обойдутся после смерти. Да еще сперва выпотрошат.

— Хорошо еще, не ставят охрану у могил, чтобы мертвые не воскресли.

— Об этом они не думают, они не верят в воскресение. Мне рассказывал один лагерник, он работал летом на кладбище, что тут на Воркуте общие могилы зимой не засыпают, бросают сверху снег с землей, и все. Летом снег тает, и зверье разрывает трупы на части, ведь кладбища не огорожены.

— Вот видите! А вы хотите, чтобы вас схоронили в вечной мерзлоте!

— Да, хочу. Разве Бог не заботится об останках мучеников за веру? И потом, материальная смерть не важна. Важно прославить душу, а когда надо, прославятся и тела⁹⁷.

Тем временем мы дошли до столовой. В порядке исключения давали оленину вместо рыбы; так, в Великий пост, да еще в пятницу, мы снова отведали мяса, но такую сухую оленину, жесткую, как деревяшка, можно есть и в Страстную пятницу.

Вернувшись в барак, я прочел текст вечерни по восточному обряду, единственное богослужение, которое целиком помнил

⁹⁷ Правды ради сделаю два уточнения: 1. Не могу точно сказать, произошел ли этот разговор на Воркуте с отцом Иосифом или с другим священником, но за правдивость сведений ручаюсь. 2. С 1952 года, кажется, заключенных стали хоронить в гробу, помню в 1953-м или 1954-м какой-то из наших начальников жаловался, что зеки вечно недовольны: «И чего вам еще нужно? Ведь уже и в гробу хоронят».

наизусть. Потом поговорил с друзьями, а позднее мне сказали, что на небе северное сияние. Я вышел и минут десять смотрел на небо; в ту зиму северное сияние было уже в четвертый или в пятый раз, а я все любовался и любовался.

Вор

Прочитав вместе с отцом Иосифом молитвы Розария и помолвившись, я мгновенно уснул. Через несколько часов я проснулся от того, что ко мне кто-то привалился, — это был отец Иосиф, которого бесцеремонно подвинул вор, роясь в его вещах. Отец Иосиф пыхтел, но молчал; потом он пояснил, что заметил у негодня нож.

Этот вор жил под нашими нарами. Видя, что оскорбляют собрата, я не мог смолчать — в ту минуту я не подумал об опасности, мне и терять-то было почти нечего. «Мы из одного барака! Ты что своих грабишь? — закричал я и позвал на помощь. — Эй, друзья, помогите, гоните наглеца! Дневальный, зови охрану!» Народ проснулся; из своей каморки высунулся староста (не тот, что забрал мои носки себе на шапку, но вроде него). Он прогнал вора на место, тот зашипел на меня из-под нар, потом опять вышел и плюнул в меня.

Спокойствие, однако, вернулось. На другой день я, как обычно, отправился на работу, а вернувшись, узнал, что несколько часов назад вора отправили на штрафную командировку, известную жестокими порядками: работали там на печак обжига извести. Не верилось, что наказан он за ночную провинность, но некоторые скептики, спорившие с нами о существовании Бога, призадумались, узнав о скорой каре обидчика служителей Божиих.

Впрочем, за вором числились и другие грехи: устроив постель (все краденое) под нашими нарами, он правил лагерными воровскими делами и часто принимал у себя женщину (в нашем лагере их оставались единицы). За полтора месяца до происшествия он пристал ко мне, чтобы я поделился с ним посылкой, — это была первая посылка от моей бывшей прихожанки

из Днепропетровска, восьмидесятилетней польки. Забравшись ко мне на нары, вор протянул нож и потребовал отрезать ему сала.

— Пожалуйста, — ответил я и стал отрезать. Он остановил меня: мол, мало.

— А сколько надо? — спросил я.

— Грамм двести.

— Двести грамм? Да тут было меньше килограмма. А я уже отдал больше полкило бригадирам, старшему мастеру и другим. Откуда двести грамм? Не видите, как я отошчал. И работа у меня тяжелая. Старуха-прихожанка от себя отрывает, чтобы подкормить священника, а вы отнимаете. По мне, грамм восемьдесят вам довольно, мне бы на три дня хватило.

— А мне нет, — ответил он. — Дай двести, я с друзьями поделюсь.

— С друзьями? У меня есть свои друзья, лучше я с ними поделюсь.

— Я тоже друг.

— Ничего себе друг! Я с вами по-дружески, а вы оскорбляете.

— Когда это я тебя оскорблял?

— Каждый раз, как вы у нас под нарами принимаете непотребную женщину...

— Ну и что?

— А то, что это оскорбление мне и моему собрату, тоже священнику. Мы тут каждый день молимся. И даже Евхаристию совершаем, а вы непотребством занимаетесь. У меня есть друзья поближе вас, и они больше нуждаются в поддержке, например священники, осужденные ни за что, вернее, за добрые дела и веру. Лучше с ними поделиться...

— Заткнись! — оборвал он. — Я ведь могу все отнять, а беру только сала и всего двести грамм. Я не жадный.

Делать нечего, я добавил ему сала. И он пошел делиться со старшим мастером, который в этих делах был с ним заодно.

Но вскоре началась резня между самими обираемыми.

"Воры" и "суки"

Утром 26 июня того же 1948 года меня отправили в хирургический стационар с переломом ключицы, сломал мне ее чересчур лихой дневальный. Потом в палату привели в кровь избитого парня, спрашивали его, кто избил, но парень отвечал уклончиво. Примерно через час послышался шум и голос фельдшера, звавшего на помощь. Три или четыре вора с ножами и топором ворвались к хирургу и спросили, не поступали ли в тот день раненые или контуженные. Хирург замаялся, воры поняли, что — да, велели хирургу не беспокоиться, мол, сами справимся, лишней работы не доставим, и пошли по палатам.

И вот уже они в нашей, пятой, где лежит человек двенадцать. Оглядели все койки, сдернули одеяло с избитого парня, тот лежал, закрывшись с головой, посмотрели под койками: «Никого». И пошли в палату напротив; через несколько секунд раздался отчаянный крик: воры прикончили зека топором. Крик чудесным образом исцелил нашего избитого парня, не могшего, казалось, пошевелиться; он вскочил и кинулся к окну: оно не открывалось. Тогда по совету соседей он снова лег и затих; ему повезло, воры не узнали его. Он только недавно прибыл в лагерь, да и лицо ему раскровянили до неузнаваемости.

Резня в тот день была нешуточная: вторую жертву убили в соседнем хирургическом бараке, третью — у бани, остальных прикончили в разных местах, где те пытались скрыться. Тела погибших принесли к нам в больницу, их было с десятков. Выполнив план на день, воры сдались командиру отряда, который прибыл в зону для наведения порядка, и сдали оружие. Их переполняла гордость: сук они победили!

Тогда я впервые услышал о войне между двумя разрядами уголовников: *ворами* и *суками*. Воры — это каста, у них свои неписанные, но суровые, аж до смертной казни законы. У них свои традиции, этикет, жаргон, правила "рыцарства", свои степени и заслуги... Воры презируют всех, все слои общества, особенно милицию и иже с ней, а также всю советскую власть. Они дорожат своей "честью": если обидят простого человека, обидчика

не наказывают, а если — вора, карают око за око, зуб за зуб. Однако если вор обидел вора и предал касту, он пока еще не *сука*.

Ссучивание, по их выражению, имеет место, когда вор оставляет свою профессию, а для них это настоящая профессия, и берется за дела, которые их закон запрещает. Так, вор может стать простым рабочим или кающимся отшельником, но не имеет права занимать никакие должности, ни на воле, ни в лагере. Вор не имеет права стать нарядчиком или бригадиром, ни даже их помощником; не может заведовать продуктовым или вещевым складом; не может быть старостой барака, завхозом, дневальным, хлеборезом, поваром, раздатчиком.

Стукачей они, само собой, преследуют и карают смертью, но у благородной породы «воров» под запретом все должности, разрешенные простым смертным, — сами себя они величают *честными ворами*. С 1947 года война между *честными ворами* и *суками* приняла ужасающие масштабы. На нашем лагпункте снова была резня в 1949 году, и отдельные случаи повторялись, пока в 1950 году всех блатных не перевели в другие лагеря. Но война продолжилась и там; где-то побеждали *воры*, где-то *суки*.

После резни 26 июня сука, который в нашей палате чудом спасся от воров, не захотел оставаться в больнице, и его отправили в штрафной изолятор. А еще через несколько дней к нам поступили воры с ранами живота, которые они сами себе нанесли, чтобы избежать перевода в зону усиленного режима. Там главенствовали самые страшные суки, и уж они-то отомстили бы за резню, учиненную ворами на нашем лагпункте. Такие переводы из зоны в зону, по общему мнению, устраивались с умыслом: заставить ненавистных блатных истреблять друг друга.

История одной книги

Первые три с половиной года заключения я очень тосковал из-за отсутствия священных книг. В Воркутинском лагере изредка встречались Ветхий и Новый Завет, но владельцы ревниво их охраняли: могла отобрать лагерная охрана. Так что до

конца 1948 года мне лишь дважды удалось перечесть несколько страниц Библии.

В ноябре 1948 года Господь сжалился, позволив мне немного утолить жажду. Выписанный из больницы, я направлялся к своему старому барaku; меня остановила группа подростков, они показали мне книгу как нечто для меня интересное. Это был Новый Завет карманного формата в переплете, изданный в Петрограде в 1914 году по-русски, и Псалтырь. «Вот это сокровище!» — подумал я. Радость, верно, была написана у меня на лице, но тут же я и усомнился. Они же воры!

«Ведь вы украли ее?» — спросил я. «Нет, нет!» — закричали они хором. «Был тут дед, верующий, — пояснил один из них. — Умер недавно. От него книжка осталась. Ну, мы и взяли ее, вот она. Хочешь, продадим». Часть дела я знал, остальное не мог проверить. «Книге лучше быть у меня, чем у них, — подумал я. — Хотя бы верну хозяину, если объявится. А пока сокровище будет при мне». Решение было принято. «Сколько вы хотите?» — спросил я. «Восемь рублей». Да хоть восемьдесят, если бы они у меня были! Я вытащил десятирублевую бумажку, свои последние деньги, зарплату, и вручил им, не требуя сдачи.

С того дня у меня (и у других) был духовный хлеб. Он помогал мне защищать истину от частых нападок еретиков, но он же был и причиной тревог, потому что приходилось скрывать его от охранников и доносчиков: книга считалась *опасной* для Советского государства. Вскоре после приобретения Евангелия я устроился на работу в пошивочную мастерскую; мне уже не нужно было выходить за запретную зону, обыскивали меня реже, я мог теперь носить в кармане свое сокровище и в свободную минуту читать. Конечно, когда я читал, то следил за входом в барак или, по крайней мере, прислушивался на случай, если дневальный скажет «смирно» при появлении офицера или охранника.

Главной опасностью были ежемесячные обыски: начинались они внезапно, однако всегда имелся знак, предвещающий ненавистное событие. Так что чаще всего удавалось спрятать в снегу, в ботинке или в другом месте то, что не хотелось увидеть

в руках у охраны. Так прошло месяца три. Наступил день испытания. Однажды во время работы в ночную смену священная книга исчезла из кармана моего пиджака, оставленного в шкафу, где мы хранили вещи.

Горевал я бесконечно, но Господь до лучших времен сохранил в руках вора мое сокровище. Я вновь обрел книгу в 1950 году, случайно, когда находился на особом положении тайного лагерного квази-капеллана. На след книги меня навел один украинец, житель Бессарабии; я был с ним в хороших отношениях, когда работал в пошивочной. Он все еще работал в той же пошивочной мастерской с неким бородатым типом по фамилии Колесниченко, называвшим себя православным священником; я никогда бы не заподозрил, что именно бородач украл у меня Евангелие. Но однажды ко мне в каморку вошел мой друг украинец и сказал, что видел в руках у Колесниченко Новый Завет, похожий на тот, что исчез у меня больше года назад.

С помощью знакомого мне удалось заполучить книжку на проверку, то ли это издание. Оно было таким же, но внешний вид — другой: книга меньше, края неправильной формы, грубо обрезаны и замазаны чернилами. Однако по двум уцелевшим загнутым уголкам можно было определить старый формат, на три миллиметра шире, и розовый обрез, как у моей книги, — маскировка была налицо; по всему, это и было мое сокровище. Друзья побуждали меня взять книгу, но я хотел других доказательств. И я их получил: я попросил у Колесниченко ненадолго *его* книгу и задал ему несколько вопросов. Его реакция не оставляла сомнений: он путался в ответах и противоречил самому себе. Как только я удостоверился, что книга — моя, я начал действовать: с помощью другого знакомого, который жил в бараке вместе с укравшим, я тайком забрал книгу.

Два года я наслаждался ею. Потом злодей снова украл ее, вдобавок оклеветал меня перед православным, паствой и братьями. Было это так. Один хороший православный молодой человек, которому я часто давал читать или хранить книгу, когда отправлялся на работу за пределы зоны, объявил мне, что книга попала к отцу Колесниченко, и он ее не отдает, утверждая, что

она его, и что я ее украл, — молодой человек, поверив клевете, оставил ему мою книгу.

Колесниченко оставалось несколько недель до освобождения, и он уверял, что книгу не заберет, а оставит маленькой лагерной православной общине. Община принялась усердно собирать помощь для своего "батюшки", который провел двадцать лет в лагере и сейчас выходил на свободу без ничего. Он с жадностью принимал любую вещь и по-прежнему обещал оставить эту, столь редкую в лагере книгу: на свободе он, мол, найдет другой экземпляр. То же самое Колесниченко сказал и мне, когда я пришел к нему в санчасть: я снова пытался убедить его по-хорошему вернуть книгу, он уперся.

Я пристыдил его и напомнил о суде Божьем: и Колесниченко наконец признался, что украл ее у меня. Но все же он не считал себя неправым: говорил, что он взял ее у меня, потому что текст, мол, русский, а мне, мол, нужен итальянский. И вот для Колесниченко настал день освобождения. В общине спросили его о книге: он ответил, что оставил ее одному из своих, кто в данный момент был на производстве; а тому, наоборот, сказал, прощаясь, что отдал книгу другим из общины. Колесниченко обманул всех, однако он не обманул Бога. Рука Господня настигла его, не успел он выйти за зону: Колесниченко и раньше хромал, но тут упал на лед и сломал ногу, так что его первой обителью на свободе стала больница.

Так сей "пастырь" своей низостью научил православную общину уважать католического священника. После всего молодой человек, подученный "пастырем" обмануть меня, пришел ко мне и, чуть не плача, просил прощения. Другой православный священник, отец Алексей⁹⁸, раньше тоже осуждавший мои требования, потом сказал мне, что лучше б Новый Завет остался при мне: тогда, мол, изредка и они, православные, могли бы читать его, а так он потерян для всех...

⁹⁸ Мы увидим его в дальнейшем.

Глава XXIV. Свет во тьме

Первые мессы

Когда с нашего прибытия в Воркуту прошло всего несколько недель, отец Иосиф Кучинский раздобыл немного вина и несколько кусочков пресного хлеба для мессы. Расстелив на нарах полотенце и осторожно положив на него кусок бумаги, служивший нам диском, и стакан, заменявший чашу, он собирался отслужить первую за Полярным кругом мессу. Отец Иосиф сел по-турецки, я на корточки, уперев колени в нары; наши макушки касались верхних нар.

Мы читали по очереди сорок второй псалом «Суди меня, Боже, и вступишь в тяжбу мою с народом недобрым», затем молитву «Исповедую» («Confiteor...»). Потом отец Иосиф продолжил один «Радуйся, Матерь Святая, родившая миру Владыку, Царство Свое над землею и небом простершего в вечные веки»; прочел на память всю мессу Пресвятой Деве Марии с некоторыми соответствующими изменениями вступительной молитвы и молитвы после причащения. Я довольствовался лишь причащением на этой мессе, как и на последующей, когда отец Иосиф служил за усопших.

Текст заупокойной мессы «De requie» я легко восстановил в памяти, так что в третий раз служил я — за упокой, как помню, всех усопших иезуитов. Это была моя вторая месса, совершенная в заключении, и первая в краю белых медведей; в дальнейшие сорок дней отдыха («Salve, Sancta Parens, enixa puerpera Regem, qui coelum terramque regit in saecula saeculorum») дорогой отец Иосиф время от времени причащал меня.

Примерно 10 декабря 1947 года я вернулся к обычной жизни и постарался записать для себя мессу Пресвятой Деве под надзором собрата; труднее всего было найти бумагу и карандаш, чтобы в первый раз записать чин богослужения. Так к рождественским праздникам я был чуть лучше оснащен для богослужения, хотя не имел ни походной чаши, ни вина, — есте-

ственно, жил подаением. Помню, навечерие я провел с маленькой польской общиной, которой отец Иосиф Кучинский подарил свое пастырское слово и свою долю для скромной трапезы. Кто-то из общины получил на Рождество посылку с облатками, которые преломляются по польской традиции и символизируют единство христианского домашнего очага. Это не освященные облатки, просто их заранее благословляет священник и преломляет глава семьи вместе с семьей и гостями.

Евхаристический Хлеб был преломлен рождественским утром, скромно и тихо, скудостью все напоминало Вертеп. У нас не оказалось даже соломенной подстилки, куда положить Младенца Иисуса, сокрытого в хлебе и нескольких каплях вина. Участников этого второго преломления Хлеба, совершенного почти на ходу и вне мессы, было очень мало. В дальнейшем именно так чаще всего и принимали причастие верные; очень редко случалось участникам Таинства, совершаемого в великой секретности, присутствовать на мессе. Обычно они причащались потом, тайно, в бараке священника, или в своем, или даже под открытым небом, если не мешала непогода.

Священники

Преломляли Хлеб не только мы двое. К Рождеству 1947 года к нам и к тем немногим, которые были до нас, добавилась группа католических священников; в последующие месяцы нас стало примерно человек шестнадцать в одной только восьмой шахте. Священники происходили из разных мест в основном из Литвы, Галиции, позже из Закарпатья.

В первые месяцы я, к своей радости, вновь увиделся с отцом Жаном Николя — его перевели сюда из Карагандинского лагеря. Встретились мы с ним, к обоюдному утешению, именно в эти рождественские праздники. Прибыв сюда, отец Николя на собственном опыте убедился в суровости действовавшего в нашем лагере распоряжения — направлять католических священников исключительно на общие, так называемые черные работы. Отец Николя, несмотря на свои выдающиеся способности

художника, долго добивался, чтобы его приняли в Управление геологоразведочных работ, где нужен был человек, умеющий зарисовать образцы найденных минералов. Наконец он добился своего, и дело сдвинулось.

В дальнейшем несколько физически слабых священников смогли получить работу в бухгалтерии; эта работа к тому же оказалась нелегкой. Счетоводы, хотя многочисленные, работали по четырнадцать–шестнадцать часов в сутки! Так что вышеупомянутое распоряжение в отношении католического духовенства было вызвано, думаю, скорее недоверием, чем ненавистью к католикам.

Как совершается богослужение

И все же ненависть к католицизму существовала; проявлялась она на каждом шагу. Ничто не беспокоило лагерное начальство так, как деятельность католического священника; чтобы всполошить начальника политчасти, достаточно было сообщить ему, что католический священник служит в присутствии двух-трех верующих. Месса совершалась тайно во избежание репрессий и профанации.

Вот украинский священник сидит на нарах перед грубо сколоченной тумбочкой, он служит литургию, пропуская действия, которые могут быть замечены; другой в самые важные моменты службы встает рядом со своим местом, делая вид, что возится с котелком, куда он положил маленький дискос и малюсенькую алюминиевую чашу. Отец Николя совершал литургию в кабинете начальника в его отсутствие; ящик письменного стола служил алтарем. Кто-то служил в шахте, ставя чашу и дискос на черную доску, камень или глыбу угля; у других алтарем были собственные колени.

Я иду в двадцать седьмой барак навестить польского собрата: тот на месте, лежит на животе, приподняв грудь и опираясь на локти, — вижу, что он служит мессу. Другому польскому священнику, родившемуся в Луцке, повезло больше: он, дневальный в сушилке, мог запереться и служить, став на колени

перед табуреткой, под одеждой, свисающей с крюков у печки. Однажды, когда я был его гостем, он запер меня в своей каморке, и я смог совершить богослужение. Я был счастлив! Позднее мне так же посчастливилось приютить священников для богослужения у себя в будке рядом с лагерной колонкой.

Во второй кипятильне, где я проработал несколько месяцев, было гораздо труднее предоставлять подобный приют, хотя для самого себя я мог служить по ночам. Помню, однажды среди бела дня пришел василианский священник и попросился служить. «Охотно, отец, — говорю, — но спрятаться можно только за печкой. А там очень неудобно, нужно встать на колени и сжаться, иначе увидят, и притом там нестерпимо жарко». — «Ничего, — отвечает, — приспособлюсь, а то сегодня я вообще без места, и служить мне негде». К тому же как раз, когда священнику нужно было выходить из тайника, явился незваный гость; чего он хотел, неизвестно, но сидел у меня минут десять, пока я не нашел предлога его выставить.

А что представляли собой священная утварь и облачения? Микроскопическая алюминиевая чаша — роскошь, доступная не всем: один священник сделал себе чашу из дерева, у другого был целлулоидный стаканчик; третий использовал углубление ложки. И больше никаких предметов, облачений не было, свечей тоже. В последние годы изредка находили огарок и приберегали на главные праздники; и вообще, опасно зажигать свечу в бараке, особенно ночью: в любой миг войдет охрана; к тому же рядом доносчики. Вино было запрещено, как и все спиртное.

Если найдут священные предметы при обыске, накажут сурово; нужно было постоянно думать, как и где прятать подобные вещи. Большую часть времени я прятал чашу и дискос в стружках тюфяка, если таковой был; начиная мессу, я распарывал десятисантиметровую прорезь в тюфяке, а после снова зашивал. Прятать вино оказывалось труднее, но обычно его было так мало, что нескольких капель на дне пузырька почти не было видно, — беда в том, что при обыске охранники сразу забирали любое стекло.

Опасности

Господь всегда приходил на помощь. Однажды ночью, не помню почему, вся моя богослужебная утварь находилась то ли под так называемой подушкой, то ли внутри ее: Святые Дары, чаша, дискос, возможно, и Евангелие. Между подушкой и стеной хранилась баночка с брагой; браги было целых пятьдесят граммов, хватало на пятьдесят месс — это было моим сокровищем.

Внезапно всех разбудил надзирательский крик: «Подымайся!» Следовало мигом спуститься с нар и выйти в центр барака; мешкать и копать в своем тюфяке значило привлечь внимание. Я еле успел вытащить мешочек с Живым Сокровищем, повесить его на шею под рубашкой и натянуть бушлат; прочее осталось где было. Я положился на Провидение. И все же дрожал от страха, больше всего боялся, что при личном обыске, которым обычно завершался весь этот тарарам, они обнаружат Пресвятую Евхаристию. «На сей раз не пронесет! — думал я. — Но Евхаристию не отдам! Иисусе, помоги! Пресвятая Дева! Святые Иосиф и Тарцизий! Придите на помощь!»

Двое охранников не спускали с нас глаз, двое других рылись в тюфяках и в нашем тряпье на нарах. Охранник справа все перевернул на нарах, а на верхних даже перетоптал сапогами. Тот, что слева, то есть с моей стороны, меньше усердствовал: на верхние нары не залез, только обшарил и рванулся к моему месту, предпоследнему сверху. Сердце билось все сильнее: вот еще один тюфяк, мой — следующий. Но нет, его не коснулся, последним перевернул тюфяк моего соседа, славного студента, литовца, о нем я еще скажу, в то время он работал в одной бригаде со мной (в перевалке в 1952 году).

При личном обыске тоже пронесло. Я тщательно застегнул рубашку, под которой Святые Дары, и распахнул бушлат: наружный карман пуст (четки из хлеба я вынул), а во внутреннем богослужебный плат. Все мягкое и в глаза не бросается, четки я зажал в кулаке. Охранник ощупал меня под мышками и сзади и не коснулся груди. Я вздохнул с облегчением и возблагод-

рил Господа. В этот обыск я не смог тайком проглотить Святые Дары, потому что за нами наблюдали. Прежде, однако, мне удавалось это делать, по крайней мере, дважды, когда, возвращаясь с работы, я рисковал подвергнуться обыску вплоть до раздевания.

Мешочек со Святыми Дарами могли найти и осквернить, поэтому в таких случаях я держался в хвосте бригады, чтобы успеть проглотить Святые Дары и обе их обертки. Найди эти два клочка охранники, пошли бы вопросы, почему и зачем они мне; надзиратель изучил бы их, рассмотрел на свет, нет ли надписи или еще чего, потом выбросил бы. Однажды в нашем лагере осквернили Пресвятую Евхаристию. У бедняги дона Аббондия⁹⁹, священника из Закарпатья, охранник на входе в лагерь сорвал с груди мешочек со Святыми Дарами. Не знаю подробностей, поскольку слышал об этом позднее и от постороннего, знаю, однако, что частички хлеба ангельского были презрительно брошены на землю.

У священника не хватило мужества подобрать их сразу; добравшись до своего барака, он сообщил о случившемся одному литовскому священнику, собиравшемуся на работу, и просил посмотреть, нельзя ли их найти, но было поздно.

Ангелы

Наверное, ангелы восполняют недостаточность человека, его малость рядом с таинством божественной Любви. Однако бывают ангелы и среди людей, славящих Господа! С 1948 до начала 1950 года мы видели доблесть исповедника веры, монсеньора Григория Лакоты¹⁰⁰, викарного епископа Перемышля. Он столь глубоко почитал Евхаристию, что не осмеливался служить мессу в лагере, считая неуместным описанный выше способ богослужения; однако так алкал хлеба ангельского, что

⁹⁹ Дон Аббондио — персонаж романа Алессандро Мандзони "Обрученные", его имя стало нарицательным для священника, которому не хватает мужества в трудных ситуациях.

¹⁰⁰Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

просил то одного, то другого священника приносить ему Святые Дары в лазарет.

С 1951 года в тридцать пятом бараке находился один ревностный и смелый литовский священник¹⁰¹: каждое воскресенье он собирал у себя в бараке, в уголке, группу соотечественников и других католиков и торжественно совершал богослужение. Подчас во время жертвоприношения на тумбочке, превращавшейся в алтарь, горели свечи, а летом стояли даже цветы из тундры; ему прислуживали семинарист-богослов и литовский студент, о котором я упоминал выше, этот последний действительно был похож на ангела. Так продолжалось месяц за месяцем; лагерное начальство ничего не знало или терпело, но в конце концов решило прекратить *безобразие*. Первой репрессивной мерой стал личный обыск у священника, у него отобрали богослужебную утварь; его преследовали, пока наконец не посадили на год во Владимирскую тюрьму.

Студента-ангела звали Альгис К.; его осудили как «предателя Родины» за то, что он выступил инициатором посвящения Литвы Непорочному Сердцу Марии. Он прибыл в наш лагерь между 1950 и 1951 годами; ему было тогда лет двадцать восемь, но он казался подростком, такой невинностью сияло его лицо, казалось, это лицо святого Станислава Костки! Особенно Альгис почитал Деву Марию, он называл себя «дитя Святой Девы»¹⁰², говорил о Ней с великой нежностью, но еще больше он любил Ее Сына. Альгис причащался каждый день, обходя для этого иногда всех священников лагеря; случалось нам, священникам, оставаться без причастия, но Альгис находил его всегда. Он часто навещал меня, но было видно, что ищет он не меня, а Того, Кого я носил с собой, учтиво приветствовал дарохранительницу, которую представлял для него я, и сосредотачивался на поклонении Святым Дарам.

Несколько раз я был вынужден оставлять ему святыни, когда шел в баню или в другое место, куда их опасно внести.

¹⁰¹Возможно, это Стефан Городко, арестованный в Вильнюсе в 1949 году и отправленный на 10 лет в Воркутлаг. — *Прим. сост.*

¹⁰²«Le petit enfant de la S. Vierge».

Для Альгиса это были минуты счастья, его лицо выражало радость и благоговение; он подставлял грудь, и я клал мешочек в карман его бушлата, как раз у сердца, которое билось очень сильно. Никогда Альгис не притрагивался к мешочку руками; когда я возвращался, он снова подставлял грудь, и я забирал сокровище, сожалея, что мое сердце не так чисто и пылко. В жизни не встречал я такого святого юношу! Я не мог состязаться с этим ангелом еще и потому, что уже привык держать при себе Божественного Гостя — Тело Господне. Пыл первых лет служения уменьшился, и от этого я смущался и страдал.

И все же Господь дал мне убедиться, что в глубине души я люблю Его. А случилось это так: был канун Рождества 1952 года. Выйдя утром на работу в штрафной бригаде, я оставил Святые Дары своему тогда самому близкому другу, отцу Иулию З., священнику из Закарпатья. Поскольку вечером он тоже должен был идти на работу (на ту самую выемку грунта для железной дороги, о которой было рассказано выше), мы договорились увидеться через день, послезавтра, и решили, что он оставит Евхаристию под подушкой, а я заберу ее, когда вернусь.

Казалось, мы договорились ясно, но вышло недоразумение. Вернувшись с работы, я ничего под подушкой не нашел. Спросил, не было ли случайно обыска: нет. Значит, украли, решили, что там деньги, а потом выбросили. Какое несчастье! Как неосторожно мы договорились! Ужасна была эта Рождественская ночь! Я служил, а сам страдал от потрясения. Тогда мне стала понятнее мука Марии и Иосифа, когда в храме они потеряли обожаемого Отрока. В тревоге я дожидался возвращения отца Иулия, ждал его объяснений и готовился горевать вместе с ним. Слава Богу, все объяснилось просто: он оставил Святые Дары не под моей, а под своей подушкой, а мне это и в голову не пришло! Зато Рождество стало наконец Рождеством.

Равнодушие

Для нас, католиков, причастие даже в лагере было главной поддержкой; к сожалению, причащались немногие. Вообще, ве-

рующие составляли примерно треть всего числа заключенных лагеря, но не причащались они по разным причинам. Прежде всего вера многих пошатнулась, люди погрузились в апатию и, даже узнав о возможности причаститься, пренебрегали ею; оказавшись в отчаянных условиях, они и слышать ни о чем не хотели.

Вдобавок жили мы в атмосфере подозрительности и не решались уговаривать исповедоваться: кто-то мог решить, что мы хотим вызнать тайны и донести. Люди в лагере, плохие и хорошие, перемешались, условия жизни уравнили профессора и крестьянина, богатого и нищего, честного и вора, священника и атеиста. Пойди докажи подлинность собственной священнической миссии!

Кроме того, сам священник не доверял людям и осторожности ради далеко не всем сообщал время и место мессы. Да и сомневался, открывать ли тайну духовно незрелым; те привыкли видеть Евхаристию, окруженную сиянием и светом. Не утратят ли они благоговения, увидев Ее в этом убожестве? В этом отношении требовалась крайняя осторожность с православными, которые с трудом отличают божественное установление от церковного; даже с православными священниками. Эти скорее решились бы совершать литургию без вина, чем без священных облачений и антиминса. Что и говорить, если они предпочитали получать Евхаристию по почте в посылке; и в лагерных условиях сами не служили! С подобным явлением я столкнулся в последние недели заключения.

Свет извне

Жаль, что таким образом на протяжении многих лет оставались без причастия многие прекрасные души, в том числе и молодые православные: они порой, строго блюдя посты и праздники, проявляли такую стойкость, что вызывали удивление у наших верующих. Правда, христианская мораль не требует подобной стойкости; в некоторых обстоятельствах она освобождает и от соблюдения поста, и от праздничного отдыха

во избежание слишком тяжелых последствий. Но православные ничего о том не знали и, чтобы не нарушить церковных установлений, терпели лишения.

Например, молодой русский по имени Гавриил почти все праздники проводил в штрафном изоляторе, потому что в праздничные дни отказывался выходить на работу. Гавриил работал на шахте; по праздникам (в православном календаре их очень много) он сам, не дожидаясь, когда за ним придут, отправлялся в карцер, где проводил рабочую смену в холоде, на цементном полу, полураздетый, с 300 граммами хлеба. Это продолжалось до тех пор, пока начальство не пошло на компромисс: оно согласилось предоставлять Гавриилу ежемесячные четыре выходных в четыре церковных праздника. В другие праздники он спасался, отработывая накануне две смены подряд; таким образом, проведя в угольной шахте двадцать и более часов без отдыха, он мог спокойно провести праздничный день.

Другой молодой православный отличался соблюдением еженедельного поста в среду и пятницу и четырех — в течение года. Даже в воскресенье и в праздники он постился до того часа, пока где-нибудь в России не начиналось богослужение, завершавшее пост. Духовным отцом этой молодежи был Иван Федорович С.¹⁰³, человек с бородкой, жилистый и тощий, особенно к концу поста. Он говорил, что не священник, но другие считали его таковым; он ходил по баракам и наставлял верующих как "старец".

Однако Иван Федорович был чрезмерно суров, и я не смог склонить его к большей широте взглядов, несмотря на все свое влияние на него в некоторых вопросах: например, в доводах против еретиков, которые когда-то, как он признался, чуть не завлекли его в свои сети. Мы познакомились благодаря общей дружбе с одним литовским врачом-хирургом, которого я окормлял, а он, то есть Иван Федорович, был у него вроде помощника. Суровость Ивана достигла такого предела, что несколько раз он призывал меня сделать внушение доктору по поводу его

¹⁰³Возможно, речь идет о священнике Иване Федоровиче Струковском.

Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

греха ходить в баню в воскресенье утром, до торжественной мессы.

Вне всякого сомнения, злой демон, лжепророк увел Ивана Федоровича от Католической Церкви, но внутренняя причина всего этого, если была, заключалась в его преувеличенной строгости, а именно во внешнем соблюдении правил, описанных выше. Католическую Церковь он обвинял в попустительстве, что, дескать, даже в церковных законах она делает поблажки пастве. Этот свет, сиявший и вне Католической Церкви, был бы прекраснее и чище, если бы сливался с сиянием Града на горе, с истиной и святостью единой вселенской Церкви Христовой.

Были и другие лучи света. Они шли с воли. Например, свет милосердия. Он проникал за колючую проволоку и укреплял нас. Я уже упоминал о посылке, которая пришла мне в январе 1948 года от одной старой польки из Днепропетровска. Меня свел с ней отец Иосиф Кучинский, который уже получал от нее и других верующих Днепропетровска материальную помощь. Когда добрая старушка получила мой адрес, она начала присылать посылки и мне: посылки скромные, но для нее, уже восьмидесятилетней, конечно, обременительные, хотя очень ценные для нас в условиях лишений. Старушка продолжала помогать мне до начала 1950 года. Царствие ей небесное!

В 1948 году добавились еще два источника помощи: на Западной Украине среди верующих, особенно среди монахинь, принужденных к мирской жизни, делались сборы для священников, бывших в лагерях или ссылке, и отправлялись посылки. И вот сначала отец Р., василианин, дал мой адрес одной настоятельнице василианок, немногим позднее каноник Сл.¹⁰⁴ сделал то же самое, дав адрес в другом женском монастыре из епархии города Станислава. Из этого монастыря первая посылка, как мне кажется, пришла 3 октября 1948 года: одно из многих благодеений ордена св. Терезы Младенца Иисуса; потом от этих монахинь я получил еще две или три посылки.

Наибольшей была помощь от василианской настоятельницы: в 1950 году и этот источник иссяк. Все же после долгого

¹⁰⁴ Имеется в виду каноник архиепископа Иосифа Слипия. — *Прим. сост.*

молчания, в 1951 году мне пришла открытка от этой замечательной благотворительницы: она писала мне из украинского концлагеря, тоже став жертвой советского правосудия. Позднее я узнал, что ее *преступление* состояло в том, что она поддерживала отношения с «врагами народа» и посылала помощь «предателям Родины». Так поставили под сосуд свечу в стране, где только тьма имеет права гражданства.

«И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5,15).

Глава XXV. Работы внутри зоны

В Воркуте я сначала работал санитаром, что давало мне возможность оказывать телесную и духовную помощь собратям. Нелепо думать, что начальство одобряло мое назначение в санитары, учитывая его враждебное отношение к католическим священникам вообще и ко мне в частности. Однако Господь попустил, чтобы я работал среди больных три месяца в 1948 году и пять месяцев в следующем, 1951 году, но уже не как санитар, а как больной.

В хирургической больнице

Перелом правой ключицы, о котором я упоминал, был везением. Он освободил меня от тяжелой работы на горно-обогательном производстве: полтора месяца я провел в гипсе, а потом еще сто дней оставался в больнице санитаром. Практически я помогал двум ночным дежурным — фельдшеру и санитару; вместе с этим вторым мы убрали в больнице и помогали пациентам с восьми вечера до восьми утра. Дежурный санитар часто отлучался — забрать на шахте контуженных и раненных ночью. И тут мне приходилось туго, особенно когда было много срочных операций; если несчастных случаев выпадало по несколько за ночь, то, помимо ухода за больными, на меня возлагалась вся уборка.

Еще больше, чем тела, нуждались в заботе души, поэтому в больнице я был на своем месте и благодарил за то Господа. Для меня была также очень важна возможность служить мессу: в отличие от многих братьев, не имевших в бараках ни времени, ни места для мессы, я всегда мог, особенно когда не было дополнительной работы, уединиться ночью на полчаса в сравнительно приличном помещении. Что же касается миссионерства, то я не добился больших успехов среди советских граждан, даже среди тех, кто был при смерти.

Не так мешали конфессиональные разногласия, как недоверие: с трудом, но мне удалось преодолеть упрямство одного

литовца, тоже с недавних пор ставшего советским гражданином. Его звали Миклошюс, лесоруб по профессии, он был насильственно оторван от родины, жены и дочери. Перед тем его несколько раз вызывали в НКВД, шили дело, но безуспешно: не было ни одной зацепки. В последний вызов ему заявили, что его профессия пригодится в других краях, и его, не отпустив домой, запихнули в вагон для скота и с десятками других литовцев отправили сначала на восток, потом на север. В то время миллионы украинцев, эстонцев, латышей, литовцев, румын и так далее высылались на спецпоселение в Сибирь и в районы Арктики. Отправляли целыми семьями, часто неполными по причине арестов; людям приказывали быть через час-два на вокзале, имея при себе не более чемодана на каждого, остальное конфисковали.

Наш лесоруб, чья профессия могла очень пригодиться Советам в безлесной тундре, стал на Воркуте нервным и чудаковатым, никому не доверял и всех подозревал. Его держали с нами, зеками, но юридически его положение отличалось от нашего. Если бы не плохое здоровье, он мог бы, вернее, был бы обязан покинуть лагерь, однако не саму Воркуту, место ссылки; пребывание ссыльного в лагерной больнице было тогда в порядке вещей; в нашу хирургическую больницу клали и вольных.

Пока лесоруб лежал в общей палате, где не ладил ни с кем: ни с медицинским персоналом, ни с больными. Мои услуги он терпел, поскольку не вставал с постели: ноги у него сделались как спички, и уже отказывали все органы. Потом его перевели в палату для умирающих; там лежал еще больной, молодой русский, вскоре умерший от костного туберкулеза; освободившееся место я попросил отдать мне — для отдыха. Так я получил условия для служения мессы ночью и днем; литовец, за которым я ухаживал, воочию смог убедиться, что я служу мессу по всем правилам, и перестал подозревать меня.

Он пожелал исповедаться, и мне удалось провести к нему священника-литовца. И тут больного, точно в насмешку, известили о проявлении к нему "снисхождения" и разрешении получить паспорт по выходе из больницы. Но было слишком поздно,

и он только больше затосковал; да и на что бы сгодился моему литовцу "сталинский паспорт", разве что кочевать в пределах СССР. Настоящий паспорт дал ему я Великим постом 1949 года, когда, тайно проникнув в больницу, в последний раз преподавал больному Святые Дары.

Подлинное избавление он получил не от властей, а от Бога.

Пошивочная мастерская

По приказу начальника политчасти меня убрали из стационара и перевели на работу в лагерную пошивочную мастерскую. Здесь работа кипела днем и ночью: дневная бригада работала с семи утра до семи вечера с часовым обеденным перерывом, моя же ночная бригада — с семи вечера до шести утра следующего дня. Три раза в сутки дневальные барачников приносили кучу рваных и грязных тулупов и бушлатов: латаны-перелатаны, с дырами в двадцать, тридцать, сорок сантиметров, подчас не понять, что за ткань была изначально.

Мы сами должны были раздобыть иглу и наперсток, в продаже их не было, ни тем более фабричных инструментов: стальная игла — редкость, но железная игла имела свои преимущества, если согнется, можно выпрямить. А нитки!.. Мы добывали их из полос старой просмоленной холстины, послужившей в шахте; когда же нам давали хоть немного фабричных ниток — это был праздник, увы... крайне редкий. В конце рабочего дня мы становились бронзового цвета, а легкие забивались вредной пылью.

Наш барак был двадцать пятый: мы жили в секции «Б» вместе с сапожниками, секция темная, плохо проветриваемая. Вместить могла чуть больше половины тех, кто там жил на самом деле, поэтому почти никто из нас не имел своего постоянного места, мы спали по двое, чередуясь: одни ночью, другие днем. Порой после работы не находилось места прилечь, одному Богу известно, что это были за месяцы. К тому же к вечным клопам добавились вши: этих, правда, мы в несколько недель смогли уничтожить благодаря помывке в бане.

Посудомойка

В апреле 1949 года начальник политчасти снова занялся мной: на сей раз приказал отправить меня в малую зону. 18 или 19 июля из штрафного изолятора¹⁰⁵ меня из-за крайнего истощения перевели в четвертый санитарный барак — до 10 августа я отдыхал. Санитарный барак мало чем отличался от обычного; те же двухэтажные нары, однако на них имелись матрас и подушка, набитые опилками, простыня и одеяло — невиданная роскошь с тех пор, как я покинул больницу. Еды мало, но готовили ее лучше: половина хлебной пайки — почти белый хлеб, вместо перловой каши в изобилии овсянка, часто гречка и пшенка, иногда рис. Лекарства были редкостью, но изредка нам давали маленькую пилюлю витамина С.

Спустя дней двадцать меня послали работать санитаром или, вернее, посудомойщиком: таким образом, почти пять месяцев я работал, живя интенсивной евхаристической жизнью и принося некоторое облегчение страждущим собратьям, хотя в этой санчасти тяжелых больных не было. Среди апостольских радостей этих месяцев главной, конечно же, стало первое причастие одного австрийца и обращение немецкого инженера. Австриец Шнайдер был принят в общение с Католической Церковью венгерским священником во львовской тюрьме; впервые причастился он в Воркуте — этому радовался и я, бедный священник в бескрайней тундре. А инженер-немец стал членом церкви к Рождеству 1949 года; Шнайдер побудил его изучить со мной вопрос истинной Церкви Христовой, тем и завершилась моя деятельность санитара.

В новом году я начал новую жизнь: стал работать сторожем в будке при колонке и по совместительству лагерным дворником, но перед этим пробыл месяц на общих работах в бригаде перевалки.

¹⁰⁵В рапорте опера на заключение в штрафной изолятор Пьетро Леони значилось: «Открытое подстрекательство заключенных против советской власти».

Лагерная "часовня"

Был конец января 1950 года. Почти целый месяц я находился в бригаде снегоборьбы; вернувшись домой с работы и съев свой жалкий обед, я пошел в будку рядом с баней, в первом разветвлении главной улицы. Стучу и вхожу, быстро закрыв за собой дверь, чтобы не выпустить из комнатки тепло. Здравуюсь по украинскому обычаю: «Слава Иисусу Христу». — «Слава на вікі», — отвечает сторож: у него наготове жест удивления и улыбка гостеприимства.

— Как поживаете, отец Николай? — спрашиваю я.

— Слава Богу, жив. А как вы, отец Пьетро?

— Спасибо, чувствую себя, как можно чувствовать в лагере.

При входе — чугунная печурка. Нужно согнуться в три погибели, чтобы пройти на другую сторону, но сейчас этого нельзя сделать, так как с той стороны почти все пространство занимает отец Николай. Он приглашает меня сесть рядом на голые нары, другого сиденья нет, да если бы и было, заняло бы все пространство между печкой, нарами и тумбочкой на гнилых ножках.

Отец Николай, епархиальный священник восточного обряда Перемышля, попал в наш лагерь прошлой осенью, но уже приспособился к новой жизни. Благодаря посылкам от своей сестры и от прихожан ему удалось избежать самой тяжелой работы по снегоборьбе и устроиться хоть и не Бог весть как, но чуть полегче. Он не творил чудеса героизма, но ему хватило мужества предпочесть тюрьму отречению от Католической Церкви. Когда мы познакомились, он представился мне со словами: «Я не из тех, кто перекинулся к православным. Я был и остаюсь католическим священником».

В нынешних трудностях его спасало прежде всего безграничное упование на Пресвятую Деву, которая зримо помогала ему на каждом шагу. Он работал в камере уже примерно неделю, но спал в бараке. Я навещал его каждый день, пару раз я воспользовался этим местом, чтобы спокойно отслужить мессу.

— Вы пришли вовремя, — сказал он мне в тот вечер. — Я думал о вас.

— В связи с чем?

— В связи с этой будкой. Знаете, это место не для меня. Я слишком тучный, не могу здесь повернуться. Кроме того, у меня ревматизм, я боюсь спать в будке: от печки слишком жарко, а от тонкой стенки слишком холодно. И все же нужно спать здесь, чтобы следить за печкой и ночью, иначе к утру все замерзнет и лопнет труба. Да и сама работа мне не по силам, ведь нужно не только следить за печкой в будке и за колонкой на улице, нужно постоянно очищать от снега и льда площадку, где набирают воду, нужно чистить дорожку к колонке. Мало того, меня заставляют убирать снег рядом с управлением и еще на поперечной дорожке, отсюда к управлению и дальше. А этого снега, между прочим, скапливается почти каждую ночь очень много; бывает, убираешь его утром часами, а после обеда начинай все сначала. Мне в моем возрасте уже не под силу столько махать руками, я нашел себе работу полегче, и надо передать будку начальнику, ведающему лагерными постройками. Жаль, правда, передавать будку кому попало, ведь тут у нас прибежище в наших духовных нуждах, и потом, эта работа все же легче. Может, вам, отец Пьетро, лучше устроиться здесь, чем ходить за зону в бригаде по снегоборьбе?

— Конечно, лучше, по крайней мере с духовной стороны. Вот только как сюда устроиться?

— А я вас научу. Подготовьте заявление на имя помощника по труду; я вручу свое заявление об уходе с должности, а вы — свое о приеме. Потом я дам ему хорошую взятку, замолвив за вас словечко, а вы, если получите посылку или если у вас появятся деньги, должны будете время от времени вспоминать о помощнике по труду. Это не очень хорошо, но здесь вы никого не обидите: каждый выживает как может, как говорится, «не подмажешь, не поедешь».

Я подал заявление. И убедился, что *помазание* было и свыше, потому что я устроился в этой будке, и вскоре она стала лагерной часовней, как раз к Сретению.

Материальные занятия

Несмотря на неудобства, о которых говорил отец Николай, я перенес в будку соломенный тюфяк, радуясь, что сплю теперь один. Еще неудобство заключалось в необходимости вставать каждые два часа и подбрасывать уголь в печурку, чтобы не гасла; если все же гасла, *Дед Мороз* давал себя знать. Тогда приходилось начинать сначала, а раздобыть дрова было очень трудно, поэтому в течение дня я собирал по лагерю щепки и прутья, какие попадались. Иногда находил деревяшку или доску и раскалывал их кайлом, если было, или ломом для колки льда, который мне разрешили держать.

Со временем работы стало больше: я должен был разгрести снег не только вокруг барака управления, но и на дороге к «вахте» и потом колоть лед и убирать снег на самой вахте. Когда не было снегопада, приходилось выполнять другую малоприятную работу: двигаясь вдоль главной улицы от вахты до столовой, уничтожать следы тех, кто *расписался* на снегу, вместо того чтобы дойти до отхожего места. Не дай Бог, высокое начальство мимоходом обнаружит сии непристойности!

В летнее время участок моей уборки еще больше расширился: я выполнял обязанности не только сторожа колонки, но и дворника, и садовника. На самом деле цветов было крайне мало, ничего не росло, кроме ромашек и самых простых полевых цветов; и все же считалось очень важным разбивать клумбы рядом с бараками и тем паче перед управлением. Очень часто клумбы представляли собой лужайки простой травы с узором посерединке из битого кирпича, цветного стекла и жестяных банок; самой большой работой были копка и высадка дерна, ивовых саженцев и карликовых тополей по краям канавок, рядом с бараками и т. д.

Работа стала особенно напряженной с лета 1951 года, когда начальником лагпункта стал украинец по фамилии Бчанка, полковник МВД, большой негодяй. Было объявлено соревнование между всеми лагпунктами Воркутинского лагеря по подготовке к летнему сезону; полковнику было очень важно про-

извести хорошее впечатление на комиссию, которую ожидали с инспекцией. Соревнование стало сущим мучением для всех: велено было работать сверхурочно, наводя красоту на каждый барак и прилегающую территорию, разбивая клумбы и огораживая их штакетником.

За эти недели подготовки следовало разровнять землю и поработать граблями так, чтобы не осталось ни камешка, и подготовить к озеленению; а трава на земле, совершенно непригодной, вымерзала каждую зиму. Особенно доставалось дневальным барачников: полковник не шутя заявлял, что будет наказывать за каждый прутик или спичку, брошенную у барачников. Говорили, что начальник лагеря убивает нас под предлогом наведения чистоты и красоты; подобное радение о нашем здоровье казалось особенно лицемерным, когда обнаружился контраст между вылизанной зоной и домами самих же начальников по ту сторону колючей проволоки: у домов лежали кучи угольного шлака, железки, мусор.

Занятия духовные

Вернемся к нашей будке, которая всегда мне дорога, поскольку в ней я провел лучшее время своей лагерной жизни. Я полюбил ее с самого начала, ибо в ней обретал блаженное одиночество монастырской кельи. Одиночество, конечно, очень относительное, но по сравнению с многолюдьем барака оно было лучше не только для духовных и миссионерских трудов, но и просто для нервов.

Первое время, то есть вторую половину лета и первый месяц осени, я мог служить лишь изредка, поскольку почти не было вина. И вот наконец изобилие! Спасибо новому соседу по бараку, марианскому священнику, латышу, который часто получал из дома посылки. Первым даром стал плоский пузырек; он был спрятан в банке варенья, и надзиратель при проверке его не заметил; затем со временем добавились другие запасы. Таким образом, с ноября 1950 года до следующей весны я служил почти ежедневно; в эти месяцы в "часовне" постоянно хранились Святые Дары.

Сама "часовня" сделалась оживленнее, часто кто-нибудь присутствовал на мессе. Великим удобством было отдельное помещение: другие священники также стали совершать мессы; для них это оказалось еще удобнее, поскольку я запираю их внутри одних или с каким-нибудь верующим, чтобы служили без помех. Угловая тумбочка, покрытая дощечкой, была алтарем; над ней — картинка с изображением Пресвятой Девы и деревянное распятие, сделанное одним заключенным. В будке кипела работа: составили мы краткий служебник, состоящий из пяти месс для разных случаев, сшили маленькую столу из подаренного мне шарфа, переписали часть Библии в дополнение к неполному Новому Завету одного моего друга, и так получили еще одну копию псалтыри. Я садился на колоду, клал дощечку на нары, писал и переписывал; чаще — из Нового Завета, вновь обретенного с помощью того же друга.

"Часовня" привлекала не только католиков, но и инославных. Именно здесь я познакомился с молодым человеком с Поволжья, принадлежал он к какой-то казанской секте. К сожалению, не помню сути их учения: оно претендовало, помню, на звание истинного православия, несмотря на явные черты марксизма, и самым странным в секте было главенство женщины, которая исполняла роль главы "церкви" и священника.

"Пророк"

Наиболее интересной из моих встреч с инославными была встреча с "пророком" Андреем. Он появился в конце лета 1950 года и сразу же стал известен пророчествами о скором конце большевизма. Один мой православный друг спросил меня, хотел бы я познакомиться с Андреем. «Это необыкновенный человек, — говорил друг. — Он аскет, не ест не только мяса, но даже рыбы, знает Библию досконально и хранит тайные пророчества, переданные ему бабкой. По его словам, большевизм рухнет между февралем и мартом следующего года — для него это нечто несомненное. Если вы, отче, хотите поговорить с ним, я приведу его сюда».

— Приведите, — сказал я. — Интересно услышать от него самого, на чем основана его уверенность. И потом, всегда полезно познакомиться с Божиим человеком. Говорит, в феврале? Смотри-ка! Случайно не 11 февраля? Как раз к первому явлению Пресвятой Девы в Лурде.

— Точно не знаю. Спросите его самого.

Я поблагодарил и с некоторым нетерпением стал ждать. Друг и "пророк" Андрей пришли вместе; я усадил их на тюфяк, а сам остался стоять между тумбочкой и печкой. В качестве гостеприимного хозяина я показал "пророку" молитвенник на украинском языке, полученный в посылке из Львова. "Пророк" задержался взглядом на названии книжки «Исусе, люблю Тебя» и довольно бестактно начал спорить по поводу написания имени Иисуса: «Почему Исусе? Нужно писать Иисусе».

Я объяснил, что это написано на украинском языке, а не на славянском и не на русском. Он начал доказывать, что имя Иисуса священо и не должно искажаться, и что Иоанн Златоуст сочинил целую проповедь, доказывая, что каждая буква имени Иисуса имеет сокровенный смысл, следовательно, написание Иисус должно оставаться таковым на всех языках. Мне с трудом удалось объяснить ему, что ни св. Иоанн Златоуст не имел перед собой русских или славянских букв, да и имя Иисуса изначально не произносилось, как в Греции, и, следовательно, нужно хвататься не за букву, которая убивает, а за дух, который животворит.

Но в тот момент не это было важно, и я попытался успокоить его, стараясь возражать как можно меньше. Правда, его упрямство вкупе с невежеством меня уже почти разочаровало, но я хотел услышать, по крайней мере из любопытства, пророчества, поэтому просил его поведать о своих откровениях. Тогда "пророк", спросив, осознаю ли я, что мы переживаем апокалипсические события, процитировал наизусть отрывок из апостола Павла, на который я никогда не обращал внимания: *«Когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба»*. Я спросил, откуда именно этот текст; тогда Андрей достал из кармана Новый Завет и прочел отрывок

из пятой главы первого послания фессалоникийцам: *«О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью. Ибо когда будут говорить "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут»*.

«Вы слышали? — заключил "пророк". — Не избегнут, и не избегнут сейчас, когда они каждый день разглагольствуют о своем мире и образуют свой Совет Безопасности». Цитата произвела на меня впечатление. Тогда у меня не было времени сообразить, что вопль врагов Божиих "мир и безопасность" — это крик победы, и если коммунизм — предтеча антихриста, то надо думать, что прежде поражения будут у него победы и самообольщение, что коммунизм ликвидировал всех своих врагов и может почивать на лаврах.

"Пророк" перешел к другим текстам Писания. Открыв шестую главу Апокалипсиса, он пересказал предыдущую главу, где говорится, что Сидящий на престоле показал книгу, запечатанную семью печатами, открыть которую достоин лишь Агнец Божий.

Вот текст о снятии печатей с комментариями нашего "пророка": *«И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец, и вышел он как победоносный, и чтобы победить»*.

«Конечно же, — сказал "пророк", — речь о династии российских царей: их гербом был Георгий Победоносец на белом коне с луком в руке. Это ясно, — продолжал он, — а дальше еще яснее. Слушайте, слушайте, что говорит Иоанн: *«И когда Он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем (видите, Ленин на рыжем коне) дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга (революция), и дан ему большой меч (мировая революция)»*.

А сейчас послушайте описание Сталина, это стих пятый:

«И когда Он снял третью печать и так далее, вот конь вороной (темная раса, кавказская раса) и на нем всадник, имеющий меру в руке своей (Сталин с нормами и пятилетними планами). И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий, еля же и вина не повреждай». Слышите? Это описание колхозной жизни, точь-в-точь: *динарий* — это работа одного дня, *трудодень*; хиникс, мера пшеницы, или три хиникса, три меры ячменя, — это плата за *трудодень*. И затем вино и елей, кто в колхозе повреждает их? Их там даже и не видели».

Сходство всадников с Лениным и Сталиным поразило меня. "Пророк" приступил к чтению текста о снятии четвертой печати: *«"И появился конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертой частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными"»,* то есть с различной жестокостью», — пояснил "пророк", имея в виду Гитлера. Я предположил было, что это не Гитлер, а преемник Сталина; "пророк" прервал меня, заявив, что выслушает меня потом, а сейчас растолкует снятие пятой печати.

«Что такое души убиенных за слово Божие и за их свидетельство, души, которые увидел Иоанн у подножия алтаря? Это наши жизни, принесенные в жертву здесь, где мы как будто погребены заживо и ожидаем, что Господь свершит правосудие и рассеет наших угнетателей. И Господь исполнит очень скоро наши молитвы. И действительно, Агнец *"снял шестую печать... и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась, как кровь. И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои"*, и так далее». "Пророк", пропустив седьмую главу, принялся объяснять восьмую, о снятии седьмой печати и наказаниях; затем взялся за девятую и десятую главы, с большими натяжками перенес все на наше время, речам его не было конца.

Я прервал его, начав высказывать замечания. Тут он наконец остановился и протянул мне книгу (которую я не взял, так

как имел свою). «Теперь толкуйте, — сказал он. — Но помните, что я отвергаю заранее всякое другое толкование». На что я ответил: «Тогда и говорить не о чем. Слишком уж вы горды и по гордости говорите глупости. Заранее отвергаете все, что я ни скажу, значит, если я скажу, что Иисус Христос есть Сын Божий, вы и это отвергнете только потому, что сказал это я, а ведь это истина. Тем самым уже доказано, что вы — лжепророк. Но все-таки скажите, когда падет большевизм?»

— В феврале–марте.

— Не верю. Слишком рано.

— Хорошо, а если все же это произойдет?

— Значит, вы действительно пророк. Правда, если произойдет, то может совпасть случайно, а если не произойдет, значит, вы — лжепророк. А вы точно лжепророк, о том говорит ваша безграничная гордыня. Господь не мог послать вам откровение, ибо сказано: *«Бог гордым противится»*. К тому же, когда вы от имени Писания распространяете эти басни, вы порочите слово Божие. Идите и больше не приходите. Наша беседа не принесла никому пользы: ни вам, потому что вы слушаете только себя, ни мне, потому что вы говорите бессмыслицу.

Потом мне сказали, почему "пророк" назначил падение большевизма на 18 февраля (3 марта по григорианскому календарю). Поскольку Иисус Христос жил (согласно "пророку" и его бабушке) тридцать три года, три месяца, три недели, три дня и три часа, то и коммунизм, пришедший к власти 25 октября (по юлианскому календарю) 1917 года должен пасть после такого же количества лет, месяцев, недель, дней и часов.

В нашем лагере обманулись многие: они слушали "пророка" и упорно тешили себя надеждой на исполнение пророчества. Когда весной 1951 года пришло разочарование, "пророку" повезло, что его уже не было в нашем лагпункте: говорят, кое-кто хотел вылечить его от ясновидения дубиной. И все же среди православных "пророк" Андрей пользовался большим авторитетом и, к сожалению, его раскольнический дух оказал губительное влияние на многих. Не наберись они этого духа, возможно, не отвергали бы так яростно идею церковного един-

ства с католиками. Одной из жертв лжепророка стал Иван Федорович С.¹⁰⁶

Живая вода

Наиболее утешительным событием в "часовне" стало обращение в католичество одного китайца. Возможно, его крещение, полученное в Церкви методистов, было действительным, однако в ответ на его просьбу мы повторили крещение, но под условием¹⁰⁷. Убедил его один китаец-католик, которого звали Пьетро; мне же досталась работа по составлению на русском языке краткого катехизиса, символа веры крещаемого условным крещением, и краткому приготовлению к таинству исповеди. Нового католика назвали Павлом. С того дня наши верующие на восьмой шахте имели перед глазами яркий пример этих двух чад Католической Церкви, всегда бывавших на мессе и причащавшихся. Обращение произошло, как мне кажется, в 1950 году, к празднику Непорочной Девы.

С этого времени и до Пасхи следующего года духовная жизнь в "часовне" становилась все оживленнее. Моя будка стала похожа снаружи на маленькую крепость: с боков она была завалена снегом почти до самой крыши; спереди прикрыта небольшим, снежным, защищавшим с фасада дверь и всю эту сторону от ветра и снега бастионом, придавшим, впрочем, будке некоторое изящество; при этом он сделал менее заметными приход и уход посетителей.

Ближе к Пасхе хождения туда-сюда участились, и лагерное начальство узнало, что в будку, заваленную снегом, народ ходит не только за материальной водой...

¹⁰⁶См. главу XIV.

¹⁰⁷Крещение под условием совершается, если возникают сомнения в факте или правильности крещения: «N.N., если ты не крещен, я крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа».

Дневальный

Отбыв наказание за «нарушение дисциплины», я был поставлен дневальным на несколько бараков; рабочий день — двенадцать часов. Распоряжаться вениками, метлами, швабрами, тряпками, снабжать бараки водой, убирать снег вокруг, колоть лед, раз в месяц морить клопов, делать уборку в бараках — вот обязанности дневального. Основное дело, снабжение водой, требовало огромных усилий: подобие коромысла служило для удержания двух ведер на одном плече, а если хватало сил, то третье ведро в руке. Держа ведра таким способом, нужно было пройти от барака до кипятильни и обратно восемь, десять, пятнадцать раз в день (или ночью). Дорога чаще всего занесена снегом, часто скользкая; упавши дневальный, разлив пару ведер, вокруг тотчас — каток.

Больше всего кипятка требовалось три дня в месяц: два, когда люди получали сахар и тут же съедали, напиваясь сладкого чая сразу на весь месяц; третий день был, когда в бараке морили клопов. Клопомор — мука для жителей барака, поскольку с утра до вечера все осматривается; тюфяки выносятся из барака или даже раскладываются на крыше, разбираются нары, доска за доской промываются кипятком или обрабатываются паром. Затем доски скоблят, моют стены, тумбочки, столы и табуреты; наконец, дряют полы. Сколько усилий в этот день! Сколько неудобства для несчастных работников, лишенных возможности прилечь после ночной смены и накануне новой дневной! Обычно говорилось, что клопомор морил людей, а не клопов: для клопов подобная операция — приятная баня.

Однако были у дневальных и спокойные дни, так что в этот период жизни я самостоятельно освоил новое ремесло — вязание.

Глава XXVI. Любимец чекистов

Первая проба БУРа

Приближалась Пасха 1949 года. В двадцать пятом бараке шла работа по подготовке к мессе по восточному обряду. Я замышлял провести службу вместе с монсеньором Григорием Лакотой и украинским священником; епископ Перемышля¹⁰⁸ находился в санчасти и одобрил мои планы. Мы уже договорились и с фельдшером, украинским православным юношей, казавшимся надежным человеком, что будем служить в процедурном кабинете санчасти.

Не знаю, то ли мой замысел стал известен оперу, то ли моя духовная деятельность в пошивочной мастерской привлекла внимание, то ли была какая-то другая причина или донос, но я подвергся длительным преследованиям: меня заключили в так называемую малую зону. В Вербное воскресенье за мной пришел охранник, приказал мне взять вещи и идти за ним в барак усиленного режима — БУР. В то время штрафной изолятор и БУР, два барака в малой зоне, были заполнены людьми, причем многие из них даже не понимали, за что наказаны.

Такой же формулировкой, без указания срока, «за нарушение режима» стала и моя — в итоге я почти три месяца отсидел в БУРе, откуда был переведен сразу в четвертый медпункт по причине почти полного истощения. За это время я немало настрадался: еды минимум, духота, никуда не выпускают, кроме как на работу, параша — мучение, особенно эта, без крышки. Но после 6 мая большую часть зеков отправили из БУРа на другой лагпункт, БУР упразднили, а нас перевели в камеры штрафного изолятора. Добро бы к людям, а то к самым буйным и наглым блатным, которые без конца вели непристойные разговоры, разводили грязь и т. п. К концу трех месяцев этой муки у меня появилась надежда на освобождение из малой зоны в связи со сменой руководства лагпункта.

¹⁰⁸ Имеется в виду епископ Григорий Лакота. — *Прим. сост.*

Новый начальник пришел в изолятор, выслушал каждого и каждому намекнул, что решается вопрос о возможности его полной или почти полной амнистии. Я пожаловался, что не знаю, за что получил ШИЗО и что именно должен исправить, если действительно виноват. Из недомолвок начальника я заключил, что моя вина — религиозного характера; начальник спросил, продолжаю ли я верить в Бога.

— Больше, чем раньше, — ответил я.

— Почему же? У вас появились доказательства?

— Доказательства, что существует дьявол. А если есть дьявол, то есть и Бог.

— Ерунда. А как, по-твоему, в религиозные праздники, на Рождество или Крещение, нужно совершать религиозные обряды?

— Очень даже нужно, но кто даст такую возможность? И где найти необходимое? Для мессы нужно многое, чего у нас нет.

Намеки начальника вызвали у меня подозрение, что главной причиной моего заключения в БУРе стал наш замысел отпраздновать Пасху. После разговоров с начальником штрафной изолятор практически опустел. Меня сначала там оставили, но через неделю без всякой моей просьбы отправили в амбулаторию, где докторша, почти не глядя, поместила меня в палату; похоже было, что она выполняет приказ¹⁰⁹. Докторшу, вольнонаемную еврейку, не слишком уважали — за невнимание к больным, но ко мне она отнеслась неплохо, и когда спустя два-три дня один уголовник зарубил ее топором, я искренне о ней скорбел.

Интересно, что именно в БУРе нам подтвердили ходившие ранее слухи о смерти Папы Пия XII. Поначалу я не верил и твердо знал, что Папа Пачелли не умрет, пока не восстановит во

¹⁰⁹Выдержки из записей в медицинской карте: осень 1948 — «заключенный П. Леони находится на излечении в стационаре из-за перелома ключицы» (3 месяца); весна 1949 — в стационаре «в связи с истощением» (5 месяцев); 12 января 1950 — подписан диагноз больному Пьетро Леони, согласно заключению медицинской комиссии: «алиментарная дистрофия и миокардиодистрофия».

Христе мир на земле. Но когда в мою камеру привезли чуть не прямо из Галиции четверых украинцев, подтвердивших, что советская печать сообщала о смерти Папы, я поневоле смирился. Позднее, выйдя из ШИЗО, я услышал от немцев, что уже избран новый Папа, кардинал Волабер, вступивший на папский престол под именем Климента XV.

Так я стал поминать за мессой "Папу нашего Климента". Правду мы узнали только в феврале или марте 1950 года, когда заключенный, человек серьезный, заверил меня, что в январе сам читал в центральной советской газете про Пия XII, что тот-де *изобрел* новый способ борьбы с коммунизмом и пополняет ватиканскую казну, объявив 1950 год Святым годом.

Полемика

Уже вторую зиму я работал при колонке. Однажды в мою будку зашел начальник политчасти, младший лейтенант МВД, то есть тоже опер; после нескольких приветственных фраз между нами разгорелась дискуссия о религии и философии.

Опер, неопытный юнец, приученный к марксистскому догматизму, вскоре оказался в затруднительном положении перед лицом логики схоластической философии, доказывающей существование Бога, а также перед лицом неопровержимых исторических фактов явления в мире Иисуса Назарянина, который сотворил великие чудеса и продолжает творить их и в наши дни. Младший лейтенант, смущенный, спрятался за словами, предписанными властью, сказав, что марксистско-ленинское учение не принимает подобных рассуждений.

Я призвал опера не смотреть на материалистическую теорию, а думать своей головой и размышлять: возможно или нет беспричинное самозарождение удивительных живых организмов, которые раньше не существовали. Если появились существа, сделанные так разумно, то нужно обратиться к разумной причине; конечно же, этой причиной не является материя, поскольку в материальном мире человек, самое разумное из всех существ, тогда еще не существовал. Следовательно, другое су-

щество, умнейшее, задумало и сотворило все это, данное существо и есть Бог.

И во второй раз опер прибег к отговорке, что-де этого нет в марксизме. Тогда я начал разрушать этот карточный домик; мои презрительные выражения окончательно возмутили молодого материалиста. И он, как потом выяснилось, решил прибегнуть к более убедительным аргументам, спросив, в котором часу приходит мой сменщик. Я ответил, что меня никто не сменяет.

— Как никто?! Ты сколько часов работаешь?

— Двадцать четыре.

Опер насторожился.

— Сегодня у тебя смена с которого часа? — уточнил он.

— С нуля часов.

— И до каких?

— До полуночи.

— А с полуночи?

— Снова стану охранять будку.

Он ушел не в духе, а я, боясь карательных мер, отдал Святые Дары и другие вещи другу-священнику. Но ни вечером, ни ночью меня никто не побеспокоил. На другой день посыльный из Управления спросил меня, что случилось накануне между мной и опером.

— Ничего, — сказал я. — А что?

— А то, что он пришел в Управление сбитый с толку и спросил меня, есть ли в будке второй дневальный. Он хотел посадить тебя в изолятор. Я сказал, что нельзя оставлять будку без охраны, иначе замерзнет труба. Так что у тебя с ним?

— Мы поспорили о религии и о марксизме. Видно, мои слова поколебали его веру в материализм.

— Если бы не я, он бы тебя упек.

— Спасибо за защиту.

Более серьезные вещи

Утром в понедельник 9 апреля 1950 года отец Иулий З. из Закарпатья попросился ко мне в будку служить, как обычно;

служил он по восточному обряду, и ему нужен был хотя бы час. Я взял лопату, вышел, запер дверь на замок и начал разравнивать снежные сугробы по краям дороги рядом с Управлением. Прошел, наверное, уже час, но я не торопился отпирать своего узника: было еще рано, отец Иулий отличался благочестием.

В этот момент один из охранников приблизился к будке и, увидев, что она заперта, приказал мне открыть дверь. Я подошел, не торопясь медленно достал ключ и, делая вид, что дверь плохо открывается, громко стал задавать охраннику вопросы. Я рассчитывал, что отец Иулий услышит незваного гостя и спрячет священную утварь. Охранник вошел и, увидев Иулия, грубо спросил, из какого он барака и что он здесь делает. Священник растерялся; я пришел ему на помощь, сказав, что приютил его на пару часов, чтобы дать ему возможность выспаться, так как у него в бараке очень шумно.

Охранник приказал моему гостю выйти вон и принялся обыскивать каморку: он приподнял тюфяк, пошарил под нарами, открыл тумбочку и, словно по подсказке, запустил руку за священный образ, висевший в углу. Кровь застыла у меня в жилах: там, в потайной проволочной стойке я прятал мешочек со Святыми Дарами; так мне было удобнее раздавать их тем, кто приходил ко мне рано утром. Не будь богослужения, о котором я говорил выше, я бы уже перепрятал мешочек в потайной ящик тумбочки, где держал Священное Писание и чашу: их-то как раз не нашли.

Когда я увидел в руках охранника свое Сокровище, я содрогнулся и просил охранника не трогать, пояснив, что речь идет о Пресвятой Евхаристии. Наступая на него и протягивая руку, чтобы забрать драгоценный мешочек, я умолял вернуть его мне и говорил, что сам покажу содержимое. Охранник отстранился и вынул из мешочка священный двойной пакетик. Понимая, что насилием я лишь подвергну опасности Евхаристию, я продолжал заклинять его быть внимательным, подставив с дрожью и вздохами, насколько мне позволяло тесное пространство, под пакетик левую руку. Охранник уверил меня, что ничего не случится, и действительно, посмотрев на содержимое пакетика, он положил его на тумбочку и ушел.

Однако этим не закончилось. Во второй половине дня пришел ко мне главный лагерный опер, капитан Гаврюшин, — этот мигом перешел от пустых разговоров к упрекам, угрозам и провокациям. Нападение началось с неуважительной шутки по отношению к Мадонне, на чей образ, висевший в углу, опер покосился. Подобные выражения, ответил я, недопустимы. Опер протянул руку к образу и снял его; может, он собирался опять добраться до Святых Даров, но те пребывали в тайнике. Вместе с образом Пресвятой Девы опер снял и распятие, спросив, не я ли его сделал. Узнав, что не я, он спросил, кто; я ответил, что сделали на другом лагпункте. Тогда он начал упрекать меня за священническую деятельность.

— Чем ты здесь занимаешься? — начал он.

— Занимаюсь охраной будки и чисткой дорог.

— Ты занимаешься религией. Ты превратил будку в церковь: ты тут служишь, тут исповедуешь и проповедуешь, — короче, тунеядцем был, тунеядцем и остался. Ишь какой! Я-то думал, здесь старый инвалид, а здесь паразит и мракобес; на нем пахать можно, а он только и делает, что бьет баклуши.

Я ответил, что работаю двадцать четыре часа в день, описал ему свою работу по лагерю. «И знайте, — заключил я, — что и сейчас, и всегда я работал больше любого из вас». — «Я вышвырну тебя отсюда и пошлю работать в шахту, — ответил опер. — А не прекратишь религиозную пропаганду — отправлю в БУР». Перепалка продолжалась: наконец опер вздумал оскорбить в моем лице всех священников. «Паразитом ты был на свободе, — повторил он, — паразитом остался и в лагере». Я не мог больше сдерживаться и ответил: «Время покажет, кто паразиты, мы или вы».

Тут опер выбежал из будки и вскоре вызвал меня к себе. Он заявил, что заключает меня на два месяца в БУР за нанесенное ему оскорбление. «Оскорбление нанес не я вам, — возразил я, — а вы мне. Вы оскорбили мою веру и мой сан».

— Я имею право оскорблять тебя, а ты нет.

— Вы специально пришли, чтобы вызвать меня на оскорбление. Это только предлог засадить меня в БУР. А истинная

причина — мой священнический труд. Этот ваш приговор и показал, что вы и есть паразит, вам нужна человеческая кровь.

— Замолчи! Не то добавлю еще два месяца и прикажу надеть на тебя наручники и смирительную рубашку. Иди, передай будку и готовься к отправке.

У меня оставалось время спрятать самое дорогое. Спустя полтора часа надзиратель отвел меня в малую зону.

Снова в БУРе

После четырнадцати месяцев жизни, которую по сравнению с шумом и гамом бараков можно назвать отшельнической, трудно снова приспособиться к тесноте в БУРе; отсутствие тюфяка можно было стерпеть, но мучительны были наручники после первой ночи в холодной камере. Около девяти утра меня вызвали подписать постановление о наказании. Кабинет управления при штрафном изоляторе был полон охранников, собравшихся после проверки в бараках, один из них дал мне бумагу с постановлением. Сформулировано оно было так: *«Леони Пьетро заключается на два месяца в БУР за оскорбление, которое он нанес капитану Гаврюшину, назвав его паразитом»*. Я отказался подписывать документ, сказав, что это капитан оскорбил меня.

— И посажен я в БУР, — добавил я, — не за то, что оскорбил капитана, а за то, что исполнял долг священника.

— Значит, отказываешься подписывать? Ну, так мы подпишем сами, — сказал караульный.

— А что он сделал? — спросил кто-то.

— Обозвал паразитом капитана Гаврюшина.

— Ну, да? Вот мразь.

— Принеси наручники.

— Как ты посмел оскорбить нашего офицера?!

— Он первый оскорбил меня. Меня и мою веру.

— Ты кто по национальности?

— Итальянец.

— Знаем мы веру итальянцев, — сказал кто-то с иронией.

У меня отобрали верхнюю одежду. Надзиратель обшарил карман моей куртки и вытащил четки, сделанные из черного хлеба; увидев у меня на шее обычный образок и костяной крестик, лагерную поделку, сорвал их: «Ага, божик! В печку его!» На меня надели наручники, сильно сжав запястья за спиной. И стали орать и ругаться, дали мне подзатыльник, толкнули, пнули, ударили кулаком. Один больно схватил меня за руки и поднял их, приказывая: «Ложись!» Я согнул колени, чтобы лечь на пол, но он рванул меня вверх, крича: «Что это ты? Помолиться вздумал?»

Я и вправду еле слышно молился: «Боже, прости их!» Кто-то спросил: «Что ты там шепчешь?» Другой, уловив слово «прости», произнес его вслух; тогда я повторил отчетливо: «Боже, прости их», — с ударением на «их». Меня снова стали бить: удар по затылку доконал меня, в глазах потемнело. Тут сержант приказал снять с меня наручники. Меня заперли минут на сорок в карцере, холодной камере с цементным полом: раздетый, я дрожал от холода и пережитого потрясения.

Наконец меня перевели в общую камеру. Мне вернули робу и бушлат, в его кармане лежали образок и четки. Я рассказал сокамерникам, что меня били. Они об этом не знали, так как я не кричал; а ведь, случалось, по всему изолятору раздавались душераздирающие крики или яростные проклятия избиваемых. Кроме пытки наручниками, была пытка смиренной рубашкой: эта еще ужаснее, учитывая связанные с ней издевательства. Один врач из зеков описал мне их: речь не только о том, чтобы укротить буйного, смиренной рубашкой мучают даже безобидного, притом еще и завязывают так, чтобы суставы и позвоночник были вывернуты и сдавлены.

Этого врача заставили присутствовать при такой пытке, очень опасной для жизни. Применяют ее, как правило, после медицинского осмотра: врач должен подтвердить, что сердце жертвы выдержит. Во время пытки врач обязан постоянно проверять пульс — это для него испытание, поскольку, если он откажется присутствовать или, чтобы спасти зека от пытки, скажет, что сердце у того не выдержит, то смиренную рубашку

испробует на себе. А если жертва умрет от пытки, под суд все равно отдадут врача.

На сей раз я сидел в одной камере с вором, который позже погиб от пытки смиренной рубашкой, звали его Чернов. Он был одним из последних, кто остался в лагере после отделения уголовных от политических, потом его отправили на шахту № 1, где он и умер от этой самой пытки. При первом своем сидении в БУРе я не имел возможности причащаться; зато теперь я причащался почти каждый день благодаря молодому литовцу, завхозу малой зоны. Завхоз добился, чтобы почти каждое утро меня выпускали из камеры убирать коридоры и другие помещения изолятора, и незаметно отдавал мне хлеб ангельский; Пресвятую Евхаристию передавал мне через него один литовский священник; завхоз же передавал мне и посылки от друзей.

Было и другое преимущество в этом ежедневном выходе: я избавился от работы, которая в БУРе была обязательной и длилась шесть-восемь часов (в отличие от штрафного изолятора). Однако уловка не всегда удавалась; однажды за отказ пойти на работу в воскресенье я провел день в карцере, раздетый, в холоде, без обеда. Вместе со мной из другой камеры выводили для уборки коридоров одного немца, давнего моего друга, Герберта Шенборна: так Бог укреплял нашу дружбу, которая три года спустя прочно свяжет меня со свободным миром, с собратьями и родственниками. Господин Шенборн уехал 21 июня 1953 года, добравшись до родины, он первым передал точные сведения о моем местонахождении и общем состоянии. Да вознаградит его Господь вместе с доктором Гайсманом, который также передал сведения обо мне.

Диспут

Меня приговорили к двум месяцам БУРа, но на этот раз освободили раньше. Капитан Гаврюшин вскоре после моего заключения в БУР ушел в отпуск и уже не вернулся. На тридцать девятый день моего заключения начальник лагеря, подполковник Бчанка, стал пересматривать дела некоторых заключенных.

Меня тоже вызвали к нему; у нас состоялся долгий разговор, на котором присутствовал и начальник по режиму, сержант Колесников. Начальник лагеря спросил меня, почему я оказался в БУРе. Я ответил, что причин две: фиктивная и реальная. «Фиктивная, — пояснил я, — оскорбление, которое я нанес капитану Гаврюшину, а реальная — исполнение мною религиозных обязанностей». И я рассказал ему, что произошло между мной и капитаном Гаврюшиным.

Разговор сразу перешел на религию: полковник, грубый материалист, изъяснялся языком, оскорбительным для Церкви. Я запротестовал, сказав: «Не буду отвечать. Вы провоцируете меня, чтобы назначить мне новое наказание».

— Ничего подобного, — ответил он, — я не провоцирую, чтобы назначить наказание. Наоборот, я хотел проверить, нельзя ли тебя выпустить из БУРа досрочно, а теперь вижу, что нельзя. Чем ты занимался в той будке? Ты превратил ее в церковь, проповедовал там, исповедовал, крестил, венчал, короче, исполнял все религиозные обряды.

— Не все, — сказал я. — Некоторые вещи, перечисленные Вами, невозможны. Невозможно, например, венчать: здесь нет ни одной женщины! Невозможно проповедовать! Где? Вы видели ту будку? В нее с трудом помещаются четверо. Дай вы мне по праздникам помещение, скажем, клуб, я мог бы и проповедовать, и люди наверняка бы пришли.

— Пришли бы смотреть кино.

— Не знаю, не знаю. Ваши фильмы напичканы пропагандой. А вот хорошее богослужение поддерживает людей и к тому же утешает тех, кто удален от родины, семьи, церкви. Почему бы, действительно, иногда не давать клуб священникам? Но я знаю, что ответа на свой вопрос не получу.

— А вот и получите, — сказал Колесников, начальник режима. — У нас тут лагерь, государственное учреждение. А наше государство не признает религию, поэтому в лагере не разрешается отправлять религиозный культ.

Спор перешел на политико-социальные вопросы. Вот его фрагменты.

— Скажи мне, — спросил начальник лагеря, — разве при царях были поезда?

— Были, — ответил я.

— А аэропланы?

— Тоже, — подумав, сказал я твердо. — В Первой мировой войне применялась авиация.

— А трактора при царе были?

— Не знаю, — ответил я. — Только не думайте, что в России прогресс начали коммунисты. Прогресс — дело всего человеческого рода. Например, чтобы эта лампочка освещала нас, потрудились гении разных народов: Эдисон, Ампер, Вольт, Ватт. Так что и без коммунизма после войны в России был бы прогресс, как это было всюду: во Франции, в Германии, в Италии и т. д. Вы когда-нибудь слышали об американских летающих крепостях? Их построили без всякого коммунизма, нечего приписывать все себе. И потом, хоть бы ваш прогресс улучшил жизнь народа! Так нет же! Ваш народ живет в нищете.

— У нашего народа все прекрасно, он самый счастливый в мире.

— Да, счастливый... такой счастливый, что советская власть из всех сил скрывает от него, как живут другие народы, чтобы он им не завидовал... И иностранцев не пускает, чтобы они не узнали, какое тут рабство и нищета.

— У нас есть недостатки, но в этом виновато капиталистическое окружение. Когда мы покончим с капитализмом, наступит полное счастье. И это будет скоро, — добавил подполковник. — Ты что, не видишь, что в Болгарии, Румынии и в других странах народ выбирает наш строй?

— Ничего он не выбирает, ему этот строй из Москвы навязывают, — возразил я.

— Нет, не навязывают, — настаивали они. — Народы добровольно стали под красное знамя.

— Была бы хоть красота в этом знамени, — сказал я. — А то смотреть тошно: красное от человеческой крови.

— А знаете, откуда взялось красное знамя? — спросил подполковник. — Первые революционеры окрашивали полот-

нище кровью раненых и павших за свободу и поднимали его как знамя. Это кровь героев.

— Может, когда-то и была кровь героев, а теперь это кровь рабов, несчастнее прежних.

— Рабство принес капитализм, — заметил Колесников.

— Цель нашей промышленности, — добавил полковник, — рост благосостояния и процветание людей. А США готовят нам войну.

— Что-то не верится в советский мир, — возразил я. — Лично я не отвечаю за подготовку к войне ни в Америке, ни где угодно.

— А пока готовят, — продолжал полковник, — распространяют о нас клевету, на все лады искажают правду.

— Ну-ну, — иронически сказал я. — Советская власть сама виновата. А выпусти вы меня на Запад, я бы рассказал про вас все как есть.

И я попытался перевести разговор на религиозные темы, напомнил о вечных истинах. Услышав о загробной жизни, он не выдержал:

— Какая там жизнь! Положат в вечную мерзлоту, и конец!

— Смотрите, не заслужите вечный огонь. Одумайтесь вовремя, а то попадете в ад и не выйдете.

— Брось фантазии. Давай к делу, а то заболтались, полтора часа потеряли. Отвечай, будешь еще оскорблять советских офицеров?

— Я никого не оскорбляю.

— А кто оскорбил капитана Гаврюшина?

— Это капитан Гаврюшин оскорбил меня.

— А скажи, по твоей вере как выходит, хорошо или плохо грубить капитану?

— Может быть, надо было спокойно проглотить его грубость или, вернее, спокойно ответить, но ведь он подначивал меня, нарывался на резкий ответ. Тут важно, что он не меня оскорбил, он издевался над моим саном.

— А скажи, что ты сейчас думаешь по существу? По-твоему, ты правильно ответил капитану?

Начальник давал мне возможность отказаться от своих слов о паразитах и тунеядцах, но я считал делом совести подтвердить сказанное, хотя чуть мягче: «Со временем, — сказал я, — все выяснится; последнее слово скажет история».

Полковник выругался и буркнул, дескать, история врет, как цыганка-гадалка.

— Не мудрые слова, — сказал я.

— Зато правильные. История скажет то, что велят. Иди в камеру. Мы с тобой разберемся.

Освобождение

На следующий день вечером меня вновь вызвали к начальнику, но на этот раз я пошел в малую зону с другим опером, по моему, с лейтенантом Пономаревым. Начальник начал с шутки:

— Ну, что, устроим исповедь?

— Это было бы неплохо, — ответил я.

— Но у меня нет грехов.

— Не верю.

— Ну, один грех есть — матерюсь.

— Вот видите! А это большой грех, признак невоспитанности. Надо исправляться.

— Ладно, перейдем к сути, у нас много дел на сегодня. Итак, Леони, мы отправляем тебя снова в общую зону, но с условием: ты не будешь больше заниматься пропагандой среди заключенных. Больше никаких крещений, ни исповедей, ни проповедей, никаких таких дел.

— Что касается таких дел, — сказал я, — то мне нужно слушаться не вас, а Иисуса Христа.

— Хватит об Иисусе Христе, он никогда не существовал.

— Никогда не существовал? Но мы живем в 1951 году от Рождества Христова.

— Ну, это условности. Папа Григорий приказал считать так, вот все так и считают.

— История — не самая сильная ваша сторона, гражданин начальник. Вы путаете реформу календаря, проведенную Па-

пой Григорием XIII, с современным летоисчислением, которое было введено в VI веке. А все цивилизованные народы приняли его, настолько исторически важно было пришествие в мир Христа.

— Брось эти глупости, — сказал начальник, — возвращайся в лагерь и постарайся работать честно.

— И смотри, еще раз увидим, что ты занимаешься религиозной пропагандой, — уточнил опер, — накажем еще строже. Попробуешь смительную рубашку.

— Делайте как хотите, но я не откажусь от своего долга.

— Твой долг — работа, — заявил начальник. — Иди отсюда.

Я стал дневальным в нескольких бараках, а потом попал на работу во вторую кипятильню.

Другие горести

Я работал в кипятильне около месяца, когда на работу ко мне наведалься молодой опер, с которым мы познакомились во время той перепалки. «О-о, ты здесь? — сказал он, входя, потом продолжил с сарказмом. — Ты знаешь, как устроиться на теплое местечко». Я ответил ему язвительно: «Не я устроился, меня устроили».

— Кто?

— Мой прямой начальник.

— Ты должен работать в шахте, ведь так?

— Не знаю, — сказал я сухо и, чтобы успокоиться, стал кочергой ворошить уголь в печке.

Опер тут же вышел. В то время у меня отобрали при личном обыске алюминиевую чашу и жестяной дискос¹¹⁰, а потом и вовсе выгнали из бойлерной. Это была последняя «ласка» чекистов в 1951 году. В следующем году меня постоянно преследовали: надзиратель тридцать второго барака, в котором я жил, а потом и начальник по труду.

¹¹⁰Впоследствии один венгр выточил мне чашу и дискос, и я увез их в Италию.

Первым был младший сержант Калинин, он с самого начала стал показывать особую ненависть ко мне, видимо, кто-то донес ему о моей религиозной деятельности. Однажды, вернувшись с работы, я увидел полный беспорядок на своем месте; сначала я подумал, что был общий обыск, но мне сказали, что сержант вошел в барак, глянул туда-сюда, подошел именно к моим нарам и перевернул доски. Он нашел кое-какие записи и среди них маленький самодельный служебник, который я сделал в будке два года назад, — все это пропало.

В тот же вечер после поверки он приказал мне следовать за ним к начальству, добавив: «Узнаешь, как заниматься пропагандой в бараке». По дороге я успел проглотить Святые Дары, которые носил на себе. В конторе младший сержант приказал мне написать заявление: как я вел религиозную пропаганду среди заключенных и намерен ли вести впредь. Я без колебаний написал, что исполнял долг священника и исполнять буду. Тогда он повел меня в ШИЗО, видно, рассчитывая угодить начальникам, которых по случаю воскресенья не было на месте. Но охранники малой зоны, слегка поглумившись надо мной, послали меня в кипятильню за водой, я натащил им несколько ведер, и к ночи они отправили меня назад в барак.

Младший сержант Калинин, однако, донимал и донимал меня. Однажды летом, около девяти вечера, когда в бараках почти никого не было, я вышел в скверик и, сев на скамейку, стал про себя читать молитвы. Посреди скверика, под небольшим навесом, обсуждала свои дела группа пятидесятников, неподалеку зеки играли в футбол, и до меня доносились крики игроков и болельщиков. Казалось бы, я имел полное право сидеть на скамейке и молиться, тем не менее Калинин подошел и спросил, чем я занят. Отвечаю: «Молюсь». — «Под открытым небом?» Отвечаю: «А что? Бог повсюду. И чем плохо молиться под сводом, который Он Сам сотворил!» Тут Калинин в крик: «Вон отсюда со своим Богом! А ну, пошел в барак!» Я заметил, что еще нет десяти часов, отбоя не было. Он продолжал орать. «Видно, для меня особый закон», — сказал я и пошел восвояси. Пятидесятники тоже разошлись, наверное, как и я, подумали,

что от молитвы одинокого католика дьяволу хуже, чем от всех их словес о Библии.

Помощником по труду в пятьдесят втором и позднее был некто Заводской, известный изверг: у него на совести гибель многих заключенных, которых он, несмотря на категорию «инвалидность», слал на общие работы. С этим самодуром я познакомился, работая на стройке при Геологоразведочном управлении. Появившись на стройке, он вызвал меня в контору начальника строительства, тоже кровопийцы (о нем я рассказал), и начал: «Ваша фамилия? Национальность? Профессия на воле?» Услышав — «священник», строго спросил: «Остаетесь священником в лагере?»

— Стараюсь.

— А вам неизвестно, что в лагере это запрещено?

— Мне известно одно: я был и останусь священником, пока жив.

— В таком случае с завтрашнего дня вы в бригаде Ефимова, на земляных работах на железной дороге, там норму выполняют на сто двадцать процентов. Восемь часов подолбаєте киркой мерзлый грунт и камни, посмотрим, что запоете.

— Посмотрим. Я и там постараюсь не забыть своего долга.

На следующий день меня приписали к штрафной бригаде, недавно созданной для нарушителей дисциплины. Я оставался в ней четыре месяца: от ноябрьских праздников до упразднения бригады в начале марта 1953 года. Однако штрафная бригада оказалась не суровее перевалки, где было так же тяжело, особенно на земляных работах, о чем я рассказывал¹¹¹. Штрафная почти не отличалась от десяти обычных бригад, занятых на тех же работах.

Господь сильно облегчил мне тяготы, дважды послав болезни (везение, о котором особенно мечталось зимой). В первый раз я пробыл в санчасти около двух недель под Рождество, во второй, с желтухой, — дней сорок в январе–феврале 1953 года. Чекисты и впоследствии оказывали мне особое предпочтение, но об этом — в следующих главах.

¹¹¹ В главе XXI. — *Прим. сост.*

Глава XXVII. Люди-номера

В 1948 году лагерь в Воркуте был разделен на два — Воркутлаг, где содержались и политзаключенные, и уголовники, и Речлаг, где содержались только "самые опасные" государственные преступники.

В Речлаге, как следовало из самого его названия — режимный чрезвычайный лагерь¹¹², более отгороженном от внешнего мира, был установлен особый режим: с более жесткой дисциплиной, более строгим контролем во время проверок, с ограничениями в переписке (только два письма или открытки в год в пределах СССР), одежда с номерами и так далее.

В нашем лагере режим в окончательном виде был введен с середины 1950 года.

Любопытные типы и происшествия

Перевод людей в другие лагеря осуществлялся постепенно: например, в нашем лаготделении больше не мог находиться священник из Галиции, мой друг, приговоренный всего к пяти годам заключения; тогда же, по-моему, появился у нас русский подросток, его приговорили как террориста за то, что он пырнул ножом портрет Сталина.

Сколько интересных людей можно встретить в нашем лагере, если обходить барак за бараком! Тут немало людей, похищенных агентами НКВД в разных странах Европы, включая Италию. Среди них, если не ошибаюсь, — австриец Скорцени; вся его вина в том, что он брат летчика, освободившего Муссолини из заключения на горе Гран-Сассо. Не помню, как именно его арестовали, но наверняка по произволу, потому что он был далек от политики. Рассказывали, что его использовали как приманку, надеясь, что летчик Скорцени повторит свою авантюру,

¹¹²На самом деле Речлаг, или Речной лагерь, был Особым лагерем № 6, организован 27 августа 1948 года. На 15 октября 1949 года там содержалось 10 766 заключенных. — *Прим. сост.*

чтобы вызволить брата; другие утверждали, что причина ареста проще — у австрийца была хорошая машина и ее присвоили, посадив хозяина.

По правде говоря, эти истории я слышал не от австрийца, но они вполне правдоподобны: чекисты и не такое творили. В 1954 году я познакомился с одним беднягой, мусульманином по фамилии Малаев. Целыми днями он сидел на нарах, грустный и убитый, оживляясь только при виде офицеров МВД, тут он приходил в бешенство. Знавшие его историю рассказывали, что он свихнулся в тюрьме: ему сообщили, что прокурор посадил его, рассчитывая заполучить его жену; и в самом деле, почти сразу после посадки она потребовала развод и сошлась с прокурором.

Обходя наше лаготделение, мы встретимся с десятками военнопленных, которых англо-американские союзники освободили из немецких лагерей, а потом сдали советским властям. Многих Советы заманили обманом на родину; эти могли бы рассказать, как НКВД сначала встречало их с почестями и фанфарами, потом, на территории, подконтрольной советским войскам, подвергало издевательствам, а затем отправляло в лагерь. Подобные же вещи могли бы рассказать и многочисленные эмигранты, бежавшие от революции, но потом решившие вернуться на родину, «все забывшую и простившую».

В нашем лагере есть два любопытных типа. Один — финн, он хорошо слышит, все понимает, но не говорит, объясняется жестами и записочками, даже с друзьями и земляками не произносит ни слова. Таков его протест против советского произвола или же уклонение от признаний, желательных властям. Но говорить молчун может, это я знаю. Знает это и лагерное начальство: однажды ему устроили электрошок, чтобы лишить самоконтроля, и он разразился ругательствами и проклятиями по адресу советской власти.

Другой любопытный тип — некто Краснов, еврей, приехавший из США и, видимо, взявший эту фамилию из преданности коммунистической идее. В Америке он стал убежденным коммунистом, настолько, что, несмотря на миллионное состояние, после войны захотел жить в СССР и попросил советского

гражданства. Ввиду миллионов его приняли в "рай" с распростертыми объятиями, и он жил-поживал в Москве. Потом советская власть сочла, что его образ жизни не вполне созвучен большевистской морали, что своей роскошью он задевает чувства пролетариата, и решила спровадить его в лагерь на перевоспитание, не глядя на преклонный возраст.

В тюрьме у него допытывались, какие антисоветские задания ему дали в США, и объявили приговор, — кажется, десять лет с конфискацией имущества: один миллион он за несколько лет поистратил, но и осталось немало. В заключении марксистская вера Краснова пошатнулась, и он даже стал задумываться о Боге, существование которого прежде решительно отрицал. После приговора и конфискации имущества он окончательно избавился от веры в марксизм и надежд на Сталина. К 1952 или 1953 году, когда Краснов появился в нашем лаготделении, у него уже не было иллюзий насчет коммунизма. Теперь он доказывал существование Бога какими-то своими философскими доводами.

Можно бы рассказать и о третьем типе — священнике, который мне признался, что учился в Риме в «Руссикуме» и Папской Григорианской академии, но от остальных скрывал свой сан. Родом он был из Литвы, хотя носил русскую фамилию; он, как полагали, оказал много услуг большевикам, однако взамен не получил ничего, кроме десяти лет заключения. Суеверный человек винил бы во всем его фамилию Б., но, по-моему, его трагедия лишний раз доказывает, что у дьявола другой награды нет.

Впрочем, хватит о личностях, поговорим, как устроена жизнь.

Режим

С введением режима и разделением лагерей наше лаготделение избавилось от лагерной чумы — воров и убийц, зато оставалось немало стукачей. Строгости же дошли до того, что обычный барак практически не отличался от штрафного изолятора. С осени 1950 года, помнится, ввели номера на одежду. Каждому зеку нашивался лоскут с личным номером на левую руку и пра-

вую ногу; мой номер был 1 С 973. Говорили, что номера нужны стукачам, чтобы сразу отличить опасных государственных преступников, не спрашивая фамилии; безусловно, номерами хотели затруднить побег с мест работы за пределами лагеря. Одновременно ограничили хранение денег и переписку: деньги, полученные переводом или в посылке, приказали сдавать с тем, чтобы они хранились на именных счетах заключенных.

Это распоряжение действовало полтора года, в 1952 году ввели систему оплаты труда: раньше за выработку нормы вознаграждали добавочным питанием, а с 1952 года труд и содержание заключенного стали оценивать в деньгах. Я имею в виду работу на производстве, потому что большая часть работ, выполняемых "инвалидами", не учитывалась при оплате, как и вспомогательные работы, выполняемые бригадами так называемой индивидуальной категории трудоспособности. С появлением денег, хотя и в мизерных количествах¹¹³, в лагере открыли ларьки: много месяцев туда не завозили ничего полезного, кроме ржаного хлеба, но к концу 1952 года стали появляться конфеты и маргарин (сахар и масло редко).

Тогда же открылось что-то вроде кафе, особенно выгодное лагерному начальству: там зек мог поесть, имея деньги, но денег было мало; в среднем работник получал около пятидесяти рублей, а часто всего тридцать! Один раз (всего один!) в кафе появились апельсины, и я решился на необычную трату: купил апельсин за пять рублей — мой пятидневный заработок. Зато получил двойное удовольствие: во-первых, после стольких лет снова ощутил вкус апельсина, а во-вторых, вдохнул запах родины — апельсин был завернут в бумажку с надписью "Catania". В общем, с питанием в 1952 году почти наладилось: ведь никто не заставлял нас баловать себя сицилийскими апельсинами, а на заработанные за месяц тридцать рублей можно было купить при желании тридцать килограмм ржаного хлеба; верно гласит украинская пословица: «е хліб і вода, немає голода».

Что до свободы перемещения по лагерю, то между 1952 и 1953 годами с этим стало хуже: на ночь бараки запирали снару-

¹¹³Запрещалось держать при себе более ста рублей, чтобы затруднить побег.

жи. А днем приходилось прятаться от надзирателей, чтобы они не застали нас в чужом бараке, иначе могли на несколько часов отправить в холодный карцер или на тяжелые работы в малую зону. Кроме этих ограничений, было много других, отравлявших жизнь: достаточно было, например, даже не лечь, а сесть в одежде на тюфяк; или не по правилам застелить его одеялом; или не сложить полосой единственную простыню и не закрыть ею край тюфяка, — и нарушителя ничего не стоило отправить в ШИЗО.

С фотографом

В советских тюрьмах и лагерях брать отпечатки пальцев — обычное дело, но нигде не делали это так часто, как в Речлаге: тут снимали отпечатки пальцев ежегодно, называлось *рояль*.

Часто фотографировали, но со мной был один особенный случай после октябрьских праздников в 1952 году¹¹⁴. Меня вызвали в кабинет начальника отдела кадров лагеря; там же находился и какой-то гражданский с фотоаппаратом. Он велел мне раздеться до пояса и надеть рубашку с воротничком; на диване лежали два пиджака, два галстука и шляпа. Я спросил, зачем это переодевание.

— Не знаю, — ответил фотограф. — У меня приказ сфотографировать вас в гражданской одежде.

— Я на это не гожусь. Потому что делается это наверняка для обмана.

— Почему для обмана? Может, наоборот, это вам на пользу.

— Слабо верится. Уже не в первый раз меня обманывают.

— Обманывают? Кто? — спросил начальник.

¹¹⁴ На запрос МИДа Италии в МИД СССР из Москвы была направлена секретная шифротелеграмма начальнику Речлага, в ней предписывалось срочно выслать «*заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья осужденного итальянского гражданина Леони Петра Ангелевича*», а также две его фотографии. Причем относительно фотографий в шифротелеграмме была пометка, что «*фотографирование необходимо произвести с особой тщательностью, во вполне приличной одежде и в опрятном виде*», а «*негатив следует подвергнуть ретушерной поправке*». — Прим. сост.

— Советская власть.

Тот проглотил пилюлю и промолчал. Фотограф спокойно предложил мне не смотреть на вещи пессимистично, пока я не знаю всех обстоятельств. Решив, что фотография нужна для итальянского посольства в Москве, я надел рубашку. «Они сами поймут, что это монтаж», — подумал я. И еще больше уверился в этом, когда фотограф принялся завязывать мне галстук, который я надевал лишь раз в жизни, когда поступал на военную службу. «Они поймут, что это не моя одежда», — думал я. Надев на меня пиджак, фотограф, сама любезность, пригласил меня сесть и, дважды щелкнув, сказал «спасибо».

Я решил, что сеанс окончен, и поднялся, но тут он берет шляпу, делает залом посередине и надевает ее на меня слегка набекрень и надвинув на глаза. Поправляю шляпу, он снова сдвигает ее на лоб так, чтобы поля прикрывали глаза, а я — опять к затылку. «Пусть видят лицо, — говорю. — Уловки бесполезны, все равно поймут, что это комедия». И с оскорбленным видом опускаю глаза, не вникая просьбам фотографа смотреть прямо и чуть в сторону. Тем не менее фотограф делает третий снимок, снова благодарит и просит снять шляпу, пиджак и галстук¹¹⁵. Облегченно вздыхаю, думая, что спектакль окончен, но меня просят еще немного потерпеть.

Фотографу, оказывается, был известен мой сан: завязывая узел на галстук, он выразил сожаление, что не может меня сфотографировать в одежде священника. Тем временем мне пришло в голову, что я могу так сложить пальцы, что по фотографии легко будет догадаться о моем состоянии. «Если я сложу пальцами рога, то всякий итальянец поймет, что меня силой заставили позировать». И я сунул в кулак левой руки три пальца правой, выставив указательный и мизинец, и прижал руки

¹¹⁵В личном деле есть двенадцать фотографий заключенного Речлага Пьетро Леони — в темном костюме и светлом галстук, в светлом костюме и темном галстук, в пальто и шляпе, в пальто, но без шляпы, — хорошо отреетушированных изображений человека в хорошей одежде. Не ясно, какая фотография была предъявлена посольству, но очевидно, что по любой невозможно было догадаться об истинном физическом состоянии заключенного, да еще каторжника. — *Прим. сост.*

к груди, чтобы *рога* попали в объектив. После этого фотограф захотел еще фото без очков. Я снова показал *рога* и меня отпустили¹¹⁶.

Когда я вышел после сеанса в коридор, то на вопрос заключенного, что я делал там так долго, ответил: «Эти дьяволы фотографировали меня в роскошном костюме, чтобы на воле поверили, что мы здесь купаемся в роскоши». Позднее меня мучило, что я помог советской пропаганде в Италии, а то и в ООН; я долго упрекал себя, что проявил слабость перед врагами истины.

Исчезновение тиранов

Мой дорогой друг, отец Иулий З., рассказал мне, какой сон приснился ему пару дней назад. «Вижу грандиозный клуб в форме пятиконечной звезды. Котлован вырыт, и вся советская аристократия собралась на закладку первого камня. Сталин залезает на пьедестал и только начинает речь, как вдруг падает на дно котлована. Подбегают поднять, но тот уже не дышит. Раздается крик: «Умер! Умер!» Дальше пышные похороны, Сталин в золотом или позолоченном гробу, народ отовсюду, гром оркестров». Так рассказывал отец Иулий примерно второго марта 1953 года, за два или три дня до того, как московское радио сообщило о тяжелой болезни вождя.

Сон сбылся, и советские лагеря и тюрьмы вздохнули с облегчением. Однако во время похорон пришлось и нам, по приказу начальства, прервать работу на пять минут молчания. Всем хотелось веселиться, а не плакать, но мы охотно выполнили приказ: тиран, при жизни не дававший покоя, хотя бы смертью дал пять минут отдыха. Надежда проснулась со смертью Сталина и укрепилась, когда, глядя на новых правителей, мы заключили, что умереть ему помогли.

Первым признаком явились скорые перестановки в министерствах и серьезные замены в Президиуме Верховного Совета. Вторым признаком, более значительным, стало прекра-

¹¹⁶Уловка не удалась, на фотографиях его рук не было видно. — Прим. сост.

шение дела врачей-евреев, обвиненных в покушении на жизнь Старой Лисы. Последовала первая речь Маленкова — из одних цифр, показавших народную нищету; он словно хотел разрушить всю ложь по поводу роста благосостояния от пятилетки к пятилетке. Складывалось впечатление, что под красным знаменем умело затевается переворот и что коммунистическая система рухнет не сегодня, завтра.

Объявили амнистию для уголовников, и поползли слухи, что грядут послабления для политических. Надежды укрепились в середине июня того же 1953 года, когда стали приходить известия об отправке на родину значительного числа немцев и других иностранцев; но главной надеждой стал арест Берии, правой руки Сталина. Уже празднование Первого мая показало, что дела Берии плохи: зеки, ходившие на работу за зону через поселок Рудник, рассказали, что с фасада поселкового клуба исчез его портрет. Правда, потом портрет вернулся, и вроде все успокоилось, но в одно прекрасное утро, как раз когда мы выстроились в барак на проверку, московское радио вместо обычных газетных новостей сообщило, что меры, принятые Президиумом Верховного Совета, позволили сорвать личину с негодя и «предателя Родины» Берии.

В этот момент в барак входил надзиратель, чтобы пересчитать нас; услышав радио, он остолбенел, словно ему саданули по шее. Бывших подчиненных Берии точно подменили: вчерашние сатрапы стали овечками; особенно присмирели они, когда та же судьба постигла Абакумова, Игнатова и прочих начальников МВД. Потрясение длилось несколько недель, пока чекисты пребывали в растерянности, а зеки осмелели. Охранник или офицер, рискнув сделать нам замечание, в ответ слышал: «Эй, потише, прошли бериевские времена».

Между надеждой и отчаянием

Тем временем от эйфории перемен или от усталости, скопившейся за годы каторги, участились отказы от работы на рабских условиях. Возможно, отстаиванию прав помогли до-

шедшие до Воркуты вести о забастовках в Норильском лагере в мае—июне того же года; забастовки, вроде успешные в первые недели, кончились трагически — расстрелом примерно двухсот заключенных, но об этом стало известно позднее.

МВД тем временем оправлялось от удара, нанесенного ликвидацией Берии. На его место пришел Круглов, стало ясно, что борьба против Берии была просто борьбой за власть. Вернулись репрессии против бастовавших: БУР, ШИЗО, карцер, урезанные пайки, наручники, смирительные рубашки. А в лагерниках снова недоверие, разочарование, озлобление. «Как?! — думали и говорили мы, политзаключенные. — Убийцам и ворами — амнистия, а политзекам — посулы.

Поначалу репрессии дали обратный результат: отказы от работы множились; в июле на одной только восьмой шахте за несколько дней их было больше сотни. Тогда выделили еще одно отделение строгого режима, подчиненное нашему; с первой группой зеков, отказавшихся от работы в шахте, в отделение отправили и меня, не отказчика. Это было 22 июля, ночью 23-го отправили и других, до 10 августа число присланных отказчиков и неотказчиков продолжало расти. Люди с Рудника рассказывали впоследствии, что начальник лагеря Бчанка, обремененный на заключенных в ШИЗО, приказал зекам выходить по одному: те выходили, а охранники ударами и пинками передавали их друг другу; упавших сам подполковник пинал ногами — дух Сталина и Берии вернулся во всей красе.

Человеческая кровь

Доказательством тому в Воркуте в конце июля 1953 года стала расправа на двадцать девятой шахте: там, так же как на седьмой, а может, и на других, сейчас не помню, забастовочный комитет из зеков объявил общую забастовку. Семь или восемь дней никто не мог выйти на работу; забастовщики требовали правительственную комиссию для выяснения положения политзаключенных, жертв Берии: «Обсудим свои интересы с людьми из Москвы, добьемся человеческих условий жизни, тогда и при-

ступим к работе». По лагерю развесили лозунги: «Да здравствует Маленков, ликвидировавший Берию! Долой Берию!»

Прибыла московская комиссия из высоких правительственных чинов, представителей МВД и армии во главе с генералом Масленниковым; на двадцать девятой шахте начались переговоры. Однажды утром зеки заметили за колючей проволокой дополнительный контингент войск МВД; лагерь окружили солдаты с пулеметами и пушками; на видном месте возвели помост с мощными громкоговорителями.

Когда все было готово, на помост вышла московская комиссия, а с ней и лагерное начальство во главе с генералом Деревянко. Из громкоговорителей разнеслось: «Перед вами комиссия из Москвы, с которой вы хотели обсудить свои дела. Слушайте ее». Микрофон передали, кажется, генералу Масленникову, который в резкой форме потребовал прекратить забастовку: переговоры только на этом условии. Если каждая бригада и каждый человек немедленно приступят к работе, к виновникам беспорядков будет проявлено снисхождение; в противном случае пусть не ждут пощады. Забастовочный комитет считать распущенным, всем разойтись; кто желает честно трудиться, пусть идет к вахте: «И не бойтесь, вас не тронут».

Несколько человек направились к вахте, вслед раздавались едкие шуточки большинства, которое ожидало распоряжений забастовочного комитета. Комитет не сдавался: «Требуем безоговорочных уступок. Такие переговоры нам не нужны; забастовки на таких условиях не прекратим». Громкоговорители разнесли категорическое требование: «Немедленно все на работу, иначе приму меры!» Народ молчал. «Считаю до десяти: не подчинитесь — пеняйте на себя». Счет до десяти прозвучал, как удары молота, затем: «Огонь!» И в пыль упало несколько сот человек. Не знаю, насколько точны цифры, сообщенные свидетелями, через несколько дней попавшие к нам в лагерь: более шестидесяти трупов, более сотни тяжело раненных, из которых около сорока скончались. Раненые и убитые были даже среди пациентов санчасти; варвары стреляли и по баракам, среди жертв — священник из Закарпатья.

На седьмой шахте зеки избегли подобной участи только потому, что забастовочный комитет в последний момент отменил законные, но бесполезные требования, ввиду советской жестокости. Были жертвы и в других подразделениях Воркутинского лагеря.

Улучшения

Москва насытилась кровью, и можно было ожидать послаблений. Вводить их стали уже в конце лета, но очень постепенно; сразу сняли каторжный режим: упразднили номера на руке и ноге, отменили ограничения в переписке, потом разрешили свидания с родными (раньше, если родные приезжали к зеку, его отправляли в ШИЗО). Потом многим иностранцам разрешили писать за границу по открытке в месяц; наконец, было разрешено получать посылки из-за границы. Позже улучшили оплату труда и разрешили держать при себе больше денег.

В 1954 году начали пересмотр дел политзаключенных, осужденных по приговору особого совещания. Кто-то получил помилование; старикам и инвалидам разрешили вернуться к семьям, многих сослали в дома престарелых. Третью здоровых выпустили из зоны, но обязали проживать в той же местности, выполняя те же работы: им разрешалось жить семейно, но вменялась тяжкая обязанность самообеспечения. Среди послаблений было также право на книги и учебу в свободное от работы время.

В 1954 году, когда в лагерь особого режима явилась комиссия с восьмой шахты для разъяснения новых распоряжений и объявила, что мы можем заказывать книги по желанию, я спросил, можно ли заказать Евангелие.

— Такие книги в СССР не издаются, — ответили мне.

— Ну и что? — возразил я. — Они давно изданы. Просто скажите: если я получу эту книгу, разрешат ли держать ее?

— Каким ты был, Леони, таким остался! — упрекнула меня Нина.

Эта была особа небольшого росточка с накрашенными губами и почти всегда с сигаретой, ее часто видели на восьмом

лаготделении, где она работала, кажется, в отделе снабжения. Два года назад, когда меня фотографировали, она была рядом, так что имела основания для упрека. Я за год с лишним в лагере особого режима каким был, таким и остался, даже стал лагерным священником.

Глава XXVIII. Из Рудника в Абезь

Две встречи

Через три недели после смерти Сталина меня вызвали в Управление в кабинет к оперу, лейтенанту по фамилии, кажется, Пономарев, который показал мне четыре небольшие фотографии и спросил, узнаю ли я кого-либо. Я сразу увидел, что это были фотографии одного и того же человека, две в анфас и две в профиль. Как я мог его не узнать? Это был немецкий священник, иезуит; несколько лет мы вместе готовились к нашей миссии в России. Мне тут же захотелось улыбнуться ему, но я постарался сохранить невозмутимость. «Одно из двух, — подумал я, — или он уже в руках ГБ, или его хотят взять. Что делать? Если я скажу, что узнаю, то могу его скомпрометировать, приворюсь, что впервые вижу. Но как ответить, не солгав?» Я разглядывал фотографию и делал вид, что пытаюсь припомнить.

— Ну, что? Не узнаете?

— Нет, конечно. Трудно вспоминать прошлое после всего, что произошло за восемь лет заключения. Память ослабла.

— Но его-то вы знаете, вы вместе учились в Риме.

— Может быть, не отрицаю. Но как всех упомянуть? В Григорианском университете были тысячи студентов.

— Но вы были вместе в «Руссикуме». Не помните Чекалла?

— Как вы сказали? Чекалла! Возможно, мы учились вместе, но память так ослабла...

— И как вам, священнику, не стыдно врать.

— Ага, значит, если я священник, то обязан выкладывать вам все, что знаю о ближнем? С каких это пор вы записали меня в стукачи?¹¹⁷

¹¹⁷ «Вопрос: С какого времени вы знаете Чекалла?

Ответ: Я о своих знакомых, с которыми возможно был в «Руссикуме», ничего говорить не буду и не намерен своими устами помогать дьяволу, если это идет против Ватикана и Папы Римского». — Следственное дело

— Значит, отказываетесь давать информацию?

— Безусловно.

Велев мне выйти и ждать в коридоре, он пошел советовать-ся к старшему оперу, капитану Голубеву. Скоро меня позвали в кабинет и там после перепалки велели сесть и написать, что я категорически отказываюсь давать сведения, идущие во вред Церкви или ближнему. Затем меня отправили в ШИЗО в чем был, там я мерз четверо суток и вышел с высокой температурой.

В июле состоялась еще одна встреча, более радостная. Основная группа немцев уже уехала, теперь готовили к отъезду других иностранцев. Их собрали на первом километре: тогда там была и пересылка. Я находился здесь же и в тот день работал с бригадой у запретной зоны. Мы были с внешней стороны, а с внутренней стояли иностранцы из разных отделений нашего большого лагеря. Мне сказали, что там два итальянца, и я попросил позвать их к "запретке". Впервые за десяток лет я утешился общением с земляками, раньше я о них только смутно слышал — этих звали Де Бастиани и Гульельмони. Говорить и слышать друг друга мешали ветер, расстояние и особенно окрики с вышки; но за десяток минут мы обменялись сведениями, которые могли передать своим в случае репатриации.

Казалось, это счастье ждет их раньше, чем меня, так оно и случилось; напоследок я от всего сердца пожелал им заступничества Мадонны и ангелов-хранителей на пути домой. Вечером я видел, как их вместе с другими ведут к железнодорожной станции: издалека выделялся Де Бастиани, потеряв в советском рабстве обе ноги, он тащился на костылях. Ему особая благодарность — на родине он передал сведения обо мне по адресу.

Так во мне окрепла надежда, что завтра-послезавтра тем же путем отправят и меня. А вот, поди ж ты! Двумя-тремя неделями позже я попал в малую зону, ставшую зоной строгого режима, и воочию видел описанные выше репрессии.

В лагере спецрежима

22 июля из двенадцати католических священников девять были переведены с Рудника в новый лагерь: а ведь мы не отказывались от работы, видимо, начальство восьмой шахты считало, что мы плохо влияем на остальных. Лагерь, куда мы попали, был запущен, и на другой день нас направили на ремонтные работы. Жилые бараки (включая медпункт) полуразрушены и не готовы принять зеков, эшелонами прибывающих со всего Речлага. Несмотря на скученность там, внутри лагеря выделили малую зону: два барака БУРа и барак ШИЗО: в них содержалась пятая часть всех зеков.

На сей раз все семнадцать месяцев, остаток срока, я провел вне малой зоны, не зная, сколько еще мне томиться тут, глядя, как зеки прибывают и отбывают. Не буду описывать скученность, грязь, плохое медобслуживание и скудное питание, да и работал я без оплаты уже почти год. Я вызвался класть и перекладывать печи, нередко приходилось заодно работать трубочистом, а также штукатуром и маляром. В духовной жизни приходилось трудно: для Евхаристии не хватало вина, но вмешалось Провидение, так что несколько месяцев я мог служить мессу почти ежедневно.

При переводе в лагерь мы остались также без духовного чтения. С нами был мой друг, поляк, чей Новый Завет я в 1950 году пополнил главами, переписанными из собственного экземпляра, но при переводе в лагерь строгого режима мы не рискнули взять сокровища с собой. Впоследствии удалось получить часть их с Рудника, поскольку люди работали и на восьмой шахте, и у нас и *челночили* туда-сюда. Но еще до возвращения экземпляров Господь послал нам восемьдесят страниц Священного Писания: несколько глав из Евангелия от Матфея, большую часть Евангелия от Иоанна и первые пятнадцать глав Деяний.

Дело было так. Наши парикмахеры попросили у начальства бумагу вытирать бритвы и получили листки из книги, явно у кого-то отнятой. Мой друг поляк обнаружил непотребство и

сообщил мне, и мы, спасая святыню, бросились искать бумагу на замену. Потом поляк аккуратно отчистил тетрадь и отдал мне, а я увез ее позже на родину вместе с тетрадками, доставленными нам с восьмой шахты.

Знакомства и достижения

Больше всего в этом лагере было выходцев с Западной Украины, которые вели партизанскую борьбу с коммунистическим империализмом. Привыкнув к борьбе, они с жаром приняли идею саботажа и забастовки: многих из них после недель и месяцев спецрежима возвращали на шахту, а потом они снова оказывались у нас в лагере. Лагерь стал сборищем самых революционных элементов, среди них были и «мятежники» моего типа.

Например, именно там у меня были две короткие встречи с отцом С., литовским иезуитом, о котором я слышал много хорошего еще в Воркуте. Были еще двое православных, отказывавшихся от принудительного труда и от выполнения некоторых режимных распоряжений, — они считали грехом работу на советскую экономику, но охотно дневалили в бараке или ходили за больными. Когда ввели особый режим, они отказались выполнять приказ о ношении номеров на одежде, заявив, что это печать апокалипсического зверя¹¹⁸.

Был еще православный, имевший духовную жизнь, но без крайних проявлений; этот верил в возвращение России к Богу. Он был со Среднего Дона, где проповедовала некая святая монахиня, пережившая религиозные преследования и утешенная Божиим откровением, что «Бог обновит веру нашего народа, послав Церкви святых служителей». Услышав это, я испытал прилив радости, сообщил о пророчествах Фатимы и служителях, которых для России готовит и частично приготовила Католическая Церковь. «Может, они, посланники Папы, вернут России веру». Поначалу мой собеседник возразил, в откровении-де речь только о православной вере, но, выслушав мои разъясне-

¹¹⁸См. Апок. 13, 16-18.

ния об истинной Церкви, которая не по имени, а по сути православная, он согласился на посланцев от Папы. «От кого бы ни были эти служители, по пророчеству они должны быть люди Божии, которых не влечет ни к табаку, ни к водке», — заключил он.

Святой Дух послал мне в каторжном лагере два, так сказать, важных апостольских деяния: принятие в лоно католической Церкви немца-протестанта и реабилитация священника-отступника из Галиции. Первый, молодой журналист, сам попросил наставления в католической вере; наставлять без достаточного знания языка оказалось сложно, но в санчасти при наличии времени возможно. Во втором случае удалось и того легче: отец Д. Г. был уже допущен к общению с Церковью, но не имел прав служения ввиду подписания перехода к Алексию. На Пасху 1954 года наша Церковь, молчавшая в СССР, вернула себе одного из пастырей.

Преследования

И снова чекисты остались в дураках, хоть и думали, что связали по рукам и ногам иезуита бессрочной каторгой и преследованиями. Преследования были постоянно; через несколько недель по прибытии я заболел, поднялась температура, наверное, от грязной воды, которую качали из реки. Пролежав в лазарете два месяца, я был еще очень слаб, когда с восьмой шахты явились два опера, чтобы *драть шкуру* с главного врача, еврея из политзеков, очень толкового. Капитан Голубев и лейтенант Пономарев обвинили его в том, что он якобы покровительствует евреям, украинцам и католикам и даже держит сторону Папы Римского; и для большей ясности капитан выдворил меня из лазарета. Полубольной, я снова стал печником и трубочистом, полазал с месяц по обледенелым крышам и снова разболелся.

В самый канун октябрьских праздников меня отправили в санчасть с температурой +39° С. А надо сказать, что перед большими праздниками начальство обычно отделяло особо опасных типов от остальных лагерников и на два-три дня отправляло в

малую зону. Видимо, подобная участь грозила на сей раз и мне, потому что через несколько часов после поступления в санчасть за мной пришел сержант, собиравший "мятежников". Но врачи встали на мою защиту и меня отстояли. Прележал я в санчасти месяц, потом явился опер и выразил удивление, что меня еще не выписали.

К концу лета 1954 года на восьмую шахту перевели начальником политчасти офицера, который не то родился, не то долго жил в Литве. Приехав в наш спецрежим, он попросил меня к себе, чтобы, мол, познакомиться. Мы говорили минут сорок довольно спокойно, я пожаловался, что попал в спецрежим безвинно и бессрочно. Поначалу он пытался истолковать это не как карательную меру, а как простую перетасовку зеков, поскольку лагерное Управление имеет право назначать на работу, куда считает нужным. Но под конец попросил меня воздержаться от миссионерской деятельности, а на мой отказ ответил, что мне в таком случае нечего рассчитывать на возвращение в лагерь общего режима.

— А еще говорите, что свобода совести закреплена в советской конституции! — сказал я.

— Да молитесь на здоровье, вот вам и свобода, только других не трогайте, — ответил он.

— Но тогда зачем говорить о свободе совести? Я по совести не могу молчать о своей вере, если надо спасти чью-то душу. Ведь я поставлен священником не для себя. Как сказал апостол Павел: «Горе мне, если не благовествую» (1 Кор. 9,16).

— Тем самым вы совершаете преступление против советской власти, поэтому вас и не могут вернуть в общий лагерь.

— Это ваше дело. Только не говорите, что у вас есть свобода совести. И не говорите, что вы уничтожили эксплуатацию человека человеком, потому что я проработал больше года и не получил ни копейки.

Последние слова не пропали втуне: в начале октября мне немного заплатили за сентябрь, в последующие месяцы опять, хотя и меньше, чем причиталось; за работу печника платили не мне, а мастеру с восьмой шахты. Мне также попытались дать

зарплату, выписанную пожарнику, но я не взял, сказав, что совесть не позволяет¹¹⁹. В следующие месяцы мне платили как штукатуру, а не как печнику. Поскольку печников и штукатуров было трое или четверо, а зарплату получал один и этим счастливым был я, то в конце месяца я делил зарплату по справедливости между всеми работавшими, иначе они не получили бы ничего.

Связи с Западом

С осени 1953 года было разрешено посылать бесплатные письма и открытки за границу, но до августа 1954 года только тем, кто был осужден не на советской территории. Осужденным же в СССР — Особым совещанием или советским судом — это не разрешалось, так что я был среди лишенных этого права. Немцы и австрийцы, которых летом 1954 года было множество в нашем лагере, написали много открыток и уже получили много посылок с родины.

Один из них, господин Зиверт, захотел помочь мне и уступил августовскую открытку, которую я, надеясь получить помощь, тут же отправил в Общество милосердия («Каритас») во Фрайбург (Баден-Вюртемберг). Господь наверняка вознаградит господина Зиверта, хотя как раз с августа служащая почты, цензуровавшая письма, стала выдавать мне по открытке в месяц. Может быть, в ответ на первую открытку (ее судьба мне не известна) я через несколько месяцев получил посылку из Премилькуоре (Форли) от «госпожи Розы Алпестри-Леони», о чем мне сообщил служащий центральной почты Воркуты в конторе лагерного начальства.

Само это сообщение было наивысшей радостью: значит, мама еще жива! Мне было любопытно, что там, в посылке: «Может, какое-нибудь и душе утешение». Посылка была хороша вся,

¹¹⁹Причин для отказа было две: во-первых, должность пожарника припахивала сотрудничеством с советской властью; во-вторых, если бы зарплату пожарника выдали мне, то ее отняли бы у того, кто реально выполнял эту работу.

жаль, заплатить надо было целых 351 рубль 50 копеек. «Если заплатите, посылка ваша, если нет, уйдет назад». Я попросил подождать, пока выясню, сколько денег на моем личном счете; через несколько дней мне сообщили, что за восемь с половиной лет трудов у меня набралось чуть больше восьмидесяти рублей. Что делать? Не должна посылка уйти назад! Это только на руку советской пропаганде, она заявит, что посылка не нужна, что я-де купаюсь в изобилии. Чего доброго, прервутся связи с близкими; они сочтут, что им дали неправильный адрес, да и мама вообразит невесть что, а она и так измучена моим многолетним молчанием.

С другой стороны, нечего рассчитывать на помощь зеков в лагере; я решил дать знать о денежной проблеме друзьям, зекам с восьмой шахты. И тут Провидение помогло с лихвой: за несколько дней я получил от них почти пятьсот рублей, так что хватило на посылку и еще осталось. Наконец, 10 сентября я забрал посылку, уплатив 351 рубль 50 копеек, больше, чем вся она стоила. Весила она, как было написано, семь килограмм четырехста грамм; запросить такие деньги таможня могла за восемьсот грамм молотого кофе, один килограмм (кажется) сахара, немного шоколада и двести грамм печенья; остальное — обычное: мясные и рыбные консервы, сгущенка и пара ношенных вещей.

Радость омрачалась не только ценой посылки, но и платой за продукты в Риме: коробочка с печеньем весом в двести грамм стоила двести лир! Я не знал тогда об инфляции лиры и испугался, невольно поверив советской печати, много лет расписывавшей нищету и голод в Италии. Мне стало жаль собратьев по ордену, я отлично понимал, что именно они собрали мне посылку, отправив ее от имени моей матери. Поэтому через несколько дней я послал им открытку (на имя собрата, отца Джованни Леони, выдав его за родного брата), написав, что посылка слишком дорогая, и прося не присылать мне того, без чего я могу обойтись. Это были искренние слова, продиктованные сочувствием к их *крайней бедности*, в которую я поверил, увидев цену на коробке печенья.

В тот же день я послал маме открытку, где призвал ее к бережливости и, скорее для московской цензуры, приписал:

«живу неплохо и особых потребностей не имею». Добавлю по поводу переписки, что ответы на открытки (в сентябре мне в порядке исключения выдали две) пришли через пять месяцев, а я уже был в Абези. Не знаю, когда мои открытки дошли до Италии, но ответы, отправленные между 16 и 20 октября 1954 года, были мне вручены 3 февраля 1955 года. Не слишком скоро, но чем мучительнее ждать, тем радостнее дожидаться.

Мамина открытка сообщила хорошие новости о здоровье сестры и братьев, а вторая содержала привет от почтенного Эммануэле Порты, отца Провинциала нашего Ордена, который выражал мне солидарность моих собратьев по Ордену и Церкви, обозначив их *Семья* и *Мама*, с большой буквы: «Благодарим Господа за радость, которую ты доставил всей Семье. Мы все с любовью вспоминаем тебя, особенно счастлива Мама, что у тебя все хорошо, и ты доволен». Утешила и весть о возвращении из России отца Аладжаняна.

Но особенно обрадовало благословение от Папы; в письме на имя Джованни Леони я незаметно передал мое почтение Папе, назвав его отцом Евгением, на что отец Порты ответил: «Евгений тебя благодарит и благословляет». Особый шифр не требовался: нам и так все было ясно. Отец Порты, наш Провинциал, без труда разобрал и два имени, которые я, чтобы было не так заметно, приписал сбоку рядом с именем Евгений: имя моего друга монсеньора Брини, который из нунциатуры в Берне беспокоился обо мне, и фамилию отца Жана Николя — он, отбыв восемь лет в лагере и тринадцать с половиной месяцев в ссылке, в начале июня 1954 года уехал из Воркуты, а перед тем тайно передал мне привет.

Тем временем мой адрес кто-то передал мюнхенской организации «евангельской помощи заключенным и военнопленным», руководимой епископом Гекелем. Оттуда я получил одну или две посылки в ноябре–декабре 1954 года и получал еще и еще вплоть до отъезда из СССР. Посылки нам вручались без оплаты, все было оплачено при отправке; по этой причине, а также из-за давки на почте посылки вручали, не дав посмотреть, откуда они. Не надо думать, что вручали их в упаковке; власть,

громогласно заявлявшая о готовности *к мирным отношениям с другими народами, к взаимопониманию*, требовала досконального осмотра посылок. Поэтому начальство для проверки вываливало содержимое посылок в мешок, который нам и выдавали, а ящик с адресом и печатями и этикетки от банок оставляло у себя.

Хочу выразить благодарность за христианскую любовь и помощь, которую я получил в апреле от организации «Каритас» из Фрайбурга в Баден-Вюртемберге, от РОА (Prison Officers Association), от Международного Красного Креста, от посольства Италии в Москве и от тех, чьего имени не довелось мне узнать. В апреле, вернувшись в Центральную Россию, я в три приема получил с дюжину посылок, хотя не всегда мог узнать, кто мои благодетели. Записи, которые я при возможности вел, мне пришлось уничтожить на советской границе, при возвращении на родину; возможно, имена кого-то из моих благодетелей не дошли до меня или их уже не восстановить. Но Бог не забудет утешить и вознаградить всех, кто помогал мне: прежде всего посла в Москве, господина Ди Стефано, а также монсеньоров Тардини, Монтини, Саморэ, Дель Аква и дорогого монсеньера Брини¹²⁰.

Отъезд из Воркуты

Осенью 1954 года начались разговоры об отъезде иностранцев; никто не мог сказать куда: на родину или в отдельные лагеря, где, согласно международному праву, не будет принудительного труда, — о том, дескать, идут дебаты в ООН.

Немцы с начала лета все больше отлынивали от работы, хотя за это наказывали зоной строгого режима: их завалили посылками, особенно из Западной Германии, и они смотреть не хотели на большевистские каши и супы (Советы дивились такому изобилию и солидарности). Но игра была опасна: несмотря на улучшения, зону спецрежима никто не закрывал. До Воркуты дошли, кроме того, слухи о массовом расстреле в мае–июне

¹²⁰ Должность и церковный сан везде в книге указываются по состоянию на февраль 1958 года — года окончания книги.

1954 года в Кенгирском лагере в Казахстане: на отчаявшихся людей, просто забастовавших, двинули танки, и пятьсот заключенных, мужчин и женщин, погибли на глазах у Круглова, бериевского преемника. Так поступили с забастовщиками в эти сравнительно мягкие времена, и так в СССР будет всегда: и не только с забастовщиками, но со всеми, кто попытается выступить коллективно и независимо.

Слухи об отправке иностранцев стали подтверждаться в первой половине декабря 1954 года. За два-три дня до моего отъезда у меня состоялся забавный разговор с офицером, прибывшим, похоже, из Москвы; меня, видимо, пытались вербовать, проверяя результаты долголетнего перевоспитания. Вначале офицер намекнул на перспективу освобождения, заявив: «Времена меняются, дела заключенных пересматривают, и многих возвращают к семьям». Потом он спросил, какого я мнения о знакомом русском, эмигранте в Риме. Я ответил, наверное, чересчур наивно, потому что офицер, осмелев, напрямую спросил о миссионерах, которых я, по словам свидетеля, знаю, «они вроде где-то на севере Советского Союза». Я ответил, что никого не знаю, а если бы знал, то не сказал.

— Почему же?

— Потому что это было бы изменой моей религии.

— Да что вы! Речь о предателях народа, которые прикрываются религией. Это шпионы империализма, они посланы для подрыва пролетарского государства. Если разоблачите их, сделаете доброе дело!

— Ах, доброе! Конечно, нехорошо, если кто-то под прикрытием религии занят шпионажем. Тогда что ж вы требуете того же и от меня? Если я начну шпионить за подозреваемыми в шпионаже, я тоже буду шпионом, а не священником.

— Как вы можете сравнивать? То враги народа, а вы будете другом.

— Ах, другом? И, работая на вас, я буду хорошим священником? Так знайте, что если те священники работали на Америку, то это не так плохо: в Америке обеспечена свобода религии, а в СССР нещадно преследуют религию.

Услышав такое, офицер отпустил меня. Но накануне отъезда из Воркуты снова состоялась попытка получить у меня сведения, более гнусная. 14 декабря иностранцам велели готовиться к отъезду. Я сдал большой вещевой мешок, одеяло, простыню и тому подобное, попрощался с друзьями и среди них с единственным священником, проводшим у нас несколько недель, отцом Величковским¹²¹, редемптористом, первым встреченным мною на Воркуте. Потом сложил пожитки в два мешка и деревянный чемоданчик с двойным дном — я сам смастерил его около года назад, чтобы спрятать кое-что от надзирателей. Получил причитавшиеся за последние полтора месяца сто сорок рублей, которые поделил между напарниками, как я уже рассказывал.

Следующей ночью я не сомкнул глаз; скоро после полуночи я встал отслужить мессу. А потом ко мне привязался один зек: именно в ту ночь он захотел узнать, к кому обращаться по духовным надобностям, окажись он на свободе. Но на сей раз МВД подослало совсем простачка: несмотря на притворную дружбу со мной, он был явный приверженец коммунизма.

В лагере Усть-Уса

Через реку Воркута мы переехали, не увидев реки: ее запирал толстый слой льда, а нас — воронок. На вокзале мы встретились с лагерниками из разных лаготделений, почти все были иностранцы. Через двадцать четыре часа нас выгрузили из вагона; мы находились уже по эту сторону Полярного круга, у впадения Усы в Печору, поблизости от поселка Инта. Семь лет я не видел деревьев, и увидеть даже здешние чахлые было большой радостью.

За два дня до Рождества меня перевели в зону строгого режима: причиной могло стать мое досье или ответ лагерному начальству на вопрос, намерен ли я выйти на работу. Я при всех ответил, что если принудительно, то да, а если свободно, то отказываюсь (иностранцы заключенные уже поняли, что как

¹²¹Справка о Василии Величковском приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

политические и иностранцы имеют право не работать). Канун Рождества я провел дневальным в сушилке в нашем бараке, сам на это вызвавшись в надежде, что смогу спокойно отслужить две-три мессы. Но удалось отслужить одну, на коленях перед ящиком, в углу, так как двое охранников против обыкновения надолго уселись у печки.

Начальство и в режимной зоне уговаривало нас выходить на работу; так, однажды кто-то из офицеров упомянул холодную войну. Я стал доказывать, что в ней виноват Советский Союз, поскольку на четырехсторонних встречах он единственный всегда выступает против.

— Как ваша фамилия? — резко спросил один офицер.

— Не имеет значения, — сказал я и отошел.

В наказание за отказ от работы начальство лишало посылок, так что рождественские праздники получились довольно скудными. И открытки опять перестали выдавать тем, кто был осужден судом или Особым совещанием на советской территории.

В Абези

Как помнится, 20 января 1955 года почти все мы были переведены в лагерь в Абези. Мы проехали на поезде вдоль нижнего течения реки Усы до места впадения в нее Воркуты и оказались как раз на арктическом Полярном круге.

Здесь меня сразу же настигла беда: во время обыска у меня забрали вместе с тетрадью и другими заметками на немецком языке листки, содержащие пять месс. Охранник сказал, что после цензуры эти бумаги мне будут возвращены, но все мои неоднократные протесты и запросы к начальству были бесполезны. На первый запрос начальник культурно-воспитательной части сказал с упреком:

— У вас там молитвы!

— Тоже мне, опасность для Советского Союза! — ответил я. — Так-то вы следуете указанию Хрущева! Он же заявил прошлой осенью, что с религией нужно бороться наукой, а не насилием!

— Хорошо, посмотрим, а после вернем.

Все это были только слова: пришлось восстанавливать свой маленький служебник по памяти, в виде кратких заметок. В этом небольшом лагере было очень много стариков и инвалидов. Нас, иностранцев, держали изолированно на карантине почти месяц и больше не докучали работой, даже когда перевели в общую зону.

Во время карантина я в последний раз увидел северное сияние, как мне кажется, это был вечер первого явления Непорочной Девы Марии в Массабельском гроте в Лурде. Я созерцал эту картину долго, настолько долго, насколько мог терпеть той ночью мороз. Это было самое красивое северное сияние за восемь зим, проведенных здесь. На сей раз это была неопишуемая роскошь красок в колыхании и волнении сияющих лент и стрел! Казалось, Пресвятая Дева на молчаливом небесном органе последний раз аккомпанировала строфе, в эти годы добавленной мной к песне отца Паоло Делл'Ольо «Когда я думаю о Тебе, прекрасная Мадонна...»:

*В долгом оцепенении тундра
Томится под белым покровом.
Ее луч, носитель жизни
Скрывает солнце от святого и кающегося,
Как Солнце правды и благодати
В Твоей сияющей улыбке,
Северное Сияние, безмятежное и святое,
Свет странников, Дева Мария.*

В Абези я встретил многих католических священников, среди которых трое были латышами. Познакомился также с православным монахом, уроженцем финской Карелии; с ним я много раз беседовал, и он рассказал мне много интересного о "Церкви" Алексия. Здесь я упомяну только его имя и фамилию — Иоганн Матси, а позднее мы услышим его самого.

Сейчас же я тороплюсь закончить дневник своих последних дней за Полярным кругом, отправляясь в место, своего рода больничный центр, где хранятся бранные останки по крайней мере двух исповедников веры: достойнейшего еписко-

па Григория Лакоты и почтенного священника из Закарпатья, отца Ортутая.

Там я встречу апостольского администратора, монсеньора Кукурузинского¹²² — того, кто принес последнее религиозное утешение епископу Григорию: его после десяти лет заключения задержали в лагере еще на полгода, а потом отправили отбывать ссылку в той же Абези¹²³. В числе его достижений — обращение русского писателя, философа и поэта Льва Платоновича Карсавина¹²⁴. Советы арестовали Карсавина на территории Литвы, и погиб он в 1952 году в том самом лагере Абези¹²⁵, на четвертом лагпункте, где написал еще много сонетов и последнюю работу «О бессмертии души». Надеемся, что эти последние плоды его прекрасного ума, доверенные товарищам по заключению, избегнут вандализма советских тюремщиков.

На этом маленьком лагпункте я нашел, помимо апостольского администратора, по крайней мере еще семь католических священников. Среди них были достойнейшие: двое — настоящие сыны религиозных гонений, ибо получили священнический сан в концлагере. Позднее я узнал, что рядом, на пятом лагпункте, находился Его Преосвященство епископ Тельшайский, монсеньор Франциск Раманаускас¹²⁶, литовец. Кроме того, я получил новости об отце Яворке, следы которого потерял с 1947 года: я узнал, что он провел несколько лет в этом же лагере, а в настоящее время отправлен в богадельню рядом с Потьмой. Оттуда он прислал известие о самом старом литовском епископе монсеньоре Матулянисе¹²⁷, также пребывавшем в мордовской богадельне.

¹²²Справка об Адольфе Кукурузинском приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

¹²³Епископ Григорий Лакота скончался в Абези 12 ноября 1950 года. — *Прим. сост.*

¹²⁴Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

¹²⁵Лев Платонович Карсавин скончался в Абези 20 июля 1952 года. — *Прим. сост.*

¹²⁶Справка о Пранцискусе Раманаускасе приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

¹²⁷Справка о Теофилисе Матулянисе приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

Когда я вернулся в Рим, то дал известия об этом достойнейшем епископе, которого уже занесли в список умерших.

В конечном счете я должен быть благодарен советским органам контрразведки за свое направление в больничный центр Абези, где встретил, прямо и косвенно, живых, мертвых или воскресших. Почему органам контрразведки? Потому что очень возможно, что моя госпитализация в больницу произошла по приказу самого СМЕРШа, хотя тогда я ничего не понимал в неожиданном распоряжении санитарного начальства, поскольку не обращался к врачам. Тогда литовского врача, пользовавшегося доверием большей части католических священников, считавших его схоластиком Общества Иисуса, то есть иезуитом первой ступени послушания, я даже и не подозревал. Когда же я вернулся в Италию и расспросил бывшее начальство Ордена в Литве, то узнал, что такого схоластика в Ордене никогда не было: тут-то и понял, в чем заключалась его тайна.

Однако я продолжал испытывать благодарность к советской контрразведке, считая, что благодаря мерам, принятым в отношении меня, я получил реальные выгоды, тогда как литовский доктор С. В. из моих разговоров с ним не получил никакой особенной информации для СМЕРШа, угрожавшего «смертью шпионам»¹²⁸.

¹²⁸Возможно, советская контрразведка все еще искала священников-"шпионов".

Глава XXIX. Ураган

Прежде чем оставить полярные районы, я хочу собрать в единую главу некоторые фрагменты трагедии, пережитой Католической Церковью в странах, присоединенных к Советскому Союзу в годы последней войны. Эта глава — далеко не полная документация борьбы, на такое нужны тома и тома, да и осуществить это можно только тогда, когда снова засияет над той землей солнце свободы. Не претендует эта глава и на то, чтобы обобщить все написанное об этом на основании свидетельств до и после меня¹²⁹, я хочу лишь как можно точнее передать то, что помню сам и помнят свидетели, с которыми я общался. Картина не полна и местами не точна, потому что иногда речь идет о делах весьма давних.

Завоевав эти земли, Советы не стали сразу открыто бороться с Церковью — это было бы неразумно, пока шла война с внешним врагом, им требовался мир в тылу. Однако они следили за ходом католической жизни, наблюдали за людьми и организациями, изучали характер и деятельность каждого епископа, каждого священника, каждого монаха и монахини, каждого наиболее заметного члена «Католического действия». В последние месяцы 1944 года многих уже поглотили советские тюрьмы, при таких масштабах посадок не удивительно, что в числе арестованных попадались и священники.

Но главный удар по столпам Церкви был нанесен к концу войны: начали уничтожать епископат и самых непокорных, не подчинявшихся новым хозяевам и бывших особенной поддержкой верующим. Большевики вознамерились разрушить единство Католической Церкви посредством отделения большей части духовенства от Рима и создания национальных Церквей или почти национальных, которыми в дальнейшем они могли бы манипулировать по своему усмотрению.

¹²⁹ Сошлюсь хотя бы на издание: Aristide Brunello. La Chiesa del Silenzio. Roma, 1953.

В балтийских странах

Подобный эксперимент не удался в балтийских странах. Имею в виду Литву и часть Латвии, поскольку не встретил никого, кто сказал бы мне о судьбе единственного католического епископа, служившего в Эстонии, а именно апостольского администратора монсеньора Профитлиха¹³⁰, он бесследно исчез при советской власти в 1945 году.

Из латышских католических священников я встретил двух в Воркуте и трех в Абези; последнюю Пасху в Мордовии я отслужил с латышским епископом монсеньором Казимиром Дульбинским¹³¹. Для небольшой католической общины Латвии это немало, хотя община эта, скорее, из привилегированных. Из трех епископов в 1955 году один оставался пока на свободе, пусть ограниченной; такую же имел и литовский епископ, единственный, который, как увидим вскоре, еще не сидел. Архиепископ Риги монсеньор Антоний Спринговиц еще и лишен семинарии, где воспитывается новое духовенство.

В лагере мне рассказали, как была закрыта рижская католическая семинария. Семинаристам навязали обязательное изучение дарвинизма и марксизма-ленинизма, притом эти дисциплины преподавали правительственные назначенцы. В первый год ректорату удалось найти выход, поставив вести эти курсы церковных преподавателей. На следующий год советская власть снова пошла в атаку, объявив негосударственных преподавателей некомпетентными. И снова церковной власти удалось не пустить чужих, подвергнув своих государственному экзамену по данным дисциплинам. Однако на третий год гражданские власти объявили ультиматум: или допустить государственных преподавателей, или закрыть семинарию. Церковное начальство закрыло семинарию.

Большему разрушению подверглась литовская Церковь. Я знаю, что в Литве был священник-отступник, он начал пропагандировать идеи национальной и раскольнической Церкви,

¹³⁰Справка об Эдуарде Профитлихе приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

¹³¹Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

но особого успеха не имел. Так что Советы, устраняя наиболее активное духовенство и все монашеские институты, получили множество мучеников и исповедников католической веры. Почти половина священников, которых я видел десятки за полярным кругом, — литовцы: самые молодые и ревностные были высланы со своей земли, большинство из них арестованы как предатели Родины и шпионы Ватикана¹³² или сосланы как «социально опасные элементы».

До того как в Литву вступил СССР, там было девять католических епископов, к весне 1955 года на свободе оставался один, если, конечно, можно назвать свободой те условия, в которых жил монсеньор Казимир Палтарокас. Переезжать из одного прихода в другой он имел право только с разрешения милиции; ему не разрешалось ни публиковать приходской листок, ни проповедовать Евангелие, ни открыть семинарию. Во времена кампании за «пролетарский мир» его привезли в Москву, чтобы он подписал этот документ. Как мог епископ в таких условиях окормлять свой народ, сплошь католиков? Правда, больш́ая их часть была рассеяна между Ленинградом и Владивостоком, между Москвой и Новой Землей, там, где находились в узах и литовские епископы и священники; монсеньору Палтарокасу приходилось работать за девятерых, да и помогали ему немногие священники, старые и хворые, и чаще всего наименее образцовые.

По этому поводу литовцы рассказывали, что после аннексии их родины, в городах на улицах нередко можно было встретить пьяных монахов, то есть, по всей вероятности, коммунистов, разыгрывавших комедию, чтобы вызвать возмущение верующего народа. Всеми способами власти СССР пытались принизить Церковь в глазах верующих и осмеять религию. Не помню, в Каунасе или в Вильнюсе несколько лет назад из прежних сорока действовали только четыре храма. Придорожные кресты были разрушены, исчезли многочисленные, подчас прекрасные

¹³²Из них активные участники были расстреляны, например, священник Николай Петрович Таппер (справка о нем приведена в Приложении V); остальные отправлены в лагеря. — *Прим. сост.*

статуи Христа, молящегося в Гефсиманском саду; прежде их ставили в садах, дворах, на перекрестках, и были они особенностью и гордостью Литвы. Несколько лет назад большевики посягнули даже на самую чтимую святыню, знаменитую надвратную часовню Богородицы, литовское название — *Аушрос Варту*, польское — *Остробрамская*.

Вот что мне рассказал один заключенный поляк. Он встретил в Воркутинском лагере служителя этой часовни, главного спасителя священного образа. В ночь праздника в часовне горели большие свечи. Во сне служитель услышал голос: «Поменяй свечи у Матери Божией». Приказ удивил служителя: свечи могли гореть до утра. Он встал и пошел спросить священника, не тот ли приказал ему это; священник ответил, что ничего не приказывал, и велел служителю спать, а не думать о сновидениях. Призыв повторился еще и еще: наконец служитель и священник повиновались и сменили свечи. На другой день они принялись их рассматривать: одна свеча, огромных размеров, привлекала внимание; разломив ее, они нашли внутри взрывное устройство.

Рассказывали и о других чудесных явлениях, имевших место в Литве после вторжения безбожников; вот одно из самых известных. Однажды ночью возник странный свет над храмом. Собралась толпа, заговорили о чуде. Вмешалась милиция, чтобы разогнать людей и схватить виновника якобы обмана. Постучали к настоятелю, тот был уже в постели и ни о чем не знал. Милиция, однако, избила его, заставляя рассказать, как он устроил ночную иллюминацию. Настоятеля арестовали, а спустя пару дней следователь, выяснявший причину света, явился в местное отделение коммунистической партии. Он объявил, что возвращает партбилет, потому что уверовал в Бога.

В Галиции

Здесь гонения были более радикальными. Во Львове и других местах еще действуют немногие храмы латинского обряда; их посещают лишь остатки польского населения, и пото-

му, возможно, власть терпит их. А немногочисленные церкви восточного обряда в трех восточных католических епархиях Галиции были осквернены расколом или, скажем точнее, полуофициальной советской "Церковью".

Галицийский католический епископат был несгибаем. Москва решила поразить пастырей, чтобы рассеять стадо: сказано — сделано; в конце 1944 года семь местных католических епископов были арестованы¹³³. Мы уже встречали Его Высокопреосвященство архиепископа Львова Иосифа Слипого и апостольского визитатора монсеньора Николая Чарнецкого, а немногим раньше видели последнюю обитель монсеньора Григория Лакоты. О Его Преосвященстве Никите Будке¹³⁴, генеральном викарии Львова, я слышал неоднократно как об арестованном в числе первых, но его дальнейшая судьба мне неизвестна. Я узнал о несомненной смерти (после страданий, пережитых в Киевской тюрьме) епископа Станиславской епархии Григория Хомышина (в 1946 году)¹³⁵ и епископа Перемышля Иосафата Коциловского (в 1947 году)¹³⁶. Викарный епископ Станиславский отделался, думаю, ссылкой (и он, монсеньор Станислав Латышевский недавно скончался)¹³⁷.

Еще не завершились аресты среди епископата, когда гражданская власть схватила самых влиятельных представителей рядового епархиального и монашествующего духовенства, а уже *церковная* московская власть вмешалась в дела галицийской Церкви (и по большей части в дела латинской и армяно-католической Церквей). Новый патриарх сразу же послал во Львов двух своих епископов¹³⁸ и священников, которые захва-

¹³³ Митрополит Иосиф Слипий, епископы Никита Будка, Григорий Лакота, Иосафат Коциловский, Станислав Латышевский, Григорий Хомышин, Николай Чарнецкий вместе с группой священников были отправлены в лагерь. — *Прим. сост.*

¹³⁴ Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

¹³⁵ Скончался 12 декабря 1947. Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

¹³⁶ Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

¹³⁷ Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

¹³⁸ Епископ Макарий (Овсюк) и епископ Нестор (Сидорук). — *Прим. сост.*

тили украинский собор Св. Георгия и храмы, оставшиеся без священников. Патриарх также направил разоренной Церкви пасторское послание, полное клеветы на местную католическую иерархию и на самого Папу; под конец послание увещавало вернуться в лоно «истинной Русской Православной Церкви».

Рядовое духовенство, в значительной части уничтоженное, теперь было предоставлено самому себе; чтобы заставить его отречься от Рима, использовались и давление, и всевозможные уловки. Одним из орудий советской власти стал каноник Гавриил Костельник, богослов, который до тех пор пользовался авторитетом среди священников. Он побывал в Москве у патриарха Алексия и в Совете по делам религий и для начала создал «Комитет по присоединению греко-католиков к православию». Комитет был сразу же признан Советами как единственный орган, законно представляющий галицийскую Церковь. Главными помощниками Костельника были Г. Мельник и Антоний Пельвецкий, священники-отступники, представители двух суффраганных епархий Перемышля и Станислава. Это происходило уже в мае 1945 года.

Прошло около года; результаты деятельности Комитета были ничтожны. Решили подвести итоги: галицийское духовенство пригласили на заседание Собора, которое должно было пройти во Львове. На деле требовалось не подвести итоги, а подписать документ об объединении с Москвой. Большинство находящегося на воле духовенства отказалось принимать участие в подобном сборище; согласились лишь человек двести самых робких и неосмотрительных. Еще более неосмотрительны были те, кто 8 марта 1946 года отправился во Львов, собираясь выступить против предательства; явившись на собрание, они увидели не только правительственного уполномоченного по делам религий, но и отряд агентов МГБ.

При обсуждении повестки дня слово давали только отступникам, среди которых выделялись два главных сотрудника Костельника, рукоположенные во епископы за несколько дней до этого раскольническим митрополитом Киевским. Присутствующих увещевали, запугивали, заставили отречься (кажет-

ся, простым поднятием руки) от латинской «ереси». В документах Собора написано, что решение о воссоединении с Москвой принято единогласно, но Москву, видимо, не удовлетворило ни *единогласие*, ни *радостные* телеграммы патриарху Алексию и генералиссимусу Сталину, так как сразу же после этого она приняла еще более решительные меры для еще более единодушно-го присоединения к Московскому Патриархату.

Отсутствовавшие на львовском Синоде поплатились: некоторые сразу, другие, большинство, прежде чем окончательно оказаться в руках правосудия, были еще раз призваны "одуматься" — их обязали явиться по одному в органы, где им предлагали подписать формулу подчинения патриарху Алексию. Отречения от Рима потребовали и у тех, кто принял участие в львовской сходке, — это условие было предложено как обязательное для того, чтобы продолжить служение. Фактически это условие было обязательно, чтобы просто остаться на свободе: кто не подписывал и к тому же не уходил в *катакомбы*, в конечном итоге оказывался в мире ином или в лагере, в лучшем случае в ссылке.

С монашествующим духовенством власти обошлись так же, как и с епархиальным, разогнав все монашеские общины, как мужские, так и женские. Еще до львовского Синода патриарх Московский определил новое устройство *церковной* жизни в Галиции (и в Закарпатье). Из двух русских епископов, появившихся во Львове уже в мае 1945 года, один, Макарий (*Овсиук*), сразу же завладел Львовским собором¹³⁹, другой, Нестор (*Сидорук*), был направлен в Мукачево¹⁴⁰. Оставалось обустроить две суффраганские епархии, входящие в Львовскую митрополию. В отношении их Алексей принял необходимые меры за несколько дней до Синода, завершившего объединение греко-католической Церкви с русско-советской мачехой. Новыми пастырями стали местные священники, уже выслужившиеся помощью ка-

¹³⁹Епископ Макарий (Овсиук) управлял Львовской епархией с 9 апреля 1945 по 6 апреля 1951 года. — *Прим. сост.*

¹⁴⁰Епископ Нестор (Сидорук) временно управлял Мукачевской и Ужгородской епархиями с 11 октября 1945 по 21 мая 1948 года. — *Прим. сост.*

нонику Костельнику; мы с ними знакомы: это Мельник и Пельвецкий.

Следует отметить, что все эти епископы заняли престолы с помощью армии и в дальнейшем всегда оказывались под ее охраной. И, естественно, ей было поручено не только охранять новых "пастырей" от реальной опасности, но и наблюдать за их поведением. Прошло несколько лет, и на львовском престоле сменился духовный караул: злые языки говорили, что Макарий (*Овсиюк*) выполнил не на сто процентов план по доносам и другим подвигам в отношении старого духовенства. Каноник *Гавриил* Костельник, в отличие от обоих его подручных, не мог надеяться получить епископскую митру, потому что был женат, однако он находился под особой защитой НКВД: ему назначили личную охрану, особенно после того, как бандеровское подполье, призывая его отказаться от объединения с Москвой, предупредило, что иначе его сочтут изменником.

Словом, новая церковная иерархия чувствовала себя как волк в овчарне, которая осталась без пастуха, но все еще под охраной собак. Часть старого духовенства, сохранившая место ценой отречения, тоже испытывала неловкость перед Богом и людьми. Некоторые пытались примириться с Католической Церковью, другие, вновь обретя мужество, продолжали поминать Папу во всеуслышание, как принято на католической литургии по греческому обряду. Почти никто не смел или не хотел поминать патриарха Московского у себя в храме, по этой и по другим причинам отступники постепенно оказывались в лагерях или ссылке.

С другой стороны, верующие покидали храмы, оскверненные новыми пастырями и отрекшимися старыми, и шли в немногие храмы латинского обряда, где богослужения совершались немногими священниками-поляками, которых пока еще терпела советская власть.

В Закарпатье

Воинствующие атеисты, ставшие "поборниками православия", с трудом находили в Закарпатье сторонников Московского

Патриархата. В лагере на Воркуте оказалось много католических священников из Мукачева, Ужгорода или окрестных селений. Закарпатье невелико, но мучеников и исповедников веры хватало.

Священники рассказывали о поведении и кончине своего последнего епископа монсеньора Теодора Ромжи¹⁴¹. Таким я знал его уже в «Руссикуме» — благочестивого, умного, энергичного и живого. Когда речь зашла о присоединении Закарпатья к Советскому Союзу, московские власти попытались склонить католического епископа подписать "прошение" Сталину о "помощи", для того и пригласили епископа на торжественный прием. Даже самый лицемерно-любезный отказ Москва сочла бы наглостью; епископ принял приглашение. После множества церемоний и знаков уважения ему подали на подпись подготовленную петицию генералиссимусу; монсеньор Теодор учтиво уклонился. Сначала он высказал свои сомнения по поводу воли Сталина относительно присоединения, его уверили, что Сталин безусловно *за*. «А если он *за*, — ответил епископ, — дело сделано, и моя скромная подпись не нужна».

"Просьбу" Закарпатья Москва, естественно, удовлетворила, что же до епископа, то большевики убедились, что имеют дело с крепким орешком, и решили его убрать. Осенью 1947 года, когда монсеньор Теодор отправился со своим секретарем в какой-то приход, на них наехал грузовик, и они перевернулись. Их подобрали и отвезли в больницу; мерзавцы надеялись на скорую смерть, но местный врач сделал все, чтобы спасти епископа от смерти, и ему это удалось. Тогда убийцы вмешались снова, они отстранили старый медицинский персонал и приставили к раненому своих людей, которые за несколько дней исполнили поручение — убили мученика за веру¹⁴².

Устранение пастыря развязало большевикам руки, и они продолжили начатое дело: разорили храмы и разогнали священников и монахов. Все пошло в пользу любимой "Церкви" воинствующих атеистов, "Церкви" патриарха Алексия. Не счесть

¹⁴¹Справка о нем приведена в Приложении V. — *Прим. сост.*

¹⁴²1 ноября 1947 — скончался в госпитале. — *Прим. сост.*

было убийств, ссылок, арестов духовенства и верующих католиков. Священник-вазилианин рассказывал мне, как заперся он в своем монастыре в Малой Березне. Сперва органы пытались убедить монахов по доброй воле покинуть священное убежище: мол, монастырское здание нужно государству. Отец-настоятель ответил, что без приказа об изгнании монахи не уйдут, да и пристроенная к монастырю церковь очень посещаемая.

Тогда НКВД предложил компромисс: сократить монастырь до одной или двух комнат для настоятеля и, если не ошибаюсь, для его помощника, остальное помещение освободить в кратчайшие сроки; инициатива, как всегда, должна якобы исходить от самих монахов. Народ, узнав обо всем, забеспокоился, с каждым днем все больше верующих собиралось в храме. Просили монахов не оставлять обители; паства стала охранять монастырь, несмотря на протесты настоятеля. Но что значит воля народа для советской власти? Когда стало ясно, что добровольно монахи не уйдут, прибыл большой отряд и выгнал монахов. Гуськом выходя из монастыря, монахи приветствовали, а священники со слезами благословляли плачущую толпу. Вскоре настоятеля арестовали за попытку поднять «народное восстание» в защиту монастыря...

В Закарпатье один слабый священник, старик Кондратович, предложил себя в качестве посредника между греко-католическим духовенством и московской *церковной* иерархией. Он претерпел советские пытки, и это отчасти извиняет его; и все же, согласившись пропагандировать раскол, пал он слишком низко. О своей беседе с Кондратовичем мне пересказал в Воркуте молодой священник.

— Если мы хотим спасти Церковь и самих себя, нужно смириться с отделением от Рима и подчиниться патриарху Алексию.

— Но это не способ спасти Церковь! За истинную Церковь Христову умирают, если надо.

— Теоретически — да, а практически сегодня все иначе.

— А зачем тогда мы изучали богословие? Ведь сказано: «Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу ради

Меня сбережет ее» (Мф. 10, 39). «Кто отвергнется Меня пред человеками, отвержен будет пред Ангелами Божиими» (Лк. 12, 9).

— Это сказано о Христе, а мы говорим о Католической Церкви.

— Да, о Церкви, но об истинной, без которой не спастись.

— Эх, дорогой ты мой! Спасется, кто отречется от нее или притворится, что отрекся. Иначе посадят, а то и повесят.

— Да вы о каком спасении говорите? Тела или души?

— Какой еще души? — отмахнулся отступник. — Что такое душа? Душа — это жизнь, ее и нужно спасать, потому что живем один раз. Потеряем жизнь — не вернет никто.

— Как никто? А разве Христос не обещал вернуть ее тому, кто потеряет ее ради Него? Давайте думать о спасении бессмертной души для вечной жизни.

— Какой такой вечной! Это все вилами на воде писано. Мне важно спасти себя здесь и сейчас.

— А раз так, не хочу иметь с вами ничего общего, — заключил юный оппонент.

Этот молодой священник с большей частью закарпатского духовенства из любви к истине встал на путь гонений, а старый иерей-материалист с кучкой таких же слабых и недостойных людей пошли на общение с патриархом Алексием. Сей последний прислал в Мукачево и Ужгород нового, под стать отступникам "пастыря" Макария, знакомого нам по Львову. Макарий еще долго пожинал плоды интриг и произвола своего товарища и предшественника Нестора, также упомянутого выше. Плоды на самом деле были ничтожные, поскольку мучители не наскребли и сорока отступников среди более трехсот пятидесяти священников греко-католической епархии Закарпатья; зато разрушения были велики.

С 28 августа 1949 года ни один священник восточного обряда не имел права заниматься служением, если не отрекался от католической веры; терпели считанных священников латинского обряда. На Католическую Церковь в тех странах, которые последними были присоединены к Советскому Союзу, включая, естественно, Белоруссию, Буковину, Бессарабию и Молдавию,

обрушился ураган. Но всегда находился священник, который стоял особенно твердо.

Последние условия

Осенью 1953 года начались послабления. Католические священники и епископы были освобождены из концентрационных лагерей и ссылок, почти всех амнистированных или кончавших отбывать срок выслали. Кто-то вернулся домой без права апостольской деятельности, хотя в Литве и Латвии это и прежде разрешалось немногим. Позднее стало известно, что их Преосвященства Матулянис и Раманаускас вернулись в Литву также без права на пастырское служение.

То же самое я слышал о выходе из Галиции, монсеньоре Чарнецком, служение по восточному обряду по-прежнему позволялось в Галиции и Закарпатье только отступникам и московским ставленникам. Недавно я получил тому доказательство от старого священника-украинца, расстался я с ним за Полярным кругом. Он вернулся на родину в 1956 году, однако его застигли за исполнением священнических обязанностей и выслали. Вести о подобных и худших делах приходят также из Литвы.

В заключение скажу, что ураган, обрушившийся в тех краях на Церковь Христову во время и после войны, успокоился не вполне. Тучи грозят новыми бедами, сатана то и дело мечет молнии в служителей Божьих, а народу, особенно молодежи, проповедует атеизм. На старых советских территориях, где в войну восстановили апостольские администрации, снова запустение. В Воркуте я видел апостольского администратора Житомира, в окрестностях Инты — администратора Каменец-Подольска.

В моей дорогой Одессе в нашем главном храме гимнастический зал, а во французской церквушке в праздник не повернуться. Иногда там служит священник-литовец, именно иногда, потому что часто болеет, и у него нет сил выполнять свои обязанности. Маленькая католическая церковь с большим священником понадобились Одессе для показа советской "религиозной

свободы" иностранцам, посещающим главный черноморский порт.

Конец каноника Костельника

Не знаю, распространилось ли и на Закарпатье плохое влияние каноника Костельника, но скандал был самый громкий, и кара ему выпала особая. Костельник отвечал всегда отказом на призывы украинского подполья прекратить свою постыдную деятельность, укрывался от них под крылом чекистов. Отверг даже предложение бандеровцев помочь ему бежать за границу, хотя знал, что среди них его сын. Негодяй глушил угрызения совести водкой; расплата наступила в праздничный день.

Это случилось во Львове. Каноник шел с богослужения, на улице прохожий подошел к нему и выстрелил в него несколько раз. И тут же, увидев, что скрыться нельзя, застрелился; поскольку пули были разрывные, а он выстрелил себе в голову, опознать его не удалось. Однако среди украинцев ходил слух, что это был сын каноника, хотевший таким образом искупить семейный позор. Неподалеку работал дворник, ставший очевидцем. Он подошел к умирающему каноннику до появления милиции и скорой помощи и успел сказать ему: «Каноник, покайтесь в грехах. Я священник Н. Н. Если покаетесь, дам вам отпущение».

Священнику-дворнику показалось, что умирающий дал знак согласия. Возможно, это и так, ибо велико милосердие Божие. Но за порочную жизнь несчастный каноник был наказан не только смертью, но и посмертным народным проклятием. Большевики похоронили его со всеми гражданскими и военными почестями, но вскоре его труп с запиской: «Украинская земля не принимает тебя!» — нашли на земле у раскопанной могилы. Каноника снова похоронили; и снова он был выкопан. Пришлось большевикам тайком перевезти его в другое место.

Об этой трагедии рассказал мне в Абези славный человек, галицийский священник. «Может быть, — заключил он, — Господь даровал каноннику прощение за давний подвиг. Вот его

история. Советы, вторгшись на нашу землю, позвали каноника на службу. Его вызвали в НКВД и сказали, что у них находится его сын, который, кстати, уже тогда укрывался в лесах. Чекисты сказали, что могут сохранить ему жизнь, в обмен они требовали, чтобы отец отрекся от веры и работал на них. Костельник, тогда еще сильный духом, ответил: "Если мой сын заслужил смерть, покарайте его. А верой я не торгую". На самом деле сын каноника не был в руках НКВД, и Костельник сохранил и сына, и веру. Но, видно, в дальнейшем он плохо молился Богу. При повторном испытании он не нашел в себе сил сопротивляться».

Глава XXX. Церковь или политбюро?

В движении

24 марта 1955 года за несколько часов до моего отъезда из Абези бухгалтер вручил мне двести рублей, о происхождении которых он, по его словам, не знал. Вероятно, деньги прислала мне мать или из Москвы итальянская дипломатическая миссия. Я купил еды в ларьке: у меня теперь было все, даже грамм тридцать вина для мессы. Теперь у меня была бородка: растил я ее уже дней сорок в надежде на скорое освобождение, чтобы отчасти выглядеть, как выглядел в Италии двенадцать лет назад.

День был ясный, воздух мягкий, снег чуть рыхлый, но еще повсю ездили на санях. Нас было пять или шесть человек, все иностранцы, на маленькой станции Абезь мы встретили еще группку иностранцев, среди них женщины из Австрии, Франции, Финляндии. Почти все мужчины мне знакомы: господин Скорцени, карельский священник Иоганн Матси.

После долгого ожидания подошел пассажирский поезд из Воркуты, мы надеялись на обыкновенный вагон, но оказались в "столыпинском". Полдня нас продержали в Кирове и направили на юго-запад до Поволжья. В Горьком, бывшем Нижнем Новгороде, нас держали неделю, разместив в разных камерах. 3 или 4 апреля нашу группу собрали снова, посадили в "черный ворон" и повезли по раскисшим улицам. В машине нас качало и швыряло из стороны в сторону; по прибытии на вокзал нас погрузили в вагон вместе с уголовниками.

В то время советские тюрьмы были снова заполнены этими молодчиками, в лагере они оказались в первый или в тысячный раз. Мы, политзеки и иностранцы, ехали в отдельном купе, семь или восемь человек, заняв все купе, устроились удобно; справа отсек для женщин, тоже иностранок. Из купе слева, очень шумных, доносились протесты по поводу тесноты; охрана отвечала, что запрещено смешивать уголовных с политическими. Несмо-

тря на это, вскоре открылась решетчатая дверь нашего отсека, и вошел подросток лет тринадцати-четырнадцати.

Устами младенца...

Наша группа оживилась, мальчиком заинтересовались. «Как тебя зовут? Сколько тебе лет? Ты откуда? За что осудили и на сколько? Куда тебя отправляют? Почему ты не остался с товарищами?» Мальчик был из пригорода Горького, осужден на два года за кражу, направлен в лагерь для несовершеннолетних, исправительную колонию. «Ребята там беспокойные, — заключил он, — и вообще хулиганы. Хочу быть от них подальше». — «Правильно! И Бог тебе в помощь».

Заметив маленькую ладанку на шее у паренька, я спросил его, верит ли он в Бога. Вместо ответа он вынул из кармана тетрадку и сунул мне: несколько кратких молитв, искаженных фраз из Евангелия, много полезных наставлений о соблюдении праздников, постов, о христианском милосердии. И куча ложных откровений, предрассудков, суеверий, примет, словом, то же письмо счастья, которое нужно переписать многожды, чтобы не случилось беды...

Я возвратил ему тетрадь и отметил, что хорошо, а что плохо, и спросил его, сколько церквей открыто в Горьком.

— Две-три, — ответил он.

— Две-три? На огромный город? Так мало? А священники есть?

— Есть, но мало.

— А люди ходят в церковь?

— Ходят.

— Много?

— Нет.

— Но священникам доверяют?

Мальчик покачал головой: «Не очень». — «Почему?» Мальчик скривил рот и сказал: «Они ходят в кожаных сапогах». Я высказал несколько мыслей, которые уже высказывал раньше: «Бедная паства находится в трагическом положении. Во время

войны открыли несколько храмов, но настоятели подчиняются высшим иерархам, а те изменили духу Церкви. Если кто-то из настоятелей верен Христу и истине, на него доносят властям».

Раньше патриарх Алексей ходил за приказами к Сталину, а сейчас ходит к Хрущеву и Булганину, мечтающим уничтожить на земле самую мысль о Боге.

Свидетельство отца Матси

Еще до встречи с молодым воришкой из Горького отец Матси рассказал мне много историй, выставляющих в дурном свете иерархию Алексея. «Да, — сказал отец Матси, — я не желаю больше быть среди тех, кого ведут эти пастыри. Однажды я попробовал и обжегся: митрополит Ленинградский Григорий, которому я подчинялся, обещал направить меня в монастырь в Эстонии, а сдал НКВД как американского шпиона. С меня хватит, если я снова окажусь в Финляндии, не буду иметь дела с Московской Патриархией».

— У нее есть отношения с Финляндией? — спросил я.

— Да. В Финляндии православная община маленькая, она признала верховенство Алексея.

— Какой стыд! Не было никого лучше?

— Больше я с ними не связываюсь. Буду страдать, а к ним не присоединюсь. Если смогу, сбегу за границу.

— И отлично. Приезжайте в Рим¹⁴³.

Подытоживая, должен сказать, что убеждения, вынесенные мной из одесского опыта, со временем укрепились. В их пользу поступали все новые доказательства как изнутри — поведение Алексея, его приближенных и советской власти, — так и извне, а именно свидетельства, собранные мной за десять лет заключения.

¹⁴³ Отец Матси, которого освободили после меня, нашел убежище во Франции. Он сейчас находится в Мурмелон-ле-Гране (Марн), поэтому я позволил себе предать гласности его свидетельство.

Отец Иоганн Матси скончался 1 ноября 1947 года. — *Прим. сост.*

Доказательства изнутри

I. Поведение Алексия и его людей

В соглашении между советским правительством и возродившейся Московской Патриархией, заключенном во время войны, патриархия отказалась от священного права преподавать религию молодежи до восемнадцати лет, а безбожным властям обещала лояльность. Если бы только обещала! Она как могла льстила им, в этом она превзошла марксистских льстецов. Для этих Сталин был учителем, отцом, полководцем, гением, солнцем, но все равно человеком, а для иерархии Алексия — божьим избранником и «воплощением всего лучшего и светлого, что составляет священное духовное наследство русского народа»¹⁴⁴.

Эту канонизацию, совершенную митрополитом Киевским Николаем, ныне митрополитом Крутицким, человеком патриарха Алексия, повторяет в бесчисленных посланиях Сталину сам патриарх и вся его "Церковь". Например, в послании православного епископата Сталину по случаю его семидесятилетия говорится среди прочего: «Нам особенно дорого то, что в деяниях Ваших, направленных к осуществлению общего блага и справедливости, весь мир видит торжество нравственных начал в противовес злобе, жестокости и угнетению, господствующим в отживающей системе общественных отношений... Ощущая на каждом шагу Ваши благородные усилия, направленные к тому, чтобы сделать жизнь людей мирной и счастливой, мы видим в Вашем лице не только великого государственного человека и Вождя, направляющего жизнь народов в новое русло истории, но и отчески заботливого попечителя всех сторон нашего человеческого существования со всеми его разнообразными нуждами»¹⁴⁵.

В кратком панегирике юбиляру патриарх Алексей в своем соборе ликовал, что «со всех концов мира несутся к нему выражения любви, приветствия, благожелания, признание его вели-

¹⁴⁴«Журнал Московской Патриархии». 1944, № 1. С. 14.

¹⁴⁵«Журнал Московской Патриархии». 1949, № 12. С. 7.

ких заслуг пред Родиной, пред всем тем нравственно-высоким, что составляет идеал стремлений человечества... Мы, церковные люди, должны благодарить его особенно за его участливое отношение к нашим церковным нуждам; всякий церковный вопрос, соприкасающийся с гражданскими сферами, он разрешает в благоприятном для Церкви смысле. Святая Церковь наша имеет в нем верного защитника»¹⁴⁶.

Льстила патриархия не только лично Сталину, но и советской системе. В торжественном заявлении на конгрессе защитников мира в Москве 26 августа 1949 года митрополит Николай вопрошал: «С кем Русская Православная Церковь? С народной властью, избранной свободно народом и представляющей народ? Или с врагами этой власти, капиталистами и эксплуататорами, от которых тридцать лет назад русский народ освободился?.. Быть с врагами этой власти означает не только предать родину, но и погрязнуть христианство, которое запрещает эксплуатацию человека человеком».

И отвечал сам себе митрополит: «Русская Православная Церковь не только не благословит меч новых завоевателей-захватчиков; не только не пойдет против самого справедливого правительства, которое когда-либо существовало в долгой и сложной истории народа; но со всей решимостью, разделяя огромную ответственность перед будущими поколениями, открыто и во весь голос устами своих самых высоких представителей заявляет, что благородные, воистину гуманные цели советского правительства, направленные на счастье тружеников и братскую любовь, поддерживаются Православной Церковью»¹⁴⁷.

Этому недвусмысленному переходу на сторону коммунистической системы вторит открытое исповедание марксизма в отчете о конгрессе в «Журнале Московской Патриархии». В нем говорится, что декрет Ватикана отлучает от Церкви и лишает причастия всех коммунистов, всех, кто их поддерживает, и любого, кто голосует за них и сотрудничает с ними, и всех, кто

¹⁴⁶«Журнал Московской Патриархии». 1950, № 1. С. 4.

¹⁴⁷«Журнал Московской Патриархии». 1949, № 9. С. 16.

читает марксистские книги и торгует коммунистическими газетами. Далее утверждается, что декрет Ватикана является предвестником глубочайшего раскола между высшими иерархами Католической Церкви и рядовым духовенством и паствой, что проповедники христианского учения не могут следовать евангельским заповедям и апостольскому учению, если выступают против демократических масс и используют собственную силу и власть для спасения привилегий и прав небольшого числа собственников в капиталистических странах¹⁴⁸.

Во имя Евангелия коммунизм проповедуется даже в церквях: РПЦ не только содействует его укреплению в СССР, но и распространяет за рубежом, сея обман, воззвания и конференции за ложный мир, торжественные заявления о несуществующем материальном благосостоянии и религиозной свободе. Но есть кое-что и похуже: сотрудничество с правительством в религиозных преследованиях, информация и доносы, и в том числе против своих же православных. Недаром на поместном соборе 1945 года весь советский епископат взывал об отмщении не только Гитлеру и фашизму, но и Папе и католическому духовенству.

Активными помощниками советской власти в деле разрушения католической религии на землях, оккупированных во время войны, стали "епископы" и "священники" Алексия. Они были настолько активны, что Московская Патриархия приписала самой себе "благородное дело" ликвидации Брестской унии и воссоединения с православием, в 1946 году — украинцев из Галиции и в 1949 году — жителей Закарпатья¹⁴⁹. В фабрикациях клеветы на Папу и Католическую Церковь иерархия Алексия перешла всякие границы бесстыдства. В процитированном выше выступлении митрополит Крутицкий сожалеет, что иерархия Католической Церкви — вдохновительница нынешней военной истерии, и утверждает, что Папа, заклятый враг Советского Союза, открыто разжигает новый пожар¹⁵⁰.

¹⁴⁸ «Журнал Московской Патриархии». 1949, № 9. С. 26.

¹⁴⁹ «Журнал Московской Патриархии». 1957, № 12. С. 44.

¹⁵⁰ «Журнал Московской Патриархии». 1949, № 9. С. 14..

Если мы хотим более общих доказательств, достаточно взять в руки акты Всеправославного Собора, созванного в Москве в июле 1948 года для празднования пятисотлетия автокефалии Русской Православной Церкви. Оставляя в стороне обвинения против католицизма, взятые из мест, общих для всех раскольников, приведу те, которые в наибольшей степени отдают большевизмом¹⁵¹.

В постановлении по проблеме «Ватикан и Православная Церковь» говорится среди прочего следующее: «Для римских епископов, для этих князей мирского государства св. Петра¹⁵² политика всегда была "высшим законом" ("suprema lex"). Они всегда были на стороне сильных "мира сего" и шли против слабых и эксплуатируемых. Таким образом, и сейчас деятельность Ватикана направлена против интересов трудящихся. Ватикан является центром международных интриг и интриг против интересов народов, особенно славянских, и центром международного фашизма».

В то время как суть христианской нравственности состоит в любви (Ин 13, 34-35), «Ватикан, напротив, стал одним из подстрекателей империалистических войн и в настоящее время принимает самое активное участие в разжигании новой войны и в политической борьбе против мировой демократии». «Так что политическая деятельность Пия XII, то есть его участие... в борьбе против демократии и его защита фашизма является в глазах почитателей Пия XII превосходством "непогрешимого наместника Бога на земле"».

И призывая всех верующих презирать Ватикан «за эту антихристианскую, антидемократическую и антинациональную политику», моля «горячо... Главу пастырей, Господа нашего Иисуса Христа просветить... католическую иерархию», ставят свои подписи, 17 июля 1948 года,

*смиранный Алексей, Божией милостью Патриарх Московский и всея Руси,

¹⁵¹Следующие цитаты взяты из специального номера "Журнала Московской Патриархии", посвященного юбилейному празднованию автокефалии.

¹⁵²Patrimonium S. Petri.

*смиранный Каллистрат, Католикос всей Грузии; и другие более или менее смиренные Патриархи Сербии и Румынии, Экзарх Болгарский и затем вся толпа менее значимых иерархов.

Слава Богу, воздержались от подписания представители свободных Церквей Константинополя, Антиохии и Александрии. Патриарх Алексий в речи, произнесенной в тот же день, посчитал важным отметить, что их заявления были добровольными и ни в коем случае не были продиктованы или подписаны под угрозой насилия.

Итак, это сотрудничество с советским заблуждением и обманом уже само по себе является ужасным преступлением московской "Церкви" и такой ценой не должно покупать убогое земное существование. Но еще трагичнее в поведении этой "Церкви" то, что ее главы и большинство сознательно служат разрушению самой Церкви.

Прежде всего, эти "церковные" иерархи не могут не знать, что они подрывают основы веры в целом, содействуя укреплению коммунизма. Они знают, что не могут в одиночку противостоять атеистическому коммунизму. Они — игрушки в его руках, и, победы он в мире, Церкви не станет. Они знают, что единственная духовная сила, которой действительно боятся большевики, — это Католическая Церковь, и, следовательно, должны знать, что, соединяясь с ними в борьбе против Католической Церкви, совершают ужасное преступление перед Христом и Богом.

Затем, главное преступление этих старых епископов (главное с субъективной стороны), преступление сознательное и непростительное, состоит в том, что они рукополагают в священники без веры и посвящают в епископы тех, которые предлагаются коммунистической партией и которые завтра посредством самой партии возьмут на себя правление сталинской "Церковью". Так что с помощью вышеназванных церковных иерархов, предателей Церкви, атеистическая власть посягает даже на истинность священства и, может быть, частично уже ее разрушила.

В этой связи достаточно вспомнить, что уже в 1945 году в «духовную» семинарию, вновь открытую в Москве, прини-

мались молодые люди, получившие призвание от... коммунистической партии; что в дальнейшем и подтвердилось¹⁵³. Стало также точно известно, что управлять подобными семинариями и преподавать в них допускались главным образом бывшие отступники от священного сана и веры, помимо официальных преподавателей, назначенных преподавать дарвинизм и марксизм. Таким отступникам однажды пришел приказ от коммунистической партии надеть сутану и преподавать богословие.

Они, как всегда подчинившись, теперь управляют "духовными" семинариями, академиями и преподают там. В то же самое время они наблюдают за поведением каждого семинариста, препятствуя тому, чтобы молодые люди доброй воли дошли до священнического рукоположения. Рукополагаются же многочисленные комсомольцы, поступившие по рекомендации руководителей коммунистической партии. 14 октября 1946 года, в день торжественного открытия Ленинградской духовной академии, патриарх Алексей имел смелость утверждать среди этой гнили, что в царских духовных академиях большая часть богословов и студентов богословия были неверующими, а теперь это убожество — уже преодоленное прошлое.

«Сейчас в духовные семинарии и академии приходят преподавать и учиться только те, кто действительно чувствует в себе биение верующего сердца; те, которым был дан бесценный дар веры и любви к Господу; те, которые готовы отдать собственную жизнь ради служения Христу и Его Церкви, готовы с юности взять на себя "легкое бремя" (Мф. 11, 28) Христова»¹⁵⁴. В тот день Алексей (если он был вменяем) сознавал, конечно же, что покрывал большой ложью еще больший обман. Из такого поведения иерархов Московской Патриархии явствует, какова задача их "Церкви", — помогать завоевывать мир большевизму, то есть содействовать разрушению самой религии.

¹⁵³ Среди прочих подтверждений я узнал о свидетельстве одного молодого человека, который, поступив в одну из семинарий с добрыми намерениями, был затем арестован как "антисоветчик".

¹⁵⁴ «Журнал Московской Патриархии». 1946, № 10. С. 28.

Поэтому не стоит удивляться, что советское правительство на каждом шагу содействует процветанию такой "Церкви". Ему, от которого ничто не ускользает, известно, «что Русская Православная Церковь, вместе со своим Патриархом и Священным Синодом при нем, стоит на правильном, ясном и прямом пути, по которому она идет вместе со своими пастырями, в том числе покойным патриархом Сергием. Правительство и народ знают это и с огромной симпатией взирают на всю деятельность Русской Православной Церкви»¹⁵⁵.

II. Поведение советской власти

С одной стороны, Советы искренне ненавидели религию, преследовали не только Католическую Церковь, но и все религиозные конфессии, включая и тех православных, которые не хотели ничего знать о патриархе Алексии. С другой стороны, Советы не только терпимы к "Церкви", но и активно поддерживают ее: на советских самолетах в Москву доставляют представителей православных восточных Церквей для придания авторитета избранию Алексия. То же и во время «Всеправославного Совещания» 1948 года: самолетами или роскошными поездами за счет властей отправляют иерархов новой "Церкви" за рубеж — с ответным визитом в Церковь православного Востока или с другими целями¹⁵⁶.

В то время, как в католических регионах ликвидировали церковные семинарии, московской "Церкви" разрешили открыть восемь или десять семинарий и две *духовные* академии.

¹⁵⁵4 февраля 1945 года от имени советского правительства так высказывался в день интронизации патриарха Алексия председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов (см. «Журнал Московской Патриархии». 1945, № 2. С. 68.). Кто хочет убедиться в том, насколько московская "Церковь" дорожит доверием советского правительства, может посмотреть такие номера "Журнала Московской Патриархии": 1945, № 2. С. 68–70; 1957, № 11. С. 40; 1957, № 12. С. 40, 43.

¹⁵⁶О привилегиях, полученных ими от советского правительства, говорится в адресе, направленном епископатом Сталину по случаю его семидесятилетия.

Католическая Церковь не могла издать даже листовки для распространения слова Божьего; московской же разрешили издавать ежемесячный журнал большого формата на восьмидесяти страницах. Правда, прежде всего он предназначен для заграницы, но это доказывает пропагандистскую цель издания: показать, что "Церковь" в СССР свободна.

Выше мы показали, как советская власть уничтожала законную католическую иерархию и возводила на престол своих "епископов". Помощь Советов своей "Церкви" доходит до того, что певцов главных московских театров обязывают по очереди работать в соборе Алексия — это так называемый ударный труд, в главные церковные праздники они заняты им бесплатно. Столь внимательно правительство к "Церкви" вовсе не потому, что помнит о ее заслугах в годы войны: в Советском Союзе учитывают не прошлые заслуги, а нынешние (судьба маршала Жукова свидетельствует об этом).

На самом деле советская власть считает "Церковь" Алексия своим детищем, орудием покорным и (пока) полезным. Легко догадаться, в чем эта полезность после войны: в пределах Советского Союза подобная "Церковь" необходима для контроля за распространением веры и удовлетворением потребности тех, кто еще верует. Постепенно, однако, она должна приучать верующих подчиняться большевизму; там, где он сталкивается с Католической Церковью, задача советской "Церкви" — облегчить первый шаг к богоотступничеству.

За границей советская "Церковь" самим существованием, устным и печатным словом нужна, чтобы демонстрировать "религиозную свободу" в СССР, якобы миролюбивую советскую политику и пропаганду коммунизма, особенно среди верующих. Так коммунизм, оставаясь по сути атеистическим, имеет возможность соблазнять верующих и вербовать их в свои ряды в странах, где он еще не у власти. Словом, эта "Церковь" служит связующим звеном между большевистским империализмом и религиозными конфессиями; среди свободных народов она как троянский конь. Советы навязали "Церкви" задачу преходящую, кстати, то же хотел бы навязать Тольятти Католической Церкви

— с намерением уничтожить ее, когда они будут господствовать в мире.

Доказательства извне

Можно сказать, что каждый священник, сидевший в советской тюрьме в послевоенное время, знает, что советская власть всегда предлагает духовенству одно и то же — стать Иудой. За десять лет заключения я встретил более сотни священников, католиков и православных, и многие из них рассказывали мне, что советская власть предлагала им покорно служить ей; и даже сейчас среди заключенных она ищет сторонников своей мерзости. Жаль, нельзя назвать имена многих свидетелей.

Одному католическому архиепископу во время следствия сулили назначение патриархом Московским, если он откажется от послушания Папе. Апостольскому администратору Л. обещали епископскую митру при условии его подчинения патриарху Алексию. Священника Я., семидесятилетнего старика, после восьми лет заключения перевели в Киев, где долгие месяцы мучили допросами, вытягивая из него информацию о "шпионской" деятельности Католической Церкви; ему также предлагали выход на свободу и епископский сан в обмен на службу органам.

Свидетелей обвинения Алексия и его иерархов я встречал и среди многих православных, священников и верующих; они обижались, что московскую "Церковь" называют православной; рассказывали о случаях доноса того, что было услышано на исповеди. Не мудрено, что сейчас мало охотников исповедаться попам Алексия. В 1944 году в Одессе один православный священник по приказу будущего "епископа" Сергея Ларина написал и вручил ему автобиографию: спустя некоторое время он был арестован и нашел автобиографию на столе у следователя. Отец А. Дзаватти передал мне свидетельство православного священника из Минска о своем "епископе": последний поведал ему, что у него имеется тайный номер телефона для связи с НКВД. Оба "епископа" были преданы советской власти.

А вот другой епископ предан не был; сперва, проглотив советский крючок, он отправился из Маньчжурии в Москву для соединения с патриаршей Церковью, воскресшей к новой жизни. Ему дали епархию, служение его, однако, длилось недолго: его арестовали за то, что в проповеди он призвал родителей воспитывать детей в вере. Другого маньчжурского священника, также приехавшего служить Христу в "Церкви" Алексия, арестовали за распространение среди паствы напечатанных на машинке молитв. Ясно, что задачи священника и епископа, которые состоят в общении с патриархом Алексием, совершенно иные.

Старый украинский католический священник говорил мне, что "епископ" Одесский Сергей Ларин раньше был советским прокурором: разумеется, такой человек будет предан правительству. Горе неверным и нерадивым! Наш Сергей Ларин мог бы поведать много любопытного из долгой своей одиссеи; с 1947 по 1954 год он не задерживался более двух лет ни в одной епархии. Мог бы рассказать, какой "болезнью" страдал епископ Житомирский, затем епископ Тульский и, наконец, Астраханский и Сталинградский, ведь он заменял их всех ввиду их "госпитализации" в ЧК. Ларин мог бы сообщить о степени тяжести тех "недугов" и указать, что лекарство от них — послушание безбожной власти. Сергей Ларин, наконец, мог бы сказать нам, как идут дела с генеральным планом, составленным им уже в 1944–1945 годах, — сей план устанавливал в будущем «единую, святую, русскую и апостольскую Церковь».

Напрасны эти мечтания! Кафолическая Церковь, единая, святая и апостольская уже существует; она получила вечные обетования от Сына Божия. Однако происходящее в Советском Союзе впечатляет: когда задумываешься о форме послевоенного осквернения церковей, стократ страшнее прежнего, вспоминаешь пророчество Даниила, упоминаемое Христом, о мерзости запустения на святом месте. Когда я служил в Одессе, один украинский священник посоветовал мне прочитать «Повесть об Антихристе» Владимира Соловьева. Священнику казалось, что Советы многое позаимствовали у великого русского мыслителя.

Я прочитал. В заключительной сцене представлен в объятиях сверхчеловека, повелителя мира, чернокнижник Аполлоний, которого император поставил антипапой, и он убил молнией последнего Папу Петра II и старца Иоанна, открытых противников соединения с властителем, поставившим себя на место Бога. Если объятие лжепророка с антихристом уже тогда (в 1944–1945 годах) напоминало дружбу Сталина с Московской Патриархией, то в дальнейшем, когда началась борьба против Католической Церкви, сходство стало еще больше.

Что сказать? Может, мы оказались перед лицом антихриста, как утверждают многие верующие в России? Пожалуй, нет. Однако нужно помнить, что антихрист, сын погибели, которого Господь Иисус Христос убьет духом уст своих (2 Фес. 2), апокалипсический зверь, который будет ввержен в озеро огненное и серное вместе с лжепророком (Откр. 20, 10), имеет своих предвестников в веках, и нет ничего удивительного, если последние частично уже идут по пути, на который тот вступит в свое время. Я не говорю, что большевизм является апокалипсическим зверем во плоти, но, по-моему, он — лучший предвестник антихриста. Не мудрено, что Вавилон нашего времени нашел себе достойного лжепророка в лице патриарха Алексия.

Глава XXXI. Последнее

Последняя Пасха

Между Горьким и Потьмой на маленькой пересылке у железнодорожного узла Арзамас, уже близко к Мордовии, мы простояли полтора дня. Да и ехали медленно; в итоге, выехав из Горького в начале Страстной Неделе, мы добрались до места назначения лишь к Страстной субботе, 9 апреля.

Концом пути стала не Потьма, а лагпункт старого Темлага, с 1948 года преобразованного в Дубравлаг. За эти годы лагпункт, на котором осталась большая часть этапа, сменил номер с двенадцатого на одиннадцатый и перестал быть центральным. Поселок назывался Явас: знакомые места, нерадостные воспоминания. Неподалеку в 1947 году я провел два месяца в штрафном изоляторе, здесь, вблизи запретной зоны, получил второй срок, по которому мне оставалось досиживать семнадцать лет.

Но не будем о печальном, ведь завтра Пасха, Воскресение Христово, и на этот раз я отслужу ее торжественно, раз уж новое начальство не успело окружить меня церберами. Я, впрочем, тоже не успел сообщить о себе многочисленным католикам на двенадцатом лагпункте. Богослужение в утро Пасхи я провел уже на виду, не скрываясь, прямо в бараке, перед тумбочкой, используя два последних огарка. Так же открыто я надел столу, которую сшил в Абези вместо утраченной.

В тот день, как и в пасхальный понедельник, народу пришло много, человек девять. Я был не единственным католическим священником на этом лагпункте, было еще четверо священников разных национальностей. Был литовский епископ Казимир Дулбински¹⁵⁷, который вечером в Пасху устроил нам братскую трапезу. Мы еще не знали, что это прощальный ужин, через несколько дней епископа и двух священников перевели на другие лагпункты.

¹⁵⁷Справка о Казимире Дулбинскисе приведена в Приложении V. — Прим. сост.

Последние стычки

В Явасе было много иностранцев, собранных по разным лагерям СССР, немало с Воркуты. Чувствовалось разное умонастроение: одни, кого удалось "перевоспитать" в заключении, вели себя потише и более покорно; другие, кого тундра закалила, кто не терпел советского ига, уже не могли сносить призывы перевоспитателей. В такой атмосфере начальство предложило нам подписать Венское обращение за разоружение и запрещение атомного оружия. Звучало неплохо, не знай мы, с какого амвона нам читают проповедь. Все это движение имело началом и концом Москву и советскую пропаганду, а может, и оборонную промышленность, отставшую в атомном вооружении.

В четверг после Пасхи нас собрали в клубе и предложили поставить подписи под Венским обращением. Текст его состоял из потока наглых обвинений: якобы свободный мир готовит атомную войну и намерен совершить агрессию против мирных *стран народной демократии*. Сначала с длинными речами выступили два офицера и угодливый зек, так называемый старший культорг. Потом спросили, кто хочет взять слово: первым выступил какой-то азиат, похваливший начинание; но после него многие выразили сомнение, удобно ли подписываться нам, иностранцам, ведь может статься, придет время давать ответ своим правительствам, которые Венское обращение обвиняет, может быть, несправедливо.

Никто, однако, не решался возражать напрямую, потому, в частности, что начальник записывал фамилии выступавших. Похоже, наши подписи требовались, чтобы отделить белых овец от... "красных" и решить, кого отправлять на родину, а кого нет. Несколько раз я просил слова, но мне не давали. Наконец, услышав, что из президиума требуют закрыть обсуждение, я встал в центре зала, где сидел, и направился к выходу, делая другим знаки, мол, пошли отсюда, пусть подписываются жаждущие *советского мира*.

Когда я уже был в толпе у выхода, до меня донеслись поразившие меня слова культорга, который, пытаясь пронять нас,

сказал, что атомное оружие угрожает остающимся на воле женам и сестрам заключенных.

Я отозвался как можно громче: «Подписать обращение, значит подписаться под коммунизмом, рабством народов». Гром среди ясного неба; в президиуме волнение. Я уже выходил вместе с другими, когда, как я потом узнал, главный начальник, успев меня рассмотреть, приказал: «Задержите вон того с бородкой, в очках». Несколько человек подписались, но основная масса уклонилась; начальству пришлось добирать подписи по одной в конторе культурно-воспитательной части.

Выйдя из клуба, я остановился почитать о почтовых посылках на доске объявлений. Подошел немец, которого я немного знал в лицо, и обратился ко мне. Мне показалось, что он хочет сказать что-то важное, поэтому я прошелся с ним до его барака, и там мы постояли, а тем временем подошли люди из клуба, они-то мне и передали, что меня ищут, и чтобы я был осторожен. Весь тот день я проходил без очков, но наутро снова их надел, понимая, что меня найдут не по виду, а по фамилии, потому что она стала известна всей зоне.

Пятница прошла спокойно. Только в субботу меня вызвали: в конторе начальства ждали два или три офицера.

— Это вы позавчера в клубе выкрикивали угрозы тем, кто хотел подписать Венское обращение?

— Никаких угроз не было.

— Вы сказали: «Не подписывайте, не поддерживайте коммунизм, который является обманом народа»?

— Нет, — ответил я, — таких слов я не говорил.

— Может, не такие, но похожие. Главное, это вы крикнули. Крикнули и вышли. И все пошли за вами.

Напирая на неточность передачи, я повторил:

— Таких слов я не говорил.

— А с кем вы вышли из клуба?

— Не помню. Там было полно народу! Из тех, кто выходил рядом, я ни с кем не знаком.

— А N. N вы знаете? — он произнес неизвестную мне немецкую фамилию.

— Нет.

— Как нет?!

— Может быть, я знаю человека в лицо, но фамилии не слышал.

Начальник, вызвав посыльного, отправил его за немцем. Тот пришел и на вопрос, знаком ли он со мной, ответил "да".

— Так, — продолжил начальник. — А позавчера вы выходили вместе из клуба?

— Да, — ответил тот.

— Неправда! — возмутился я. — Мы с вами не выходили из клуба.

— Мы вместе вышли и вместе дошли до барака.

— Хватит, — сказал офицер, — отправляйтесь.

— Ну, герой! — сказал я по-немецки подлецу, когда мы выходили.

— Без угроз! — одернул меня начальник. И тут же мне:

— Вы, значит, хотите войны?

— Я хочу мира, но только справедливого, для свободных народов и честных людей.

— Почему же тогда не подписываете обращение против атомной бомбы?

— Я не против запрета ядерного оружия, я против пропаганды и против насилия над совестью заключенных. Вы заставляете подписываться под обращениями, которые Москва придумывает для отвода глаз.

— Как для отвода глаз? Москва желает мира и свободы для всех народов.

— Ага, и держит в рабстве миллионы невинных людей и целые народы. И вооружается изо всех сил, чтобы завоевать мир. И распространяет обращения, усыпляя бдительность народов, чтобы внезапно напасть на них.

— Это Америка хочет завоевать мир. А вовсе не Советский Союз.

— Что мы можем знать про Америку здесь, за колючей проволокой, если не имеем права слушать никакого радио, кроме московского? Зато мы отлично знаем, какие намерения у Москвы.

— У Москвы мирные намерения.

— Мы это видим по прошлым годам. Спросим, например, у Финляндии, у балтийских стран, у Румынии...

— А кто развязал последнюю войну? — вмешался один из офицеров. — Может, Советский Союз? Советский Союз сидел спокойно, это Гитлер на него напал.

— Гитлера я не оправдываю. Но не напади он первым, СССР вскоре нанес бы удар по Балканам и Турции.

— Как вы можете такое утверждать? Откуда вам это известно?

— Из надежного источника. Мне рассказывал очень информированный военный; его готовили к высадке советского десанта в Стамбуле и уже перевели в Одессу с тайным приказом ожидать начала операции. Высадка не состоялась только потому, что Гитлер опередил Сталина. К такому миру нас призывает «Обращение»? Подписываться под ним преступно, это только поможет сокрытию арсеналов и даст вам в руки оружие пропаганды: будете похваляться, что и заключенные солидарны с вами. Вот я и говорю, что, принуждая подписать обращение, вы насилуете нашу совесть.

— Да кто вас принуждает? Не хотите, не подписывайте. Только вам никто не позволит вести здесь пропаганду и агитацию. За нарушение порядка пойдете на неделю в карцер.

Последнее заключение в карцер

В карцере чувствовались послабления по сравнению с бериевскими временами: давали уже не по триста граммов хлеба в день и миску баланды раз в три дня, а четыреста грамм хлеба и баланду каждое утро. На обед — немного кипятку (называлось *чай*). Вечером снова *чай* и пятьдесят грамм овсяной или ячменной каши. Кроме того, разрешалось днем не снимать бушлата, а на ночь давали тюфак.

После снеди из посылок, к которой я привык, в карцере меня опять мучил голод. Зато в одиночестве было спокойно, и я по всем правилам предавался духовным упражнениям, что на-

сыщало меня духовно. Однажды во время двадцатиминутной прогулки во дворе ко мне обратился офицер:

— За что ты в карцере?

— За то, что высказался в клубе против Венского обращения.

— Значит, поделом. Надо уметь держать язык за зубами. Давно сидишь?

— В конце месяца будет десять лет.

— А сколько еще сидеть?

— Семнадцать лет и два месяца.

— Хорошо. Не выйдешь, пока все не отсидишь.

— А это мы посмотрим. У Бога свои сроки. Когда они исполнятся, меня здесь никто не удержит.

Это мое убеждение было крепко, и все же в те дни я то и дело думал о словах, сказанных в клубе: дойди они до Москвы, хорошего мало; не видать мне освобождения (если, конечно, считать, что перевод иностранцев в этот лагерь связан с освобождением). Однако я считал, что поступил правильно и по совести; и это помогало мне без ропота принять волю Божию, если Ему будет угодно снова испытать меня. То есть все мои товарищи-иностранцы, включая итальянцев, уедут на родину, а я единственный останусь и потом прочту в советских газетах, как уже было два года назад, что последние итальянцы переданы нашему правительству.

Но мрачные предчувствия, продиктованные здравым смыслом, не поколебали моей уверенности, что у Господа есть способы освободить меня, как бы крепко ни держали враги. «Бог пошлет ангела, как апостолу Петру, и я, невидимый, проеду по советской территории. Иисусе мой, я верю, что Ты можешь это сделать. Если захочешь. Поступай же, Господи, как считаешь нужным, со Своим недостойным рабом».

Верно Господь произнес любимые Свои слова: «Да будет тебе по вере твоей». Исчезли все запретные зоны, распахнулись все двери, и никакая сила не смогла меня удержать. Я проехал советскую территорию от Волги до границы, добрался до дома, и никто не заметил, что враг вырвался из лап красного дракона.

Последняя неделя

23 апреля, к общему удивлению, меня выпустили из карцера, и я провел в зоне еще неделю. 27 апреля мне выдали шесть посылок с Запада, в одной был маленький служебник, заложенный в меховую куртку, в спешке его не заметили; там же три образка Пресвятой Девы, один из них Мадонны Путеводительницы. Как я потом узнал, перед этим образом в оригинале мои собратья по Ордену в тот же день в Риме начали трехдневную молитву о моем освобождении¹⁵⁸.

Днем 30 апреля, когда я обдумывал, как мне провести май месяц, посвященный Деве Марии, явился посыльный от начальства: «Готовиться к отъезду; через сорок пять минут на выход»¹⁵⁹. Я подумал, что меня вернут в зону строгого режима. Позже посыльный опять явился поторопить меня и сказал, что меня, по слухам, отправляют в *места получше*. Я опять не поверил: «Знаю я эти *места получше*». Час прождав на вахте, около шестнадцати часов я был вызван к начальству: «Леони, вас отправят не сейчас, а попозже. В двадцать один час за вами придет офицер, он сопроводит вас в Потьму. Оттуда поедете в Москву, а потом в Италию».

Честно говоря, я и тут не поверил. Это советская уловка, думалось мне, меня просто хотят наказать построжее. Карцер? Изолируют навсегда? Или расстреляют? Что им стоит вывести меня ночью и инсценировать расстрел при попытке к бегству. Воображение работало, в памяти всплывали случаи, когда я поверил московской "правде" и обжегся. Однако на сей раз я ошибался: в кои-то веки "правда" оказалась правдой.

Обнадеживало одно: начинался месяц Девы Марии. «Может, мне помогает сама Мадонна? — думал я. — Если так, можно не беспокоиться». В двадцать один час пришел, как обеща-

¹⁵⁸Как только мои собратья закончили трехдневную молитву, им позвонили из Жены и сообщили о моем скором освобождении.

¹⁵⁹Согласно материалам следственного дела, 25 апреля 1955 года срок наказания Пьетро Леони — 25 лет — был снижен до 7 лет, и он был освобожден, «за отбытием срока наказания». — *Прим. сост.*

ли, сопровождающий офицер; меня передали ему с минимумом формальностей, что обрадовало: ни личного дела, ни вооруженной охраны. Держа листок, офицер спросил имя, фамилию, место рождения; осведомился, сообщено ли мне об освобождении. Потом довел до станции Явас и велел сесть в вагон — с виду вполне пролетарский, зато обычный пассажирский. Офицер явно не боялся, что я сбегу.

Последние сомнения

В Потье старый двадцать первый лагпункт был преобразован в пересылку, подчиненную непосредственно МВД. Множество иностранцев ожидали там возвращения на родину; мне объяснил это солдат, надзиравший за мной у вахты во время переговоров с начальством. Прошло полчаса; мой офицер уже отправился по делам, солдат сменился, а меня все никак не принимали.

Я заговорил с новым конвоиром:

— Вы давно служите?

— Как призвали.

— Значит, вы по призыву?

— Да.

— А на сколько?

— На три года.

— На три года? Сюда? Вы сами выбрали?

— Почему я? Меня прислали.

— Вас послали в войска МВД, не спросив вашего согласия?

— Ясное дело.

— Значит, вам придется служить дольше, чем в других родах войск?

— Срок три года во всех родах войск.

«Вот их хваленое миролюбие, — подумал я. — Si vis pacem para bellum»¹⁶⁰.

Прошло еще полтора часа, а меня все держали у вахты. Наконец вышел, кажется, сержант, при нем солдат с винтовкой.

¹⁶⁰Если хочешь мира, готовь войну.

«Пошли!» — сказал сержант. Мы дошли до вышки, за которой начиналась запретная зона; она была по левую руку от входа, а мне велели идти направо, по дорожке вдоль зоны. «Может, инсценируют побег?» — думал я. Несколько минут я ожидал выстрела и пули в затылок, но шел и шел. Через некоторое время мы вышли на дорогу, которая метров через двести уперлась в ворота. Это была пересылка Дубравлага.

Мы остановились у входа; и снова начались переговоры о моем временном постое, пока в документах о передаче исправят неточность. Новые закавыки: оказывается, распоряжение обо мне не дошло. Еще час у вахты слушаю телефонные переговоры охраны с начальством, которое не могут найти по случаю первомайских праздников. А я думаю: «Как я был прав, сказав на днях: *"У Бога свой срок"*. Когда он исполнится, меня здесь никто не удержит; и вот даже колючая проволока не принимает меня».

Около часу ночи меня приняли только на ночлег. Утром я отслужил мессу, позавтракал, и меня вернули в соседний лагерь, куда не пускали накануне. И я понял: выхожу на свободу. Меня отвели в баню, одели во все новое и сказали, что не нужно возвращаться в барак, потому что выезжать уже этой ночью или завтра.

День я провел в бане. Сколько народу приходило ко мне, прося запомнить имя или адрес и передать весточку за границу. Слишком поздно! Вечером мне объявили, что отъезд в семь утра, и я стал пересматривать адреса, спрятанные в чемодане с двойным дном, и записки, переданные мне в Явасе: надеялся сохранить что-то в памяти. Сохранилось очень мало.

Глава XXXII. Через СССР

Запах свободы и полей

Рано утром 2 мая я отслужил последнюю мессу за колючей проволокой; потом меня тщательно обыскали, вывели за вахту и объявили свободным. Конечно, в те минуты я испытал огромную радость, хотя до настоящей свободы было далеко. Сержант отвел меня на станцию Потьма и сказал, что я могу выпить пива или чего покрепче, а он пойдет домой завтракать. Впервые после десяти лет и трех дней никто не смотрел за мной, но я еще не имел документов и должен был ехать за государственный счет.

Мы сели в общий вагон. День погожий, видно далеко поля и поля. Дорога из Потьмы в Рязань не живописна: однообразие изредка нарушается лесом, речкой, поселком. Кое-где бедные церкви, как вдовы в трауре.

С пассажирами

В дороге я стал читать Новый Завет, который накануне вечером вынул со дна чемоданчика; заодно стал объяснять Евангелие своему сержанту, тут подседа проводница. Слушали с интересом, но на первой же станции вышли на перрон, после чего сержант сел напротив, а проводница больше не подходила, думаю, испугалась возможных последствий. Позже подседа два охотника, с утиной охоты под Рязанью. Один, узнав, что я католический священник, стал поносить Папу и Ватикан, что, мол, они за капитализм и против угнетенных.

— Вы уверены? — спросил я с иронией.

— А то нет, — ответил он. — У Ватикана шпионы везде, он сильный и богатый.

— А откуда он богатый, не скажете?

— А откуда, что католики обязаны исповедоваться за деньги. Знаете, сколько набирается?

— Что за чушь. Я в своей жизни не получил ни гроша за

исповедь. Ни один католический священник никогда не получал денег за исповедь.

Вскоре мы сошли с поезда. Сидевшая неподалеку от нас женщина на прощание слегка кивнула мне: словно соглашалась с истиной, которую в кои-то веки отстаивают открыто. Дальше мы поехали на электричке до станции Быково, в тридцати шести километрах от Москвы.

На даче

Дача, куда меня должны были поселить, находится в четверть часа ходьбы от станции. Офицер привел меня, когда все двадцать пять иностранцев смотрели кино. Мне сообщили, что отца Венделина Яворку только что отправили в Чехословакию; рассказали также, что всю компанию возили в Москву на экскурсию, и сопровождавший офицер отругал водителя за то, что тот свернул с маршрута в район, который не показывают иностранным туристам.

На даче мы сидели как узники: не было колючей проволоки, но дачу окружал двухметровый забор; днем и ночью участок охраняли двое солдат, правда, без оружия. Но жилось нам неплохо: нас откармливали, чтобы показать цивилизованному миру, какие мы упитанные. Мы снова учились пользоваться ножом и вилкой, сами брились, могли брать книги из библиотеки, оставшейся от генерала Паулюса: тот, после того как сдался Советам, проживал на этой даче.

Хотя у нас имелись не все современные удобства, наш быт был несравненно лучше, чем в лагере, и мало чем отличался от быта советских людей. Например, не было приемника, но у многих ли советских семей он был? О телевидении твердили по московской трансляции, но единицы смотрели его. Это изобретение мне привелось увидеть только в родной деревне, затерянной среди гор между Тосканой и Эмилией. В те дни я впервые увидел реактивные самолеты, знаменитые МиГи: на огромной скорости они пролетали над нами, свидетельствуя о советской военной мощи.

У кого были при себе деньги, те могли заказывать товары из Москвы, их потом привозил старшина, ежедневно туда ездивший. Две вещи удивляли: во-первых, что не только в лагере, но и в обычных магазинах не было сахара; во-вторых, высокие цены на все.

После суеты моей ускоренной отправки из лагеря, теперь все, казалось, застопорилось. На мои вопросы подполковник Леонов, наш начальник в Быкове, отвечал, что, мол, ждем еще итальянца, по имени Данте Угетти. Наконец 9 мая тот прибыл из Сибири — к огромной моей радости: приятно было поговорить с земляком, и появилась надежда на скорый отъезд. Действительно, началось движение...

В столице

Дня через два нас отвезли в Москву купить приличной одежды. Везли машиной. Сколько лет я не ездил на машине! С тех самых пор, как НКВД пригласило меня зайти к ним на «пять минут». Эти пять минут только сейчас подходили к концу.

В Москве я в третий раз. Но только сейчас удалось ее рассмотреть: есть красивые дома, улицы, парки, появляются даже небоскребы, хотя не слишком красивые. Москва гордится лучшим в мире метро, и действительно, кругом мрамор, мозаика (и везде мозаичная физиономия Сталина), люстры, эскалаторы. Даже сторонники Сталина упрекали потом строителей, что они израсходовали огромные средства на метро, в то время как население остро нуждается в жилплощади.

Когда мы проходили мимо Кремля, я попросил майора показать нам Красную площадь, но он сделал вид, что не слышит. Видно было, что ему не терпится отправить нас на дачу и что он ужасно боится, как бы кто-то из нас не отошел в сторону. Потом он сообщил, что отъезд назначен на 13 мая и что он лично сопровождает нас до Вены. Сержанту он велел показать нам метро и отвезти в Быково.

13 мая

Дома я объяснил Данте Угетти, что дата отъезда предвещает нам много хорошего: «13 мая — годовщина явления Мадонны в Фатиме. Мы в надежных руках». Наступила заря долгожданного дня. Утром от нас потребовали заявление, что мы не имеем материальных претензий к советской власти. Днем дали еды на дорогу: консервы и хлеб на четыре дня. После досмотра багажа мы в сопровождении офицерского чина пешком отправились на станцию.

Поздним вечером приехали в Москву, на метро добрались до Киевского вокзала. Там нас встречал малоприветливый майор, а перед отъездом подошел подполковник Леонов, начальник быковской дачи, человек не спесивый; он пожал нам на прощание руку и сказал, что в итальянских газетах про нас уже пишут.

После полуночи поезд тронулся. Мы были в купейном вагоне, где можно спать, разложив матрас: две полки внизу, две наверху. Только ночь с нами в купе ехал четвертый пассажир, советский офицер, остальное время мы были втроем. Майор не желал общения с посторонними: он не пустил нас в вагон-ресторан, а велел принести горячее нам в купе и сам расплатился. Попытки пассажиров поговорить с нами он пресекал и не терял нас из виду ни на одну минуту, даже когда мы выходили по нужде.

На Украине

В поезде я написал несколько открыток в Одессу и коллегам, и товарищам по заключению. Утром 16 мая проснулись в Чопе на границе России и Венгрии.

Благодаря авторитету нашего майора таможня проверила нас среди первых и даже не слишком строго, видно потому, что Угетти и я всю дорогу вели себя смирно, послушно выполняя его указания: потратить все советские деньги и уничтожить подозрительные записи. Тем не менее таможенники поморщились, увидев мою самодельную богослужебную утварь и переписанные части Священного Писания.

Прощай, СССР!

И снова в поезде, через Будапешт проехали ночью. В Веславе нас встречал посол Италии в Австрии¹⁶¹. Приехав в Веслав в восемь утра, мы выехали оттуда в половине девятого вечера по центрально-европейскому времени. В Веславе состоялся первый из длинного ряда самых сердечных приемов, который мне оказало множество людей, в том числе незнакомых.

На машине мы отправились в Вену, в университетскую церковь, в которой служили отцы-иезуиты. У меня было одно желание: причаститься Святых Даров в красивом храме, в точности соблюдая все предписания Католической Церкви. Потом мне передали приветствие и благословение Понтифика. Торжественный прием нам устроило посольство Италии итальянская колония в Вене.

Это было только начало: то ли началось потом, с момента, как утром 18 мая мы ступили на итальянскую землю в Тарвибио, и до прибытия в Премилькуоре, где я обнял свою почтенную мать и всех родных и друзей. Вслед за тем, в праздник Вознесения 19 мая, меня ждал спонтанно организовавшийся триумфальный прием в Риме. И, наконец, особая аудиенция у Святого Отца, который братски меня поцеловал и похвалил одним кратким словом «молодец!», сказанным от всего сердца. И тут я подумал о той радости, с какой душа в небесах, в сопровождении ликующих сонмов блаженных, предстает перед Христом и слышит: «Благий рабе и верный! Вниди в радость Господа твоего» (Мф. 25, 23).

¹⁶¹«Акт о передаче Петра Леони» итальянскому послу, подписанный 17 мая 1955 года, стал последним документом в деле Пьетро Леони. — *Прим. сост.*

Послесловие

17 мая 1955 года Пьетро Леони был восторженно встречен в Вене: приемы в посольстве и у нунция иезуитов, толпы почитателей, многочисленные интервью корреспондентам газет; с 19 мая все повторилось стократно в Италии. Он принимал это с благодарностью, но благодушно, без героических поз, говорил в ответ самые простые слова о своей преданности Церкви, вызывая к себе огромную симпатию. 22 мая после общей службы с его участием в церкви иезуитов в Коллегиуме «Руссикум» состоялась пресс-конференция. На вопрос корреспондента: «Доволен ли он возвращением на родину?» — отец Пьетро ответил, что, конечно, доволен, но... «как я могу забыть тех, кого я оставил там». Вскоре отец Пьетро был назначен духовником студентов Коллегиума «Руссикума».

В середине 1950-х политика правительства Италии по отношению к СССР стала меняться, и в Ватикане стал поддерживаться дух открытости в отношении РПЦ, а в «Руссикуме» появились студенты из СССР. Пьетро Леони не мог понять и принять это, открыто высказываясь в статьях против коммунистов, пытался убедить начальство, что у них появились информаторы чекистов. Но это вызывало негативную реакцию в Ватикане. Атмосфера отчужденности и непонимания обратив мучили отца Пьетро, и когда поступило предложение выехать миссионером в Бразилию, он сразу же согласился. В 1959 году Пьетро Леони выехал в Америку, а по приезде был направлен на служение в русскую миссию в Монреале, став помощником отца Ледита, позднее — его преемником. С 1965 года стал кормить заключенных в местной тюрьме, тогда же и больных в госпитале. В 1971 году решил расширить храм: и своими руками выполнил работу каменщика и окрасил купол. Его активное служение привлекало все новых прихожан. 26 июля 1995 года во время купания в озере отец Пьетро скончался, успев исповедаться накануне. Днем и вечером были отслужены панихиды по латинскому и византийскому обрядам.

* * *

Среди выпускников Колледжа «Руссикум» и западных университетов были люди разных национальностей: поляки, украинцы, белорусы, чехи, словаки, французы, итальянцы и даже американцы, — и все они готовы были нести людям веру в Бога, веру, которую большевики в течение многих лет пытались силой искоренить из народного сознания. Священники-миссионеры, готовившиеся для служения в России, избрали нелегкий путь — обращение неверующих к истинной вере, а верующих иных вероисповеданий обратить в католическую веру через пропаганду восточного обряда, чтобы сохранить православные народные традиции, и объединить всех их с Католической Церковью. Эта *«цель, исключительно духовная, достойна, чтобы ей посвятить жизнь и пожертвовать собой»*. И ради этой цели они готовы были принять муки, готовы были даже умереть...

Несомненно, что власти имели достаточно оснований для арестов и осуждения людей, нелегально перешедших границу и живших по подложным документам. И священники-миссионеры, конечно, понимали, сколь трагично может сложиться их судьба в России. Но шли на это сознательно, и эта готовность к самопожертвованию не оставляла их ни в тюрьмах, ни в лагерях. Их служение Господу отличал дух апостольства, дух мученичества в гонениях последовать за Христом *«вплоть до смерти и смерти крестной»*.

Приложение I

Воспоминания прихожан католических храмов в Одессе

Вспоминает Ядвига Каталуб¹⁶²

Отец Петр Леони прибыл в Одессу еще при немцах, остался служить в храме и при советской власти. Я пела в церковном хоре. Обычно службу проводил отец Леони, а отец Жан Николя играл на органе. Жили они в церковном доме: на втором этаже жил отец Петр, на третьем — отец Жан. Отец Петр собирался делать иконостас, он даже показывал мне книгу, в которой были иллюстрации картин, покрытых сусальным золотом. Но сделать это он не успел, его с отцом Жаном арестовали.

Отец Петр был маленький, худенький, волосы и борода светлые. С прихожанами отец Петр говорил на русском языке, проповеди и Евангелие читал также по-русски. Вел службу в восточном обряде, и прихожане к этому относились хорошо. На службу приходили даже неверующие люди, которые интересовались этим обрядом. Вообще, на службе было всегда много народу, в церкви нашей пели даже артисты из оперного театра, у нас и Иван Козловский пел *<когда посещал Одессу>*. Многие приходили, чтобы послушать хор. Когда отца Петра просили причастить больного или отпеть умершего, то он всегда навещал своих прихожан.

Нас, прихожан, вызывали в НКВД и требовали отвечать на много вопросов. Когда меня вызвали, то спрашивали:

— на каком языке и о чем говорят священники между собой;

— носит ли отец Петр с собой пистолет;

— почему отец Жан ходит по городу в шортах (он в городе ходил в светской одежде);

— какую трубку курит отец Жан и так далее.

¹⁶²Родилась в 1920 году в Одессе. Окончила школу. В июле 2000 года, при записи воспоминаний, была прихожанкой храма Св. Петра. В 2008 году скончалась. — *Прим. сост.*

Я сказала им, что моя вера не позволяет мне быть шпионом. И после этого вызова по возвращении сразу же рассказала все отцу Петру. О пистолете он сказал, что только с крестом ходит. Других прихожан тоже вызывали и требовали от них доносить на священников.

А потом священники исчезли, в нашу церковь сразу же пришли с обыском, а потом многих прихожан тогда вызывали на допросы. И в нашей церкви долго не было вообще священника. О наших священниках никаких сведений не было много лет, лишь после освобождения из лагеря отец Петр написал нашей церковной старосте — уже из Италии. А отец Жан после освобождения уехал во Францию.

Вспоминает Анеля Мицкевич¹⁶³

Я хорошо помню отца Петра Леони, мне было тогда лет шестнадцать. В то время мы ходили молиться в церковь Св. Петра на Екатерининской улице, так как храм Св. Климента в 1936 или 1938 году уже взорвали. Прибыли отец Петр и отец Жан в Одессу перед самым уходом немцев и пробыли здесь совсем немного, всего несколько месяцев. Отец Петр был среднего роста, худенький, волосы светлые, глаза голубые. Отец Жан был молодой, жизнерадостный, а отец Петр был аскет, какой-то отрешенный, не от мира сего. Смотришь на него — будто святой идет... Недаром прихожане говорили про священников, что они остались в Одессе на жертву.

Помню еще, что если кто звал их исповедать больного или отпеть умершего, то они всегда приходили. Арестовали их внезапно, просто они исчезли. Прихожане стали искать их, долго искали, запрашивали власти, и только через год стало известно, что они в тюрьме. Кто-то из прихожан сказал, что нужно собрать одежду, так как из передали, что совсем оборвались. Передачу для них взяли, а когда мы пришли — их уже в тюрьме не было.

¹⁶³Родилась в 1920 году в Одессе. Окончила школу. В июле 2000 года, при записи воспоминаний, была прихожанкой храма Св. Петра. В 2008 году скончалась. — *Прим. сост.*

Вспоминает Станислава Петросова¹⁶⁴

Отец Петр венчал меня в 1944 году, мне тогда было двадцать четыре года. Он же готовил моего мужа Александра, уже взрослого, к первому причастию. У мужа одновременно было и первое причастие, и венчание. Наш храм Св. Климента в 1936 году взорвали, так что мы ходили в другие храмы: церковь Св. Петра на Екатерининской улице или кафедральный храм Вознесения Господня.

Отец Петр был худой, невысокий, русский, очень хорошо говорил по-русски. Был талантлив, в самое короткое время овладел польским языком. Проповеди говорил и Евангелие читал по-русски, а вся служба шла на латинском. Когда кто-то заболел, то носил причастие, исповедовал и посещал больных.

Отец Петр всегда умел владеть собой, на любое плохое известие или злость отвечал улыбкой и спокойствием — полное самообладание. В общем, был тихим, спокойным, но впечатление было, будто от него исходила какая-то святость.

За ними постоянно следили, да и за нами, прихожанами. Мне было так страшно, когда за мной следили. Я один раз с трудом убежала от слежки, когда надо было выполнить поручение отца Петра. А потом их арестовали прямо на улице. И они пропали, и долго не было никаких известий о них.

¹⁶⁴Родилась в 1920 году в Одессе. Окончила школу. В июле 2000 года, при записи воспоминаний, была прихожанкой церкви Успение Пресвятой Девы Марии. В 2008 году скончалась. — *Прим. сост.*

Приложение II

Воспоминания союзников

Вспоминает Юрий Трегубов

<Лето 1953 года>

Нежданно-негаданно назначена лекция. Тема: Партия и советский народ в борьбе за мир. На лекцию пришло много народу. Всем было интересно, как офицер МВД в золотых погонах будет читать доклад для заключенных. При этом подмывало, что можно будет даже задавать вопросы!

— Возможность задавать вопросы чекистам, — говорит один, — это признак близкого конца света и пришествия антихриста!

Доклад всех разочаровал. Ничего нового. Все старо, избито, давно известно.

Несмотря на возможность подискутировать, желающих являться на подобные лекции стало немного, и начальство прибегло к испытанному способу — сразу после доклада давать киносеанс. Это опять подняло «процент» посещающих лекции.

Приехал какой-то подполковник читать доклад на тему «Советский гуманизм». Тема, что и говорить, особенно интересная для лагерников. Подполковник начинает с Адама, говорит о высокогуманной миссии советского народа. Как мутный ручей текут восхваления советского строя!

— Советская власть вас не только карает. Она еще и милует. Указом Президиума Верховного Совета СССР из-под стражи освобождается ряд лиц — по амнистии, по пересмотру дел, по активировке. Где вы видели такое милосердие? Миллионы уже освобождены, а это только небольшой процент всех тех, кто будет освобожден. Вот так...

В зале гробовая тишина.

— Лектору можно задавать вопросы, — говорит заместитель начальника лагеря, восседающий за председательским столом, — но организованно и по очереди. Вот вы первый, — обращается он к поднявшему руку румыну.

Тот встает.

— Гражданин начальник, вы сказали, что советская власть освободила уже миллионы и что это только небольшой процент тех, кого освободят. Если миллионы — небольшой процент, то сколько же сидят в лагерях? Полстраны!

В зале оживление, смех. Кто-то кричит:

— Верных сорок миллионов! Вот это действительно гуманизм!

Из-за кулис показывается лисья физиономия одного лагерного активиста, которому сидящий с края опер делает какие-то знаки.

— Эй, руманешти, уноси свою голову, — кричат из зала румыну.

Румын начинает пробираться к выходу. Тут вскакивает итальянский священник *per Leoni* — как его все зовут — и на вполне приличном русском языке кричит:

— Не верьте обманщикам-чекистам! Не верьте этой безбожной власти! Чекисты вас обманывают, боритесь с ними!

Все обомлели. Председательствующий вскочил и начал, размахивая руками, кричать:

— Что вы здесь речи произносите? Приедете на родину — там и митингуйте!

Поднялся гвалт. С большим трудом удалось утихомирить горячего Леони. Между прочим, после этого выступления его все-таки посадили в изолятор, — несмотря на гуманизм советской власти¹⁶⁵.

Вспоминает Жан Урвич¹⁶⁶

<Лето 1955 года>

И вдруг из конца зала прозвучал голос на русском языке с итальянским акцентом: «Кто подпишет Стокгольмское воззвание, тот подпишет свой смертный приговор. Лучше жестокая

¹⁶⁵Трегубов Ю. А. Восемь лет во власти Лубянки. Записки члена НТС. М.: Посев, 2001. С. 254–255.

¹⁶⁶Выдержки из: Urwich J. Fara Pasaport prin URSS. München, 1976. С. 192.

смерть от атомной бомбы, чем продолжение этого "счастливого рая", в котором мы находимся». Зал буквально взорвался. Возникшую суматоху и шум нельзя было унять. Митинг сорвался. Все пошло кувырком.

Конечно же, это был отец Пьетро, который пользовался среди заключенных¹⁶⁷ очень высоким авторитетом и большим влиянием. Его самообладание и манера держать себя с лагерным начальством снискали ему уважение всех.

После митинга отец Пьетро был вызван оперуполномоченным и обвинен в открытом подстрекательстве заключенных против советской власти. Причем в качестве доказательства, политрук сделал нечто, что возможно было только в крайних случаях: он раскрыл имя своего информатора, доносившего о разговорах в бараке. Отец Пьетро вновь был посажен в барак усиленного режима.

Но случилось чудо неба! Приблизительно через 10 дней он был освобожден.

Сообщение об отъезде патера Леони в Рим в момент, когда этого никто не ожидал, вселило много надежд и радости. Этот человек дал нам уверенность, что он сообщит свободному миру, в который он вернулся, трагическую и невероятную правду о стране "матадоров" гуманизма и братства народов.

¹⁶⁷Здесь и далее курсивом выделен текст составителя.

Приложение III **Воспоминания священников**

Вспоминает священник Романо Скальфи¹⁶⁸

В 1951 году я поступил в Коллегиум «Руссикум». С отцом Пьетро Леони я познакомился в Риме, когда он в 1955 году вернулся в Италию. Знаю, что он встречался с Папой Римским и подробно рассказал ему о положении верующих в России. Он в течение года был нашим духовником и не раз служил у нас мессу по восточному обряду. Со студентами «Руссикума» он встречался несколько раз и произвел на всех большое впечатление своей ясностью и смиренностью. Он ничего не требовал для себя — это был святой человек. Был он невысокого роста, очень худым, на лице выделялись очень блестящие глаза.

Я уже тогда знал, что он в России прошел лагерь, и он рассказывал нам, что в Одессе на него доносил православный священник. Удивительно, что по отношению к нему у отца Пьетро не было никакой ненависти. В то время в Риме стал выходить на итальянском языке журнал «Русские Известия» под руководством отца-ректора, и я сотрудничал в нем. В одном из номеров была напечатана большая статья об отце Пьетро.

В Италии преобладали тогда левые настроения, и даже среди священников. Все с надеждой смотрели на Хрущева, особенно когда в Рим прибыл главный редактор «Известий» Аджубей с женой, дочерью Хрущева. Все думали, что если мы открываем душу и протягиваем руку коммунистам, то в России что-то изменится. Все говорили о мире с коммунистами, и только отец Пьетро говорил всем: «Не верьте им! Там ничего не может измениться». В своих статьях в журнале иезуитов он очень резко выступал против коммунистов, и это вызвало негативную реакцию в Ватикане.

Наверное, отец Пьетро понимал бессмысленность своих выступлений в этой атмосфере эйфории и надежд, поэтому и попросил направить его в Канаду, где всегда была большая украин-

¹⁶⁸ Возглавляет католический фонд "Христианская Россия" (Russia Cristiana).

ская община. Перед отъездом туда отец Пьетро приезжал к нам в Милан в нашу общину, где нас было трое священников, выпускников «Руссикума». Служил он у иезуитов, но встречался с нами, и мы с ним серьезно обсуждали нынешнюю ситуацию в России. При этом он часто говорил нам: «Они не понимают, что там происходит на самом деле». Он знал, что при Хрущеве ситуация в России не изменилась и там также преследуют верующих.

Меня больше всего привлекало в нем его честность и бескомпромиссность — он всегда и всем говорил только правду. Но главное, что восхищало, — его самоотверженное служение Богу и Церкви.

Вспоминает священник Антонио Санти¹⁶⁹

Я начну издалека. Лет двадцать пять назад, в семидесятые годы, мы приехали в СССР как простые инженеры, работали в разных строительных компаниях и на разных стройках. В то время я был членом общины Петра и Павла в Италии, и мы приехали сюда не для какой-то конкретной акции, а как миссионеры. Мы готовились к этой миссии.

В последние годы жизни Брежнева стали происходить некоторые изменения в стране, усилился контроль за иностранцами, так что меня уже предупредили, что я буду выслан. На сборы дали двадцать четыре часа, потом задержали, посадили в изолятор и очень быстро выслали. Я вернулся в Италию, поступил учиться и начал писать книгу о своей жизни в СССР. Готовя эту книгу, я прочел много книг: Солженицына, Вальтера Чешека и других; среди них была и книга Петра Леони.

Потом я был послан миссионером в Канаду, в монреальскую общину, где жил в то время отец Петр. Мы встретились, кажется, это было весной восьмидесятого года. В то время отец Петр был настоятелем в греко-католическом приходе, было ему тогда около семидесяти двух лет. У этого прихода была небольшая и очень приятная часовня, в которой и проходили службы.

¹⁶⁹В 2000 году был настоятелем храма Св. Петра в Одессе. Воспоминания записаны в июле 2000 года.

Отец Петр был небольшого роста, светленький, улыбающийся, с горячим итальянским характером. Я, как «солдат, вернувшийся с фронта», рассказывал ему свою историю, а он немного рассказал о себе. Россия стала для него родной, и он ощущал себя изгнанником со своей родины. Он сказал, что его работа в Монреале в среде греко-католиков — это лучшее, что он и его друзья могут сделать. Отец Петр еще не подозревал, что через десять лет можно будет поехать с миссией на Украину.

В нем была внутренняя уверенность в неизменном течении истории и в Божьем провидении. Отец Петр относился к России по-своему, для него Россия была родиной, землей, к которой он принадлежал, как Иерусалим для евреев, живущих в диаспоре. Я не помню, чтобы он вспоминал о пережитых трудностях, у него обо всем сохранились самые светлые воспоминания. Восточники, которые работали в СССР, приобретали самое главное русское качество — это терпение. Византийский обряд на Западе приобрел многие черты западной Церкви. А отец Петри приобрел некоторые черты русского характера — уверенность и терпение. Именно он и другие, кто служил в России, были словно истинные свидетели восточной Церкви.

Отец Петр совсем не сожалел, что оказался в Канаде. Он, выполняя свою скромную роль в греко-католической общине Монреалья и занимаясь детьми из эмигрантских семей украинцев, совсем не считал себя важной персоной, был очень скромным. Уже после того, как я немного пожил в Канаде, я понял, для отца Петра Леони и подобных ему миссионеров Канада была тем самым местом, где они готовили возвращение.

Приложение IV

Из материалов следственного и лагерного дел Пьетро Леони

Из показаний на допросах обвиняемого Вальтера Чишека

<5 июля 1945>

С Леони Петром — членом ордена иезуитов я познакомился в городе Риме в 1935 году, с момента его поступления на I курс богословского факультета Григорианского университета. Я в это время учился на втором курсе. До июня 1938 года, то есть до момента окончания богословского факультета, мне с Леони приходилось иметь общение во время совместного отдыха в каникулярные дни, взаимоотношения наши были хорошие. С моим отъездом из Рима в Польшу мне с ним встречаться не приходилось, и я не был осведомлен о нем.

Леони Петр по своим политическим убеждениям является сторонником существовавшего в то время в Италии фашистского строя и политику Муссолини считал правильной. Леони был ярким противником марксизма и в разговорах со мной высказывался за необходимость активной борьбы с коммунизмом и безбожием.

К Советскому Союзу и существующему в нем социалистическому строю Леони П. относился враждебно. Леони был сторонником нападения на Советский Союз, уничтожения Советской власти и большевизма — противников религии. Ватикан стоял на позиции необходимости борьбы против СССР, уничтожения большевизма. Действия Папы Римского, то есть его призывы к борьбе с коммунизмом, Леони воспринимал как указание, подлежащее проведению в жизнь.

Из показаний на допросах обвиняемого Виктора Новикова

<5 июля 1945>

С Леони Петром Ангелевичем я познакомился в 1932 году в Риме, где жил с ним в одном доме. Леони Петр является иезуитом-священником восточного обряда; в 1939 году он окончил богословский и философский факультеты Григорианского университета в Риме. В период своей учебы Леони принимал активное участие в организации кружка для иезуитской молодежи восточного обряда, учившейся в университете: там устраивались доклады о Советском Союзе, по вопросам коммунизма и методам борьбы с ним, о методах предстоящей работы миссионеров в СССР. В отношении Советского Союза Леони был настроен враждебно, и эту враждебность открыто и резко высказывал среди кружковцев.

Леони не раз говорил о своем желании выехать в Советский Союз нелегально: для распространения католической веры, обращения русских православных в католичество и подчинения их Папе, для активной борьбы с коммунизмом и атеизмом.

Из показаний на допросах обвиняемого Жана Николя

<25 мая 1945, в 2 часа 30 минут>

Своим наместником в Одессе Глазер оставил католического священника Леони Петра, которому по всем вопросам я подчинялся. Леони прибыл в Одессу непосредственно из Ватикана. Там он несколько лет готовился для поездки в Россию, в совершенстве владеет русским языком, в Риме прошел подготовку в «Руссикуме».

...Знаю, что Леони перед отъездом в Одессу лично был на приеме у Папы — Пия XII, но какие он получил там задания, сказать не могу, так как мне об этом не рассказывал. Но сказал, что Папа был доволен его отъездом, и он принял от Папы благословение. Леони к Советской власти относился враждебно.

<31 мая 1945>

Петр Леони является приверженцем политики Ватикана, стремящегося к мировому господству, — к подчинению всего духовенства и установлению единой католической религии. Я знаю, что Леони в Одесском костеле выступал с проповедями, в которых говорилось о главе католической религии, о католической вере, а также в своих проповедях призывал лиц религиозно настроенных к принятию католического вероисповедания.

Леони к Советской власти относился враждебно. Леони по своим убеждениям является противником существующего в Советском Союзе политического строя. Леони в беседах со мной говорил, что советская власть является властью рабовладельческой. Он утверждал, что граждане СССР лишены человеческих прав и свободного вероисповедания. Руководителей советского правительства называл дьяволами, с которыми, как он говорил, надо вести борьбу.

Петр Леони, имея в общении в Одессе с православным духовенством, а в частности с епископом Сергием (фамилии не знаю); с благочинным, священником Одесского кафедрального собора отцом Виктором; священником-старообрядцем Авраамом, призывал их перейти в каноническое подчинение Папы Римского и признать его главой греко-католической церкви. Леони их убеждал, что Московская Патриархия не занимается служением Богу. Патриархия находится у власти большевиков и служит им. Леони призывал православное духовенство и граждан переходить в греко-католическую веру.

На этой почве между епископом Сергием и Леони Петром были неприязненные отношения. Епископ Сергей указал Леони Петру, чтобы не занимался среди православных пропагандой католицизма, и одновременно с этим отдал распоряжение настоятелям-священникам православных церквей, чтобы они среди прихожан сделали бы проповеди против католицизма. Петр Леони, узнав об этом, среди прихожан костела стал произносить проповеди против православной веры. К Леони Петру на квартиру несколько раз приходил священник греческой церкви Одессы — Николай.

<26 июня 1945>

О проведении совместной разведывательной работы против СССР Леони Петр со мной переговоров не имел, за исключением его неоднократных высказываний, что Ватикан должен быть осведомлен об СССР. Петр Леони, после того как город Одесса был освобожден от немецких оккупантов, по окончании утренней церковной службы куда-то уходил, совершал прогулки по городу и встречался с неизвестными мне лицами.

...Леони Петр, как я полагаю, не был репрессирован немцами потому, что он находился под защитой итальянского консула города Одессы, сторонника политики Муссолини, поддерживавшего связи с оккупационными властями. Леони до отступления немецко-румынских войск из города Одессы и выезда итальянского консульства часто посещал это консульство.

<13 июля 1945>

Леони мне говорил, что Шептицкий является епископом униатской католической Церкви, и виделся с ним в период 1942-1943 годов, немецкой оккупации СССР. Леони в этот период времени был священником итальянской части, принимавшей участие в боях против Красной Армии, и ему приходилось бывать в городе Львове, где он виделся с Шептицким. После отступления немецко-румынских оккупантов из города Одессы Леони Петр говорил мне, что епископ Шептицкий является его старшим начальником и что он должен обязательно установить связь, известить его о своем местонахождении и получить от Шептицкого указания о дальнейшей деятельности на территории СССР.

<22 июля 1945>

В обоюдной беседе я — Жан Никола¹⁷⁰ и Петр Леони по адресу советского правительства допускали клеветнические высказывания, в частности, мы утверждали, что советское правительство в целях оказания своего политического влияния на балканские страны использует православное духовенство; что советские органы власти в настоящее время не притесняют пра-

¹⁷⁰ Так в материалах дела записана фамилия Жана Никола. — *Прим. сост.*

вославное духовенство, потому что от них по церковной линии получают большие суммы денег в фонд обороны СССР и используют в качестве своих агентов...

Петр Леони в разное время 1944-1945 годов в беседах со мной, псаломщиком французской церкви Ш., румыном-торговцем Х. неоднократно клеветнически утверждал, что в СССР якобы нет свободы слова, печати и демократии. Советское правительство и большевики превратили русский народ в своих рабов и живут за счет их труда. Леони политику советского правительства сравнивал с фашизмом, утверждая, что СССР так же стремится к порабощению народов Европы, как это делал Гитлер. Леони утверждал, что советское правительство и органы власти продолжают преследовать религию и духовенство, в частности католическое, и в борьбе против католиков используют православное духовенство...

Леони, исходя из своих враждебных к СССР взглядов, неоднократно в разговорах с нами высказывался за необходимость уничтожения в СССР советского строя и большевизма. Кроме того, Леони по адресу руководителей советского правительства допускал клеветнические высказывания.

Имело место, когда нам со стороны местного районного совета и православного духовенства было предложено организовать среди прихожан костела и французской церкви сбор средств в фонд обороны СССР. Леони от этого отказался, заявив, что это дело не церковно-духовное. Когда я ему возразил, то он ответил: «Пусть этим занимается православное духовенство, а мы, католики, не будем»...

Леони Петр, как я знаю с его слов, на территории СССР остался по заданию Ватикана с целью распространения среди населения СССР католицизма; обработки православного духовенства и верующих за принятие католической веры и признания Папы Римского главою Греко-католической Церкви; вести борьбу с коммунизмом и большевизмом, как противниками религии; а также заниматься разведывательной работой в пользу Ватикана. Правда, Леони прямо мне не говорил, что он остался с целью ведения разведывательной работы против СССР, но,

судя по его действиям, его убеждениям с неизвестными мне лицами и проявления ко всему интереса, а также и тому, что Петр Леони мне неоднократно напоминал, коснувшись каким-либо обстоятельством, относящимся к положению в СССР: «Об этом должен знать Ватикан. Ватикан должен быть осведомлен, что делается на территории России», — так что, судя по этому, Леони вел разведывательную работу против СССР.

Из показаний на допросе обвиняемого Пьетро Леони

<3 мая 1945>

Вопрос: С какой целью вас направили в Одессу?

Ответ: Для пропаганды католицизма и для привлечения на свою сторону иноверцев. Других задач в Ватикане передо мной не ставили.

Вопрос: К какому ордену вы принадлежите?

Ответ: Я принадлежу к ордену иезуитов.

Вопрос: Почему вы об этом скрывали?

Ответ: Скрывая свою принадлежность к ордену иезуитов, я хотел, чтобы на следствии меня знали только как католика, так как я был убежден, что в СССР к иезуитам относятся как к более опасным.

Вопрос: Вы арестованы не как католик и иезуит, а как враг Советской власти.

Ответ: Я считал, что меня арестовали как католического священника. Враждебности к Советской власти я не проявлял. Опровергал безбожие, защищал Католическую Церковь и Папу Римского в обвинении о контакте с фашистами.

Вопрос: Перечислите, с кем конкретно из иезуитов вы практиковались по русскому языку?

Ответ: На этот вопрос я отвечать не буду, так как это может повредить делу Католической Церкви.

Вопрос: Кто совместно с вами занимался в «Руссикуме»?

Ответ: На этот вопрос я также отвечать не буду, так как это может повредить Апостолату Католической Церкви.

Вопрос: Кто, кроме вас, направлен Ватиканом в Советский Союз?

Ответ: Знаю, что некоторые выпускники попали в Советский Союз, но называть их я не буду, так как вы их можете арестовать.

Вопрос: Предупреждаем, что ваше поведение на следствии усугубляет вашу ответственность, предлагаем прекратить наглые ответы.

Ответ: Я не хочу вредить Ватикану и Католической Церкви.

Вопрос: Вам приходилось иметь общение со священником и членом ордена иезуитов Яворкой?

Ответ: Я знал, что в Китае как миссионер был член ордена иезуитов Яворка, но с ним я знаком не был и в лицо его не знал.

Вопрос: На почве чего вами была установлена связь со священником французской церкви Брауном?

Ответ: На почве духовной и братской взаимности.

Вопрос: С какого времени вы знакомы с Брауном?

Ответ: Лично с Брауном я знаком не был. О Брауне я узнал, будучи в Одессе, от священника Никола Ж. В конце 1944 года через Никола я посылал Брауну письмо с поздравлением в связи с Рождественскими праздниками и взаимно от него через Никола получил ответ.

Вопрос: Вы разве к Брауну ни с какими просьбами не обращались?

Ответ: Возможно, я и обращался к Брауну с просьбой, чтобы он при встрече с итальянским послом переговорил о скорейшей высылке мне итальянского паспорта.

<19 июля 1945>

Вопрос: В дальнейшем связь с Шептицким или другими заместившими его лицами установили?

Ответ: Нет, не установил. Чтобы поставить в известность главу Греко-католической Церкви, представителя Папы Римского на территории СССР, что я, Леони, нахожусь в Одессе.

се, мною на имя епископа были направлены две телеграммы. Первая телеграмма была послана перед Рождеством Христовым, а вторая — перед Пасхой, в них я поздравлял епископа с праздниками. Ответы на свои телеграммы я не получил.

Вопрос: О чем вы информировали Шептицкого при встрече в нем во Львове в мае 1943 года?

Ответ: Шептицкому я рассказал о положении католической и православной религий на Украине и об отношении немецких властей к духовенству. Мною было сказано, что на Украине по линии Католической Церкви никакой работы не велось, так как немецкие власти католических священников к церковной деятельности не допускали. Православное духовенство у немцев пользовалось доверием, при немецкой оккупации увеличились кадры православных священников.

Вопрос: Каковы ваши взаимоотношения с Никола?

Ответ: Со священником Никола Жаном у меня взаимоотношения были братскими.

Вопрос: Что рассказывал Никола Жан?

Ответ: На этот вопрос я отвечать не буду.

Вопрос: Расскажите о своих политических убеждениях?

Ответ: Я — человек сугубо религиозный католик. Для меня католическая религия и ее Апостолат превыше всего. Политика меня не интересует.

Вопрос: Вы говорите неправду. Известно, что вы по своим политическим убеждениям являлись сторонником существовавшего в Италии политического строя и политику Муссолини находили правильной.

Ответ: Сторонником существовавшего политического строя в Италии я не был и никому не говорил, что я политику Муссолини разделяю. Поскольку я являюсь религиозным католиком, то я был и остаюсь противником марксизма и существующего в СССР политического строя, который, по моим убеждениям, почти ничем не отличается от фашизма.

Вопрос: Почему вы имеете такое отношение к политическому строю в СССР и сравниваете его с фашизмом, что явно является клеветой на политический строй в СССР?

Ответ: Мое враждебное отношение к политическому строю в СССР и советской власти основано на моих убеждениях. Я считаю, что в СССР нет демократии и свободы народу. Большевики, находящиеся у власти, превратили русский народ в своих рабов, используя их труд в своих интересах.

Советская власть лишила народы свободы религии, печати и слова, а также свободного разума и развития личной инициативы и творчества. Кроме того, я считаю, что органы советской власти, с одной стороны, преследуют духовенство и религию, а с другой, используют православное духовенство в борьбе против других религий.

Я также считал, что политика советского правительства ничем не отличается от политики фашизма, стремившегося к захвату чужих территорий и порабощению народа. Поэтому я был сторонником изменения существующего в СССР политического строя.

Вопрос: Ваши взгляды в отношении СССР являются ничем иным, как клеветническим вымыслом на действительное положение в стране.

Ответ: То, что я показал выше, является моим убеждением. В том, что в СССР преследуется религия и для людей нет свободы, я убедился лично с себя — со своего ареста.

Вопрос: Вы арестованы не за то, что являетесь религиозным человеком и духовным лицом, а за то, что остались на территории СССР вести против него работу, и за то, что среди своего окружения занимались антисоветской пропагандой и возводили клевету на советскую действительность. Поэтому рекомендую вам рассказать об истинных причинах, побудивших вас остаться на территории СССР и в связи с чем среди своего окружения заниматься антисоветской пропагандой?

Ответ: Я остался на территории СССР с той целью, чтобы среди населения распространять католицизм и бороться за идеалы папы Римского. Против СССР никакой работы не вел и среди лиц, с кем я имел общение в Одессе, антисоветской агитацией не занимался. Если я выступал в костеле с проповедями,

то они были направлены за защиту католической веры, Папы Римского — против православного духовенства.

Вопрос: Известно, что вы остались по заданию Ватикана на территории СССР не только затем, чтобы расправлять католицизм, а также для того, чтобы вести разведывательную работу против СССР и путем антисоветской пропаганды — возбуждать людей против существующего в СССР политического строя, против коммунизма. Это вы подтверждаете?

Ответ: Этого я не подтверждаю. Я ни от кого не имел заданий вести разведывательную работу против СССР и возбуждать массы против существующего строя. Поскольку коммунизм-марксизм отрицает религию, то соответственно я по своим религиозным убеждениям был против безбожного коммунизма-марксизма. Но среди людей против марксизма-коммунизма не выступал, а выступал против безбожия вообще.

<30 июля 1945>

Вопрос: Скажите, с какого и по какое время вы учились в Григорианском университете вместе с Чишеком Владимиром Мартыновичем?

Ответ: Я знаю Чишека, но имя, отчество иное, но говорить о своих знакомых я не намерен.

Вопрос: А с Маковским (Новиковым) Виктором Павловичем учились в Григорианском университете и с ним общение имели?

Ответ: С таким лицом я не учился и его не знаю.

Вопрос: Названных выше лиц вы хорошо знали и с ними имели общение, но не хотите называть их как своих знакомых, в силу того что с ними имели антисоветские беседы и высказывали им свое враждебное отношение к СССР, не так ли?

Ответ: Маковского я не знаю и с ним антисоветских бесед вести не мог; также таких бесед не вел и с Чишеком.

Вопрос: Вы говорите неправду. Допрошенный в качестве свидетеля Чишек (Липинский) Владимир Мартынович на допросе показал¹⁷¹. Эти показания Чишека подтверждаете?

¹⁷¹Эти показания Вальтера Чишека приведены выше.

Ответ: Чишек, которого я знаю, этого показать не мог. Со своим знакомым Чишеком подобного рода бесед не вел.

Вопрос: Вы просто не хотите осознать то, что имело место. Свидетель Маковский (Новиков) Виктор Павлович показал¹⁷². Правильно показывает в отношении вас свидетель Маковский?

Ответ: В основном показания Маковского подтверждаю, но отрицаю то, что якобы я имел намерение на территории СССР вести борьбу с коммунизмом. Плана нелегального перехода на территорию СССР я не составлял, но устно о переходе границы беседу вел.

<1 августа 1945>

Вопрос: Намерены ли вы рассказать следствию о конкретных фактах преступной деятельности Ватикана и Папы Римского и лично вашей против Советского Союза?

Ответ: Папа Римский и Ватикан вели и ведут работу против безбожия, чему я также посвятил себя. Я прибыл на территорию СССР, чтобы вести борьбу с безбожием и распространять среди русского народа католическую религию и вести работу за признание верующим православным духовенством Папы Римского главой Греко-католической Церкви.

Приведенные на допросе выдержки из показаний Чишека и Маковского не могут являться их подлинными признаниями. Если таковые показания есть, то эти лица продались НКВД или их показания являются вашей выдумкой.

Вопрос: Где вы впервые познакомились со священником французской церкви в Одессе Никола Жаном?

Ответ: Со священником французской церкви в Одессе я познакомился в конце декабря 1943 года, он прибыл в Одессу из Румынии.

Вопрос: Кем был Никола Ж. направлен в Одессу и с какой целью?

Ответ: Этого я не знаю, спросите у него.

Вопрос: Допрошенный о вас Ж. Никола подтверждает,

¹⁷²Эти показания Виктора Новикова приведены выше.

что вы среди общих знакомых и прихожан костела французской церкви вели антисоветскую пропаганду, возводили клевету на руководителей советского правительства, политическое и экономическое положение в стране, на высшее православное духовенство, а также выступали против сбора средств в фонд обороны. Почему же вы не хотите рассказать об этом?

Ответ: Поскольку православное духовенство было против католической религии, я выступал против православного духовенства и говорил отцу Никола, что они отступники Христа и продались НКВД. Я отказывался от активной пропаганды среди прихожан за участие в подписке на заем и сборе средств на оборону СССР и заявил работникам Райсовета, что вести в церкви такую пропаганду не наше духовное дело. Но я не был против проведения сборов среди прихожан средств в пользу Красного Креста, семьям фронтовиков и инвалидам войны. В фонд обороны страны мы дали 1000 рублей. Антисоветской пропаганды среди своего окружения не вел и не возводил клеветы на руководителей советского правительства и положение в СССР.

Вопрос: Если бы этого за вами не было, то и Никола об этом не сказал бы. У вас не хватает мужества осознать свои преступления против советской власти. Никола также подтверждает, что вы наряду с антисоветской пропагандой занимались и разведывательной деятельностью против Советского Союза. Об этом намерены рассказать следствию?

Ответ: Это неправда. Разведывательную деятельность против СССР не вел.

<26 августа 1945>

Вопрос: Какое вам было дано задание Ватикана?

Ответ: Задание, данное мне, сводилось к тому, чтобы я, как священник, обслуживал католиков и распространял влияние Католической Церкви на остальное население Одессы.

Вопрос: С какой целью вы должны распространять это влияние католицизма?

Ответ: С целью, чтобы привести всех к единой истинной вере.

Вопрос: А какую вы считали единой истинной верой?

Ответ: Единой истинной верой я считал католическую веру.

Очная ставка между Пьетро Леони и Жаном Никола

<10 августа 1945>

Жан Никола: То, что Леони на территории СССР остался по заданию Ватикана и Папы Римского, — это правильно, но Леони не сказал еще того, что он, наряду с пропагандой католицизма среди русского населения, по заданию Ватикана занимался разведывательной работой, вел среди знакомых антисоветскую агитацию против советского правительства.

Подпись: Жан Никола¹⁷³.

Пьетро Леони: Эти показания Никола я не подтверждаю. Я разведывательной работы против СССР не вел и антисоветской пропагандой не занимался.

Подпись: Леони Петр.

Жан Никола: Петр Леони, касаясь в разговоре со мной каких-либо обстоятельств и положения в стране, неоднократно мне говорил: «Об этом должен знать Ватикан. Ватикан должен быть осведомлен, что делается на территории России.

Подпись: Жан Никола.

Пьетро Леони: Подтверждаю, но не полностью. Жану Никола я говорил, что Ватикан должен знать об отношении советского правительства к религии и духовенству и о положении вообще духовенства и верующих на территории СССР. Я сообщил также, что католическая религия на территории СССР преследуется и что православное духовенство против Католической Церкви.

Подпись: Леони Петр.

¹⁷³Подписывался он так же, как требовал следователь, — Никола.

Жан Никола: Петр Леони в период 1944–1945 годов в разговорах со мною, псаломщиком Ш., румыном Х. неоднократно клеветнически утверждал, что в СССР якобы нет свободы слова, печати и демократии. Леони говорил, что советское правительство и большевики народы России превратили в своих рабов и живут за счет их труда. Леони политику советского правительства сравнивал с фашизмом, утверждая, что СССР так же стремится к порабощению народов Европы, как это делал Гитлер. Леони говорил, что советской властью преследуется религия и духовенство, а также что русское духовенство используется против католической религии. Леони, в силу своего враждебного отношения к советской власти, в беседах с нами высказывался за необходимость уничтожения в России существующего политического строя. Кроме того Леони по адресу руководителей советского правительства допускал клеветнические высказывания.

Подпись: Жан Никола.

Пьетро Леони: Показания Жана Никола я подтверждаю. но я не помню, чтобы говорил Никола о необходимости свержения в СССР политического строя. На руководителей советского правительства не клеветал, но оскорбительно о них отзывался. Но это было в последнее время.

Подпись: Леони Петр

**Выдержки из «Обвинительного заключения»
по следственному делу № 7884
от 13 сентября 1945 года**

19 апреля 1945 года УНКГБ по Одесской области по подозрению в шпионаже и проведении антисоветской агитации были арестованы ЛЕОНИ Петр Ангелович — священник католического костела и НИКОЛА Жан Мавритьевич — священник французской католической церкви города Одессы.

Расследованием по делу установлено, что обвиняемые ЛЕОНИ и НИКОЛА по заданию Ватикана прибыли на территорию СССР с целью ведения шпионской работы, антисоветской агитации и распространения среди верующих Русской Православной Церкви влияния католицизма. <...>

На основании изложенного обвиняются:

ЛЕОНИ Петр Ангелевич¹⁷⁴,
НИКОЛА Жан Мавритьевич¹⁷⁵,
в том, что являлись агентами Ватикана и вели на территории СССР шпионскую работу и антисоветскую агитацию <...>

Меру наказания определить:

ЛЕОНИ Петру Ангелевичу — 10 лет ИТЛ.

НИКОЛА Жану Мавритьевичу — 5 лет ИТЛ».

**Выдержки из «ПРИГОВОРА»
по групповому делу заключенных Темлага
от 28–29 августа 1947 года**

Материалами предварительного и судебного следствия установлено: все подсудимые¹⁷⁶ отбывали меру наказания на 13 лагерном пункте Темниковского ИТЛ МВД СССР.

Подсудимый Вуек-Коханский <...> задался целью организовать в Темлаге контрреволюционную организацию.

¹⁷⁴Приведены биографические данные на Леони П. А.

¹⁷⁵Приведены биографические данные на Никола В. М.

¹⁷⁶Перечисляются 13 заключенных вместе с Леони П. А.

В середине марта 1947 года он, Вуек, при помощи заключенных Леони и Горячева <...> составил программу, декларацию, план действия, подготовил полную разработку конспиративных действий, форму подписки и присяги для членов, вступающих в организацию. таким образом была создана контрреволюционная организация под названием — «Воля».

Цели и задачи организации состояли:

а) в вовлечении в организацию большого количества из числа лиц, антисоветски настроенных, как заключенных, так и вольнонаемных;

б) в подготовке вооруженного восстания на всех лагпунктах Темлага МВД СССР и вне его;

в) в установлении связи с некоторыми иностранными государствами <...>.

Согласно плану вся подготовительная работа должна проводиться в течение трех месяцев. Для чего Вуек в том же марте распределил роли и прикрепил людей к разным объектам лагпункта, так, например, Леони взял на себя обязанность проводить и проводил контрреволюционную агитацию <...>.

Поэтому суд находит виновность Леони по ст. ст. 19-58-2, 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР <...> полностью доказанной <...> Что же касается предъявленного обвинения Леони по ст. 58-12 УК РСФСР, то это обвинение является не основательным и излишним <...>.

П р и г о в о р и л:

<...> Леони Петра Ангелевича на основании ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР лишить свободы с отбыванием в ИТЛ сроком на десять (10) лет, без конфискации имущества; и на основании ст. 19-58-2 УК РСФСР лишить свободы с отбыванием в ИТЛ, с применением ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета от 26 мая 1947 года сроком на двадцать пять (25) лет, без конфискации имущества. По ст. 58-12 УК РСФСР Леони Петра Ангелевича оправдать.

Приложение V

Биографические справки

АБРАНТОВИЧ Фабиан Иванович, родился в 1884 в Новогрудке Минской губ. В 1906 — окончил духовную семинарию, в 1908 — рукоположен, в 1910 — окончил духовную академию со степенью магистра богословия, в 1914 — Лувенский университет со степенью доктора философии. С 1912 — служил викарием прихода в Петербурге, с 1914 — профессор духовной академии. В 1918 — ректор семинарии в Минске (перенесена в Новогрудок, затем в Пинск). С 1920 — служил в приходах, в 1926 — вступил в орден марианов, в Друэ принес монашеские обеты. С ноября 1928 — апостольский администратор для католиков в Харбине; преподаватель, издатель журнала. В 1939 — выехал в Рим, затем во Львов. В октябре — задержан немецкими, затем советскими пограничниками и заключен в тюрьму, позднее переведен в Москву. 23 сентября 1942 — приговорен к 10 годам ИТЛ. 2 января 1946 — скончался в Бутырской тюрьме.

БЕЛОГОЛОВЫЙ Иосиф Матвеевич, родился в 1883 году в Санкт-Петербурге. Окончил духовную семинарию и академию со степенью магистра богословия и канонического права, в 1906 — рукоположен. С 1907 — законоучитель в школах Смоленска, затем — Петербурга. За отказ молиться на богослужениях о здравии царской семьи выслан за границу. Учился в университетах Рима и Инсбрука, с 1913 — викарий прихода в Петербурге, заместитель ректора академии. С 1916 — законоучитель в институте и военных школах. Весной 1918 — настоятель собора в Могилеве, вскоре арестован, заключен в Смоленскую тюрьму, в 1919 — освобожден. В 1921, 1922, 1926 — не раз арестовывался и приговаривался к заключению, затем досрочно освобождался. С 1923 — декан Могилевской епархии. 28 августа 1926 — арестован, в сентябре переведен в Москву; 29 ноября приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1928 — вывезен в Москву, убит на Лубянке *«при попытке к бегству»*.

БУДКА Никита, родился в 1877 в селе Добромирка Збаражского уезда (Австро-Венгрия). Получил среднее образование, в 1897 — проходил воинскую службу в Вене. В 1905 — получил богословское образование в Инсбруге, рукоположен; вел пастырство среди украинских эмигрантов в Германии, Канаде, Аргентине, Бразилии, с 1912 — епископ греко-католиков в Канаде; в 1924 — созвал первый собор духовенства УГКЦ. В 1928 — вернулся во Львов, занимался восстановлением санктуария Богородицы в Зарванице. 11 апреля 1945 — арестован по групповому делу духовенства, приговорен за *«антинародную деятельность»* к 8 годам ИТЛ и отправлен в Карлаг. 1 октября 1949 — скончался. 27 июня 2001 — причислен к лику блаженных.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ Василий, родился в 1903 в Станиславове. Окончил школу и Институт св. Иосафата, с 1918 — служил в отряде сечевых стрельцов. Окончил духовную семинарию во Львове; в 1924 — вступил в восточную ветвь ордена редemptористов; в 1925 — принял монашеские обеты, 9 октября рукоположен. Служил учителем в начальной семинарии, вел пастырскую работу в Галиции, затем — в Волини. С 1935 — вернулся в монастырь, с 1941 — игумен монастыря редemptористов в Тернополе. 11 апреля 1945 — арестован, приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ и отправлен в Воркутлаг (тайно служил литургию в галерее шахты). Осенью 1953 — арестован по обвинению в организации забастовки, отправлен во Владимирскую тюрьму, позднее возвращен в лагерь. В 1955 — освобожден, вернулся во Львов, участвовал в организации жизни греко-католиков в подполье. 4 февраля 1963 — посвящен во епископа Луцкого, стал местоблюстителем главы Церкви; тайно рукоположил более сорока священников. 2 января 1969 — арестован, приговорен к 3 годам заключения и отправлен в тюрьму в Донбассе. В 1972 — после освобождения выдворен из страны, выехал в Канаду. 30 июня 1973 — скончался. 27 июня 2001 — причислен к лику блаженных.

ВУЕК-КОХАНСКИЙ Владислав-Тадеуш Станиславович, родился в 1918 в Станиславе. Получил среднее образование. Офицер польской армии в звании капитана; во время Второй мировой войны воевал в Армии Крайовой. 15 апреля 1944 — арестован. 21 апреля

1945 — приговорен к 10 годам ИТЛ. Отправлен в Темлаг, пытался бежать из лагеря, но был схвачен и отправлен в Дубравлаг. 22 июня 1947 — арестован *«как руководитель контрреволюционной группы заключенных»*. 29 августа 1947 — приговорен к 25 годам ИТЛ и переведен в Речлаг (особый лагерь № 6).

ГЕРМАНОВИЧ Иосиф, родился в 1890 в Виленской губ. Член ордена мариан. Получил высшее богословское образование, рукоположен. Выехал в католическую миссию в Харбине, преподавал закон Божий в лицее св. Николая, с 1932 — его директор. В декабре 1935 — выехал в Европу, в 1939 — вернулся в Харбин, где оставался при японской оккупации и после занятия его китайскими войсками. 22 декабря 1948 — с группой священников арестован китайскими властями и передан представителям органов НКГБ. Для дальнейшего следствия отправлен в Читу и заключен в одиночную камеру тюрьмы. 10 мая 1949 — приговорен к 25 годам ИТЛ и отправлен в Тайшетлаг (особый лагерь № 7). 31 марта 1955 — освобожден из лагеря досрочно и выехал в Польшу. Преподавал богословие в духовных учреждениях. В начале 1960-х — выехал в Рим, где написал краткую историю Харбинской миссии, затем — в Лондон, работал в Белорусской Католической Миссии среди эмигрантов. Написал книгу воспоминаний «Китай, Сибирь, Москва». В 1978 — скончался, похоронен на старом кладбище в Камдентауне в Лондоне.

ДУЛЬБИНСКИС Казимир, родился в 1906 году. Окончил Рижскую римско-католическую духовную семинарию и был рукоположен. Служил в храме в Латгалии, а также среди латвийских поляков. Оставался в епархии во время советской и немецкой оккупации. В 1947 — хиротонисан в викарные епископы. В 1949 — арестован и приговорен к 10 годам ИТЛ. Отправлен в Ухтижемлаг, позднее переведен в Дубравлаг. После освобождения из лагеря выслан. В 1964 — освобожден из ссылки, вернулся в Латвию, но был запрещен в служении. В 1989 — получил разрешение на служение в Латвии. В 1991 — скончался.

КЕЛЬНЕР (Бринско) Ян Андреевич, родился в 1912 в селе Градиско Левочского округа (Словакия). В 1931 — окончил гимназию, с 1931 по 1938 — прослушал курсы философии и богословия в

Григорианском университете в Риме, 25 декабря 1936 — рукоположен в священники восточного обряда. В 1938 — учился в Папском Восточном институте в Риме. С сентября 1939 — служил в монастыре августинцев в Праге. В 1941 — выехал в Словакию, работал на бумажной фабрике в Ружемборке. 9 декабря 1939 — арестован при нелегальном переходе границы СССР и заключен в Киевскую тюрьму. 7 июля 1941 — приговорен к ВМН *«как враг народа»* в период военных действий на Украине. В тот же день расстрелян в Киевской тюрьме.

КОЦИЛОВСКИЙ Иосафат, родился в 1876 в Галиции. С 1907 — священник Греко-католической Церкви, с 1917 — епископ Перемышльский, доктор богословия. В 1946 — арестован по групповому делу. 3 июня 1946 — приговорен за *«антинародную деятельность»* к 10 годам ИТЛ. В 1947 — скончался в Киевской тюрьме.

КУКУРУЗИНСКИЙ Адольф Феликсович, родился в 1894 в селе Витава Подольской губ. Окончил духовную семинарию в Житомире, в 1917 — рукоположен, служил vikарием в Проскурове. В 1927 — окончил университет в Люблине со степенью доктора канонического права, настоятель прихода в Берестечко. Преподавал в духовной семинарии в Дубно, позднее — законоучитель в Луцке. С 1932 — служил в епархиальной курии в Луцке и епископском суде, капеллан тюрьмы и вице-директор епархиального отделения «Католического действия». Оставался в Луцке во время советской и немецкой оккупации. В июле 1941 — генеральный vikарий епископа, руководил восстановлением структуры Католической Церкви. 28 декабря 1944 — арестован, 18 декабря 1946 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Минлаг. 12 апреля 1955 — освобожден, выехал в Польшу. Работал в епископском суде в Ополе, с 1960 — капеллан в монашеских женских конгрегациях. 23 ноября 1970 — скончался в Прушкове.

КУЧИНСКИЙ Иосиф Антонович, родился в 1904 в селе Бучки Чиповидского уезда Житомирской губ. В 1924 — окончил педагогическое училище, нелегально перешел советско-польскую границу, окончил духовную семинарию в Луцке. В 1930 — рукоположен,

служил в средних школах Луцка. Окончил католический институт в Париже со степенью доктора социологии, служил в епархиальном отделении «Католического действия» в Польше, затем — капеллан Волинского отделения скаутов и секретарь католического Союза молодежи. С сентября 1939 — настоятель прихода в селе Шумбар под Кременцом, служил при советской и немецкой оккупации. 8 января 1945 — арестован. 6 мая 1946 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Севураллаг, позднее — в Воркутлаг. 16 октября 1954 — освобожден, остался на спецпоселении в Воркуте. В 1956 — переведен в Красноармейск (Казахстан), активно служил среди ссыльных. В декабре 1958 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Ангарлаг. 9 января 1965 — освобожден, выехал в Бар, служил в приходах области; оставил воспоминания. 13 марта 1982 — скончался в Баре.

ЛАКОТА Григорий, родился в 1883 в селе Голодивка Львовской губ. Получил высшее духовное образование, в 1908 — рукоположен в священника Греко-католической Церкви, с 1911 — доктор богословия. С 1913 — профессор истории Церкви и канонического права в духовной семинарии Перемышля, с 1918 — ее ректор. С 1926 — титулярный епископ Данио, епископ-помощник Перемышльской епархии. В 1946 — отказался от добровольного переселения в СССР. В 1946 — арестован по групповому делу духовенства УГКЦ. 3 июня 1946 — приговорен за *«антинародную деятельность»* к 10 годам ИТЛ и отправлен в Воркутлаг. 12 ноября 1950 — скончался в Абези.

ЛАТИШЕВСКИЙ Станислав, родился в 1879 в Галиции. Получил высшее богословское образование, в 1879 — рукоположен, служил в приходах Греко-католической Церкви, с 1905 — доктор богословия. С 1930 — титулярный епископ Ададский, епископ-помощник Станиславской епархии. В 1945 — арестован по групповому делу духовенства УГКЦ. 3 июня 1946 — приговорен за *«антинародную деятельность»* к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. Номинально числился епископом Станиславским после кончины Григория Хомишина. В 1955 — освобожден из лагеря, проживал в Станиславове, в 1957 — скончался.

ЛЕОНИ Пьетро Анджело (Ангелевич), родился в 1909 в Премилькуде (Италия). В 1918 — окончил начальную школу, до 1921 — работал в хозяйстве отца, в 1927 — окончил духовную семинарию в Милане, принял монашество в Галлорском монастыре иезуитов. С 1935 — окончил Коллегиум «Руссикум» в Риме, практиковался в русской речи в Колледже иезуитов, в 1939 — рукоположен. В начале 1940 — служил в монастыре во Флоренции, летом призван в армию, капеллан госпиталя в Болонье. В марте 1941 — с госпиталем выехал в Албанию, в июне 1941 — в Грецию. В августе был вызван в Рим, назначен капелланом в резервный госпиталь дивизии Торино в Днепропетровске. В мае 1943 — с армией вернулся в Италию и демобилизовался, служил в монастыре. В сентябре Ватиканом направлен в Одессу, служил настоятелем. 29 апреля 1945 — арестован, 13 июля вывезен в Москву и заключен в тюрьму, 12 ноября приговорен к 10 годам ИТЛ и 12 декабря отправлен в Темниковский лагерь. 15 июня 1947 — в лагере арестован как *«участник к.-р. организации "Воля"»*. 29 августа 1947 — приговорен к 25 годам ИТЛ и 8 сентября отправлен в Дубравлаг. 8 октября 1948 — переведен в Речлаг. 25 апреля 1955 — срок наказания снижен до 7 лет, в начале мая освобожден из лагеря, 17 мая передан в Вене представителям Италии. Служил в украинском приходе в Монреале (Канада). 26 июля 1995 — скончался.

ЛЮБЧИНСКИЙ Феликс Николаевич, родился в 1886 в Староконстантинове Волынской губ. Окончил духовную семинарию, в 1909 — рукоположен, служил vikarием прихода в Киеве, с 1916 — настоятелем прихода в селе Куна, с 1919 — в Гайсине, с сентября 1920 — в деревне Кушелевка Подольской губ. В сентябре–октябре 1920 и 1921 — трижды арестовывался, но позднее освобождался; продолжал служение в приходе Гайсина. В конце 1922 — после зверского убийства родственников переведен в Каменец-Подольскую епархию; в 1923 — дважды арестовывался, позднее освобожден. 13 апреля 1927 — арестован и 21 августа 1928 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 17 ноября 1931 — скончался в лагере.

МАТУЛЯНИС Теофилис Юрьевич, родился в 1873 на хуторе Кударишки Алунтской волости (Литва). Окончил духовную семи-

нарию, 4 марта 1900 — рукоположен. Викарий прихода Варкляны, администратор прихода в Быхове и Рыкове. С июня 1910 — викарий прихода Св. Екатерины в Петербурге, с 1912 — заведующий часовней, с 1914 — настоятель прихода храма Св. Сердца Иисуса. В марте 1923 — арестован по групповому делу духовенства. 26 марта приговорен к 3 годам заключения; отбывал наказание в Соколинской и Лефортовской тюрьмах. В январе 1926 — освобожден из тюрьмы, вернулся в приход, был и администратором прихода в Колпино. 9 февраля 1929 — тайно хиротонисан во епископа. 24 ноября 1929 — арестован по групповому делу духовенства и мирян. 13 сентября 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 22 июля 1932 — арестован в лагере по групповому делу. 27 мая 1933 — приговорен к одному году штрафизолятора. 26 сентября 1933 — из лагеря освобожден; выехал по обмену в Литву. В начале 1940-х — епископ Кяйшадорский. 18 декабря 1946 — арестован. 27 сентября 1947 — приговорен к 7 годам тюремного заключения с конфискацией имущества. Отправлен в Сиблаг, позднее — в лагерь во Владимирской области. 28 мая 1954 — освобожден из лагеря и отправлен в дом инвалидов. 5 мая 1956 — вернулся в Литву; проживал в изоляции в Шедуве, епархией не управлял. Его заслуги отмечены Папой титулом архиепископа. 20 августа 1962 — скончался и похоронен в кафедральном соборе Кайшадорисе.

МОСКВА (Домбровский) Георгий Иосифович, родился в 1910 в Цюрихе (Швейцария). В 1935 — окончил философский факультет Краковского университета, в 1939 — богословский факультет Григорианского университета в Риме, рукоположен. Служил в Альбертине, затем — профессор и ректор семинарии в Дубно. В декабре 1939 — во время советской оккупации нелегально прибыл во Львов и по фальшивому паспорту устроился рабочим на нефтебазу. 15 августа 1940 — арестован венгерскими пограничниками при попытке нелегального перехода границы. Отправлен в Будапештскую тюрьму, в ноябре с помощью тюремного священника и иезуитов освобожден и выехал в Рим. 29 января 1941 — арестован при попытке нелегального перехода границы, отправлен во Львовскую, позднее — в Киевскую тюрьму. 7 июля 1941 — приговорен к ВМН «как враг народа» в период военных действий на Украине, расстрелян в тот же день.

НАЙЛОВИЧ Косьма. Монах. Окончил Коллегиум «Руссикум» в Григорианском университете в Риме, рукоположен, с осени 1935 — служил в Харбине, инспектор и преподаватель латинского языка лицея св. Николая. С апреля по конец 1939 — временно исполнял обязанности директора лицея, по отзывам современников и учеников, "душа лицея". В 1940-х — оставался Харбине во время японской оккупации и после занятия его китайскими войсками. 22 декабря 1948 — вместе с группой священников арестован властями Китая, передан представителям органов МГБ СССР и вывезен для дальнейшего следствия в Читинскую тюрьму. 10 мая 1949 — приговорен к 25 годам ИТЛ и отправлен в Тайшетлаг (особый лагерь № 7). В 1956 — освобожден из лагеря досрочно.

НИКОЛЯ (Никола) Жан Мавритьевич, родился в 1901 в Марле (Франция). Окончил гимназию в Сенморе; в 1919 — вступил в орден ассумпционистов; в 1921 — призван в армию, служил рядовым в Нанте и Константинополе, с 1923 — после демобилизации преподавал французский язык в школе Варны. В 1924 — вернулся в монастырь, учился на философских курсах, затем — в университете в Лувене; в 1929 — рукоположен. В сентябре 1930 — после окончания университета служил в церкви в Беюше (Румыния), преподавал и в школе. С 23 декабря 1943 — служил в приходе Одессы. 25 апреля 1945 — арестован по групповому делу. 12 ноября приговорен к 8 годам ИТЛ. Отправлен в Карлаг; в декабре 1949 — переведен в Воркутлаг; работал в шахте, затем — художником. 18 апреля 1953 — освобожден из лагеря досрочно, остался в Воркуте, работал в стройконторе; позднее отправлен в Потьму и Сыктывкар. В начале 1954 — освобожден; 22 июня вернулся во Францию. Работал иконописцем в Монако, проповедник в средних школах в Лионе, Меце, Летринене. В 1980-х — проживал в Бордо. 13 февраля 1984 — скончался там.

НОВИКОВ (Маковский) Виктор Павлович, родился в 1905 в Казани. Ребенком был взят на воспитание в польскую семью инженера Холева. В 1923 — пытался нелегально перейти границу в районе Минска и уйти в Польшу, но был задержан советскими пограничниками и приговорен к 5 месяцам тюрьмы. В 1924 — после освобождения получил польское гражданство и выехал к родствен-

никам приемного отца в Польшу. Окончил духовную семинарию, в 1927 — принял монашество в Альбертине. Изучал философию в Краковском и богословие в Григорианском университете в Риме. В 1934 — рукоположен; с 1937 — преподавал языки в Григорианском университете, с 1938 — профессор духовной семинарии в Дубно. После раздела Польши прибыл к митрополиту Андрею Шептицкому во Львов; тот благословил его на тайное миссионерство и назначил экзархом Сибири. В марте 1940 — под чужой фамилией завербовался рабочим лесной промышленности, выехал на Урал и поселился в Чусовой, работал диспетчером. 23 июня 1941 — арестован в Чусовой; во время следствия подвергался жестоким избиениям в Пермской тюрьме. В августе вывезен для дальнейшего следствия в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму. 23 сентября 1942 — приговорен к 15 годам каторжных работ; год оставался в Бутырской тюрьме, в 1943 — отправлен в Воркутлаг, работал в угольных шахтах, затем — художником. 20 января 1954 — освобожден из лагеря и выслан в Башкирию. Проживал в Белебее, преподавал латинский язык в медицинском училище; тайно обслуживал католиков. 14 мая 1979 — скончался в Белебее.

ПЕРЕСЫПКИН (настоящая фамилия **Радванский**) Петр Григорьевич, родился в 1899 в Полесье. С 1928 — семинарист духовной семинарии в Дубно; вступил в орден мариан. Окончил Григорианский университет в Риме, там рукоположен. В Советский Союз попал во время немецкой оккупации, служил в приходе села Мирополь, оставался там после возвращения Красной армии и установления советской власти. После закрытия местного храма выехал в Бар, помогал Иосифу Кучинскому. В конце 1940-х — арестован, во время следствия подвергался пыткам. Приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Минлаг. В 1956 — после освобождения выехал во Львов, готовился к операции как результат пыток во время следствия. Во время операции в Москве скончался (дата смерти неизвестна).

ПОДЗЯВО Томас, родился в 1906 в Перхулеве Виленской губ. Получил среднее образование. В октябре 1926 — вступил в орден мариан; в 1929 — окончил Григорианский университет в Риме со степенью доктора богословия. В декабре 1934 — рукоположен; в сентябре 1935 — отправлен в Харбин, преподавал в лицее св. Нико-

лая. Оставался в Харбине при японской оккупации и после занятия его китайскими войсками. 22 декабря 1948 — с группой священников арестован китайскими властями и передан представителям органов НКГБ. Вывезен для дальнейшего следствия в Читинскую тюрьму. 10 мая 1949 — приговорен к 25 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. 31 марта 1955 — освобожден и отправлен в Польшу. С 1959 по 1962 — преподавал философию в институте отцов мариан в Гетшвальде, затем — в Варшаве. В 1968 — выехал в Лондон, работал в Белорусской католической миссии среди эмигрантов. 2 октября 1975 — скончался, тело похоронено на старом кладбище в Камденауне в Лондоне.

ПОРТНЯГИН Павел, родился в 1903 во Владивостоке. Получил среднее образование. После революции эмигрировал в Харбин, в 1927 — принимал участие в трансгималайской экспедиции Николая Рериха в Тибет, с 1930 — преподавал русский язык в лицее св. Николая в Харбине. В 1932 — направлен в Рим на учебу в Григорианском университете. Позднее перевелся и окончил католическую духовную академию в Пряшеве (Чехия). В декабре 1937 — после рукоположения вернулся в Харбин, преподавал русскую литературу в старших классах лицея св. Николая и в конvente сестер общины урсулинок; был также редактором журнала «Католический вестник». Оставался в Харбине при японской оккупации и после занятия его китайскими войсками. 22 декабря 1948 — с группой священников арестован властями Китая, передан представителям органов НКГБ и вывезен для дальнейшего следствия в Читинскую тюрьму. 28 сентября 1949 — приговорен к 25 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В ноябре 1956 — освобожден, проживал в Самарканде, в 1958 — работал переводчиком в Институте каракулеводства. В 1977 — скончался в Самарканде.

ПРОФИТЛИХ Эдуард-Готлиб Маркусович, родился в 1890 в Бирренсдорфе под Кобленцом (Германия). Учился в духовной семинарии в Триере, 11 апреля 1913 — вступил в орден иезуитов в Гееренберге. С 1915 — добровольный помощник врача в больнице в Вуйзвене (Франция). С 1918 — изучал философию и богословие в университете в Маастрихте (Голландия). 26 августа 1922 — рукоположен. Окончил университет в Кракове со степенью доктора

философии и богословия. С 1924 — миссионер в Польше, с 1925 — в Германии, с 1927 — священник приходов в Гамбурге, Ревеле, с 1933 — апостольский администратор. 27 декабря 1937 — хиротонисан во епископа, служил в Таллине. Остался там при советской оккупации, обращался в посольство Германии за разрешением на выезд священников на родину. 27 июня 1941 — арестован и заключен в Кировскую тюрьму. 21 ноября приговорен к ВМН, 16 января 1942 — приговор утвержден в Москве. 22 февраля скончался в Кировской тюрьме.

РАМАНАУСКАС Пранцишкус, родился в 1893 в Бетигале. Окончил духовную семинарию в Каунасе, в 1932 — Григорианский университет в Риме со степенью доктора богословия. Профессор догматического богословия и инспектор духовной семинарии в Тельшяе; синодальный судья, редактор богословских изданий. Почетный каноник, с 1940 — ректор семинарии в Тельшяе. Прелат, хиротонисан в епископа. Остался во епархии во время советской и немецкой оккупации. В декабре 1946 — после возвращения Красной армии и установления советской власти арестован по групповому делу духовенства. 27 сентября 1947 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг; позднее переведен в Воркутлаг, в 1949 — в Минлаг, работал ассенизатором; в 1950-х — находился в Абези. В 1955 — досрочно освобожден, вернулся в Литву, запрещен властями в управлении епархией. В 1962 — скончался в Вильно.

РОМЖА Теодор Георгий, родился в Рютене (Закарпатье). Окончил Коллегиум «Руссикум» при Григорианском университете в Риме, рукоположен. Администратор Мукачевской католической епархии восточного обряда, позднее стал епископом. 27 октября 1947 — арестован, во время следствия был избит по голове железными прутьями. Тяжело раненного поместили в госпиталь, где, по слухам, отравили газом руками медсестры, приставленной начальником госпиталя "ухаживать" за больным. 1 ноября 1947 — скончался в госпитале (по другим сведениям, 1 февраля 1948 — скончался в Пшемысле).

СВИРСКИЙ Владислав Казимирович, родился в 1894 в Сбараше Тернопольской губ. Получил высшее юридическое образо-

вание; позднее окончил духовную академию со степенью доктора богословия. Профессор, знаток канонического права; секретарь польского епископа во Львове; оставался там во время советской и немецкой оккупации. 26 августа 1944 — арестован. 31 января 1945 — приговорен к 20 годам ИТЛ и отправлен в Темлаг. 22 июня 1947 — арестован в лагере, 29 августа приговорен к дополнительным 3 годам ИТЛ и оставлен в Темлаге.

СЛИПИЙ Иосиф Иванович, родился в 1892 в селе Заздристи Тербовольского уезда (Галиция). Изучал богословие в университетах Львова, Инсбрука и Рима, 30 сентября 1917 — рукоположен. С 1918 — доктор богословия; с 1922 — профессор догматики во Львовской греко-католической семинарии, позднее защитил диссертации в университетах Инсбрука и Рима. С 1926 — ректор духовной семинарии, с 1929 — ректор академии во Львове. 22 декабря 1939 — хиротонисан во епископа Львовского. Служил в епархии во время советской, немецкой оккупации и восстановления советской власти. С 1 ноября 1944 — архиепископ Львовский, возглавил Греко-католическую Церковь на Украине. 11 апреля 1945 — арестован. 3 марта 1946 — приговорен за *«антинародную деятельность»* к 8 годам ИТЛ. Отправлен в Сиблаг, затем — в Печорлаг; с 1953 — в бессрочной ссылке в Сибири. В 1957 — арестован в ссылке и приговорен к 8 годам ИТЛ. Оставлен в Сиблаге, где в 1962 — получил дополнительный срок и был переведен в Дубравлаг. В январе 1963 — освобожден благодаря заступничеству Папы Римского; выехал из СССР, с февраля проживал в Риме, позднее получил статус Верховного архиепископа Львова. 22 февраля 1965 — возведен в кардиналы. В ноябре 1971 — на греко-католическом Соборе избран Патриархом УГКЦ. 7 сентября 1984 — скончался в Риме.

СТРУКОВСКИЙ Иван Федорович, родился в 1895 в Туровском уезде Полесской губ. Получил среднее образование. Православный священник, в 1940-х — служил в церкви в местечке Телеханы. 2 января 1949 — арестован как *«участник контрреволюционной организации»*. 12 апреля приговорен к 15 годам ИТЛ с заменой на 10 лет и отправлен в Воркутинский лагерь.

ТАППЕР Николай Петрович, родился в 1913 в Эйшитской волости. Окончил Виленскую духовную семинарию, в 1938 — рукоположен. Служил законоучителем прихода в селе Прозорки Эйшитской волости, оставался там после присоединения Литвы к СССР и во время немецкой оккупации. Участвовал в подпольной борьбе против немецких войск. В 1944 — после возвращения Красной армии и установления советской власти арестован как участник *«контрреволюционной организации Армии Крайовой»*. 5 апреля 1945 — приговорен к ВМН и расстрелян.

ФЕДОРОВ Леонид Иванович, родился в 1879 в Санкт-Петербурге. Окончил классическую гимназию, до третьего курса учился в духовной академии. Заинтересовался католичеством, встречался во Львове с архиепископом Андреем Шептицким, затем выехал в Рим. 31 июля 1902 — воссоединился с Католической Церковью; в 1907 — окончил Папскую иезуитскую коллегию в Ананьи под Римом, учился в Коллегии при Конгрегации распространения веры. Из-за вмешательства российского посольства выехал в Швейцарию, окончив университет во Фрейбурге. С 1909 — ректор и профессор духовной семинарии ордена студитов во Львове. 25 марта 1911 — рукоположен; с 1912 — монах Леонтий в монастыре студитов в Боснии. В 1914 — вернулся в Петроград, арестован и выслан в Тобольск под надзор полиции. В марте 1917 — освобожден, вернулся в Петроград; служил настоятелем церкви русских католиков; на Соборе возглавил созданный экзархат для католиков восточного обряда; в феврале 1921 — назначение утверждено Папой. 23 февраля 1923 — арестован по групповому делу духовенства; 26 марта приговорен к 10 годам заключения; наказание отбывал в Лефортовской и Сокольниковской тюрьмах. 26 апреля 1926 — освобожден досрочно с запретом проживания на 3 года (-6). Поселился в Калуге. 10 августа 1926 — арестован в Могилеве, отправлен в Москву и заключен в тюрьму. 18 сентября 1926 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 13 августа 1929 — освобожден и выслан под Пинегу Архангельской области. В начале 1931 — арестован, осенью приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Котлас. В конце 1933 — освобожден с ограничением проживания на 3 года (-12). С января 1934 — поселился в Вятке; 7 марта 1934 — скончался там.

ХОМИШИН Григорий Лукич, родился в 1867 в Тернопольской губ. Окончил гимназию, учился на теологическом факультете Львовского университета, затем — окончил Высшую духовную академию в Вене со званием доктора теологии; в 1893 — рукоположен. С 1902 — ректор духовной семинарии во Львове. 19 июня 1904 — хиротонисан во епископа Станиславовской епархии: создавал в приходах народные читальни, благотворительные организации для помощи нуждающимся, основывал монастыри и католические движения. В 1946 — арестован по групповому делу. 3 июня 1946 — приговорен за «*антинародную деятельность*» к 10 годам ИТЛ. 12 декабря 1947 — скончался в Киевской тюрьме.

ЦЕПЛЯК Ян Гиацинтович, родился в 1857 в Домброве-Гурниче. В 1878 — окончил духовную семинарию, в 1882 — духовную академию в Петербурге со степенью магистра богословия, 15 августа 1881 — рукоположен. С 1882 — преподаватель и законоучитель академии в Петербурге, позднее — доктор богословия, с 1900 — каноник, служил капелланом в часовне при приюте. С 16 апреля 1908 — викарный епископ Могилевской архиепархии, 7 декабря хиротонисан во епископа; до 1911 — совершил пастырские визитации приходов архиепархии. С 6 августа 1914 — капитульный администратор; с июня 1919 — архиепископ Охридский. В 1920 и 1922 — не раз арестовывался, позднее освобождался. 10 марта 1923 — арестован по групповому делу духовенства. 21–26 марта 1923 — приговорен к ВМН, 29 марта — расстрел заменен на 10 лет тюремного заключения. 9 апреля 1924 — освобожден, выехал в Польшу, позднее — в Рим. 17 февраля 1926 — скончался в США (по другим сведениям, 17 марта); тело перевезено в Польшу и захоронено в кафедральном соборе Вильно.

ЦИКОТО Андрей, родился в 1891 в имении Туполицина Свентянского уезда. Учился в семинарии в Вильно, в 1917 — окончил духовную академию в Петрограде со званием доктора философии. В сентябре 1920 — вступил в орден мариан. Инициатором постройки монастыря в Друи Виленской губ., затем — его настоятель и благочинный; с 1933 — управляющий общиной отцов-мариан и генерал ордена, архимандрит. В конце 1930-х — направлен в Харбин руководителем миссии восточного обряда и директором лицея св. Николая.

22 декабря 1948 — вместе с группой священников арестован властями Китая, передан представителям органов МГБ СССР и вывезен для дальнейшего следствия в Читинскую тюрьму. 10 мая 1949 — приговорен к 25 годам ИТЛ и отправлен в Тайшетлаг. В 1950 — на предложение использовать его в провокационной церковной политике при условии полного послушания правительству ответил категорическим отказом. 13 февраля 1952 — скончался в лагерной больнице.

ЧАРНЕЦКИЙ Николай, родился в 1884 в селе Семаковцы Станиславовской губ. Окончил гимназию и духовную семинарию. 9 октября 1909 — рукоположен. Окончил Коллегию пропаганды веры в Риме со степенью доктора философии и богословия. Преподавал философию и догматическое богословие в духовной семинарии в Станиславе, там же духовник. С 1914 по 1916 — во время войны служил в госпиталях. 16 сентября 1919 — вступил в орден редемптористов восточного обряда, с 1919 — руководил образованием молодых миссионеров в ордене, вел миссионерскую работу в приходах епархии. 8 февраля 1931 — хиротонисан во епископа. Назначен апостольским визитатором восточного обряда для греко-католиков восточных районов Польши (кроме Галиции). Оставался во Львове во время советской и немецкой оккупации. 11 апреля 1945 — арестован по групповому делу католического духовенства и мирян. 3 марта 1946 — приговорен за *«антинародную деятельность»* к 10 годам ИТЛ и отправлен в Севураллаг, затем — в Печорлаг, позднее выслан в Сибирь. В 1956 — освобожден из ссылки, вернулся во Львов; запрещен властями в управлении епархией. 2 апреля 1959 — скончался.

ЧИШЕК (Липинский) Уолтер (Вальтер), родился в 1904 в Сенандоа (США). В 1928 — вступил в орден иезуитов. Окончил духовную семинарию, с 1934 — обучался в Коллегиуме «Руссикум» в Риме, в 1936 — был рукоположен. В ноябре 1938 — направлен Ватиканом помощником настоятеля монастыря иезуитов в Альбертине под Слонимом, а в 1939 — служил в приходе в Дубно. После раздела Польши прибыл к митрополиту Андрею Шептицкому во Львов, получил его благословение на тайное миссионерство, назначен заместителем экзарха Сибири. В марте 1940 — под чужой фа-

милией завербовался рабочим лесной промышленности и выехал на Урал. Поселился в Чусовой, где работал рабочим на биржи. 23 июня 1941 — арестован как агент Ватикана, отправлен в Москву и заключен во внутреннюю тюрьму НКВД. 23 сентября 1942 — приговорен к 15 годам каторжных работ; три года находился в Бутырской тюрьме. В 1945 — отправлен в ссылку на Урал; работал водителем самосвала; развил тайную миссионерскую деятельность. В 1946 — вновь арестован и приговорен к 10 годам ИТЛ. Отправлен в Норильлаг (в Дудинку), в феврале 1947 — переведен в Норильск, где работал на кирпичном заводе. 12 июня 1956 — из лагеря освобожден и отправлен в ссылку в Красноярский край, потом переведен в Абакан, откуда в 1963 — был освобожден в обмен на арестованных в США сотрудников ГРУ. Выхал в США, с 1963 — работал в Экуменическом центре Иоанна XXIII в Нью-Йорке. Написал книгу «23 года в СССР». В 1984 — скончался в Нью-Йорке.

ШАЛЕЙ Павел, родился в 1913 в Марселе (Франция). Окончил Коллегиум «Руссикум» при Григорианском университете в Риме, в 1933 — рукоположен в священники восточного обряда. С 1939 — преподавал этику и апологетику в колледже св. Николая в Харбине, организовал скаутскую организацию, был классным руководителем. Оставался там во время японской оккупации и после занятия его китайскими войсками. 22 декабря 1948 — вместе с группой священников арестован властями Китая, передан представителям органов МГБ СССР и вывезен для дальнейшего следствия в Читинскую тюрьму. 10 мая 1949 — приговорен к 25 годам ИТЛ и отправлен в Тайшетлаг (особый лагерь № 7). В 1956 — освобожден досрочно, вернулся во Францию, основал и руководил Ассоциацией сближения франко-русской молодежи «Aux Deux Ours»¹⁷⁷ в Париже; был широко известен среди молодежи как переводчик и пропагандист русской культуры. 22 сентября 1983 — скончался от гангрены ног.

ШУМЛЯНСКИЙ Афанасий Михайлович, родился в 1900-х. Православный священник, служил в приходах Украины, с началом массовых арестов прекратил официальное служение. В 1940-х — по разрешению митрополита Андрея Шептицкого продолжил служение. В 1944 — перешел в католичество в Одессе, помогал на служ-

¹⁷⁷У двух медведей".

бах псаломщиком в храме Св. Петра. Весной 1945 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

ЯВОРКА Венделин Михайлович, родился в 1882 в Ружембероке (Словакия). В 1906 — окончил философский факультет университета в Братиславе. 14 августа 1908 — вступил в орден иезуитов, до 1912 — работал воспитателем в гимназии в Калоче. В 1916 — окончил богословский факультет университета в Инсбруке (Австрия). 15 августа 1915 — рукоположен. Служил капелланом в австро-венгерской армии. С 1919 — после демобилизации стал ректором Педагогического института в Тырнавe, с 1924 — настоятель монастыря иезуитов в Братиславе, с 1926 — заместитель ректора, с 1929 — ректор Коллегиума «Руссикум». В 1934 — направлен в Харбин, с сентября стал миссионером русского католического прихода в Шанхае. С 1939 — вновь ректор «Руссикума»; с осени 1941 — настоятель греко-католического прихода в Черновцах. 12 июля 1945 — арестован, 12 ноября приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Темлаг. 9 января 1955 — освобожден досрочно по болезни и отправлен на поселение в Воркуту; в марте переведен в Потьму, затем в Абезь. В 1956 — освобожден и выехал в Словакию. Проживал в Цилине, где 24 марта 1956 — скончался.

Именной указатель

- Абакумов В. С. 144, 338
Абрантович Фабиан Иванович 11-17, 36, 425, 428
Аджубей А. И. 409
Аладжанян Петр 68, 351
Алексий (Симанский) 96, 147, 347, 363-65, 367, 369, 374-86
Алпестри-Леони Роза 45, 349-350
Альгис К. 294-295
Ампер А. 325
Андрей, "пророк" 308-312
Анискович Антоний Степанович 36
Бадольо Пьетро 78-79
Байокки Паскуале 59
Белоголовый Иосиф Матвеевич 13, 428
Берия Л. П. 39, 143-44, 338-40
Бойченко Емельян 28
Бойченко Ксения 28
Боровский Иосиф 18
Братко Николай 19
Браун Леопольд 9, 30, 173, 202, 231, 418
Брини 351-352
Бруно Дж. 135
Булганин Н. А. 374
Брежнев Л.И. 410
Бчанка 306, 325-27, 339
Будка Никита 363, 429
Ватт Дж. 325
Величковский Василий 248, 354, 429
Власов фон Вальденберг Виктор 37-38, 40
Вольт А. 325
Вуек-Коханский Владислав Станиславович 217, 219-20, 227, 233-39, 287, 426-27, 429-30
Гавриил 297
Гаврюшин 321, 323-324, 326
Гайсман 323
Галилей Г. 135
Гарibaldi Дж. 234
Гаспери де Альчиде 223
Гекель 351
Гельвегин Франц 24
Германович Иосиф 36-40, 430
Гитлер А. 61, 64, 96, 110, 112, 118-121, 147-48, 150, 311, 378, 391, 416
Глазер Марк 73, 80-81, 83, 99-100
Голубев 344, 347
Городко Стефан 294
Горький М. 183
Горячев Владимир 210-22, 228, 235
Гречишкин Павел 19
Григорий XIII 327-28
Григорович Герасим 28
Гульельмони 344
Давиденко 143
Данте А. 192, 224, 259
Де Бастиани 344
Дель Аква 352
Деревянко А. А. 340
Дзаватти А. 384
Ди Стефано 352
Дон Родриго 124
Дульбинский Казимир 360, 387, 430
Дюлорон 28
Ежов Н. И. 163
Ефимов 330
Жуков Г. 383
Заводской 330
Зиверт 349
Иван Федорович С. (см. Струковский)
Игнатов Н. Г. 338

- Иулий З. 295, 318-319, 337
 Калинин М. И. 93, 104-105
 Калинин 328-329
 Каллистрат 380
 Карпов Г. Г. 382
 Карсавин Лев Платонович 357
 Кассуло Андриас 81
 Кварони Пьетро 200-201
 Кельнер (Бринско) Ян Андреевич
 11, 17-19, 24, 42, 430-31
 Климент XV 317
 Ковальский Иосиф 278-79, 280
 Козловский Иван 403
 Колесников 324, 326
 Колесниченко 286-87
 Кондратович 368-369
 Коновалов 187
 Коперник Н. 135
 Коппини Манлио 73
 Костельник Гавриил 364, 366, 371-
 72
 Коциловский Иосафат 363, 431
 Краснов 332-33
 Круглов С. Н. 339, 363
 Кукурузинский Адольф
 Феликсович 357, 431
 Кулешир Петр 39
 Кулик Александр 19
 Кучинский Иосиф Антонович 245-
 46, 248, 256, 288-89, 298, 431-32
 Къеза Делла Мария 77
 Кьяпперо 59
 Лаберж Антуан 173, 202, 293, 315,
 357
 Лакота Григорий 293, 315, 357, 363,
 414, 432
 Ларин Сергей 113-17, 121-22, 143,
 173, 384-85
 Латишевский Станислав 363, 432
 Ледит Иосиф 34
 Ледоховский Владзимир 33
 Ленин В. И. 65, 88, 224, 234, 311
 Леони Джованни 45, 139
 Леони Пьетро Анджело 1-5, 11, 19,
 24, 27-34, 40, 45-427, 432-33
 Леонов 399
 Лещевич Антоний 36, 38, 40
 Лозинский М. 192
 Любчинский Феликс Николаевич
 9, 433
 Мадзони Алессандро 124, 293
 Малаев 332
 Маленков Г. М. 338, 340
 Маленков Иван Петрович 214
 Маркони Г. 224
 Маркс К. 88, 224
 Марчишин Петр 37-39, 40
 Масленников И. И. 340
 Матси Иоганн 356, 373-74
 Матулянис Теофилис Юрьевич
 357, 370, 433-34
 Мельник Г. 364, 366
 Меркулов 143-144
 Миклошюс 301-02
 Мильнер Иван 24
 Монтини Джованни 352
 Москва-Домбровский Георгий
 Иосифович 11, 19-24, 42, 434
 Муссолини Б. 78, 331, 419
 Найлович Казимир 11, 24, 36-40,
 435
 Никола Жан Мавритъевич 11, 26-32,
 81, 83, 93, 98, 101, 104, 113-14,
 124, 136, 153-55, 171, 173, 289-
 90, 403-405, 413-19, 422-26, 435
 Николай А. 304-306
 Николай II 135
 Николай (Ярушевич) 376, 378
 Новеллис ди Коарацце София 77
 Новиков (Маковский) Виктор
 Павлович 11, 19, 21-26, 34, 43,
 152, 413, 421-22, 435-36

- Ньютон И. 224
Ольо Делл' Паоло 356
Ольшер Иосиф 24
Ортутайя 357
Павлов И. П. 65, 224
Палтарокас Казимир 361
Пастер Л. 224
Паулюс Ф. 397
Пельвецкий Антоний Андреевич 364, 366
Пересыпкин (Радванский) Петр Григорьевич 238, 436
Петросов Александр 85
Петросова Станислава 85
Печковский Николай Константинович 171-72
Пигер Николай 30
Пий X 84
Пий XII 118-21, 147, 316-17
Пинторелло Арриго 59, 61
Подзвяо Томас 11, 24, 36-40, 436-37
Поликарп (Сикорский) 70
Пономарев 327-28, 342, 347
Порта Эммануэле 351
Портнягин Павел 11, 19, 36-40
Профитлих Эдуард Готлиб Маркусович 360, 437-38
Пьегер 81
Раманаускас Пранцишкус (Франциск) 357, 370, 438
Розенберг А. 64
Ромжа Теодор Георгиевич 18, 43, 367, 438
Саморэ 352
Свирский Владислав Казимирович 74, 439
Секки Анджело 135
Серафим Саровский 196-97
Сергий (Страгородский) 112-13, 115-16, 120
Симович Михаил 30
Скоретти Фернандо 201
Скорцени 331, 373
Слипий Иосиф Иванович 245, 298, 363, 439
Солженицын А. И. 410
Соловьев Владимир 385
Спрингович Антоний 360
Сталин И. В. 39, 65, 71-72, 77, 112, 115, 135, 140, 143, 145, 148, 150, 215, 219, 224, 234, 276, 310-11, 337, 339, 342, 364, 367, 374-77, 382, 385, 391, 398
Столыпин П. 175
Струковский Иван Федорович 297-298, 313, 439
Сураев Александр 212, 214, 218, 220-22, 228
Таппер Николай Петрович 361, 440
Тардини Доменико 28, 31, 136, 352
Татижева Люция 28, 31
Тиссеран Эжен-Габриэль 33
Тихон (Белавин) 70
Тихоцкий Евгений Сергеевич 190-191, 195
Тольятти П. 276-77
Тордини
Трумэн Гарри Э. 256
Угетти Данте 398-99
Федорович-Медан Мария Паскоровна 28
Филатов В. П. 65, 224
Флоран Мишель 9
Хахула Иосиф 30
Хомишин Григорий Лукич 363, 441
Хрущев Н. С. 355, 374, 409-10
Хрущев Петр Иванович 214
Цепляк Ян Гиацинтович 8, 441
Цикото Андрей 36-40, 441-42
Чарнецкий Николай 243-44, 363, 370, 442
Чекалл 343

- | | |
|--|--|
| Чернов 243-244, 363, 370, 442 | Шпанов 97 |
| Чишек (Липинский) Вальтер 11,
19, 21-26, 43, 152, 410-11, 421-
422, 442-43 | Шумлянский Афанасий
Михайлович 107-110, 443-44 |
| Шалей Павел 11, 36-40, 43, 443 | Шурман П. 73 |
| Швейгель Иосиф 34 | Эдисон Т. 325 |
| Шенборн Герберт 323 | Энгельс Ф. 224 |
| Шептицкий Андрей 12, 20, 22-
23, 25, 41, 71, 75, 107-108, 415,
418-19 | Яворка Венделин Михайлович 11,
24, 32-36, 41, 171, 173, 177-78,
181-87, 190-92, 202, 357, 397,
418, 444 |
| Шнайдер 303 | |
-

ООО «Издательство «Братонез»

127273, Москва, ул. Отрадная, д. 44

Подписано в печать 18.12.2011. Формат 60×84^{1/16}

Усл. печ. л. 28. Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с предоставленными
материалами в ГУП ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6